

63
B 748 ✓

ISSN 0042-8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

1

2002

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

1/2002 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Ю. Н. Жуков** — Репрессии и Конституция СССР 1936 года 3
- В. В. Поликарпов** — Стратегия процветания крупного бизнеса (к истории Путиловского общества) 27

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- М. Ц. Арзаканян** — Мишель Дебре 45

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- О. Р. Айрапетов** — Русская армия на сопках Маньчжурии 64

ПУБЛИКАЦИИ

- Л. Б. Красин.** Письма жене и детям. 1917—1926. Вступительная статья **Ю. Г. Фельштинского, Г. И. Чернявского** 83

СООБЩЕНИЯ

- А. Ф. Васильев** — Некоторые аспекты хода и последствий битвы под Москвой 99
- А. А. Костин** — Позиция США в отношении Югославии в январе — марте 1941 года 107
- В. В. Тевлина** — Социальная работа в России в конце XIX — начале XX века 116

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

- А. М. Ранчин, А. В. Лаушкин** — К вопросу о библеизмах в древнерусском летописании . . . 125

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Я. К. Духин** — Русское окружение Чокана Валиханова 138
- С. А. Солнцева** — Военнопленные в России в 1917 г. (март — октябрь) 143
- З. Сулаберидзе** — Обстоятельства заключения российско-грузинского трактата 1783 года . 149

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Б. С. Орлов** — Д. Хайнциг. Советский Союз и коммунистический Китай в 1945—1950 гг. Трудный путь к союзу 153
- А. В. Новиков** — Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. Вып. VII. 1901 год 156
- В. П. Суставов** — Персональная история . . . 158
- Н. А. Соболева** — Г. А. Леонтьева, П. А. Шорин, В. Б. Кобрин. Вспомогательные исторические дисциплины; Г. А. Леонтьева. Палеография, хронология, археография, геральдика . . . 160
- Д. О. Чураков** — О. И. Горелов. Цугцванг Михаила Томского. Штрихи к портрету 162
- Е. Ю. Зубкова** — Б. Пиетров-Эннкер. «Новые люди» России: развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции 164

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- А. В. Карасев, И. В. Чуркина и А. Л. Шемякин** — О статье Т. М. Исламова «Югославия: от объединения к разъединению» 167
- Е. Д. Потапов** — Изображение казни декабристов в «Воспоминаниях петербургского старожилы» 172

Репрессии и Конституция СССР 1936 года

Ю. Н. Жуков

Конституционная реформа второй половины 30-х годов до сих пор практически не привлекала внимания историков. За последние тридцать лет данной проблемы касались И. Б. Берхин и В. В. Кабанов. Однако в силу существовавшей на момент подготовки их работ ограниченности источниковой базы они смогли лишь проследить деятельность конституционной комиссии, да и то в общих чертах¹. В 1991 г. американский историк Д. Арч Гетти пришел к выводу о намерении Сталина провести первые выборы в Верховный Совет СССР как альтернативные, состязательные². Несколько позже отечественный исследователь О. В. Хлевнюк и американский — П. Соломон, анализируя события 1934—1936 годов, обратили внимание на весьма существенное обстоятельство. Целый ряд важных, откровенно либеральных по характеру политических решений, принятых именно тогда, когда шла подготовка текста новой конституции, обусловил значительное смягчение внутривластной обстановки. Потому-то оба исследователя назвали этот период «потеплением», «умиротворением», «возвращением к традиционному правовому строю»³.

Все названные авторы, однако, не рассматривали вопросы конституционной реформы. Между тем, уже выявленные ими и введенные в научный оборот данные, а также современная источниковая база позволяют более углубленно исследовать проблему. Прежде всего выяснить: случайно или нет совпали по времени с конституционной реформой массовые репрессии — ведь одновременно с ними и разрабатывался новый избирательный закон, проходили выборы в верховные советы СССР и союзных республик. Вместе с тем и установить истинную цель конституционной реформы.

25 июня 1934 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло два постановления, которые стали определяющими для внутренней политики СССР. Правда, из-за скупости сведений о них, они поначалу не привлекли к себе слишком большого внимания. Дело в том, что они лишь утверждали даты созывов и повестку дня очередных съездов Советов, XVI всероссийского и VII всесоюзного. Предусматривали также доклады «по конституционным вопросам»⁴. При такой формулировке речь в них могла идти о чем угодно, но скорее всего — о внесении в основной закон перечня только что образованных наркоматов, либо о чем-то похожем. Между тем настораживала весьма необычная процедура принятия этих решений, нарушавшая все существовавшие правила.

Жуков Юрий Николаевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

29 мая 1934 г. секретарь Президиума ЦИК СССР А. С. Енукидзе направил в политбюро письмо, в котором отмечалось, что «партгруппа ВКП(б) президиума ЦИК Союза ССР наметила созыв VII съезда Советов Союза ССР 15 января 1935 года и приняла следующий порядок дня: ...6. Конституционные вопросы». По поручению партгруппы Енукидзе просил обсудить этот вопрос на одном из заседаний политбюро. Двумя днями позже появилось еще одно аналогичное по содержанию обращение в политбюро. М. И. Калинин и секретарь партгруппы президиума ВЦИК Н. Новиков просили утвердить созыв съезда Советов республики 5 января 1935 г. и повестку дня, в которой шестым пунктом также значился «доклад об изменениях и дополнениях конституции РСФСР».

Почти месяц оба документа лежали «без движения», хотя рассмотреть их можно было уже 6 июня, на ближайшем протокольном заседании политбюро, либо раньше или чуть позже, ибо никаких сколько-нибудь существенных замечаний эти обращения не должны были вызывать. Однако решение последовало только 25 июня, накануне очередного заседания политбюро. Скорее всего, именно в тот день Сталин и внес в оба документа незначительные поправки: был вычеркнут второй пункт повестки дня (доклад о втором пятилетнем плане), а двум схожим по смыслу пятым пунктам придали единообразие — «доклад по конституционным вопросам». После этого заведующий особым сектором ЦК А. Н. Поскребышев зафиксировал, что решения приняты «без голосования», но в «опросе» почему-то приняли участие лишь два члена политбюро, В. Я. Чубарь и А. А. Андреев⁵. Только они, а отнюдь не Сталин, Каганович, Молотов, кто-либо иной. Как показали последующие события, такое необычное оформление решений вряд ли явилось результатом простой небрежности.

Полная идентичность обращений партгрупп президиумов ЦИК СССР и ВЦИК позволяет утверждать, что Енукидзе и Калинин готовили их вдвоем, тщательно согласуя содержание и последовательность докладов. Наверняка при прямом участии Сталина и, вполне возможно, тех, кому по должности следовало быть в курсе таких вопросов — главы правительства В. М. Молотова, второго секретаря ЦК Л. М. Кагановича. Так как подобная встреча, даже в узком составе, непременно должна была произойти до 29 мая, ее следует отнести к 10 мая. К тому дню, когда Енукидзе и Калинин во второй раз после 10 марта побывали в кремлевском кабинете Сталина, где присутствовали также Молотов, М. М. Литвинов, К. Е. Ворошилов, Г. К. Орджоникидзе, В. В. Куйбышев, А. А. Жданов, Г. Г. Ягода⁶.

Неоспоримые, хотя опять же косвенные, данные позволяют установить и иное. Подготовку доклада «по конституционным вопросам» поручили Енукидзе. Вызвано же это было, судя по всему, двумя обстоятельствами. Прежде всего тем, что он с дореволюционной поры, еще по подпольной работе являлся очень близким Сталину человеком. Мало того, никогда не принимал активного участия в политических баталиях, долгие годы сотрясавших партию, не участвовал ни в одной из оппозиций. С июля 1919 г. беспрерывно занимал пост секретаря сначала ВЦИК, а с образованием Советского Союза — ЦИК СССР. Безукоризненно исполнял весьма нелегкие обязанности, повседневно руководя высшим законодательным и исполнительным органом власти страны.

Кроме того, такое поручение, данное политически нейтральному Енукидзе, могло иметь и иное, не менее значимое основание. Стремясь максимально обезопасить себя от вполне возможной критики, от вероятных нападков со стороны бывших активных, наиболее известных участников оппозиции, Сталин попытался некоторых из них привлечь на свою сторону или хотя бы нейтрализовать, назначая на ответственные, но далеко не ключевые посты.

Для выполнения ответственного задания Енукидзе располагал достаточным временем: в его распоряжении было шесть месяцев. Однако, судя по всему, работа над «дополнениями и изменениями в конституции», которые предстояло утвердить в январе 1935 г., а также их обоснованием в виде доклада практически началась только в конце ноября или в начале декабря

1934 года. Прийти к такому выводу заставляет журнал «Посетителей кремлевского кабинета И. В. Сталина», зафиксировавший встречи Енукидзе и Сталина после четырехмесячного перерыва 1, 4 и 5 декабря⁷, за месяц до открытия XVI Всероссийского съезда Советов.

О ходе предварительного обсуждения Сталиным и Енукидзе сути и этапов конституционной реформы мы можем судить на основании сохранившихся трех документов, которые объясняют, почему в повестке дня открывшегося не 5 января 1935 г., как намечалось, а десятью днями позже XVI съезда Советов РСФСР оказалось только четыре доклада, а пятый, по конституционным вопросам, заявленный 15 января, который должен был делать секретарь ВЦИК А. С. Киселев, так и не был произнесен. Раскрывают три документа и открытое расхождение между Енукидзе и Сталиным по вопросу о коренном изменении избирательной системы.

С опозданием по меньшей мере на неделю, 10 января 1935 г., Енукидзе завершил работу над теми предложениями, которые должны были лечь в основу докладов на всероссийском и всесоюзном съездах Советов. «Основываясь на Ваших указаниях, — писал он Сталину, — о своевременности перехода к прямым выборам органов советской власти (от райисполкомов до ЦИК СССР), представляю на обсуждение ЦК следующую записку об изменениях порядка выборов органов власти Союза ССР и союзных республик». А далее пространно, на восьми страницах он излагал то, что сам сумел кратко выразить во втором документе — проекте постановления VII съезда Советов СССР.

«Установленный Конституцией 1918 года и действующей до настоящего времени порядок многостепенных выборов местных исполкомов, ЦИК'ов союзных и автономных республик и ЦИК СССР был вызван необходимостью подавления сопротивляющихся советской власти буржуазно-помещичьих классов, вооруженной борьбой с ними рабочих и беднейших слоев крестьянства при малочисленности в те годы по сравнению с крестьянством ведущего революционного класса — пролетариата, распыленностью и отсталостью крестьянских масс и преобладанием в хозяйстве нашей страны капиталистического уклада. В настоящее время социалистический уклад является безраздельно господствующим. Коллективизированное более чем на 75% крестьянство... превратилось в многомиллионную организованную массу...

Учитывая все эти изменения и в целях дальнейшего непосредственного приближения органов власти к массам трудящихся на основе все более полного осуществления ими советского демократизма на практике, VII съезд Советов Союза ССР постановляет:

1. Признать целесообразным и своевременным переход к выборам районных, областных и краевых исполкомов, ЦИК'ов союзных и автономных республик и ЦИК'а Союза ССР прямым и открытым голосованием избирателей непосредственно на избирательных собраниях, на которых избираются члены городских и сельских советов, с установлением одинаковых норм представительства для городского и сельского населения»⁸.

Заслуживает особого внимания начало пояснительной записки. Оно подтверждает ранее высказанное предположение о том, что именно Енукидзе была поручена разработка дополнений и изменений, утверждения которых Сталин хотел добиться, как свидетельствуют факты, уже в январе 1935 года. Столь же примечательна и формулировка названия проекта постановления. Несомненно предложенная Сталиным, она гораздо шире той, что предлагал Енукидзе — введение прямых выборов, а также изложенного им как бы между прочим, о равных правах городского и сельского населения или рабочих и крестьян, что фактически вело к отказу от диктатуры пролетариата. Наконец, весьма значима еще одна деталь объяснительной записки: предложение вынести ее на обсуждение пленума ЦК. При действовавшей и хорошо известной Енукидзе процедуре это могло затянуть решение вопроса и даже привести к отказу от конституционной реформы или весьма серьезному корректированию ее.

Правка Сталиным проекта постановления дает основание предположить, что Енукидзе не полностью выполнил данное ему поручение, заменил

дважды использованное слово «открытые» (выборы) на «тайные». Следовательно, на первом этапе реформы он стремился полностью отказаться от советской избирательной системы, достоинства которой пропагандировались более 16 лет, и перейти к иной, уничтожительно называвшейся буржуазно-демократической. В связи с этим уже 14 января (вполне возможно, что и на день-два ранее) Сталин перепоручил подготовку проекта постановления ЦИК СССР и его обоснование Молотову. Когда же удостоверился, что Молотов выполнил то, что требовалось, воспользовался переносом даты открытия съезда Советов СССР сначала на десять дней, а затем еще на три — в связи со скоростной кончиной Куйбышева. 25 января Сталин направил членам и кандидатам в члены политбюро, а также Енукидзе и Жданову письмо, раскрывающее его замысел. «По-моему, — отмечал он, — дело с Конституцией Союза ССР обстоит куда сложнее, чем это может показаться на первый взгляд. Во-первых, систему выборов надо менять не только в смысле уничтожения ее многостепенности. Ее надо менять еще в смысле замены открытого голосования закрытым (тайным) голосованием. Мы можем и должны пойти в этом деле до конца, не останавливаясь на полдороге». И предложил в ближайшие дни собрать пленум, чтобы «принять решение о необходимых изменениях в Конституции Союза ССР», а на самом съезде поручить Молотову выступить с мотивированным предложением об одобрении такого решения ЦК. Кроме того, Сталин рекомендовал «поручить ЦИК Союза ССР создать конституционную комиссию для выработки соответствующих поправок к конституции с тем, чтобы одна из сессий ЦИК Союза ССР утвердила исправленный текст конституции, а будущие выборы органов власти производились на основе новой избирательной системы»⁹. Как считал Сталин, новая избирательная система должна была быть принята не позднее осени 1936 года.

Сталину удалось настоять на своем. Через два дня после открытия съезда, когда Молотов уже заявил о необходимости внести изменения в конституцию, 30 января политбюро опросом приняло нужное решение, а пленум ЦК, собранный 1 февраля 1935 г., своей резолюцией повторил слово в слово все предложенное Сталиным, а именно изменить конституцию «в направлении: а) дальнейшей демократизации избирательной системы в смысле замены не вполне равных выборов равными, многостепенных — прямыми, открытыми — закрытыми; б) уточнения социально-экономической основы конституции в смысле приведения конституции в соответствие с нынешним соотношением классовых сил в СССР»¹⁰. Доклад об этом предстояло сделать Молотову.

5 февраля с докладом о поправках и изменениях в конституции выступил Енукидзе, а на следующий день — Молотов. Как предусматривали записка Сталина и резолюция ЦК, Молотов проанализировал обе выдвинутые проблемы. Сначала он дал оценку классовых сил в стране, которые вынуждали изменить конституцию, а затем перешел к собственно изменениям, названным предельно четко — «демократизацией советской избирательной системы». И, наконец, заявил о следующем: «Единственное ограничение советская конституция устанавливает для эксплуататорских элементов и для наиболее враждебных трудящимся прислужников старого строя (бывшие полицейские, жандармы, попы и т. п.)». Затем он напомнил, что еще в 1931 г. ЦИК СССР установил порядок возвращения избирательных прав лишенным их, благодаря чему число лишенцев сократилось до немногим более 2 миллионов человек, или 2,5% от общей численности взрослого населения страны, и добавил: «В Советском Союзе открыта дорога к полноценной жизни для всех честных тружеников и круг лишенцев все более сокращается. Мы идем к полной отмене всех ограничений в выборах в советы, введенных в свое время «в качестве временных мер».

Только затем Молотов обосновал изменение избирательной системы, заметив, что тайные выборы, против чего выказался Енукидзе, прежде всего «ударят со всей силой по бюрократическим элементам и будут для них полезной встряской». Завершил же доклад словами, прямо повторившими высказанное Сталиным год назад, на XVII съезде ВКП(б), о парламен-

таризме: «Мы получаем таким образом дальнейшее развитие советской системы в виде соединения непосредственно выбранных местных советов с непосредственными же выборами своего рода советских парламентов в республиках и общесоюзного советского парламента»¹¹.

VII съезд Советов СССР единогласно, как и пленум, без каких-либо замечаний или поправок принял постановление, сформулированное Сталиным 25 января: о внесении в конституцию СССР изменений и о необходимости «ближайшие очередные выборы органов советской власти в Союзе ССР провести на основе новой избирательной системы»¹². Делегаты съезда не случайно, видимо, не захотели даже обсуждать постановление об изменении Конституции. Сообщения, опубликованные всеми газетами страны 18 января «О приговоре военной коллегии Верховного суда по делу Зиновьева Г. Е., Евдокимова Е. Г., Гертик А. М. и других», а также «В народном комиссариате внутренних дел СССР», информировавшем об осуждении 78 видных сторонников Зиновьева, убедительно продемонстрировали, что ожидает несогласных с новым политическим курсом.

Предусмотренную постановлением VII съезда Советов СССР конституционную комиссию сформировали сразу же, 7 февраля, при открытии первой сессии ЦИК Союза ССР седьмого созыва. Включили в нее тридцать одного члена ЦИК, представлявших три группы широкого руководства страны: сопредседателей ЦИК СССР — Н. Айтакова, М. И. Калинина, Г. Мусабекова, Г. И. Петровского, А. Р. Рахимбаева, Ф. Ходжаева, А. Г. Червякова, а также А. С. Енукидзе и ответственного редактора «Известий» Н. И. Бухарина; председателей союзного и республиканских совнаркомов — В. М. Молотова, П. П. Любченко, Н. М. Голодеда, Д. Е. Сулимова, зампреда СНК СССР В. Я. Чубаря, наркомов А. С. Бубнова, К. Е. Ворошилова, Л. М. Кагановича, Н. В. Крыленко, М. М. Литвинова, А. М. Микояна, прокурора СССР И. А. Акулова, его заместителя А. Я. Вышинского, зампреда Верховного суда СССР П. А. Красикова; партийных работников — Сталина, А. А. Жданова, избранного на пленуме ЦК 1 февраля 1935 г. кандидатом в члены политбюро, ответственного редактора «Правды» Л. З. Мехлиса, заведующего Бюро международной информации ЦК ВКП(б) К. Б. Радека, председателя ЦК МОПР СССР Е. Д. Стасову, 1-го секретаря ЦК компартии Узбекистана А. И. Икрамова, 1-го секретаря Бурят-Монгольского обкома партии М. Н. Ербанова.

Сразу же после этого узкое руководство перенесло усилия в совершенно иную область. На основе предложений, внесенных в политбюро новым прокурором СССР Вышинским, сменившим Акулова, была предпринята попытка подвергнуть критике деятельность НКВД и несколько ограничить его права, определенные менее года назад. В записке от 13 мая Вышинский предложил пересмотреть законность акции НКВД по «очистке Ленинграда от социально чуждых элементов», проведенной в марте 1935 г. в связи с убийством 1 декабря 1934 г. С. М. Кирова и приведшей к высылке 11702 человек подчеркнув при этом, что проверка «выявила ряд грубейших ошибок и просчетов», заставивших прокуратуру уже на 1 мая отменить 13,4% такого рода решений ленинградского УНКВД¹³.

Неделей ранее политбюро получило от Вышинского проект постановления «О порядке производства арестов», утвержденного только 17 июня. Им устанавливалось, что аресты по всем без исключения делам органы НКВД впредь могут производить лишь с согласия соответствующего прокурора. Помимо этого, для ареста членов ЦИК'ов СССР и союзных республик, руководящих работников наркоматов всех уровней, директоров и заместителей директоров заводов и совхозов, инженеров, агрономов, врачей, профессуры, руководителей учебных и научно-исследовательских учреждений требовалась не только санкция прокурора, но и согласие соответствующего наркома¹⁴.

По предложению Вышинского 26 июля политбюро утвердило еще одно важное решение — «О снятии судимости с колхозников», призванное создать юридическую базу, позволяющую ликвидировать лишенцев, сделав возможным осуществление пока еще части того, о чем заявил Молотов —

возвратить избирательные права тем, кто был их лишен по суду. В соответствии с новым актом, официально ЦИК и СНК СССР, предписывалось «снять судимость с колхозников, осужденных к лишению свободы на сроки не свыше 5 лет, либо к иным, более мягким мерам наказания и отбывшим данные им наказания или досрочно освобожденных до издания настоящего постановления, если они в настоящее время добросовестно и честно работают в колхозах, хотя бы они в момент совершения преступления были единоличниками»¹⁵. В результате за первые семь месяцев, к 1 марта 1936 г., с 768989 человек сняли как судимость, так и сопровождавшее ее временное поражение в правах, лишавшее их возможности пять лет участвовать в выборах¹⁶.

По решению конституционной комиссии подкомиссии должны были подготовить свои предложения в двухмесячный срок, то есть к середине сентября. На деле первые наброски статей новой конституции начали поступать лишь полтора месяца спустя после назначенного срока. Задержка объяснялась выявившимися серьезными расхождениями о допустимых пределах отступлений от конституций 1918 и 1924 годов. Так, Крыленко резко выступил против разделения власти, а также выборности судей (последнее предложил Вышинский, видимо, после предварительной консультации со Сталиным). Члены правовой подкомиссии сошлись на компромиссе — сохранить выборность судей только низшей инстанции, народных. Бухарин со своей стороны настойчиво требовал не предоставлять избирательные права всем без исключения гражданам, к чему призывал Молотов на VII Всесоюзном съезде Советов, но вместе с тем согласился на замену советской избирательной единицы — производственной на свойственную буржуазным странам территориальную¹⁷.

Так обнаружилось, что уже на начальном этапе переработки конституции обозначились принципиальные разногласия между Сталиным и видными в прошлом ортодоксальными партийными деятелями, отказывающимися поступиться своими принципами. Видимо, потому-то Сталин перенес дальнейшую подготовку нового основного закона лишь тем, кому он мог полностью доверять. Уже входившему в подкомиссию по общим вопросам А. И. Стецкому — заведующему отделом культуры и пропаганды ЦК, по экономическому — Я. А. Яковлеву, заведующему сельхозотделом ЦК, а также Б. М. Талю — первому заместителю Стецкого, до того момента не входившему в какую-либо подкомиссию.

Вряд ли данный выбор оказался случайным, сделанным в последнюю минуту. Скорее всего неблагоприятный вариант развития событий Сталин, задумывая конституционную реформу, полностью не исключал. А раз так, то ему следовало готовиться к нему и вполне возможно, именно такой расчет и лег в основу решения политбюро от 25 мая 1935 г. о разделе культпропа на пять самостоятельных отделов — партийной пропаганды и агитации (Стецкий); печати и издательств (Таль); культурно-просветительской работы (А. С. Щербаков); школ (В. М. Волин); науки, научно-технических изобретений и открытий (К. Я. Бауман по совместительству)¹⁸. Тем самым, Стецкого и Теля избавляли от значительной части обязанностей, позволяя при необходимости и без ущерба для дела надолго сосредоточиться на иных, срочных проблемах. Яковлева включили в эту группу как надежного соратника Сталина и знающего сельское хозяйство администратора, а также редактора (с 1923 по 1929 год) созданных им популярных, с огромными по тем временам тиражами, газет — «Крестьянской газеты» и «Беднота».

В феврале 1936 г. Стецкому, Талю и Яковлеву удалось создать «черновой набросок», который вполне устраивал Сталина. Он включал в себя все те основополагающие разделы и статьи, на которых настаивал Сталин и которые вскоре практически без изменений вошли в утвержденную новую Конституцию СССР: система выборов; предоставление избирательных прав всем гражданам страны; разделение власти на две самостоятельных ветви — законодательную, Верховный Совет, и образуемый им Совраком, власть исполнительную; выборность народных судей; ликвидация ЗСФСР

и вхождение Азербайджана, Армении, Грузии непосредственно в Союз; переименование советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в советы депутатов трудящихся. Только получив «черновой вариант», Сталин окончательно уверовал в успех своего начинания, почему и позволил себе открыто заявить о самой значительной, призванной полностью изменить всю политическую жизнь Советского Союза грядущей перемене.

5 марта 1936 г. «Правда» опубликовала запись беседы Сталина с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард ньюспейперс» Роем Говардом, в ходе которой американский журналист задал вопрос о том, насколько новая конституция, новая избирательная система может «изменить положение в СССР, поскольку на выборах по-прежнему будет выступать только одна партия». Отвечая Сталин сказал: «...Вас смущает, что на этих выборах будет выступать только одна партия. Вы не видите, какая может быть в этих условиях избирательная борьба. Очевидно, избирательные списки на выборах будет выставлять не только коммунистическая партия, но и всевозможные общественные организации. А таких у нас сотни... Вам кажется, что не будет избирательной борьбы. Но она будет, и я предвижу весьма оживленную избирательную борьбу... Миллионы избирателей будут подходить к кандидатам, отбрасывая негодных, вычеркивая их из списков, выдвигая лучших и выставляя их кандидатуры. Да, избирательная борьба будет оживленной, она будет протекать вокруг множества острейших вопросов, главным образом вопросов практических, имеющих первостепенное значение для народа. Наша новая избирательная система подтянет все учреждения и организации, заставит их улучшить свою работу. Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти»¹⁹.

Так Сталин раскрыл суть конституционной реформы. Как оказалось, ради мирной, бескровной — в ходе предвыборной борьбы, в ходе альтернативных, состязательных выборов, — смены власти.

В середине апреля Сталин вернулся к работе над текстом конституции. Вместе с Молотовым 22 апреля он закончил редактировать «черновой набросок», уточнив формулировки ряда статей и окончательно согласовав их между собой, после чего передал его в редакционную подкомиссию. Последняя, не внося в текст никаких изменений или дополнений, 28 апреля утвердила его, назвав «первоначальным проектом». 15 мая конституционная комиссия согласилась с представленным документом и единогласно «постановила вынести его на рассмотрение ближайшей сессии» ЦИК СССР. Тогда же комиссия избрала Яковлева секретарем вместо Акулова²⁰.

Через две недели, 1 июня 1936 г., открылся очередной пленум ЦК ВКП(б). Открылся докладом Сталина «Конституция Союза Советских Социалистических Республик». Он остановился на пяти проблемах: изменениях в области экономики, классово-структурной, взаимоотношений народов СССР, изменениях в условиях работы высших органов власти и управления, внутреннем и международном значении новой конституции. После перерыва в заключительном слове Сталин остановился на сроках утверждения конституции:

«Сталин: ...Видимо, дело пойдет так, что, скажем, ко второй половине июня президиум ЦИК СССР соберется и одобрит в основном проект конституции или не одобрит — это его дело. И если одобрит, то примет решение насчет того, чтобы созвать съезд Советов для рассмотрения проекта конституции. Ну, скажем, в ноябре, раньше ноября едва ли целесообразно».

Голоса: Правильно.

Сталин: В начале ноября или в середине ноября.

Голос: В середине ноября.

Сталин: Президиум имеет право передать рассмотрение проекта конституции более высшему органу, чем сессия ЦИК. А коль скоро это решится, то скоро будет опубликован проект конституции. Значит, для обсуждения в прессе проекта конституции у нас будет июль, август, сентябрь, октябрь — четыре месяца. Люди могут обсудить, рассмотреть

проект, обмозговать его с тем, чтобы на съезде Советов в середине ноября принять или не принять его. Для того, чтобы не получилось такого положения, что в ноябре у нас будет Верховный Совет СССР вместо ЦИК, а в союзных республиках будут по-старому существовать ЦИК'и, и чтобы этого неудобства не случилось, чтобы на долгое время оно не продлилось, придется дело поставить так, чтобы немедленно взялись за выработку своих конституций применительно к нашему проекту конституции, а также за выработку конституций автономных республик с тем, чтобы после Всесоюзного съезда Советов, скажем, через месяц созвать свои республиканские съезды и там уже иметь готовые республиканские проекты для обсуждения и утверждения. На этих же съездах нужно создать свои верховные органы, республиканские Верховные Советы. Это для того, чтобы не получилось большого интервала между созданием Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных и автономных республик...

Голос: Товарищ Сталин, выборы пока что по-старому проводим?

Сталин: Очевидно, да.

Любченко: Нельзя ли созвать Всесоюзный съезд не в середине ноября, а первого декабря, тогда вторая половина ноября пойдет на выборы.

Молотов: Предлагаю окончательно закончить выработку проектов республиканских конституций к сентябрю.

Сталин: В середине сентября (реплика вычеркнута).

Петровский: Не позже десятого (реплика вычеркнута).»

А перед тем Молотов изложил проект решения пленума, содержавший три пункта. Одобрить в основном проект конституции СССР; «ввиду особой важности вопроса считать целесообразным созыв Всесоюзного съезда Советов для рассмотрения проекта конституции СССР»; «предложить руководящим центрам» одиннадцати республик (включая Казахстан и Киргизию) «приступить к выработке проектов своих конституций... применительно к проекту конституции СССР»²¹.

Необычная из-за своей безликости, аморфности оппозиционность вскоре получила продолжение. 11 июня президиум ЦИК СССР в соответствии с требованием пленума принял постановление, одобрявшее проект конституции и назначившее созыв Всесоюзного съезда Советов на 25 ноября, а не на начало или середину месяца, чего настойчиво добивался Сталин. На следующий день все газеты страны опубликовали проект нового основного закона, а 14 июня в них появилась и предусмотренная рубрика «Всенародное обсуждение проекта конституции СССР», под которой начали помещать письма граждан. Рабочих, крестьян, инженеров, врачей, учителей... Кого угодно, но только не членов широкого партийного руководства. Исключением стали статьи в «Правде» всего лишь двух первых секретарей крайкомов, Закавказского — Л. П. Бери, и Сталинградского — И. М. Варейкиса. Кроме них из видных партийных и государственных деятелей страны откликнулись в «Правде» лишь те, кто участвовал в подготовке проекта: Молотов, Калинин, Крыленко, Вышинский, Стецкий, Радек. Но не высказали мнение о новой конституции Орджоникидзе, Микоян, А. П. Розенгольд, выступавшие в те дни на заседаниях советов при НКТП, НКпищпроме, Наркомвнешторге. Первые секретари компартий Белоруссии Н. Ф. Гикало и Армении А. Ханджян ушли от обсуждения, дав в «Правду» экономико-географические очерки о своих республиках, а Н. С. Хрущев, первый секретарь МК, нашел, что наиважнейшей темой дня является подписанная его именем статья «Как мы организовали Дом пионеров и детские парки». Тогда же первый секретарь донецкого обкома С. А. Саркисов обратился к проблеме технологии добычи угля, а нарком просвещения РСФСР Бубнов задним числом — только после соответствующего постановления ЦК, подготовленного Ждановым, — обрушился с критикой на сторонников педологии, которую он еще недавно открыто поддерживал.

Складывалась парадоксальная ситуация. С одной стороны, все члены ЦК дружно, единогласно проголосовали за проект конституции, но с другой никто из них не выступил открыто в ее поддержку, пропагандируя достоинства демократии и парламентаризма по-советски, разъясняя их

населению страны, неискушенному в знании, понимании обретенных прав. Разумеется, окружение Сталина, к которому безусловно можно отнести членов политбюро Молотова, Кагановича, Ворошилова, Калинина, членов ЦК Вышинского, Литвинова, Стецкого, а также Таля, должно было оценить положение, в котором оказалось. Оценить и выработать ответные меры — в соответствии с навязанными им правилами игры.

Всю первую половину 1936 г. Сталин и его окружение проводили своеобразную внутреннюю политику, сохраняя, но в латентной форме и в минимальных масштабах, жесткое отношение к бывшим активным сторонникам Троцкого и Зиновьева. В январе с арестом немецкого политэмигранта, преподавателя Горьковского педагогического института В. П. Ольберга и обвинения в контрреволюционной и террористической деятельности более ста человек из Горького, Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, началась волна репрессий. 9 февраля первый заместитель наркома внутренних дел Г. Е. Прокофьев подписал директиву НКВД, констатирующую «возросшую активность троцкистско-зиновьевского подполья». Эта директива, порожденная январской акцией, послужила, вместе с тем поводом для ареста пятисот человек. Только 31 марта политбюро дало поручение Ягоде и Вышинскому «представить список лиц, подлежащих суду по закону от 1 декабря 1934 года». Под «лицами» имелись в виду троцкисты. Продолжая эту тактику, 4 апреля политбюро санкционировало возбуждение «дела вредителей Кузбассугля и Кузнецкого отделения Томской железной дороги», а 20 мая приняло решение по записке Ягоды от 25 марта, признав необходимым немедленную высылку троцкистов в отдаленные лагеря на срок от 3 до 5 лет²².

И все же в то время Сталин отнюдь не намеревался обрушить всю мощь карательных органов против своих противников. На том же июньском пленуме неожиданно для его участников — его доклад не был предусмотрен политбюро, утвердившим 13 мая повестку дня и перенесшим дату созыва с 5 на 1 июня²³ — выступил председатель КПК Н. И. Ежов с отчетом «О ходе обмена партийных документов». Начав с итогов, он сообщил: «при проверке партдокументов мы исключили свыше 200 тысяч коммунистов». Последовала реплика Сталина:

«Очень много.

Ежов: Да, очень много. Я об этом скажу. Сколько у нас есть апелляций, сколько мы вероятно восстановим в результате апелляций, но свыше 200 тысяч мы имеем исключенных.

Сталин: Если исключить 30 тысяч..., а 600 бывших троцкистов и зиновьевцев тоже исключить, больше выиграли бы».

В прениях по докладу Сталин вновь заговорил о мягкосердечии. «Нельзя ли, — сказал он, — некоторых из тех, которые апеллируют, восстановить как кандидатов?.. Почему нельзя было бы часть апеллирующих, поскольку их невозможно по имеющимся материалам, восстановить полностью как членов партии, восстановить их в качестве кандидатов в члены партии? Почему этого нельзя сделать?»²⁴.

Не предавая огласке шедшие аресты троцкистов и зиновьевцев, не проводя ни одного нового открытого политического процесса, Сталин весьма активно и результативно продолжал борьбу с оппозицией, одновременно пытаясь как-либо смягчить последствия прошлых репрессивных мер. 15 января политбюро по предложению Вышинского от 11 декабря своим решением поручило Верховному суду, Прокуратуре и НКВД СССР создать региональные комиссии для «проверки правильности применения постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года». То есть того самого указа «об охране социалистической собственности», который обрушился в основном на сотни тысяч крестьян. Политбюро потребовало также возбудить ходатайства о смягчении наказания или о досрочном освобождении осужденных. За шесть последующих месяцев комиссии рассмотрели 115 тысяч дел, 91 тысячу из них признали «неправильными» и освободили от наказания свыше 37 тысяч человек²⁵.

8 мая политбюро, вновь по инициативе Вышинского, потребовало от прокуроров Северо-Кавказского края, Ленинградской и Ивановской

областей «принять необходимые меры» для ускорения снятия судимости с отбывших наказание колхозников. Объяснялось это тем, что если в целом по Союзу отказы при пересмотре дел составили 5 процентов, то в указанных регионах — 21,7, около 20 и 12,2 процента соответственно ²⁶.

Большой эффект произвели также другие решения политбюро, в частности, принятое по предложению Ворошилова от 20 апреля и опубликованное на следующий день как постановление ЦИК СССР — «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА». «Учитывая преданность казачества советской власти, — отмечалось в нем, — а также стремление широких масс советского казачества наравне со всеми трудящимися Советского Союза активным образом включиться в дело обороны страны,.. отменить для казачества все ранее существовавшие ограничения в отношении их службы» в РККА. Тем же решением восстанавливались казачьи части с их старой традиционной формой — цветными околышами фуражек и лампасами, папахами, кубанками и бешметами. 10 территориальная кавказская дивизия становилась 10 Терско-Ставропольской казачьей, 12 кавказская — 12 Кубанской казачьей, началось формирование 4 и 13 донских и 6 Кубано-Терской казачьих дивизий ²⁷.

Своеобразная массовая реабилитация не ограничилась лишь крестьянством и казачеством. Еще в декабре 1935 г. от имени ЦИК СССР были отменены все «установленные при допущении к испытаниям и при приеме в высшие учебные заведения и техникумы ограничения, связанные с социальным происхождением» ²⁸. Три месяца спустя, 4 апреля 1936 г., политбюро приняло решение, означавшее полный отказ от господствовавшей в годы первой пятилетки махаевщины, выразившейся в наиболее одиозных процессах того времени, дискредитировавших всю интеллигенцию. Л. К. Рамзина, В. А. Ларичева, В. И. Огнева и других известных инженеров, осужденных на десять лет по делу «Промпартии», не просто вдруг помиловали, но и «восстановили их во всех политических и гражданских правах». Опубликованное на следующий день как постановление президиума ЦИК СССР, оно стало весомой пропагандистской акцией, призванной повлиять на настроения технической интеллигенции.

Тогда же политбюро приняло еще два, внесенных Сталиным и Молотовым, решения, касавшихся, правда, предельно ограниченного круга лиц — «социально-чуждых элементов», высланных в начале 1935 г. из Ленинграда. 28 февраля НКВД и Прокуратуру СССР обязали пересмотреть постановления областного управления наркомата внутренних дел «в отношении учащих высших учебных заведений или занимающихся самостоятельным общественно-полезным трудом,.. лично ничем не опороченных», отменить им высылку «и разрешить свободное проживание на всей территории Союза ССР». А 23 июля по предложению Вышинского, Сталина и Молотова политбюро признало необходимым «лиц, высланных из Ленинграда, но не виновных в конкретных преступлениях, на время высылки не лишать избирательных прав и права на пенсию» ²⁹.

Всеми этими решениями и постановлениями Сталин стремился к главной своей цели: принципиально изменить массовую базу избирателей. Загодя, еще до принятия новой конституции и основанного на ней избирательного закона, он хотел предельно расширить круг лиц, кому вернули гражданские права, отбывавшиеся начиная с 1918 года. Продолжая одновременно репрессии по отношению к «врагам» партии и государства.

Опираясь на подготовленный Ягодой и Вышинским список подлежащих аресту 82 троцкистов, подозреваемых в терроризме, политбюро в июне дало поручение НКВД подготовить процесс над троцкистами и зиновьевцами. В соответствии со сложившейся традицией его предварили закрытым письмом ЦК «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока» ³⁰.

О нескрываемой, даже нарочитой искусственности первого из открытых «московских» процессов, проходившего с 19 по 24 августа 1936 г., свидетельствовал пестрый состав шестнадцати подсудимых. Ими оказались зиновьевцы — сам Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Г. Е. Евдокимов,

И. П. Бакаев, уже второй год отбывавшие срок заключения и троцкисты — С. В. Мрачковский, И. Н. Смирнов, еще в 1933 г. осужденные на пять лет, В. А. Тер-Ваганян, в мае 1935 г. высланный в Казахстан. Вторую группу подсудимых составляли арестованные за месяц или два до процесса бывшие оппозиционеры — Е. А. Дрейцер, И. Н. Рейнгольд, Р. В. Пикель, Э. С. Гольцман. Наконец, в третью входили никому не известные политэмигранты — бывшие члены компартии Германии, чье присутствие на скамье подсудимых призвано было подтвердить связи Троцкого с его единомышленниками в Советском Союзе.

Такой подбор подсудимых, представших на августовском процессе, призван был продемонстрировать советскому народу ту «жалкую роль», к которой «скатились» те, кто всего десять лет назад возглавлял партию и страну. Продемонстрировать, кроме того, партократии, отвергшей предложение Сталина на пленуме, чего следует ожидать и им в случае дальнейшей конфронтации. Наконец, процесс должен был показать Западу: Кремль полностью отказался от ориентации на мировую революцию. Именно потому и приговорен к высшей мере наказания Зиновьев — совсем недавно глава Коминтерна, олицетворявший в глазах Запада «руку Москвы», «организатор» в 1926 г. всеобщей забастовки в Великобритании.

И все же августовский процесс 16-ти выглядел слишком символической акцией. Страшной, но всего лишь безадресной угрозой всем, а потому никому. Ведь и Зиновьев, и Каменев, и Евдокимов, и Бакаев, несмотря на свою известность, даже популярность в определенных партийных кругах, давно выпали из политической жизни. Главной же целью задуманной акции оставалось прямое воздействие на членов ЦК, делегатов предстоящего Всесоюзного съезда Советов. Потому-то Сталин решил нанести еще один удар, более действенный. По тем, кто в прошлом играл значительную роль в оппозиции, преимущественно троцкистской, а ныне занимал ответственные посты.

С 26 июля по 16 сентября, то есть на фоне августовского процесса и сопровождавшей его шумной пропагандистской кампании, тихо, без огласки арестовали — по показаниям Зиновьева! — первого заместителя наркома тяжелой промышленности Г. Л. Пятакова, заместителя наркома лесной промышленности Г. Я. Сокольников, замначальника Цудортранс'а Л. П. Серебрякова, заведующего Бюро международной информации ЦК К. Б. Радека, заместителей командующих войсками военных округов, Ленинградского — В. М. Примакова, Харьковского — С. А. Туровского, военного атташе в Великобритании В. К. Путну, заместителя наркома путей сообщения Я. А. Лившица, начальника Главхимпрома НКТП С. А. Ратайчака, первого секретаря ЦК компартии Армении Ханджяна, а также других, в том числе и восстановленных в партии всего год назад Л. С. Сосновского, сотрудника «Известий», Н. А. Угланова, хоть и прощенного, но оставленного на скромной должности в Тобольске.

Все они оказались своеобразными заложниками. Их, как то было четыре-пять лет назад, могли после допросов вскоре освободить, понизив в должности, выведя из ЦК и ЦИК СССР. Но могли и сделать подсудимыми ближайшего открытого процесса — всего лишь в зависимости от обстоятельств, от дальнейшего развития событий. Трезво оценить такое положение сумел лишь М. П. Томский, директор крупнейшего издательства страны, ОГИЗ'а. Он понял, какая участь рано или поздно ждет его, а потому 21 августа на партсобрании издательства покаялся в своих «преступных связях» с осужденными по процессу 16-ти, а следующим утром на даче в Болшеве покончил жизнь самоубийством³¹.

Как уже не раз происходило за последние полтора года, процесс и связанные с ним очередные аресты, имевшие чисто политический характер, — ведь они не основывались на уликах, бесспорных доказательствах преступных если не действий, то хотя бы намерений, — оказались вполне достаточным основанием для далеко идущих обобщений и выводов. Но прежде всего для чистки руководства НКВД. 26 сентября началась сложная кадровая перестановка. С поста наркома связи сняли А. И. Рыкова, вместо

него назначили Ягоду, а наркомом внутренних дел утвердили Ежова, сохранив за ним и пост председателя Комиссии партийного контроля при ЦК. Затем направили к Ягоде его прежнего первого заместителя Г. Е. Прокофьева; начальника секретно-политического отдела Г. А. Молчанова перевели в провинцию, наркомом внутренних дел Белоруссии; начальника особого отдела М. И. Гая понизили до должности начальника управления НКВД по Восточно-Сибирскому краю. Также поступили и с секретарем НКВД СССР П. П. Булановым, назначив всего лишь секретарем особого совещания наркомата.

Но еще большего внимания заслуживает решение о создании в НКВД отдела охраны. Создание этого отдела, чистка центрального аппарата НКВД свидетельствовали о недоверии к тем, кто по долгу службы обязан был своевременно информировать узкое руководство о подлинных настроениях членов ЦК, но не сделал этого. Своим бездействием (или саботажем?) поставил и самого Сталина, и его приближенных в ложное положение, обрек в ходе июньского пленума на неожиданное и бесславное поражение, вынудил смириться с волей партократии, оказавшейся сильнее. Ну, а выбор, павший именно на Ежова, был предопределен лишь одним. Той оставшейся в рукописи книгой, которую он написал к концу 1935 г., обобщив на свой лад материалы следствия по делу об убийстве Кирова, с которыми его знакомили как председателя КПК. В своем большом, объеме в 230 машинописных страниц, труде «От фракционности к открытой контрреволюции» Ежов пришел к явно надуманным, в основном, выводам, поначалу категорически отвергнутым Сталиным, но затем пригодившимся как нельзя кстати. Ведь автор утверждал: «программа зиновьевско-каменевской и троцкистской организаций был по существу программой второй коммунистической партии». И тут же, при полном пренебрежении логикой, заявлял: и зиновьевцы, и троцкисты давно «встали на путь террористических групп».

Эта-то рукопись и стала с конца сентября 1936 г. программой действий для НКВД, предварительно явившись основой подготовленного Ежовым текста постановления политбюро от 29 сентября «Об отношении к контрреволюционным троцкистским элементам»³². Уже своим названием она сделала всех тех, кто когда-либо голосовал за резолюции, предлагавшиеся Троцким, или открыто разделял его взгляды, или участвовал в организованных им или при его участии оппозициях, или тех, кто в годы гражданской войны служил под его началом, контрреволюционерам. Другими словами, явными преступниками, подлежащими немедленному аресту и приговору, выносимому без суда и следствия.

Подобное откровенно антиправовое, формально-анкетное установление «виновности» троцкистов, а вместе с тем и зиновьевцев, сразу же породило новую волну пока еще относительно небольших репрессий. Выборочных, ограниченных по своим масштабам. Об их размерах в октябре—ноябре 1936 г. можно судить по докладу Ежова на пленуме ЦК ВКП(б) 4 декабря 1936 года. Отчитываясь о работе по «ликвидации троцкистского подполья», он привел данные, к которым следует относиться с полным доверием, ибо они вряд ли были занижены. На Украине за два месяца арестовали свыше 400 человек, в Ленинградской области — свыше 400, в Грузии — свыше 300, в Азово-Черноморском крае — свыше 200, в Западно-Сибирском — 120, в Свердловской области — свыше 100³³. По этим, неполным и отрывочным, данным можно предположить, что поначалу политическим репрессиям подверглось в целом по стране от 4 до 6 тысяч человек. Во много раз больше, нежели предлагал Сталин на июньском пленуме — всего лишь исключить из партии 600 троцкистов и зиновьевцев. Но несравненно меньше числа оппозиционеров узкому руководству, названному Троцким тогда же — 20—30 тысяч человек³⁴.

Однако ни установление численности «врагов», ни перечисление их преступлений — шпионаж, диверсии на промышленных предприятиях и транспорте, подготовка терактов, не стали главным в докладе Ежова. Дважды по ходу выступления он подчеркнул иное. Мол, троцкисты и зино-

вьевцы «активизировали свою работу в 1935 и 1936 годах, вернее — в начале 1936 года»³⁵. Установление же именно такого периода, и особенно подчеркивание как наиболее серьезной и опасной его заключительной фазы, должно было быть понято участниками пленума, и понято однозначно. Указывало им вполне конкретно на время подготовки новой конституции, на заявление Сталина об альтернативности предстоявших выборов. Заставляло только так и воспринимать слова нового наркома внутренних дел еще и то, что сам пленум посвятили, в основном, конституционному вопросу, а первый из двух дней его заседания проходил в канун решающего голосования на съезде Советов — за или против утверждения новой конституции.

К сожалению, основные материалы декабрьского (1936 г.) пленума остаются недоступными. Выступления Сталина о проекте конституции, в прениях по докладу Ежова, и заключительное слово, впрочем как и полный текст его доклада на июньском пленуме, все еще засекречены. Поэтому и невозможно установить, до пленума или в ходе его работы Сталин отказался от вынесения на съезд Советов помимо собственно текста конституции еще и нового избирательного закона. Правда, доклад Сталина 25 ноября при открытии съезда говорит в пользу второго варианта. Ведь вряд ли случайно он, как и на июньском пленуме, начал с напоминания о безусловно самом важном для себя. Снова полностью процитировал постановление VII Всесоюзного съезда Советов о необходимости изменения избирательной системы, проведении на ее основе очередных выборов. Мало того, разбирая поступившие поправки и дополнения к проекту, больше всего полемизировал с теми, кто продолжал настаивать на сохранении института лишенцев.

«Советская власть, — заявил Сталин, — лишила избирательных прав нетрудовые и эксплуататорские элементы не на веки вечные, а временно, до известного предела... Не пришло ли время пересмотреть этот закон? Я думаю, что пришло время. Говорят, что это опасно, так как могут пролезть в верховные органы страны враждебные Советской власти элементы, кое-кто из бывших белогвардейцев, кулаков, попов и т. д. Но чего тут особенно бояться? Волков бояться — в лес не ходить. Во-первых, не все бывшие кулаки, белогвардейцы или попы враждебны Советской власти. Во-вторых, если народ кой-где и изберет враждебных людей, то это будет означать, что наша агитационная работа поставлена из рук вон плохо, и мы вполне заслужили такой позор»³⁶.

Молотов, выступивший на съезде 29 ноября, в целом сказал гораздо больше, нежели мог себе позволить Сталин при сложившихся обстоятельствах. «Кандидатов в советы, — заявил он, — наряду с организациями большевистской партии будут выставлять также многочисленные у нас беспартийные организации». Сразу же пояснил смысл сказанного, фактически повторив интервью Сталина Рою Говарду: «Эта система... не может не ударить по бюрократившимся, по оторвавшимся от масс. С другой стороны, эта система облегчает выдвижение новых сил, которые должны придти на смену отсталым или очинившимся элементам. При новом порядке выборов не исключается возможность выбора кого-либо из враждебных элементов, если там или тут будет плоха наша агитация. Но и эта опасность в конце концов должна послужить на пользу дела, поскольку она будет подхлестывать нуждающихся в этом организации и заснувших работников».

Так Молотов разъяснил причины возвращения почти миллиону осужденных или раскулаченных крестьян избирательных прав и одновременно обрушился на троцкистов, рассматривая только их, большевиков-ортодоксов, как реальных политических противников. Поначалу развивал эту мысль безлично: «Все лучшее в демократическом устройстве других государств мы берем и переносим в нашу страну и применяем к условиям советского государства. За бортом остается только право на легальность для политических партий, кроме партии коммунизма... В нашей стране... другие политические партии, как показал весь наш опыт, являются

агентурой реставраторов капитализма; не может быть места для их легализации».

Завершил же мысль предельно конкретно, адресно: «В волчьей стае врагов коммунизма, — жестко и грубо бросил он в зал, — не последнее место занимают теперь господа троцкисты, у которых одни цели с буржуазией. Эти люди, как известно, пошли в угоду и по уязке буржуазных государств на самые грязные и на самые гнусные контрреволюционные дела. Известно, что у них есть подпевалы и пособники из правых отщепенцев. Что же? Мы знаем, как поступить с отбросами революции»³⁷.

За несколько дней до открытия VIII чрезвычайного съезда Советов СССР Яковлев, 29 сентября назначенный в дополнение к занимаемым должностям еще и первым заместителем председателя КПК, представил в политбюро записку. «Тов. Радченко, — говорилось в ней о начальнике Заготлен, — направил управляющим своих контор распоряжение, в котором написано: «Предлагаю Вам всех исключенных из партии при проверке партдокументов уволить». Считаю, что этот способ себя страховать и подкидывать ЦК исключенных из партии как безработных, по меньшей мере непартийный. Предлагаю проект постановления ЦК ВКП(б) для публикации в печати». Спустя неделю проект, — «отменить распоряжение... Радченко, ибо оно противоречит политике партии», предложенный Яковлевым и одобренный 21 ноября Сталиным, Молотовым, Андреевым, Ждановым, Калининым, Чубарем, а перед тем и Ежовым, появился во всех газетах³⁸.

Затем Сталин провел сложные кадровые перестановки. Исходя, несомненно, из выявившегося отношения к конституционной реформе, из одного региона в другой были переброшены ряд первых секретарей. В декабре Л. И. Картвелишвили (Лаврентьева) перевели из Дальневосточного края в Крымскую АССР, И. М. Варейкиса — из Сталинградского края в Дальневосточный, Б. А. Семенова — из Крыма в Сталинград. В январе 1937 г. рокировку продолжили. В Северном крае В. И. Иванова заменили Д. А. Конториным, в Курской области И. Иванова, за неудовлетворительное руководство хозяйством — Б. П. Шеболдаевым, последнего «за политическую близорукость» в Азово-Черноморском крае — Малиновым, в Куйбышевской области В. П. Шубрикова — П. П. Постышевым. Кроме того, первым секретарем ЦК КП(б) Белоруссии вместо Н. Ф. Гикало, отправленного в Харьковскую область, поставили В. Ф. Шаранговича, а руководителя компартии Таджикистана С. К. Шадунца отозвали в Москву для работы в КПК, утвердив вместо него У. Ашурова³⁹.

Сочтя, видимо, такие меры недостаточными, 22 января политбюро санкционировало проведение второго «московского» открытого процесса — суда над семнадцатью видными в прошлом сторонниками Троцкого, арестованными минувшей осенью — Г. Л. Пятаковым, Г. Я. Сокольниковым, К. Б. Радеком, Л. П. Серебряковым, Н. И. Мураловым, Я. Н. Дробниным и другими⁴⁰. Однако сам процесс не породил очередной, третьей волны арестов. Он как бы завершил вторую, после чего воцарилось кратковременное затишье, использованное для самой оголтелой пропагандистской кампании, вылившейся практически сразу же в безудержную шпиономию, массовую «охоту на ведьм».

Сходную по сути роль сыграл и открывшийся месяц спустя очередной пленум ЦК (23 февраля — 5 марта 1937 г.), который привел к предрешенному, неизбежному аресту правых — снятому с должности лишь 16 января Бухарина, Рыкова. Принятая 2 марта по докладам Молотова и Кагановича резолюция, — «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов» определяла троцкистов уже не столько политической оппозицией в партии, сколько врагами всего советского народа, всей страны. Содержание резолюции при желании можно было трактовать и таким образом, что мол с вредительством уже покончено. Ведь она «в целях ликвидации последствий диверсионно-вредительской деятельности немецко-японско-троцкистских агентов и искоренения причин, делающих возможной подрывную работу фашистской агентуры», потребовала не от «ор-

ганов» НКВД, а от наркоматов разработать «меры разоблачения и предупреждения вредительства и шпионажа по своему наркомату», представив их «в месячный срок в Политбюро ЦК и Совнарком СССР». Под требуемыми мерами подразумевались прежде всего строгое соблюдение технологических процессов производства, регулярный планово-предупредительный и капитальный ремонт оборудования, жесточайший контроль за соблюдением положений об охране труда и технике безопасности, переподготовка кадров. Именно это, утверждала резолюция, должно предотвратить те аварии на предприятиях и транспорте, которые и расценивались теперь как «вредительство»⁴¹.

Такой же подход к определению «врагов» содержался в заключительном слове Молотова 2 марта. В отличие от Ежова, в декабре сообщившего о количестве арестов по парторганизациям, он информировал участников пленума о числе уже осужденных по наркоматам и ведомствам: за пять месяцев репрессировали две с половиной тысячи человек. Правда, в это число не вошли данные по НКО и НКВД, а также по большинству республиканских наркоматов⁴², что вполне могло удвоить или утроить количество осужденных. Но даже и в таком случае столь огромная цифра все еще не давала оснований говорить о массовых репрессиях.

О «врагах» на пленуме говорил в своем докладе и Сталин⁴³. Он начал с осуждения зиновьевцев и троцкистов, неожиданно связав их с беспартийными «шахтинцами» и «промпартийцами», затронул международные дела — «капиталистическое окружение», сказал о новой опасности — «одуряющей атмосфере зазнайства и самодовольства, атмосфере парадных и шумливых восхвалений». К концу доклада он еще раз намекнул на все тех же троцкистов: «современные вредители, обладающие партийным билетом, обманывают наших людей на политическом доверии к ним как к членам партии», «слабость наших людей составляет... отсутствие проверки людей не по их политическим декларациям, а по результатам их работы». И еще назвал тех, кто должен был быть готов лишиться своих постов, партийных руководителей — 3—4 тысячи высших, 30—40 тысяч средних и 100—150 тысяч низового звена. Указал и срок — шесть месяцев, когда придется «влить в эти ряды свежие силы, ждущие своего выдвижения»⁴⁴. То есть, перед выборами в Верховный Совет СССР.

По докладам Ежова, Молотова, Сталина, Кагановича, Ворошилова невольно могло сложиться впечатление, что суть пленума и есть поиск «врагов», проблема «вредительства». Однако главным все же было другое — предстоящие выборы в Верховный Совет СССР, о чем говорилось в докладе Жданова, которым поначалу и хотели открыть пленум. «Нам предстоит, — сказал он, — очевидно или осенью или зимой этого года перевыборы в Верховный Совет СССР и в Советы депутатов трудящихся сверху донизу по новой избирательной системе», которая даст мощный толчок к улучшению работы советских органов, ликвидации бюрократических недостатков и извращений в их работе. Потому-то «наши партийные органы, — подчеркнул Жданов, — должны быть готовы к избирательной борьбе. При выборах нам придется иметь дело с враждебной агитацией и враждебными кандидатами». «Тайное голосование — предупреждал он далее — предоставляет гораздо более широкие возможности отвода нежелательных и негодных с точки зрения масс кандидатур, чем это было до сих пор», при этом «партийные организации должны научиться отличать дружескую критику от враждебной. У нас нередко бывает так, что недовольство трудящихся отдельными недостатками и извращениями в деятельности наших советских органов расценивается и рассматривается как враждебная критика». И заключил: «Было бы очень вредным и опасным, если бы при новых выборах были повторены ошибки, имевшие место в старой тактике выборов и которые заключались в невнимательном отношении к кандидатурам беспартийных, когда в целях обеспечения партийного влияния в Советах беспартийные кандидатуры не пользовались необходимым вниманием и поддержкой, которые вытекают из основ большевистского понимания руководства и связи с массами. Имейте в виду, что коммунистов в нашей

стране 2 миллиона, а беспартийных «несколько» больше». «Если мы хотим, — продолжал Жданов, — добиться уважения у наших советских и партийных работников к нашим законам и масс к советской Конституции, — то мы должны обеспечить перестройку партийной работы на основе безусловного и полного проведения начал внутрипартийной демократии, предусмотренной уставом нашей партии». В заключение Жданов сказал о необходимости проведения тех мероприятий, которые уже содержались в проекте резолюции по его докладу: ликвидация кооптации; воспреещение голосовать списком; переход от открытого голосования к тайному; обеспечение неограниченного права отвода членами партии выдвигаемых кандидатур и неограниченного права критики этих кандидатур ⁴⁵.

Перестановка узким руководством доклада Жданова с первого места в повестке дня на второе оправдала себя полностью. После выступлений Ежова и Сталина члены ЦК не могли не поддержать предложенную им резолюцию. Тем более, что собственно они должны были проголосовать всего лишь за точное соблюдение устава партии, а не за новое положение о выборах, которое весьма интересовало их, но о котором они так ничего и не узнали. В прениях, правда, этот вопрос все же прозвучал. Р. И. Эйхе, первый секретарь Западносибирского крайкома, заметил, что мол «следовало бы начать со скорейшего ознакомления с избирательным законом. До сих пор мы ничего не знаем». Однако Жданов не стал на него отвечать, предоставил это Калинину, который уклонился от прямого объяснения. Все «вопросы, — сказал он, — будут разрешены, когда будет обсуждаться проект... Опубликовывать раньше проект нет оснований. Обсуждаться проект, очевидно, будет на сессии, и вы тогда внесете свои поправки» ⁴⁶.

Судя по всему, на этот раз ход пленума вполне удовлетворил Сталина, который в заключительном слове 5 марта свел суть требующих быстрого решения задач к проблеме кадров — в основном, первых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий. Прежде всего он объявил о том, что необходимо разграничить функции органов партии и исполнительной власти. Партийные организации, — сказал он, — будут освобождены от хозяйственной работы, хотя произойдет это далеко не сразу. «Для этого необходимо время. Надо укомплектовать органы сельского хозяйства, дать туда лучших людей. Промышленность, она крепче построена, и ее органы не дадут вам подменить их. И это очень хорошо». И пояснил: «Надо усвоить метод большевистского руководства советскими, хозяйственными органами, не подменять их и не обезличивать, а помогать им, укреплять их и руководить через них, а не помимо их».

Сталин пытался также внушить членам ЦК, что необходимо разделять бывших оппозиционеров на две категории. На лидеров и рядовых участников, думая и заботясь при том о судьбе последних. Вспомнил о тех 1,5 миллионах человек, которых исключили из партии по различным причинам начиная с 1922 г., и счел сохранявшееся негативное к ним отношение неверным, ничем не оправданным.

И, наконец, остановился на проблеме партократии, осудив зазнайство некоторых ее представителей. Для исправления положения Сталин предложил обязать всех секретарей пройти обязательное обучение или переподготовку на полугодовых курсах, которые скоро будут созданы ⁴⁷. Секретари понимали, что после курсов их скорее всего переместят, направят на какую-нибудь иную должность, и не обязательно — прежнюю, пусть даже в иной райком, обком или крайком. И Сталин, догадываясь о том, постарался подсластить горькую пилюлю. «Мы, старики... скоро отойдем, сойдем со сцены. Это закон природы. И мы бы хотели, чтобы у нас было несколько смен» ⁴⁸.

Так Сталин попытался подстраховать и себя, и намеченные политические реформы, гарантировать осуществление столь насущной ротации кадров широкого руководства не только в ходе выборов в Верховный Совет СССР, но и выборов в партийных организациях, которые, несомненно, должны были привести к смене регионального руководства — на уровне обкомов и крайкомов. Того же опасалась и партократия, осознавшая

реальную для себя угрозу после первых же результатов районных партконференций. Многие секретари райкомов не попали в бюро вновь избранных райкомов, а секретари обкомов и крайкомов получили предельно минимальное число голосов «за» в ходе выборов делегатов на областные и краевые партконференции. И потому попытались проводить выборы по-старому.

Информация об этом заставила узкое руководство, Сталина, немедленно откликнуться. 20 марта, всего через две недели после окончания пленума, политбюро утвердило циркуляр, подтверждающий резолюцию, принятую членами ЦК единогласно. «Воспретить, — говорилось в циркуляре, — при выборах партийных органов голосование списком. Голосование производить по отдельным кандидатурам, обеспечив при этом всем членам партии неограниченное право отвода кандидатов и критику последних. Установить при выборах партийных органов закрытое (тайное) голосование»⁴⁹. Однако и самой резолюции, и повторявшего ее основные положения циркуляра, как вскоре выяснилось, оказалось недостаточно. И потому спустя полтора месяца, 8 мая, политбюро пришлось утверждать еще один сходный по содержанию документ. На этот раз — как постановление ЦК, что несомненно свидетельствовало о возросшем сопротивлении партократии, пытавшейся любой ценой предотвратить утрату своих властных полномочий — постановление «О нарушении порядка оглашения результатов закрытого (тайного) голосования». ЦК ВКП(б), — говорилось в нем, — «стали известны факты о том, что в отдельных партийных организациях на партийных конференциях и собраниях при оглашении результатов тайного голосования счетные комиссии не сообщают количество голосов «против», полученных членами ЦК ВКП(б) при голосовании их кандидатур в состав партийных органов или делегатов на конференции. ЦК ВКП(б) разъясняет, что такая практика является неправильной и считает необходимым полностью устно (не печатно) оглашать результаты голосования, кого бы оно не касалось»⁵⁰.

Но этим подготовка к предстоящим выборам не ограничилась. За тот же период политбюро приняло два чрезвычайно важных документа, существенно расширявших число будущих избирателей за счет тех, кто совсем недавно считался врагом советской власти. 13 марта как постановление ЦИК СССР «О прекращении производства дел о лишении избирательных прав граждан СССР по мотивам социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности и о ликвидации Центральной избирательной комиссии ЦИК СССР» (последняя и занималась составлением списков лишенцев)⁵¹. 5 мая политбюро приняло постановление ЦК «О пересмотре судебных приговоров в отношении инженеров и техников угольной промышленности Донбасса». Им предлагалось «прокурору СССР т. Вышинскому пересмотреть судебные приговоры и снять судимость (вернув избирательные права. — Ю. Ж.) с инженеров и техников в угольной промышленности Донбасса, осужденным по производственным делам без достаточных оснований, или на протяжении последующей работы показавших себя добросовестными и преданными делу работниками»⁵². Данный акт означал реабилитацию не одной тысячи человек, осужденных начиная со знаменитого «Шахтинского процесса» чаще всего без каких бы то ни было юридических оснований и вместе с амнистированием осужденных по делу «Промпартии» должен был радикально изменить отношение к Сталину и его окружению, проводимым ими политическим реформам, в лучшую сторону.

Подготовка публикации избирательного закона проходила в обстановке разрастающейся шпиономании. Чуть ли не ежедневно публиковались газетные статьи, сборники и брошюры под шаблонным названием «коварные методы и приемы разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентурь». Шпиономания в любую минуту могла перейти в массовый психоз с непредсказуемыми, катастрофическими для всех, в том числе и для узкого руководства, для Сталина, последствиями.

Для того, чтобы не утратить власть, попытаться сохранить контроль за развитием событий, направляя их, пока это было еще возможным, в нужное

русло, Сталин пошел на решающий шаг, на полную узурпацию власти. Нарушив устав партии, а заодно и положение о полномочиях Совнаркома СССР, пренебрегая только что утвержденной новой конституцией, узкое руководство фактически присвоило себе полномочия политбюро и секретариата.

Основанием для оформления принципиально новой конструкции власти стала записка Сталина, адресованная членам политбюро. «Вопросы секретного характера, — говорилось в ней, — в том числе вопросы внешней политики, должны подготавливаться для политбюро по правилу секретариатом ЦК ВКП(б). Так как секретари ЦК, за исключением т. Сталина, обычно работают либо вне Москвы (Жданов), либо в других ведомствах, где они серьезно перегружены работой (Каганович, Ежов), а секретарь ЦК т. Андреев бывает часто по необходимости в разъездах, между тем как количество секретных вопросов все более и более нарастает, секретариат ЦК в целом не в состоянии выполнять вышеизложенные задачи. Я уже не говорю о том, что подготовка секретных вопросов, в том числе вопросов внешней политики, абсолютно невозможна без участия тт. Молотова и Ворошилова, которые не состоят членами секретариата ЦК. Ввиду сказанного предлагаю политбюро ЦК ВКП(б) создать постоянную комиссию при политбюро ЦК ВКП(б) для подготовки, а в случае необходимости — для разрешения вопросов секретного характера, в том числе и вопросов внешней политики в составе тт. Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича Л. и Ежова»⁵³.

14 апреля политбюро утвердило предложенное решение, расширив его по смыслу: «1. В целях подготовки для политбюро, а в случае особой секретности — и для разрешения вопросов секретного характера, в том числе и вопросов внешней политики, создать при политбюро ЦК ВКП(б) постоянную комиссию в составе тт. Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича Л. и Ежова. 2. В целях успешной подготовки для политбюро срочных текущих вопросов хозяйственного характера создать при политбюро ЦК ВКП(б) постоянную комиссию в составе тт. Молотова, Сталина, Чубаря, Микояна и Кагановича Л.»⁵⁴.

Так оформилось двухуровневое узкое руководство, присвоившее себе все властные права не только в партии, но и в СНК СССР. В высшую, постоянную его группу, являвшуюся подлинным узким руководством, вошли Сталин, Молотов, Ворошилов и Каганович, а во вторую, дополнительную или вспомогательную — Ежов, Чубарь и Микоян. Отныне они, и только они брали на себя право решения всех жизненно важных проблем страны. Объявляли, что будут обходиться не только без участия членов ЦК, но и остальных членов и кандидатов в члены политбюро, секретариата.

Однако этим реформа властных структур не завершилась. 25 апреля был сделан еще один решительный шаг на пути концентрации абсолютной власти в руках узкого руководства. «В целях объединения всех мероприятий и вопросов обороны СССР, — констатировало очередное решение политбюро, — создать при СНК СССР Комитет обороны Союза Советских Социалистических Республик в количестве семи человек: Молотов (председатель), Сталин, Каганович Л., Ворошилов, Чубарь, Рухимович, Межлаук В.». Одновременно упразднился Совет труда и обороны — орган, в функции которого входили вопросы, которые отныне брал на себя неконституционный Комитет обороны⁵⁵.

Предельно укрепившись во власти, Сталин продолжил начатое в конце 1936 г. перемещение вызывавших опасение первых секретарей. В период с 17 марта по 17 мая руководителя компартии Туркмении Я. А. Попка перевели секретарем обкома АССР Немцев Поволжья; первого секретаря Донецкого обкома С. А. Саркисова — директором объединения Донуголь, а на его место перевели Э. К. Прамнэка из Горького, где секретарем стал брат Л. М. Кагановича — Ю. Л. Каганович; в Ярославском обкоме Райнова заменили Н. Н. Зиминим, ранее заведовавшим отделом транспорта ЦК, а потом занимавшим должность замнаркома путей сообщения; И. П. Разумова, долгие годы руководившего парторганизацией Восточносибирского края,

заменили А. С. Шербаковым, прошедшим своеобразную стажировку на посту завотделом ЦК. Однако самые серьезные события произошли в Свердловске. Там И. Д. Кабакова, около десяти лет возглавлявшего всю партийную и хозяйственную деятельность этого важнейшего для экономики страны региона, сняли с должности, вывели из состава ЦК, а «дело» его — первого из партработников такого высокого ранга, — передали следственным органам, в НКВД.

Перетряски, перестановки и чистки не ограничились только партийными работниками. 28 марта без каких-либо объяснений Н. Н. Крестинского, в прошлом одного из ближайших соратников Троцкого, с 1921 г. (правда, с двухлетним перерывом) работавшего в НКВД и лишь недавно утвержденного первым заместителем наркома, перевели в Наркомюст, тоже замнаркомом; Л. М. Карахана, профессионального дипломата, отозвали с поста полпреда в Турции, долго подбирали новое назначение, но в конце концов арестовали. 11 апреля освободили как не справившегося с работой от обязанностей наркома совхозов СССР М. И. Калмановича, пока лишь понизив в должности. 20 мая с поста наркома легкой промышленности РСФСР освободили старого «хозяйственника» К. В. Уханова. А тремя днями ранее отправили в ссылку в Астрахань видных большевиков с до-reволюционным стажем — И. Д. Орахелашвили, замдиректора ИМЭЛ и члена ЦРК, Ш. З. Элиаву, заместителя наркома легкой промышленности СССР. Наконец, 24 мая за «извращение колхозной политики» сняли с поста председателя СНК Белоруссии Н. М. Голодеда.

Массовые репрессии обрушились также на высший и старший начсостав РККА, на тех, кто прошел гражданскую войну, а значит прямо был связан с председателем РВСР Троцким. Подчинялся ему, выполнял его приказы и распоряжения.

Поначалу счет арестованных командиров шел на единицы. 11 марта 1937 г. арестовали командующего войсками Уральского военного округа И. И. Гарькавого и его заместителя М. И. Василенко, затем только что утвержденного в должности нового командующего войсками Уральского военного округа Б. С. Горбачева, заместителя командующего Приморской группы И. С. Кутякова, помощника командующего Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА) А. Я. Лапина, начальника Военной академии им. М. В. Фрунзе, А. И. Корка, начальника управления по составу РККА Б. М. Фельдмана. В начале мая были произведены перемещения командующих округами. И. П. Уборевича из Белорусского направили в Среднеазиатский; И. Э. Якира из Киевского в Ленинградский и почти сразу же в Закавказский; М. К. Левандовского из Закавказского в Ленинградский, а потом в Приморскую группу; П. Е. Дыбенко из Сибирского в Ленинградский; И. П. Белова из Московского в Белорусский; М. Н. Тухачевского с должности замнаркома обороны СССР в Приволжский, Я. Б. Гамарника — членом Военного совета Среднеазиатского.

С середины мая счет арестованных из числа высшего командного состава пошел уже на сотни. Среди них оказались заместитель начальника Разведуправления Генштаба РККА А. Х. Артузов, М. Н. Тухачевский, И. Э. Якир, И. П. Уборевич, председатель Центрального совета ОСОАВИАХИМ'а Р. П. Эйдеман и многие другие.

Если проанализировать, кого же отстранили от должности или арестовали с февраля по май, то станет ясно основное. Грубо, без достаточных юридических оснований, исходя лишь из показаний последственных, Ежов сделал то, на что не решился или почему-либо не захотел пойти Ягода. Завершил на свой лад расследование по делу «Клубок», делу о заговоре против узкого руководства во главе со Сталиным, против проведения ими только намечавшихся на рубеже 1934—1935 годов заключения оборонительного антигерманского пакта, введения новой конституции страны. Гордиев узел — подлинный или мнимый — был рассечен одним ударом. И не когда-либо, а в самый последний момент, за несколько недель до вынесения нового избирательного закона сначала на политбюро, затем на пленум ЦК, а потом уже, в случае успеха, и на сессию ЦИК СССР.

Только после чистки начсостава РККА, после ареста Енукидзе, Рудзутака — устранения, по мнению узкого руководства, самой серьезной угрозы их замыслам, 20 мая политбюро, наконец, отважилось сделать то, что намеревалось предпринять еще год назад. Утвердило решение, гласившее: «I. Созвать пленум ЦК ВКП(б) на 20 июня. Утвердить следующий порядок для пленума ЦК: а/ Новый избирательный закон и подготовка советов к предстоящим выборам (докладчик т. Яковлев); б/ О введении правильных севооборотов (докладчик т. Чернов); в/ Об улучшении семян зерновых культур (докл. т. Яковлев); г/ О мерах улучшения работы МТС (докл. т. Чернов)». На оригинале Сталин сделал приписку — «д/ Текущие дела»⁵⁶. 26 мая, когда аресты высшего начсостава практически завершились, политбюро пошло еще дальше и рассмотрело давно подготовленную Я. А. Яковлевым записку с проектом самого главного для судеб политической реформы решения. «Согласно Вашим указаниям, — писал он Сталину, — представляю на Ваше утверждение проект постановления политбюро: «Поручить комиссии в составе тт. Яковлев (председатель), Акулов, Вышинский, Крыленко, Калинин, Любченко, Стецкий рассмотреть вынесенный президиумом ЦИК'а проект «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» и представить на утверждение политбюро проект «Избирательного закона». Решение тут же было утверждено Сталиным (он и на этот раз сделал приписку — «не позднее 30 мая», но в тот день ни один документ политбюро не зафиксировал чего-либо в этой связи), Молотовым, Кагановичем и опросом — Чубарем, Калининым, Ворошиловым, Микояном⁵⁷.

В данном решении, естественно, соблюдались правила аппаратной игры. Проект «Положения о выборах» отнюдь не вносился президиумом ЦИК СССР, а был давно разработан Яковлевым, Стецким и Талем, поступление же его в политбюро с подписью Калинина и на соответствующем бланке являлось чистой формальностью. Также никто, судя по всему, не ожидал хоть какой-либо конкретной работы от только что образованной комиссии. Ведь Сталину достаточно хорошо было известно если не открыто отрицательное, то по меньшей мере настороженное отношение к практически готовому проекту троих членов комиссии — Акулова, Крыленко, Любченко. Настороженное, несмотря на предельно завуалированное изложение основного его положения — неперемнной состязательности кандидатов во время выборов, которая ни разу достаточно четко и однозначно не провозглашалась.

Яковлеву удалось обойти все острые углы, утопив суть в бесчисленном количестве деталей и их разъяснениях. И все же состязательность будущих выборов просматривалась вполне достаточно, чтобы действительно стать законом. Так, статья 80-я отмечала: «Избиратель... оставляет в каждом избирательном бюллетене фамилию того кандидата, за которого он голосует, вычеркивая остальные». То же нашло выражение и в главе VIII — «Определение результатов выборов». «В протоколе голосования участковой избирательной комиссии, — устанавливала статья 93-я, — должно быть указано: ...е/ результаты подсчета голосов по каждому кандидату». Аналогичное требование предъявлялось и к протоколу окружной избирательной комиссии (статья 102-я). Лишь две статьи, 104-я и 107-я, прямо констатировали особенность предстоящих выборов: «Кандидат в депутаты Верховного Совета СССР, получивший абсолютное большинство голосов, то есть больше половины всех голосов, поданных по округу и признанных действительными, считается избранным». «Если ни один из кандидатов не получил абсолютного большинства голосов, соответствующая окружная избирательная комиссия объявляет перебаллотировку двух кандидатов, получивших наибольшее число голосов»⁵⁸.

Но даже такая, предельно осторожная редакция проекта, вынесенная на обсуждение пленума, вполне могла привести к неожиданной дискуссии с непредсказуемыми последствиями. Осознавая, что ей предстоит пройти по тонкому льду, узкое руководство вновь пошло на крайние меры — провело первую чистку ЦК, в котором при избрании на XVII съезде насчитывался 71 человек. За три года, с февраля 1934 по февраль 1937 года из них выбыло

четверо: убитый Киров, умершие Куйбышев и Орджоникидзе и лишь один выведенный — Енукидзе. 31 марта из ЦК вывели второго члена — Ягоду, за последующие неполные три месяца — 21 человека. Среди них оказались первые секретари крайкомов и обкомов Л. И. Лаврентьев, Б. П. Шеболдаев, И. П. Разумов, И. Д. Кабаков, И. П. Румянцев; заместитель Стецкого по Агитпропу В. Г. Кнорин; четыре члена правительства СССР — Я. Э. Рудзутак, И. К. Антипов, М. И. Калманович, И. Е. Любимов; пять республиканских наркомов — К. В. Уханов, В. А. Балицкий, И. П. Жуков, С. С. Лобов, Д. Е. Любимов. За тот же срок число кандидатов в члены ЦК сократилось на шестнадцать человек. Кроме того, в качестве устрашения была применена и более мягкая мера наказания — пока просто снятие с ответственных постов. Ей подвергли первых секретарей ЦК компартий Киргизии — М. Л. Белоцкого, Туркмении — Я. А. Попка, Северо-Кавказского крайкома Е. Г. Евдокимова, наркома внешней торговли СССР А. П. Розенгольца, заместителя наркома юстиции СССР Н. Н. Крестинского.

Сочтя такую акцию устрашения вполне достаточной, узкое руководство открыло, хоть и с запозданием на три дня, очередной пленум. Однако начался он не с предусмотренного повесткой дня доклада Яковлева о проекте нового избирательного закона, а с сообщения Ежова о только что проведенной чистке в широком руководстве. После чего участники пленума без комментариев заслушали доклад Яковлева, который подчеркнул, что 141-я статья Конституции, представляющая «каждой общественной организации и обществу трудящихся право выставления кандидатов,.. внесена по предложению товарища Сталина; ее цель — развить, расширить демократию,.. эта статья обеспечивает подлинный демократизм на выборах в советы». Столь же спокойно участники пленума восприняли и главное положение проекта закона, уже содержавшееся в розданном членам ЦК проекте: «Избранным считается только кандидат, получивший абсолютное большинство голосов; если ни один из кандидатов на выборах не получил абсолютного большинства голосов, то обязательна не позднее, чем в двухмесячный срок, перебаллотировка двух кандидатов, получивших наибольшее количество голосов»⁵⁹.

Трудно усомниться в том, что члены ЦК, все участники пленума отлично поняли смысл первых двух дней работы — и сообщения Ежова, и последующих, ими же единогласно одобренных резолюций. Только потому открыто и не выступили против альтернативности предстоящих выборов. Поступили иначе, используя тот самый метод устрашения, который до того был направлен только против них. Еще до завершения пленума кандидат в члены политбюро, первый секретарь Западносибирского крайкома Р. И. Эйхе решил вновь истребовать от узкого руководства то право, которое он уже трижды получал осенью 1934 г. во время хлебозаготовок. Право единолично, бесконтрольно, без суда и следствия выносить смертные приговоры. В записке, адресованной политбюро, он в самых мрачных красках описал ситуацию, сложившуюся в крае после раскрытия «контрреволюционной повстанческой организации», созданной «уголовниками и высланными в Западную Сибирь кулаками». Он заявил, что вскрыта лишь верхушка «организации», слишком многие ее члены все еще остаются на свободе и потому проведение выборов на основе нового избирательного закона заведомо означает избрание только «антисоветчиков». Шантажируя таким образом узкое руководство, Эйхе вынудил политбюро утвердить, — 29 июня, в день закрытия пленума, нужное решение: образовать «тройку» в составе начальника УНКВД по Западносибирскому краю Миронова, краевого прокурора Баркова и его лично. Дать им возможность установить число лиц, подлежащих расстрелу и сколько людей необходимо незамедлительно выслать из края⁶⁰.

Трудно установить, каким образом инициатива Эйхе мгновенно стала известна широкому руководству, которое сумело добиться и для себя тех же прав на создание «троек», установление «лимитов» на расстрелы и высылки. 2 июля политбюро утвердило решение, фактически повторявшее записку

Эйхе. «Замечено, — констатировало оно, — что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечении срока высылки, вернувшись в свои области, являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых других отраслях промышленности». Таким образом, направленность репрессий, прежде устремленных на членов партии, когда-либо причастных к оппозициям, резко менялась. Превращала в объект будущих акций уже не два-три десятка, а сотни тысяч людей. «ЦК ВКП(б), — говорилось в решении, — предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные, менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД. ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих выселению»⁶¹.

Срок, установленный всего в пять дней, по замыслу политбюро должен был предельно сократить возможные требования с мест, свести к минимуму число возможных жертв. К сожалению, узкое руководство и в этом ошиблось. Шифротелеграммы с составом «троек» и взятыми заведомо «с потолка» цифрами подлежащих репрессиям, пошли в ЦК нескончаемым потоком. Только за месяц они поступили из 50 краев, областей и автономных республик из 63, от семи ЦК нацкомпартий, не имевших областного деления. Общее же число указанных в них тех, кто по твердому убеждению первых секретарей подлежал расстрелу или немедленной высылке, достигло четверти миллиона⁶².

Только тогда стало совершенно очевидным, что практически невозможно добиться выполнения циркуляра, перемещая одних и тех же «антисоветские элементы» из одного региона в другой. Именно это обстоятельство и предопределило фактическую замену высылки заключением в исправительно-трудовые лагеря, создаваемые в отдаленных местах Севера и Северо-востока, складыванию печально знаменитой системы ГУЛАГ^а. Более того, растянувшееся более чем на месяц определение количества подлежащих расстрелу или высылке, слишком быстро возраставшее их число вынудило НКВД приказом по наркомату установить срок проведения специальной операции в масштабах всей страны. Начать ее 5—15 августа и завершить 5—15 декабря⁶³. Иными словами, приурочить ее окончание ко дню первых выборов в Верховный Совет СССР, сделать такую акцию устрашения той самой «предвыборной кампанией», которая и призвана была обеспечить бюрократии заведомую победу на выборах. А заодно помочь свести счеты со своими местными конкурентами. Так, например, свели счеты первые секретари ЦК компартий Казахстана — Л. И. Мирзоян с председателем ЦИК республики Кулумбетовым, Белоруссии — В. Ф. Шарангович — с председателем СНК БССР А. Г. Червяковым, Узбекистана А. Икрамов — с председателем СНК УзССР Ф. Ходжаевым. То же происходило повсеместно, и на более высоком, и на более низком уровнях.

Тем временем Яковлев продолжал готовить документы для альтернативных выборов. По его предложению политбюро утвердило 27 августа образцы избирательных бюллетеней с несколькими условными фамилиями кандидатов, с прямым указанием: «Оставьте в избирательном бюллетене фамилию ОДНОГО кандидата, за которого Вы голосуете, остальных вычеркните». А 31 августа — стандартный образец протокола голосования, в котором также устанавливалось то же обязательное условие состоятельности: «В соответствии с результатами голосования ... Окружная избирательная комиссия установила, что из общего числа поданных по округу голосов, признанных действительными, ни один из кандидатов не получил абсолютного большинства голосов. Ввиду этого на основании статьи 107-

ой Положения о выборах в Верховный Совет СССР ...Окружная избирательная комиссия объявляет перебаллотировку нижеследующих двух кандидатов, получивших наибольшее число голосов...»⁶⁴. Но все эти документы уже не имели никакого смысла. В тяжелой атмосфере все возраставшего числа доносов, порожденных лишь отчасти шпиономанией, готовностью «троек» осудить любое, желательное наибольшее число людей, о состоятельности на выборах больше не приходилось и думать. Потому-то на октябрьском пленуме ЦК, обсуждавшем вопросы предвыборной кампании, об альтернативности больше никто не вспоминал.

Примечания

1. БЕРХИН И. Б. К истории разработки конституции СССР 1936 г. — Строительство советского государства. М. 1972; КАБАНОВ В. В. Из истории создания Конституции СССР 1936 года. — История СССР, 1976, № 6.
2. См.: Slavic Review, v. 50, № 1, 1991.
3. ХЛЕВНЮК О. В. Политбюро. М. 1996, с. 104—186; СОЛОМОН П. Советская юстиция при Сталине. М. 1996, с. 179—182.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 3, д. 947, л. 39—40.
5. Там же, оп. 163, д. 1028, л. 137—138.
6. Исторический архив, 1995, № 3, с. 131.
7. Исторический архив, 1995, № 3, с. 154.
8. РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 3275, л. 1—10.
9. РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 249, л. 1—3.
10. РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 958, л. 38.
11. Правда, 6.II.1935.
12. Правда, 7.II.1935.
13. Генрих Ягода. Сборник документов. Казань. 1997, с. 465; РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1063, л. 136—138.
14. ХЛЕВНЮК Л. В. Ук. соч., с. 149.
15. РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1071, л. 178.
16. Там же, д. 1106, л. 134.
17. БЕРХИН И. Б. Ук. соч., с. 67; КАБАНОВ В. В. Ук. соч., с. 118.
18. РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1061, л. 6—6 об.
19. Правда, 5.III.1936.
20. БЕРХИН И. Б. Ук. соч., с. 68—70; КАБАНОВ В. В. Ук. соч., с. 120—121; Правда, 17.V.1936.
21. РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 563, л. 4—5; д. 572, л. 8—9.
22. Реабилитация. Политические процессы 30—50-х годов. М. 1991, с. 216—217.
23. РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1107, л. 79—79 об.
24. Там же, оп. 2, д. 571, л. 194.
25. ХЛЕВНЮК О. В. Ук. соч., с. 150—151.
26. РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1106, л. 134.
27. Там же, д. 1100, л. 15—19; Известия, 21.IV.1936.
28. Известия, 30.XII.1935.
29. ХЛЕВНЮК О. В. Ук. соч., с. 153—154; РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1116, л. 105.
30. Реабилитация, с. 196—210.
31. РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 93, л. 55.
32. Там же, ф. 17, оп. 163, д. 1124, л. 54—55.
33. Там же, оп. 2, д. 575, л. 13.
34. ТРОЦКИЙ Л. Преданная революция. М. 1991, с. 234.
35. РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 575, л. 19, 21.
36. Сталин И. Вопросы ленинизма. М. 1939, с. 532.
37. Правда, 30.XI.1936.
38. РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1128, л. 87—88.
39. Там же, д. 1129, л. 107, 123; д. 1131, л. 149; д. 1132, л. 97—99; д., 1133, л. 41—42; д. 1139, л. 170.
40. Там же, д. 1133, л. 170.
41. См. Вопросы истории, 1994, № 10, с. 13.

42. См. Вопросы истории, 1994, № 8, с. 18.
43. РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 983, л. 51, 64.
44. См. Вопросы истории, 1995, № 3, с. 3—15.
45. См. Вопросы истории, 1993, № 5, с. 3—6, 13—14.
46. См. Вопросы истории, 1993, № 6, с. 6, 17.
47. РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 18, л. 130.
48. Вопросы истории, 1995, № 11—12, с. 22.
49. РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1141, л. 69.
50. Там же, д. 1147, л. 98.
51. Там же, л. 94.
52. Там же, д. 1140, л. 48; д. 1147, л. 94.
53. Там же, д. 1145, л. 63.
54. ХЛЕВНЮК. О. В. Ук. соч., с. 188—189.
55. РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1146, л. 113, 170.
56. Там же, д. 1149, л. 137.
57. Там же, д. 1150, л. 104.
58. Там же, оп. 2, д. 614, л. 25 об. — 27.
59. Там же, д. 616, л. 5—9.
60. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), ф. 89, оп. 43, д. 48, л. 1.
61. Труд, 4.VI.1992.
62. ХЛЕВНЮК. О. В. Ук. соч., с. 189.
63. РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1162, л. 77; д. 1163, л. 16—32 об.
64. Там же, д. 1160, л. 61 об.; д. 1163, л. 31 об.

Стратегия процветания крупного бизнеса (к истории Путиловского общества)

В. В. Поликарпов

Путиловский завод — воплощение российского «крупного бизнеса», лицо целого хозяйственного уклада. С точки зрения государственных интересов — самый важный частный завод, «русский Крупш» с численностью рабочих к 1917 г. более 30 тысяч. Это и «колыбель революции» как в 1905, так и в 1917 году. Основным трудом о нем на протяжении 60 лет являлась «История Путиловского завода» (М.-Л. 1939), созданная коллективом архивистов и историков. Их усилия серьезно обесценивались пропагандистской направленностью и беллетризацией изложения.

Появившаяся ныне в США первая монография о Путиловском заводе¹ также не свободна от идеологической заданности. Историк Дж. Грант старается показать на примере Путиловского общества, что российские гиганты тяжелой промышленности конца XIX — начала XX в. не отличались от западноевропейских и что для них в России сложились такие же социальные условия, как на Западе. «Современная корпорация действительно могла сосуществовать с самодержавным государством» и при этом «процветать», проводя собственную «деловую стратегию», нацеленную на обеспечение своей устойчивости и дальнейшего развития, пишет он (с. 1—5, 137—138, 150). Соответственно, подчеркивается самостоятельность, независимость Путиловского общества как от благоволения власти, так даже и от банков. Решающее значение имел рынок; свободной от правительственного воздействия игрой спроса и предложения определялась «общая для всех, независимо от страны, деловая стратегия». По мнению Гранта, «лучше всего бросить любые попытки выявить „национальные“ черты в поведении бизнеса. Не было в бизнесе никакого особенного „русского пути“ — с большими особенностями, чем те, какие имело развитие бизнеса американского, французского, немецкого или английского» (с. 136).

Нашим историкам доводилось получать наставления того же смысла, когда им внушали, что надо «еще раз подтвердить» историческую закономерность Октябрьской революции и опровергнуть утверждения о «невозможности распространения» опыта этой революции «на более развитые (по сравнению с дореволюционной Россией) капиталистические страны». «Л. И. Брежнев, характеризуя заслуги В. И. Ленина в деле разработки революционной теории марксизма, — разъяснял партийную установку В. Я. Лаверычев, — указывает и на значение глубокого научного обоснования им того обстоятельства, что царская Россия развивалась „по тем же

Поликарпов Владимир Васильевич — кандидат исторических наук.

законам, как и любая другая капиталистическая страна“). Эту задачу и сейчас решает наиболее влиятельная у нас школа истории российского бизнеса, посвятившая свои усилия раскрытию деловых талантов, патриотических и христианских добродетелей купечества, доказательству «органичности», «нормального развития» российской промышленности «в условиях свободной конкуренции»².

Среда, в которой действует капитан индустрии, — стихия рынка. В этом вопросе Грант занимает жесткую позицию. По его мнению, даже если речь идет о правительственных заказах, то это всего лишь особый сегмент той же стихии — «казенный рынок» (с. 15, 60). Правда, автор сам не выдерживает такой логики: итоговая глава книги названа «Между рынком и государством»; если государство — тоже не чуждо рынку, то заголовок теряет смысл. Непоследовательность автора лишает его труд определенной теоретической основы. Ведь у Путиловского общества как раз и преобладали ведомственные заказы. К тому же Гранту не всегда удается разобрататься, о каких заказах и предприятиях идет речь в источниках: частных или казенных.

В 1891 г., например, Путиловский завод выполнил крупный заказ Балтийского завода. Для Гранта это результат «новой стратегии»: правление Путиловского общества взяло здоровый курс на переход от казенных к частным заказам (с. 47—48). Но приведенный пример говорит скорее против такого вывода. Балтийский завод к тому времени уже не являлся частным заказчиком, так как с 1884 г. принадлежал казне, сохраняя лишь «внешность частного предприятия»³. Та же ошибка — с железнодорожными заказами, когда не различаются казенные и частные дороги.

Доказывая независимость Путиловского общества от казны, Грант утверждает, что частные заказы у него преобладали и что оно уже в 90-х годах XIX в. «успешно расширило» выпуск паровозов для Транссибирской магистрали, не прибегая к помощи от правительства (с. 144, 42). Автор, по-видимому, не придает значения тому, что магистраль эта представляла собой казенное предприятие и завод не только пользовался таможенной защитой от конкурентов, но еще и получал от заказчика (Министерства путей сообщения) за каждый локомотив премию в 3 тыс. рублей (10% цены). Так же и за рельсы для Транссиба отечественные производители получали от казны приплату («переплату», по словам завистников)⁴. Неудивительно, что Грант исчисляет рыночную часть продукции в 72%, затем в 81%, тогда как сама фирма своим основным клиентом считала казенные ведомства (с. 60, 62, 144, 147, 148); отсюда же и «парадокс»: доля казенных заказов в загрузке завода «после 1901 г.» якобы «продолжала падать», а в то же время «артиллерийский бизнес приобретает все большее значение», да и паровозов казне завод поставил свыше 700, а частным заказчикам менее 300 (с. 64, 144).

По Гранту, «ключевой пункт» в том, что уже к 1900 г. завод работал преимущественно на частный спрос и собственная «стратегия компании играла более важную роль, нежели макроэкономические тенденции» (с. 149, 39, 43, 63). Руководители фирмы видели, что в основном своем производстве (рельсы) Путиловский завод, пользовавшийся импортным чугуном, утрачивает конкурентоспособность, поскольку на Юге уже выросла металлургия. В 1887 г. правление доложило собранию акционеров, что надумало производство рельсов «совершенно устранить» (с. 45) и переключиться на машиностроение. В цитируемом Грантом докладе правление ссылалось, однако, на такой макроэкономический фактор, как «почти запретительные» пошлины на ввоз чугуна, ранее установленные правительством с целью насаждения металлургии. В то же время есть сведения, что за 1889—1892 гг. завод не прекратил, а в семь раз увеличил выпуск рельсов⁵. Уже эти детали способны навести на размышление: не была ли собственная стратегия руководителей предприятия, как ее представляет Грант, скорее игрой воображения.

К сожалению, он не знает книги И. Ф. Гиндина о Государственном банке с разделами о правительственной «поддержке» Путиловского завода.

Как показал этот автор, переход на производство механических изделий зависел от министра финансов, и И. А. Вышнеградский оказал Обществу поддержку в перестройке его производства, причем в «весьма крупных размерах» (рассрочка долгов казне, новые кредиты). Тем не менее в 1894 г., то есть уже после «стратегического» решения об отказе от производства рельсов, Общество снова добивалось льгот, позволявших ему остаться на рельсовом «рынке», и заказа на рельсы. Министерство же финансов в ответ поставило условием устройство Путиловским обществом собственного чугунолитейного завода в Олонецком крае — заведомо убыточного, по мнению правления (с. 45), на что, однако, пришлось в 1895—1899 гг. потратить 1,5 млн рублей (акционерный капитал Общества в целом составлял тогда 9 млн). Успеха эта затея не принесла. В 1901 г. нежизнеспособный заводик был закрыт; в 1904—1905 гг. снова пущен, затем продолжал работать с перерывами и в 1908 г. остановлен окончательно⁶. Если не умалчивать о подобных эпизодах и не верить слепо отчетам хитроумного правления, то где же здесь фирменная «стратегия»?

По мнению Гранта, вся эта отрасль — производство подвижного состава и рельсов — работала на вольный рынок, а в наибольшей степени — Путиловский завод (с. 144—145). Между тем рыночный характер отношений заводов даже с частными железными дорогами-заказчиками неоспорен. Правительство имело основания полагать, что за время существования при Министерстве путей сообщения Комитета по распределению железнодорожных заказов (1902—1914 гг.) отсутствовали «нормальные начала свободной конкуренции»; заводы, подобные Путиловскому, «совершенно не приспособлены... к выработке рыночных изделий», так что «немедленный переход к свободной конкуренции... неминуемо повлек бы за собой разорение» некоторых из них, «и притом, быть может, лучших по своему оборудованию». Так же понимали роль правительственного распределения и заводчики. Обращаясь к министру путей сообщения, они приносили благодарность (1913 г.) за «глубоко государственную прозорливость, которую проявило правительство, не допустив разорения и закрытия заводов и обеспечив железнодорожное хозяйство в течение свыше 12 лет возможностью приобретать подвижной состав и рельсы по ценам, не зависящим от естественного возрастания всех элементов, определяющих эти цены, как-то: материалы, рабочая сила и накладные расходы»⁷. Заказы дорог, таким образом, относились к явлениям скорее распределительной, чем рыночной экономики. Даже частные дороги (а их становилось все меньше) имели возможность расплачиваться с Путиловским заводом по «естественно возраставшим» ценам лишь в силу правительственной гарантии доходности этих дорог. Из-за такой системы «в России в XIX — начале XX в. по существу не было рыночных цен ни на подвижной состав, ни на рельсы»⁸.

Рыночная стихия не достигала и сферы военного производства, куда смещался к началу XX в. центр деятельности Путиловского общества. По мнению Гранта, к Путиловскому заводу «в равной мере подходят» рыночные характеристики деятельности фирмы Виккерс. Но и сам он признает, что Виккерс сбывал свою военную продукцию по всему миру, Путиловский же завод торговал один на один с царским правительством. Далее, положение Виккерса на рынке вооружений определялось его способностью к самостоятельным исследовательским и конструкторским работам. Путиловский же завод занял положение монопольного поставщика правительства, купив патенты у Круппа в Германии и у французской фирмы Шнейдер (с. 90). В 1900 г. была принята на вооружение самая массовая система полевой скорострельной пушки, предложенная Путиловским заводом. Грант верит правлению, заявлявшему, что Путиловский завод самостоятельно разработал эту систему; иначе и быть не могло: французы, пионеры в этом деле, «естественно, держали свое технологическое преимущество в секрете, так что другим странам приходилось искать собственные решения» (с. 72, 149; но ср. с. 67).

В путиловском образце 1900 г. скорострельность достигалась благодаря противооткатным устройствам, размещенным в лафете, то есть

в основу был положен принцип Круппа. Но, едва начавшись, перевооружение российской артиллерии пошло по иному пути: вместо образца 1900 г. был принят путиловский же новый образец — 1902 года. В нем для возвращения ствола после выстрела в исходное положение использовалось более совершенное устройство (воздушно-жидкостный компрессор, размещенный не в лафете, а при самом стволе), принятое во Франции. С фирмой Шнейдер были подписаны в 1897—1899 гг. договоры, обязавшие ее сообщать Путиловскому обществу «новые усовершенствования, вводимые в материальной части французской артиллерии». Путиловское же общество обязалось «прилагать все усилия», чтобы при проведении российским правительством конкурсов обеспечивалось решение в пользу изделий фирмы, и делиться с нею выручкой от исполняемых заказов на эти изделия (5—7,5%)⁹. Чтобы учесть в новом образце пушки специальные требования заказчика, заводу пришлось еще немало потрудиться, поэтому ГАУ обоснованно считало, что Путиловский завод все же «участвовал» в выработке образца скорострельной пушки.

Правительство расплатилось с Путиловским заводом за патент, предоставив ему по завышенным ценам крупный заказ на такие орудия. Грант считает, что и здесь Путиловский завод действовал в условиях исключительно напряженной конкуренции (с. 71). По его мнению, стихия захлестывала и сам правительственный аппарат, ведавший распределением заказов; хотя Путиловский завод показал свои возможности в артиллерийском производстве, он все же не пользовался никакими гарантиями на получение дальнейших контрактов, а государство не имело определенной линии поведения, каждое ведомство проводило свою. Далеко не сразу правительство осознало, что придется заводу «давать заказы, чтобы поддерживать его производительность» (с. 65, 15—16, 74, 76—77).

К этим выводам Грант пришел, обнаружив в архиве материал о разногласиях в 1902 г. между финансовым и артиллерийским ведомствами из-за заказа на орудийные лафеты. Как ни пытался представитель Министерства финансов убедить Комиссию по перевооружению полевой артиллерии, что нельзя оставить в 1903 г. Путиловский завод без заказа на лафеты (потом все равно придется заказывать, но обойдется это дороже, как всякое восстановление прерванного дела), Комиссия нашла цены, запрошенные Путиловским заводом, чрезмерными и предпочла завод Л. Нобеля. Считая рыночный характер военного производства тем самым доказанным, Грант после этого уже не добавляет новых аргументов.

Можно было бы восхититься, как второстепенный вроде бы материал (100 лафетов на год — малозначительный, по масштабам российской артиллерии, заказ) раскрывает исследователю существенные явления, — если бы не недоразумения с источником. Действительно, Военный совет решил заключить контракты с заводом Нобеля и другими, отказав Путиловскому. Но постановления Военного совета получали силу только после утверждения военным министром, а он не дал согласия. «Мнение ГАУ [Главного артиллерийского управления] о том, что проектируемое распределение заказов лафетов не дает гарантии в срочности, весьма тревожно, — заявил А. Н. Куропаткин. — Неожиданным представляется устранение Путиловского завода от заказов, в то время когда этот завод вполне надежно поставил выделку лафетов и только один добился срочной поставки их. Мне кажется, надо еще попытаться, чтобы Путиловский завод сбавил цены»¹⁰. Таким образом, обнаруживается не разногласие между ведомствами и не неопределенность с заказами для завода, а твердое признание государственным аппаратом необходимости поддерживать заказами важные для армии направления деятельности Путиловского общества. 30 октября Комиссия ГАУ пересмотрела свое ошибочное решение, завод Нобеля «сам» отказался от контракта на 100 лафетов в пользу Путиловского завода¹¹.

В данном случае недостоверность данных, полученных Грантом, результат торопливого, невнимательного изучения архивного дела. Из-за той же торопливости не удалось ему ознакомиться с протоколами правления

Путиловского общества в петербургском архиве. По словам Гранта, в 1994 г., когда он приехал ознакомиться с этим источником, архив закрылся на ремонт. Выход из положения указала ему его чисто американская предприимчивость. «Сравнительная скудость источников» (с. 12) в таком случае не помеха, и он решил, что выручит проницательный анализ уже того материала, какой всегда под руками. Располагая юбилейной историей фирмы (1902 г.) и опубликованными балансами и отчетами, можно и без подлинных протоколов правления «пролить свет» на его стратегию. Эти источники, по сути своей, просто обязаны свидетельствовать о блестящем состоянии предприятия и изображать деятельность его руководящих органов в наилучшем виде. Задача еще упрощается, если отбросить те данные, которые накоплены в историографии, но не укладываются в схему, а саму эту историографию объявить просто не существующей. То и дело Грант повторяет, что история российской предпринимательства terra incognita, чистая доска; ее еще только нужно начинать создавать — ведь «до настоящего беспрецедентного исследования [Гранта] ни одна живая душа не изучала детально ни одну российскую корпорацию» (с. 1—3, 9).

У предшественников Гранта отчеты и балансы вызывали настороженность. Баланс Путиловского общества за 1913 г. Гиндин (в специальной статье о балансах как виде источников) демонстрировал как пример фальсификации, позволившей выдать убыточное предприятие за процветающее. Критикуя Гиндина за то, что тот положился в данном случае на «Историю Путиловского завода» 1939 года издания, где источник сведений не был указан, а имя главного бухгалтера названо неправильно, Грант отрицает факт фальсификации баланса и восстанавливает репутацию источников этого типа. «Мне представляется обоснованным, — заключает он, — принять опубликованные балансы и отчеты как надежный источник, а не сплошную фальсификацию, точно так же, как их не отвергают историки бизнеса на Западе» (с. 14—15).

Вообще-то Гиндин и не писал о «сплошной фальсификации» балансов. Но и в той книге, на которую он ссылаясь, все же были воспроизведены не выдумки, а данные ревизии, проведенной Министерством финансов в 1916 году. Она показала, что убытки, постепенно накапливавшиеся с 1905 г., правление Общества скрывало в отчетах и балансах, совершая трюки с переоценкой стоимости земли и завышая погашение построек и оборудования. Выявлен был и опровергаемый Грантом эпизод 1913 г. («ошибка» в балансе на 4 млн руб.), а на 1915 г. «сличение балансов с записями в книгах обнаружило несоответствие в общем итоге на 13 221 000 рублей»¹².

Проблема с источниками, таким образом, более серьезна, чем ее представляет Грант, хотя упомянутая ревизия дала еще лишь «щадающую» оценку дел. В предвоенные годы предприятие терзало кризис, вызванный просчетом его руководителей: они затратили огромные средства на сооружение верфи, но не сумели добиться ни морских заказов, достаточных, чтобы оправдать затраты, ни новых вложений от французских партнеров. Сдержанность французов отчасти объяснялась осложнением военно-политической обстановки. Но еще больше влияло как раз понимание тонкостей баланса Путиловского общества. Прежде чем решить вопрос о вложении денег, французские финансисты, преодолев сопротивление правления, произвели обследование предприятия и составили свой, реальный баланс на 31 декабря 1912 г., проанализированный в сугубо секретном докладе ревизоров французским банкирам. В этом докладе раскрыта картина административного и технического развала, тривиального мошенничества (те же проделки с амортизационными статьями баланса, с оценкой земли, построек и оборудования, качества денежных активов и пр.). Ежегодно «процветающее» предприятие теряло 2—4 млн руб. из-за плохой организации производства; реализуемые активы составляли 35,5 млн руб., а в балансе их оценка была раздута до 52 миллионов.

Почти год спустя А. Фурнье, представитель фирмы Шнейдер, прислал в Париж пространное донесение о результатах нового обследования.

Банкиры интересовались причинами бесконечных финансовых злослучений Путиловского общества, требовавшего все новых денежных вливаний. Одной из причин оказалось неумение администрации устранить раздоры между руководителями Путиловского и Невского заводов из-за ассигнований на расширение и переоборудование. Главный же вывод остался в силе: «абсолютно бездарное управление», которое требовалось изменить решительно и глубоко; следовало бы также избавиться от акций Невского завода и от Путиловской верфи.

Эти данные, выявленные в архивах Банка Парижского союза и фирмы Шнейдер, приведены в статьях «историков бизнеса на Западе» Р. Жиро и К. Бода¹³. Обе статьи Гранту известны, но о результатах обследований он молчит, что и облегчает ему победу над «Историей Путиловского завода» и трудом Гиндина. Направленность избирательного подхода к материалам очевидна: что бы ни содержали источники, Грант склонен гнуть свою линию, изображая прожженных махинаторов, присосавшихся к казне и морочивших «публику», — дальновидными и независимыми стратегами бизнеса; удивительно ли, что терпимость власти к махинациям, нарушениям законов Грант рассматривает как признак зрелых условий для сосуществования бизнеса и самодержавия (с. 37).

Из источников Грант извлекает потребный ему результат: в официальном отчете правления собранию акционеров в 1910 г. ему попала оценка «вдохновляющих перспектив» предприятия. Директора объясняли успех тем, что, помимо артиллерийских заказов, «усиливается работа Путиловского завода на рынок». Предприятие настолько приспособилось к работе на рынок, что умеет длительно держаться, даже не получая платежей по казенным заказам. Оно «выживало несмотря на артиллерийские заказы, а не благодаря им», — заключает Грант. Более того, он считает, что именно артиллерийские контракты привели предприятие к «хронической нехватке оборотных средств из-за свойственного военному ведомству порядка расчетов с поставщиками» (окончательный расчет — после полной приемки) (с. 149, 104—105, 147, 134). Отчеты за 1911—1914 гг., правда, слегка озадачивают его. Опять «парадокс» какой-то: «для общей успешности действия Общества доля государственных заказов не играла доминирующей роли», а в то же время «для финансового благополучия она имела стержневое значение» (с. 147—149). Автор настолько старательно воспроизводит в качестве святой истины официальные заявления правления, что не замечает, когда оно, запутавшись, проговаривается, подсказывая разрешение «парадокса». Напоминая о своих прошлых заслугах перед государством, правление ссылалось на отвергнутое правительством в 1909 г. предложение Путиловского общества «расширить и усилить Путиловский завод без какой бы то ни было помощи от правительства, если только заводу будет гарантирован заказ по 100 орудий в месяц» (с. 120). Грант принимает это как должное и, стало быть, тоже полагает, что добиться гарантированных огромных заказов на крупные орудия (ведь не 100 легких лафетов на год!) — это и есть способ обойтись без казенной поддержки.

Деликатные упоминания (с. 17—18, 134—135) о «перенапряжении» Общества, нехватке оборотных средств и его «недостаточной ликвидности» к началу войны, о неувязке с судостроением служат для того, чтобы все это поставить в вину правительству. По Гранту, оно, создав своему поставщику такие проблемы, само же вынуждено было в дальнейшем их расхлебывать, взяв в конце концов Путиловское предприятие под свое управление в 1916 году. Еще при первых крупных заказах на пушки 1902—1903 гг. ГАУ заставило Путиловский завод сбавить цену, оно тем самым «вынудило компанию компенсировать» упущенное — путем снижения заработной платы рабочих (якобы ввиду совершенствования техники). Последствием были «драматические перемены»: забастовки, длительное расстройство производства, срыв контрактов, а главное, «макро»-политические события 1905 года. Кто виноват? Чья стратегия? Заявление правления об убыточности принятых от ГАУ условий (с. 83) как причине финансовых затруднений, хотя Грант ему и поверил, при проверке не подтвердилось¹⁴. Никто и нич-

то, кроме собственной жадности, не принуждал правление выжимать в 1902—1904 гг. из рабочих (не останавливаясь перед увольнением квалифицированных специалистов) «компенсацию» в виде прибылей — сначала 28%, потом 33% в отношении к расходам на заработную плату (прибыль за 1904 г. приближалась к 2 млн рублей) (с. 79, 84).

Так же и дело с морскими заказами в тупик загнало правительство: ведь «в конце концов Путиловское общество потому потратилось так основательно на расширение судостроительного отдела, что правительство предпочло воссоздание флота более широкому переоснащению армии» (с. 135, 148). Кто же мог знать, сооружая верфь для постройки гигантов-дредноутов, что получение в 1912 г. казенных заказов хотя бы на эсминцы и легкие крейсера придется считать удачей (с. 103)? Кто виноват, что, развертывая судостроение, правление не только не облегчало положение Общества, но еще больше подрывало его устойчивость? ¹⁵ В то же время «ключевой пункт в том, что *самодержавный* не обязательно значит *непредсказуемый*... взаимоотношения Путиловского общества с государством показывают, что укреплялось ощущение их упорядоченности и предсказуемости» (с. 16. Курсив Гранта). Что-то здесь не вписывается в схему: или с предсказуемостью при царском режиме что-то было не так, или дальновидность руководителей крупного бизнеса оставляла желать лучшего.

Насколько «напролом» идет по намеченному пути автор, показывает то, какими способами пересматривает он роль банков. Историки всерьез еще «не пытались анализировать, кто принимал решения» в военно-промышленном бизнесе (с. 10, 13). Стратегия акционерного общества определялась его правлением или, скорее, самими акционерами; во всяком случае правление Общества было главным актером в собственной драме, утверждает Грант; «как и повсюду в Европе», банки, владевшие акциями, не имели возможности распоряжаться в делах предприятия (с. 112, 92, 93).

В доказательство приведен пример действительно важного решения, принятого собранием акционеров Путиловского общества в мае 1912 г.: приобрести за 6 млн руб. Невский завод, для чего выпустить дополнительные путиловские акции на те же 6 млн рублей (плюс три миллиона — на переоборудование). В жизни акционерного общества крупное увеличение основного капитала (с 16 до 25 млн рублей) — важная веха. Официальные сообщения о количестве акций, предъявленных к регистрации перед собранием, о количестве акций, принадлежавших каждому из явившихся, о распределении голосов — не всегда бывают надежны. Со знанием дела известный ученый-кораблестроитель А. Н. Крылов, сам возглавлявший в течение нескольких лет крупное предприятие, описывал обычную практику, свидетелем которой ему довелось быть. Банк желал обойти запреты в уставе, ограничивавшие скопление голосов у крупнейших акционеров; приближалось общее собрание акционеров, и было замечено, «что один из банков расписал акции на своих артельщиков, мелких служащих, по 15 акций на каждого, и таким образом получил бы на общем собрании гораздо больше голосов, чем то число [голосов], на которое он имел право не прибегая к этой полумошеннической, но законной уловке. Имея абсолютное большинство голосов, банк провел бы нужные ему решения и завладел бы обществом». В описанном Крыловым случае дело дошло до Николая II (предприятие было полугосударственное), и только когда царь повелел министру финансов «сказать „цыц“ председателю правления банка П.», подстроенной смены владельца удалось избежать ¹⁶.

Тот же способ действий Русско-Азиатского банка отмечала Наблюдательная комиссия Особого совещания по обороне. Банк, манипулируя большим количеством акций Путиловского общества, «в значительной части ему не принадлежащих, и являясь главным из его кредиторов, поставил во главе его правления своего представителя [А. И. Путилова], который и руководит финансированием», давая банку хорошо заработать на кредитовании постепенно разоряющегося завода ¹⁷.

Грант, представляя ограничительные уставные нормы как непреодолимый барьер, уверяет, что суждения историков о руководящей роли банков

«поверхностны». По его подсчету, Русско-Азиатский банк, лично Путилов (не тот ли самый «П.»?) и союзные с ними владельцы акций совокупно владели слишком малой долей акций, чтобы повлиять на решение собрания акционеров относительно Невского завода (с. 91—97, 100). Но как же быть, ведь известно, что в 1912 г. майскому собранию акционеров предшествовало — в марте — совещание банкиров (русской и французской групп) в Париже, когда как раз и было решено провести собрание акционеров с той повесткой дня и с теми в точности постановлениями, какие и были приняты в мае. Если считать «чистой доской» и нулем протокол этого совещания и другие исключительно важные документы, опубликованные в 1959 г. В. И. Бovyкиным¹⁸, то можно доказать все что угодно. (Как ни проявились в последующие десятилетия личные качества этого советского историка, какое участие ни принимал он в удушении творческой свободы коллег¹⁹, игнорировать действительно серьезные материалы, выявленные и опубликованные им, не следовало бы.) В свете этих документов бессмысленно отрицать главенствующее значение французских финансистов в решениях о Путиловском и Невском заводах.

Другое дело, что самим возникновением идеи о приобретении Невского завода банкиры были обязаны правительству, Государственному банку, которому этот завод принадлежал с 1899 г. (разорение Мамонтовых). Государственный банк давно мучился вопросом, как сбыть с рук Невский завод, слишком мало загружаемый заказами и отягощающий казну. Как объяснял министр финансов В. Н. Коковцов в Думе 18 января 1910 г., Невский завод «не ликвидирован, но к тому принимаются все меры... и, может быть, это удастся сделать, но наверное сказать — удастся или не удастся — я еще не могу»; со временем же Государственный банк, конечно, «выйдет из этого предприятия»²⁰. Согласно сведениям, добытым германским консульством, правительство, зная острую нужду Путиловского общества в морских заказах для своей создаваемой огромной верфи, навязало ему приобретение Невского завода, поставив это условием выдачи заказов Путиловской верфи²¹. Но Грант и об этой стороне «драмы» умалчивает, удовлетворяясь видом раскрашенных декораций. В дальнейшем выяснилось, что из средств Общества, зачисленных на баланс в качестве дохода от реализации акций в 1912 г., «в действительности» в кассу Общества вовсе не поступило 6 млн рублей²², а «невские» акции Путиловского общества оказались в Русско-Азиатском банке на депозите французского банка в качестве залога.

Следующая, не менее важная веха в истории Путиловского общества приходится на первую половину 1914 г., когда правление проводило дальнейшее увеличение основного капитала — с 25 до 40 млн руб. с одновременным выпуском облигаций еще на 13 млн рублей. Это событие Грант вообще никак не оценивает. Сама нужда в притоке капитала была связана с продолжавшимся финансовым кризисом предприятия, причем близились сроки крупных платежей по векселям. Стратегия здесь заключалась в том, что требовался заем в 20 млн руб., и получить его можно было либо от французских партнеров (с ними, изучившими положение дел на заводе, бесплодные переговоры продолжались больше года), либо от германских банкиров, готовых дать деньги, если Путиловское общество предпочтет сотрудничество с Круппом, изменив французам. Произошел известный скандал: огласка «германской угрозы», буря в антантовской печати и «общественном мнении».

Центральным действующим лицом в этом скандале оказался глава Русско-Азиатского банка, Путилов, таким «ловким» способом подключивший военно-политические рычаги для давления на скаредных французских финансистов. Но решение вопроса зависело не от Путилова, не от правления Путиловского общества и не от собрания его акционеров. Французское правительство, не желавшее допустить перемещения Путиловского завода под влияние Круппа, оказало нажим на российские власти, как раз в этот момент добивавшиеся от французов огромного «железнодорожного» займа, а Шнейдеру дало понять, что следует «абсолютно и окончательно» прибрать к рукам Путиловский завод²³. В январе 1914 г. Путиловскому

обществу было запрещено брать деньги у немцев, начались переговоры о выпуске на парижскую биржу новых его акций, продолжавшиеся полгода, вплоть до войны.

Затем, уже в условиях войны, французское правительство объявило мораторий на платежи по заграничным обязательствам и Путиловское общество в результате осталось с разрешением правительства внести изменения в свой устав (увеличить основной капитал до 40 млн рублей), но без существенного притока средств, который позволил бы избежать фактического банкротства в конце 1915 года. «Ближайшею причиною создавшихся финансовых затруднений, — констатировала эту неудачу Наблюдательная комиссия Особого совещания по обороне, — явилось неосуществление Обществом намеченных до войны финансовых операций. Выработав планы расширения заводов, правление в начале 1914 г. вошло в соглашение с группой французских банков о выпуске акций и облигаций на общую сумму около 26 млн руб., каковой договор был утвержден французским правительством 14/27 июля (русским — 6/19 июня²⁴. — В. П.) 1914 года. Наступившие военные обстоятельства лишили Общество возможности осуществить как означенное предположение, так и некоторые другие финансовые операции». Ему пришлось употребить «на погашение старых долгов» те авансы, какие удалось получить по заказам военного и морского ведомств, то есть авансы «не были обращены по прямому своему назначению»²⁵, что в дальнейшем привело Общество к новым осложнениям и, наконец, к секвестру.

Война застала Путиловское общество врасплох (с. 113, 120, 149). Выходит, когда весь финансовый мир оцепенел при виде назревающего европейского военного конфликта, только руководители этого Общества резвились на краю обрыва и, по признанию Путилова, к началу войны довели дефицит до 33 млн руб., после чего им предстояло «или признать Общество несостоятельным, или пойти по пути покрытия произведенных расходов посредством краткосрочных займов»²⁶. Таким образом, вновь деловая стратегия руководителей Путиловского общества выступает, вопреки усилиям Гранта, в самом прискорбном виде.

Отметая все те фактические данные, которые говорят о плохой финансовой и организационно-технической работе правления, он не скупится на догадки, предположения, используя их как установленные факты в обоснование той версии событий, какую выдвинули в свое оправдание руководители предприятия. Объясняя произведенный в 1915—1916 гг. секвестр предприятия, Грант «додумывает», например, за начальника ГАУ А. А. Маниковского²⁷ возможные мотивы его (а также военного министра А. А. Поливанова и А. И. Гучкова) личной неприязни к Путилову или правлению в целом, строит общие вульгарно-социологизаторские рассуждения насчет сложных отношений между гражданскими и военными деятелями²⁸, проводит идею о заинтересованности московских промышленников (с. 116), которые, однако, высказывались по-разному — и за и против секвестра²⁹.

Если же не подгонять материал под версию, выдвинутую правлением Общества, то придется признать, что проблемой Путиловского общества занимались не только те лица, кому выпало организовывать секвестр, а правительство в целом, причем не с мая 1915 г., а значительно раньше.

На заседании Совета министров 30 сентября 1914 г. министр внутренних дел Н. А. Маклаков обратил внимание коллег на «неспокойное настроение среди рабочих ввиду стремления предпринимателей понижать расценки», используя условия войны. «Путиловский завод — уменьшение расценок, — записано конспективно его выступление, — слухи о забастовке»; это «вопрос государственный». После дискуссии о политике заработной платы на петроградских предприятиях зафиксировано итоговое заключение: рабочий вопрос — «дело не только фабрик, но и казнь»; «ежели что произойдет, возьмем в казенное управление». Такой поворот мысли правительства обосновывал признанный в среде министров мудрец — государственный контролер П. А. Харитонов, по мнению которого,

требовалась «угроза [владельцам], если не подчинитесь, возьмем в военное управление»³⁰. Общая идея использовать против предпринимателей, нарушающих государственные интересы, «в виде крайней меры, принудительный выкуп предприятий в казну» вынашивалась в правительстве еще до войны³¹.

Идею секвестра как средства для решения проблем, связанных с крупным бизнесом, Совет министров не оставлял и в дальнейшем. 17 февраля 1915 г. она обсуждалась в связи с финансовыми затруднениями завода б. Беккер. Когда обрисовалась необходимость оказать заводу казенную поддержку, глава земельного ведомства А. В. Кривошеин предложил: «Пусть, а потом секвеструем»³². (Осенью 1916 г. завод и был секвестрован.) 10 марта 1915 г. министр финансов П. Л. Барк докладывал: «Русско-Азиатский банк имеет большинство акций Путиловского завода... Завод важен для обороны. Придется... поддержать из казны, на что надо до 12 млн рублей... Завод в руках Азиатского банка не развивается... выжимают, как лимон»; возможно, его купят американцы. Это опять навело Кривошеина на мысль о секвестре: пусть — американцы; казенные миллионы не пропадут, «все равно Военное ведомство вооружено и контролем и правом секвестра». 18 ноября, когда дело и подошло уже к секвестру, Поливанов объяснил, почему он в данный момент против: «Тогда правление уйдет, а новых найти не могу (незадолго перед этим отказался возглавить казенное правление Крылов, приглашенный Поливановым. — В. П.). Мера не в пользу, а во вред». 23 февраля 1916 г. Совет министров обсуждал, как быть с забастовавшим Путиловским заводом. Решено: «Закрыть. Взять [призвать в действующую армию] младший возраст. Объявить новый набор». И следует конкретная рекомендация по составу правительственного правления после объявления секвестра: «Перемена правления — дело военного министра — но желательно Меллера [действующего директора завода, представителя фирмы Шнейдер] заменить генералом Дроздовым»³³. Так и было сделано.

Отстранение выборного правления Путиловского общества с заменой его назначенным от казны в феврале 1916 г. Грант считает не показательным для оценки положения крупного бизнеса при царизме. Ему «представляется ошибочным истолковывать секвестр Путиловского завода как проявление общего процесса промышленной мобилизации, потому что секвестр был нетипичен, составлял исключение из правил» (с. 116)³⁴. Но что же являлось правилом? Путиловский завод, самый крупный поставщик артиллерийского ведомства, подвергся секвестру; той же мере подверглись входившие в русско-французские группы Русско-Азиатского и Частного банков заводы б. Беккер и Посселя (в последнем случае не секвестр, а конфискация); принудительному выкупу подверглись только еще создаваемые предприятия: Царицынский оружейный завод, входивший в русско-английскую группу Международного банка, и Владимирский пороховой завод, принадлежавший совместно тем же основным банковским группировкам. У группы Международного банка отнят Выксунский металлургический завод. Не допущено создание Кузнецкого металлургического комбината, финансируемого теми же группами. И это если говорить только о крупнейших предприятиях и не касаться подвергнутых воздействию в качестве «немецких».

Взаимоотношения ГАУ, начальника его Маниковского, с частными предпринимателями Грант изображает так, чтобы они выглядели как обычное для капиталистических порядков взаимодействие крупного бизнеса с государством. По его словам, Маниковский не только не питал вражды к частной промышленности (если он и проявлял неприязнь, то только к банкам и лично Путилову), но и ставил ее выше казенной и оказывал ей предпочтение. В данном вопросе Грант опирается на труд Маниковского «Боевое снабжение русской армии» — чрезвычайно сложный источник. В нем позиции и взгляды правительственных деятелей и органов, включая ГАУ, поданы крайне тенденциозно, извращен смысл пространно цитируемых документов. Но и при этом начальник ГАУ нарисовал свои взаимоотно-

ношения с частными предпринимателями как непрерывную неравную схватку с алчными заводчиками, подрывавшими главную опору государства — казенную военную промышленность. Нужно активно не понимать содержание книги Маниковского, чтобы представить генерала покровителем частного бизнеса. Создав превратное представление о его позиции, Грант получает еще один «парадокс» и принимается искать объяснений: почему же этот генерал, столь высоко ценивший частную инициативу, настойчиво требовал секвестровать Путиловский завод? За отгадкой не пришлось далеко идти: дело в личной «враждебности» Маниковского к акционерному правлению и Путилову (с. 116, 126—130).

Стоит Гранту от предположений перейти к конкретным источникам — начинаются недоразумения. В докладе комиссии Особого совещания по обороне, положенном в основу первоначального решения о секвестре, обзор выявленных технических нарушений на Путиловском заводе подытоживался следующим образом: «Наконец, по заключению инспекторов завода, его производительность развита далеко не в полной мере и может быть увеличена по некоторым производствам до 50%»³⁵. Достаточно убрать, как это и делает Грант, слова «по некоторым производствам», чтобы это заключение обрело вид огульного наскока. Между тем в докладе комиссии вывод о 50% касался не Путиловского завода в целом, а главным образом пушечного производства.

Грант заявляет, что «документы не содержат никаких деталей о том, как инспекторы пришли к этой цифре (50%. — *В. П.*), а с учетом существовавших практических целей, по-видимому, ее взяли с потолка» (с. 118). Но детали, насколько это возможно бывает в документах подобного рода, инспекторами приведены, и они весьма конкретны: «Электрическая станция чрезвычайно слаба и снабжена неисправными котлами, причем работают лишь два турбогенератора, третий же, запасный, еще не прибыл, ввиду чего при порче одного из действующих турбогенераторов половина завода останавливается. Мостовые краны не готовы... Мартеновская и кузнечная мастерские недостаточно производительны, и внутренние сообщения между этими мастерскими не отвечают своему назначению. В пушечной мастерской постоянно наблюдается прогул станков, вызываемый исключительно упущениями администрации»; можно повысить «производительность специально пушечных станков для грубого сверления труб, от которых непосредственно зависит выпуск пушек. Простой этих станков колеблется в пределах от 6 до 69%... 14-часовой воскресный перерыв в работах не используется ремонтной бригадой для починки станков. Если же обратить более строгое внимание на надлежащий уход за станками, на своевременную доставку к ним инструмента и поковок и поставить на них лучших рабочих, то они смогут пропускать пушечных труб на 50% более, чем дают теперь»; нужно «увеличить в два-три раза число кранов в пушечной мастерской, в мартеновской и фасонно-литейной. Монтаж... новых станков производится крайне медленно — неделями и месяцами, тогда как мог бы закончиться в 10 дней». «Инструментальная мастерская также недостаточна, — находили инспекторы, — и мастера принуждены останавливать работы за неимением инструментов»; из-за этого «не исполняется до крайности нужный заказ 42-линейных пушек».

Может быть, инспекторы проявили придирчивость, тем более что их раздражало противодействие администрации, которая «даже отказывается сообщать им необходимые сведения»? Но слишком совпадает эта их критика с заключением о «технических беспорядках», сделанным незадолго перед тем французскими экспертами. Путилов, ознакомившись с претензиями инспекторов, признал, что имеются «существенные недочеты в устройстве отдельных мастерских», и не привел никаких возражений по каким-либо замечаниям³⁶.

Опорой для предположений о пристрастном отношении Маниковского к Путиловскому правлению служит анализ «приказа о секвестре». По словам Гранта, этим приказом «Путилову и остальным бывшим членам правления запрещалось снова становиться во главе предприятия даже по

его [секвестра] окончании. Этот последний пункт дает особенно вопиющий пример озлобления по отношению к прежнему правлению, поскольку никаких других инструкций по управлению заводом Крылов и другие чины не получили от своего начальства» (с. 127). В подтверждение существования «приказа о секвестре» цитируются воспоминания Крылова, из которых, однако нельзя, как это делает Грант, заключить о запрещении членам отстраняемого правления возвратиться на прежнее место после прекращения секвестра. В указанном Грантом месте Крылов не вполне точно утверждал, что к моменту его назначения председателем правительственного правления «общего положения»³⁷ об управлении секвестрованными предприятиями не было, от комитета обороны Государственного совета³⁸ было лишь сообщено, что дело должно быть ведено на „коммерческих началах” и по миновании секвестра вновь возвращено правлению, которое будет избрано».

В памяти Крылова смешались два разновременных события. Одно — предложение Поливанова Крылову возглавить новое правление (31 октября 1915 г.). Тогда Крылов, ссылаясь именно на отсутствие Положения об управлении секвестрованными имуществами, ответил отказом. 3 ноября в обстоятельном рапорте морскому министру (Крылов служил тогда по морскому ведомству и переговоры с ним вел непосредственно военный министр Поливанов, а Маниковский никаких «приказов» отдавать ему не мог) он объяснял, что немедленный секвестр грозит казне разорительной тяжбой: выборное правление с момента наложения секвестра устранился от всякого участия в делах, «ибо оно не уполномочено собственниками, то есть акционерами, на ведение дела при условии секвестра, а также и для того, чтобы не лишить акционеров возможности вчинить к казне иск об убытках»³⁹. Его доводы были приняты во внимание. Второе событие произошло после объявления секвестра: Крылов все-таки принял назначение, но к этому моменту Положение об управлении секвестрованными имуществами уже было утверждено царем 12 января 1916 г.; оно защищало казенного управляющего против исков со стороны акционеров.

В этом Положении Совет министров (а не озлобленный Маниковский) как раз устанавливал порядок возвращения секвестрованного имущества его постоянным владельцам. При этом не только не говорилось ни о каких ограничениях для членов прежнего правления, но напротив: правление, ревизионная комиссия и др. избранные акционерами органы «устраиваются от управления предприятием, — гласило Положение, — но полномочия их сохраняют силу для представительства интересов акционеров, а также для принятия предприятия по окончании секвестра» (ст. 8)⁴⁰. Какие-либо признаки стремления навсегда убрать старое правление, таким образом, в существующем реально источнике отсутствуют. Грант же, кроме фантастического «приказа», якобы отданного начальником ГАУ Крылову, никаких свидетельств пристрастной «враждебности» Маниковского специально к Путиловскому правлению не приводит.

Ничто не может освободить автора, пишущего о Путиловском заводе, от необходимости анализировать законы от 12 января и 22 октября 1916 г. о секвестре, подытоживавшие политику царского правительства по отношению к частной инициативе. Грант одной из задач своего труда ставил сравнительно-историческое рассмотрение условий существования бизнеса в России и передовых капиталистических странах. Вот где, казалось бы, поле для решающих сравнений. Можно ли отделаться лишь упоминанием о том, что и в других странах — Австро-Венгрии, Германии, Франции — правительство в определенных случаях изымало частные предприятия из управления владельцев и ставило своих управляющих (с. 132)? Вопроса о том, как в подобных случаях обеспечивались интересы собственников, Грант не касается, хотя в нем-то и заключается суть предмета. Самой крайней мерой, угрожавшей собственникам в этих странах, являлась экспроприация, реквизиция — принудительное отчуждение у них имущества с возмещением хозяевам его стоимости, определяемой либо по соглашению, либо судебным путем (особо решались дела с подданными враждебных держав).

В российских законах о секвестре вопрос ставился иначе. Формально дело сводилось к временному отстранению владельцев от управления, причем предприятие оставалось в их собственности, так что повода для требования о возмещении стоимости не создавалось. Зато и убытки, которые они могли обнаружить в своем хозяйстве, возвратившись к управлению, им надлежало принимать примерно как кару всевышнего за алчность и непослушание властям, путь же в суд перекрывали упомянутые законы.

Получив назад свое предприятие после секвестра, владельцы могли, например, обнаружить, что за время секвестра новой администрацией уволены особенно ценимые выборным правлением доверенные коммерческие агенты, а вместо них приняты на службу специалисты, состоявшие или состоящие по какому-либо ведомству и зарекомендовавшие себя умением отстаивать денежные интересы государства. Могло также оказаться, что выгодные долгосрочные контракты, положенные владельцами завода в основу деловой стратегии, уже расторгнуты, причем от их же имени, и какие бы из этого ни вытекали бедственные для предприятия последствия, ответственность уже лежит на них, собственниках предприятия. Точно так же от их имени кто-то, управлявший предприятием за время секвестра (это могло быть даже совершенно постороннее частное лицо, угодное ведомству), заключил новые договоры, настолько невыгодные, что само правление никогда бы на это не пошло; но теперь обязано их выполнять. В числе этих договоров могли быть, например, заказы различных ведомств, предоставленные предприятию на исключительно выгодных для казны условиях, таких, каких она не могла бы себе обеспечить в переговорах с любым другим предприятием.

Как обобщал эту перспективу юриконсульт Военного министерства, анализировавший закон 12 января 1916 г. под углом зрения обстановки на Путиловском заводе⁴¹, при секвестре личность собственника «совершенно игнорируется». Лицо, поставленное ведомством, управляет «не только игнорируя» интересы хозяина, но «сплошь да рядом как раз обратно его желаниям и воле», считаясь только с директивами ведомства. И если казенные интересы требуют «чего-либо, что находилось бы в явном и резком противоречии с интересами собственника, то эти представители, не колеблясь, должны принять меру, как бы убыточна и вредна она для собственника ни была». Гранту все это может представляться ненужным и нехарактерным. С его точки зрения, лишь при поверхностном взгляде может казаться, «что самодержавие в своих интересах манипулировало правом собственности и другими правовыми гарантиями, необходимыми для предсказуемости и долгосрочных инвестиций» (с. 16). Наоборот, при глубоком взгляде ясно, что интересы акционеров при секвестре «были вполне обеспечены»; в России, где право частной собственности имело мало сторонников, гарантом его являлось самодержавное государство, которое не уважало и попирало все прочие права⁴².

В российском законодательстве до 1916 г. понятие секвестра не было разработано. Изготовленный же в ведомстве Кривошеина за полгода закон 12 января 1916 г. открывал совершенно новые пути воздействия на частные предприятия. Шедевр казуистики, он вызвал понятное ликование юриконсульта военного ведомства по поводу торжества казенного интереса над зарвавшимся купечеством. Установленные новым законом условия взаимоотношений государства с бизнесом не идут в сравнение с порядками ни реквизиции, ни вообще любой откровенно объявленной экспроприации — даже конфискации, когда собственник теряет все же только само имущество, переходящее к казне.

Практика оказалась еще богаче новых юридических норм. Ссылаясь на полученное по закону 12 января право представлять интересы акционеров, выборное правление сразу после секвестра, 9 марта 1916 г., попыталось добиться, чтобы «в целях ограждения имущественных прав акционеров» был установлен «порядок постоянного наблюдения за ходом дел» на предприятии, и желало для этого иметь доступ к делопроизводству. Несмотря на многократные напоминания, согласие было получено только год с лишним спустя — уже при Временном правительстве⁴³, а до того комиссия,

занимавшаяся истолкованием законов о секвестре, отвечала, что «дела могут быть предоставляемы... только за время до наложения секвестра»; впрочем, по усмотрению чиновников-«секвестраторов» — можно и шире, если те сами захотят поручить представителям акционерного общества ведение каких-либо дел⁴⁴.

Военный юрисконсульт разглядел в новом законе целую программу ломки отношений собственности — такую, что она встревожила даже министра торговли и промышленности В. Н. Шаховского, вовсе не склонного потакать заводчикам. Замечалось превращение секвестра «в чрезвычайно сильное и крайне острое орудие промышленной политики государства». «В той форме, в какой применяется ныне секвестр, — предостерегал Шаховской Совет министров, — он серьезнейшим образом затрагивает интересы не только лиц, поместивших свои капиталы в секвестрованные предприятия, но и кредиторов этих предприятий», открывая для них «тяжелые перспективы». Подрывая кредит промышленности, такой секвестр «есть мера для грядущего развития русской промышленности крайне опасная и прямо противоречащая задачам, настоятельно диктуемым современным экономическим и финансовым положением России». Шаховской предлагал «немедленно же приступить к пересмотру закона 12 января 1916 г... в целях большего ограждения [интересов] владельцев и кредиторов предприятий»⁴⁵.

Пусть историк бизнеса решает, сводилась ли линия, отраженная в новом законе (и в практике секвестра), к «мобилизации промышленности» для нужд войны или преследовались более далекие цели. На первый взгляд, стремление Шаховского добиться пересмотра закона 12 января 1916 г. встретило отклик, и 12 сентября 1916 г. Совет министров принял постановление «Об изменении действующих правил о порядке заведования и управления секвестрованными предприятиями и имуществами». Журнал Совета министров (утвержден царем 22 октября)⁴⁶ открывался признанием того, что опыт применения январского закона показал «некоторые его несовершенства, сводившиеся главным образом к недостаточной обеспеченности прав и интересов владельцев и кредиторов». Заканчивался журнал выражением уверенности, что, «конечно», «наложение секвестра не может клониться к разорению предприятия путем возложения на него обязательств, явно для него убыточных».

Тем не менее *все* изменения закона, направленные на смягчение произвола, не прошли. В частности, Совет министров («в уважение» к соображениям Крылова) отклонил пункт, обязывавший назначаемых управляющих составлять опись секвеструемого имущества: эта мера была сочтена «практически трудно выполнимой, а потому и излишней». Представитель ведомства юстиции потом об этом сожалел, потому что в «таком большом деле», как Путиловский завод, если растащат части оборудования и материалы, то нечем будет доказать, при возврате предприятия владельцам, что исчезнувшие предметы и материалы пропали до наложения секвестра, а не «в то время, когда собственник был устранен от всякого участия в деле». Но и он признавал, что «для указанного завода в настоящее время уже потерянный момент для составления описи», теперь она «совершенно не соответствовала бы состоянию завода во время его приемки, бывшей около года тому назад». В ведомстве же финансов считали, что опись имущества собственнику была вовсе ни к чему, «так как он должен доверять правительственному правлению, являющемуся его [собственника] правопреемником»⁴⁷.

Не удалось изменить ст. 11 Положения — о порядке расплаты по долгам секвестрованного предприятия. Министерство торговли и промышленности попыталось лишить «секвестраторов» права не платить по долгам, сделанным до секвестра, но против этого восстали представители министерств морского, военного и юстиции, опасаясь, что «никаких правительственных субсидий не хватит», чтобы выплатить такие долги. В результате Совет министров нашел, что нельзя допустить «возложение на казну значительных расходов по оплате срочных долговых требований», а потому можно «не платить никаких долгов, образовавшихся до наложения секвестра». Но многое и здесь зависело от обстоятельств: например, если из-за неуплаты предприятие рискует остаться без сырья, «то, конечно, такие

долги следует платить, но это может быть видно только управляющим на местах». Было сведено на нет предложение запретить передачу секвестрованного имущества в аренду третьим лицам. Вообще, что касается «объема прав секвестраторов», то соответствующую статью «Совет министров признал предпочтительным сохранить в действующей ее редакции, в коей указывается, что секвестраторы пользуются по сему управлению всеми правами собственника, за исключением права отчуждения недвижимости или обременения ее залогом или иными вотчинными правами».

Добиваясь юридической определенности отношений, Шаховской одновременно сам вел дело к колоссальному расширению применения секвестра. Он уже учредил в своем ведомстве наделенные правом секвестра отраслевые комитеты — по делам хлопчатобумажной, льняной и джутовой, кожевенной промышленности. Подготовлен был и общий законопроект, из текста которого следовало, что отрасли промышленности «и торговли», в отношении которых может потребоваться «применение изъясненных мер», «весьма многочисленны и разнообразны», речь шла не только о предприятиях, снабжавших вооруженные силы, но и об удовлетворявших «существенные нужды населения империи». Законопроект Шаховского «Об упорядочении отдельных отраслей промышленности и торговли» Совет министров утвердил 23 февраля 1916 г. — на том же заседании, что и секвестр Путиловского завода ⁴⁸.

Увлеченно обсуждавшие формируемое новое учение о секвестре главы ведомств, подкованные в юридических вопросах, не стремились сопоставлять свои идеи о гарантиях собственности с понятиями законодательств других стран. Ни малейших попыток в этом смысле не сделал и Грант. Некоторые стороны дела, вызывавшие у них спор, свидетельствуют, что сам подход их к «интересам собственников и кредиторов» при секвестре лежал в особой плоскости, имевшей больше всего точек соприкосновения с положениями об опеке дворянских имуществ. Это выяснилось в полемике между министром финансов и юрисконсультom военного ведомства ⁴⁹ из-за разного понимания задач, возлагаемых на правительственное правление.

Помощник военного министра сенатор Н. П. Гарин недоумевал: «С кем же будет заключать договоры [правительственное] правление Путиловского завода, непосредственно подчиненное начальнику ГАУ? Договор предполагает равноправность договаривающихся сторон. Какая же равноправность между начальником и подчиненным?» ⁵⁰ Юрисконсульту тоже казалось, что если новые директора примутся заключать контракты с военным ведомством, то казна будет «договариваться» сама с собой — создастся противоестественное положение, которое не согласуется с «основными требованиями права». Ведь в таком случае нет «двух самостоятельных сторон», какие всегда подразумеваются при сделках, даже «отказаться от исполнения заказа... правительственные директора не в праве, и потому и элемент свободного договорного изъяснения воли также отсутствует».

Вот тут-то и обнаружилось, что в финансовом ведомстве лучше знают особенности российского имущественного права. «Ни то, что управляющие секвестрованными имуществами должны руководствоваться интересами правительства, — возразил министр финансов Барк ⁵¹, — ни то, что они могут получать от него директивы, не может служить основанием для признания этих управляющих — представителями казны». У нас «далеко не всегда лицо, управляющее чьим-либо чужим имуществом, делает это в качестве представителя» того, кто его назначил. Возьмите практику дворянской опеки: назначенного дворянским обществом опекуна «нельзя считать... представителем дворянской опеки, хотя он ею назначен и от нее же получает директивы». Поэтому вопрос, «чьи интересы имеются в виду при заключении договора, совершенно безразличен». «Для того, чтобы управляющий данным (чужим) имуществом мог заключить по этому имуществу договор с другим лицом, — утверждал Барк, — надо, чтобы по закону исполнение договора производилось за счет этого имущества и чтобы прибыль по этому договору досталась его собственнику, а в случае убытка — он падал бы на этого собственника».

В итоге, с одной стороны, юрисконсульт прав, полагая, что правительственный директор Путиловского общества будет действовать вопреки интересам акционеров; с другой же стороны, уважаемый юрист ошибается, считая, что при таком положении нельзя правительственного директора считать представителем («заступником») тех же акционеров, раз властью поручено ему выступать в этом качестве, хотя мнение акционерного общества об этом никто и не думал спрашивать. На взгляд Барка, таким образом, изгоняемые руководители Путиловского общества, поскольку они не уважают интересы государства, которому всецело обязаны своим благоденствием, и, следовательно, не понимают собственный коренной интерес, подобны спятлившему помещику и столь же нуждаются в опеке. Неважно, если «бывшее правление предприятия» откажется от ответственности за ход дел при секвестре, ибо «не уполномочено собственниками, то есть акционерами, на ведение дела при условии секвестра». Не уполномочено — и не надо, это даже лучше, правительство само уполномочит, кого следует. Все равно у секвестрованного завода остаются его собственники, «и с этими собственниками, в лице их назначенных управляющих, казна, как и всякое третье лицо, может вступать в договорные отношения».

Понимая практическую суть опасений военного ведомства, Барк разъяснял, как будут заключаться контракты: нет «никакой реальной опасности преувеличения цен... если бы на каком-либо заказе случайно получалась чрезмерная прибыль, то правительственное управление, конечно, уравнивает ее, понизив расценки по другим казенным заказам».

Разумеется, при желании и такую систему управления можно истолковать как воплощение «коммерческих начал», к чему и склоняется Грант, встречая в коварных источниках упоминания о прибылях и дивидендах в секвестрованном Путиловском заводе. Детальный разбор практики секвестра — работа, которую должен был бы сделать автор книги о Путиловском заводе, не держась за схему о достигнутых «предсказуемости» порядков и «правовой благоустроенности, необходимых корпоративному капитализму» (с. 16), об установившемся благожелательном взаимопонимании между царской властью и крупным бизнесом.

В основу этой схемы Грант положил актуальную идеологическую легенду о процветании российских предпринимателей, усвоивших законы деловой жизни в условиях свободной конкуренции и умевших выработать и провести удачную «стратегию». Признавая существование различий между политико-правовыми структурами царской России и на Западе, Грант, однако, нащупывает определенную историческую закономерность: все-таки воздействие «рыночных реалий», придававшее поведению Путиловского общества «сходство с западными компаниями», оказывалось более мощным, чем противоположное воздействие самодержавия (с. 151); все шире открывалась дорога дельцам новой формации. Самодержавию тоже ничего не оставалось, как отступать под натиском этих реалий — «объективных процессов капиталистической эволюции», сказал бы советский историк, — делая шаги по «пути превращения в буржуазную монархию»⁵².

«Связь с современностью» в книге Гранта обозначена в «эпilogue» — компиляции сообщений нынешней прессы о преобразованиях на «Кировском заводе» за годы перестройки; они должны свидетельствовать о «большом сходстве» процессов тогда и теперь (с. 18). Похоже, Грант рассматривает свою книгу как историческое руководство для туземных практиков. Как будто куда-то туда, в Пенсильванию либо Флориду, переместился некий «отдел науки», озабоченный ныне продвижением идеи о глубоких исторических предпосылках построения в России развитого буржуазного общества.

Примечания

1. J. A. GRANT. Big Business in Russia. The Putilov Company in Late Imperial Russia. 1868—1917. University of Pittsburgh Press. Pittsburgh (Pa). 1999. Далее страницы этой книги указываются в тексте.

2. ЛАВЕРЫЧЕВ В. Я. Объективные предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. — История СССР, 1977, № 3, с. 64; Новое в советской исторической науке. М. 1988, с. 54, 56.
3. Всепопданнейший отчет государственного контролера за 1884 год. СПб. 1885, с. 50—52.
4. Английские рельсы можно было получить по 75 коп. за пуд, русским заводам казна платила по 2 рубля (ЛЯЩЕНКО П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. М. 1950, с. 195).
5. Путиловец в трех революциях. [Л.] 1933, с. 12, 18.
6. ГИНДИН И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М. 1960, с. 246—247. См. также: ЖУКОВСКИЙ Я. Экономическое развитие Путиловского завода. — Проблемы марксизма, 1932, № 9/10, с. 144—145; КАМЕНСКИЙ В. А. Видлицкий доменный завод. В кн.: Металлургические заводы на территории СССР. М.—Л. 1937, с. 185.
7. Материалы по истории СССР. Т. 6. М. 1959, с. 259, 263—264. Особый журнал Совета министров (ОЖСМ), 14 октября и 29 декабря 1911 года; Российский государственный исторический архив, ф. 1517, оп. 1, д. 62, л. 78. Докладная записка Продпаровоза и Продвагона, 1.VII.1913.
8. ГИНДИН И. Ф., ШЕПЕЛЕВ Л. Е. Против не критического и произвольного использования архивных документов. — История СССР, 1964, № 5, с. 79.
9. BEAUD C. De l'expansion internationale à la multinationale: Schneider en Russie (1896—1914). — Histoire, Économie et Société SEDES, 1985, № 4, p. 579—580.
10. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 514, оп. 1, д. 84, л. 43—43об., 52об. Записка начальника Канцелярии Военного министерства помощнику начальника ГАУ, 16.VIII.1902.
11. Там же, д. 83, л. 36; д. 84, л. 40, 57об. Завод Нобеля, впрочем, получил отступное: «Механическая работа подъемных и поворотных механизмов к лафетам Путиловского завода будет выполняться заводом Нобеля», — указывал артиллерийский приемщик.
12. Там же, ф. 396, оп. 1, д. 159, л. 9, 17, 26. Ср. ГИНДИН И. Ф. Балансы акционерных предприятий как исторический источник. В кн.: Малоисследованные источники по истории СССР XIX—XX вв. М. 1964, с. 108.
13. GIRAULT R. Finances internationales et relations internationales (à propos des usines Poutiloff). In: BOUVIER J., GIRAULT R. L'impérialisme français d'avant 1914. Paris — La Haye. 1976, p. 252, 254; BEAUD C. Op. cit., p. 595.
14. Государственная дума. III созыв, сессия 2-я. Доклады Бюджетной комиссии (ДБК III/2). Приложение к №№ 70—75 (стенограмма, 12 и 27.II.1909), с. 36.
15. Идея возложить на правительство ответственность за просчеты судостроительных компаний встречается в советской литературе. См. ТОРПАН Н. И. Финансово-монополистические группировки в военной промышленности на территории Эстонии в 1911—1917 гг. — Изв. АН ЭССР. Общественные науки, 1984, т. 33, № 2, с. 119.
16. КРЫЛОВ А. Н. Мои воспоминания. М. 1945, с. 243.
17. РГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 32, л. 157об.
18. Материалы по истории СССР. Т. 6, с. 527—538 и далее.
19. ПАВЛЕНКО Н. И. Воспоминания о друге. В кн.: Академик П. В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М. 2000, с. 208.
20. ШАЦИЛЛО К. Ф. Русский империализм и развитие флота. М. 1968, с. 228; ДБК III/3. Приложение к № 41 (стенограмма), с. 23. Подробности того, как Государственный банк делал попытки пристроить в надежные руки Невский завод, к сведению Гранта, описаны в статье: ГИНДИН И. Ф. Антикризисное финансирование предприятий тяжелой промышленности. — Исторические записки. Т. 105. М. 1980, с. 134—143.
21. Deutsch-russische Wirtschaftsbeziehungen 1906—1914. Dokumente. Brl. 1991, S. 377. Государственный банк намерен был сократить на 1,5 млн руб. (на 18%) основной капитал Невского товарищества, чтобы привести баланс «в соответствие с действительной стоимостью имущества», но тут начались переговоры с банкирами о продаже Товарищества, в связи с чем постановление совета Государственного банка «не было приведено в исполнение», и соответствующее уменьшение акционерного капитала пришлось проводить уже новым владельцам (РГВИА, ф. 369, оп. 10, д. 11, л. 79об. — 98).
22. РГВИА, ф. 505, оп. 3, д. 22, л. 83об.
23. BEAUD C. Op. cit., p. 597—598.
24. Дата утверждения журнала Совета министров царем.
25. РГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 32, л. 124.

26. Журналы Особого совещания по обороне государства (ЖОСО). 1915. М. 1975, с. 400; РГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 32, л. 149об.
27. Выступление Маниковского за секвестр автор объясняет его стремлением к тому, «чтобы руководящая роль в управлении заводом на деле принадлежала квалифицированным военным специалистам, а не политикам без какой-либо технической подготовки» (с. 124, 132).
28. При этом Грант сначала приводит распределение голосов военных чинов по вопросу о секвестре — 4 против, 2 за — а затем почему-то обобщает: «В целом голосование офицеров может быть истолковано как шаг с целью заблокировать Думу (то есть усилия представителей Думы в Особом совещании по обороне. — В. П.), и мы можем понять позицию Маниковского как проявление его недоверия к думским деятелям» (с. 116, 124—125). Но ведь Маниковский-то голосовал как раз за секвестр — вместе с частью думцев, а другая их часть (И. Н. Ефремов, А. И. Коновалов, Н. В. Некрасов) голосовала против.
29. Эта идея уже была критически разобрана и отвергнута (см.: HAUMANN H. *Kapitalismus im zaristischen Staat 1906—1917*. Königstein. 1980, S. 127, 128).
30. Совет министров Российской империи в годы первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова. СПб. 1999, с. 78—79.
31. См. Кризис самодержавия. 1895—1917. Л. 1984, с. 440.
32. Совет министров Российской империи, с. 134.
33. Там же, с. 148, 301, 320.
34. Другой автор, видя, что история с секвестром Путиловского завода ломает его схему, тоже нашел выход из затруднения, назвав происшедшее «отклонением» от «движения вперед», «зигзагом» (ЛАВЕРЫЧЕВ В. Я. Военный государственно-монополистический капитализм в России. М. 1988, с. 235).
35. ЖОСО 1915, с. 376. В более полном тексте доклада: «Увеличение ее [производительности] в отдельных мастерских могло бы быть достигнуто в пределах от 10% до 50%» (РГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 32, л. 146об.)
36. Там же, л. 125—125об., 145, 147об., 148, 150об.
37. Грант перевел слово «положение» в смысле — позиция, точка зрения.
38. Так Крылов назвал Наблюдательную комиссию Особого совещания по обороне, которую возглавлял председатель Государственного совета А. Н. Куломзин.
39. КРЫЛОВ А. Н. Воспоминания и очерки. М. 1956, с. 734.
40. СУ, 1916, ст. 118 (№ 21, 26.I.1916).
41. РГВИА, ф. 369, оп. 5, д. 44, л. 8—11; д. 223, л. 10—26.
42. HAUMANN H. *Op. cit.*, S. 131; WORTMAN R. *Property Rights, Populism, and Russian Political Culture*. In: *Civil Rights in Imperial Russia*. Oxford. 1989, p. 32.
43. Государственный архив Российской Федерации, ф. 7952, оп. 4, д. 63, л. 59—61, 91.
44. РГВИА, ф. 504, оп. 2, д. 1259, л. 16.
45. Известия Московского военно-промышленного комитета, 1916, № 19—20, с. 142—143.
46. РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 4397, л. 12—18. ОЖСМ.
47. Там же, ф. 504, оп. 2, д. 1259, л. 9об. — 16; ф. 505, оп. 3, д. 22, л. 11—11об., 10.
48. Там же, ф. 369, оп. 1, д. 156, л. 107—108, 112—113, 122.
49. Там же, оп. 5, д. 223, л. 10—26.
50. Там же, л. 9. Резолюция на докладе Маниковского, 18.V.1916.
51. В основу этой части письма Барка от 21 мая 1916 г. легло заключение светила юриспруденции сенатора Н. И. Лазаревского — юрисконсульта Министерства финансов, прикомандированного к правительственному правлению Путиловского завода в качестве эксперта (там же, ф. 505, оп. 3, д. 22, л. 103об.).
52. Новое в исторической науке. М. 1984, с. 51—56.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Мишель Дебре

М. Ц. Арзаканян

Мишель Дебре — виднейший государственный деятель Франции второй половины XX века. Его судьба тесным образом связана с жизнью выдающегося французского политика генерала Шарля де Голля и с историей голлизма как идейного течения. Дебре был одним из авторов Конституции 1958 г. и основателей Пятой республики. Он стал ее первым премьер-министром. Его имя прочно вошло в анналы политической истории Франции. Занимая любой пост, и в молодости, и в старости, и в оппозиции, и у власти, Дебре являл собой достойный пример бескорыстного служения своему отечеству.

Он родился 15 января 1912 г. в Париже. Его дед по материнской линии был модным художником родом из Тулузы, дед по отцовской линии — раввином. Родители будущего политического деятеля познакомились в Париже во время учебы на медицинском факультете и вскоре поженились. Мать Мишеля Дебре, Жанна, еще до первой мировой войны начала работать в больнице. Отец, Робер, сделал карьеру детского врача. Со временем он стал известнейшим педиатром Франции.

Самые ранние воспоминания Мишеля относятся к первой мировой войне. Он писал в своих мемуарах, как в 1916 г. вдруг распахнулась дверь в квартире небольшого городка Амбуаз, где он с матерью, братом и сестрой жил во время войны, и в нее буквально ворвался человек с бородой, в каске и с рюкзаком за плечами. И мальчик сразу понял, что с фронта пришел отец. Дебре запомнил также 1918 год, ликование всех людей городка и нескончаемый звон колоколов, возвещавший о долгожданной победе. В его семье радовались вместе со всеми, радовались тому, что родина выстояла, что французская республика, пройдя через тяжелейшие испытания, не только сохранила свою независимость, но и вернула Эльзас и Лотарингию, отошедшие к Германии после поражения во Франко-прусской войне 1871 года.

Сразу после окончания войны Мишель начинает учебу в начальной школе. Ему довелось попасть под начало известного в ту пору педагога Жюля Перроно. В классе царили строгие, если не сказать жесткие, порядки. Ударом линейки по рукам наказывалось и малейшее непослушание, и любая ошибка при ответе на вопрос. На формирование мальчика оказывала влияние не только школа. Атмосфера, царившая в семье, также сыграла

Арзаканян Марина Цолаковна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

большую роль. Детей воспитывали в духе любви к родине и уважения ее республиканских законов.

Окончив начальные классы, Мишель продолжает учебу в известных лицеях Монтеня и Людовика Великого в Париже. Очень быстро выясняется, что у него нет склонности к иностранным языкам. Больше всего ему по душе естественные науки, в частности ботаника. Но, помимо конкретных знаний, преподаватели лицея стремились дать ученикам и духовные наставления: будущий политик вспоминал, как учителя сумели внушить ему, что «жизнь — это не просто инстинкт, развлечения и надежды. Она состоит также из выполнения обязанностей по отношению к самому себе, к семье, к обществу, к стране и, наконец, ко всему человечеству».

В 16 лет Дебре уже завершает среднее образование. Что делать дальше? В его семье — все врачи. Вот и сестра вслед за родителями выбрала медицинский факультет. Однако он не стал следовать семейной традиции. Молодой Мишель считает, что посвятит себя служению государству. Он поступает в Высшую школу политических наук и посещает также лекции на юридическом факультете Парижского университета. Почти все свободное время Дебре неустанно читает. Круг его интересов чрезвычайно велик. От французских классических новелл и романов — до поэзии, театральных драм и философских трактатов. Среди своих любимых писателей он всегда называл мастеров мемуаров — Сен-Симона и Шатобриана, а также Стендаля, которому были подвластны все жанры. Через три года Дебре — уже дипломированный специалист.

В 1932 г. будущий политик, как и все молодые люди того времени, поступает на военную службу. Он проходит ее в кавалерийской школе в городе Сомюр. В армии Дебре пристрастился к верховой езде, и с тех давних пор скакать на лошади стало одним из его излюбленных занятий. Он закончил службу в звании младшего лейтенанта.

Перед молодым Дебре опять встала проблема выбора. Для начала он принимается за научные изыскания, пишет диссертацию по истории права и одновременно готовится к конкурсным экзаменам на должность аудитора (младшего чиновника) Государственного Совета. Так Дебре сам, уже без учителей и наставников, продолжает свое образование. Он вновь, как в годы студенчества, погружается в чтение книг. На его письменном столе постоянно лежат сочинения античных авторов — Плутарха, Цицерона, Тита Ливия, трактаты Макиавелли. Дебре с удовольствием углубляется в труды французских историков — Мишле, Тэна, Кине. Его интересуют также книги современников — итальянского историка и социолога Гульельмо Ферреро, испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета, английского социолога Гарольда Джозефа Ласки. Дебре читает и работы известных экономистов — Жана Бодена, Шарля Риста, Шарля Жида, Карла Маркса. Словом, он штудирует историю политических и экономических идей.

В конце 1934 г. 22-летний Дебре удачно преодолевает конкурсный отбор и выходит на работу в Государственный Совет. Теперь он ежедневно переступает порог стоящего в самом центре Парижа старинного и величественного дворца Пале-Рояль, некогда так любимого кардиналом Ришелье. Именно в нем с давних времен разместился Государственный Совет французской республики, выполняющий роль консультативного органа при правительстве. В свои первые годы работы Дебре кропотливо постигает суть обязанностей чиновника-администратора. Через его руки проходит масса бумаг, документов, докладов. Все это он внимательно изучает и распылет по назначению.

Политические взгляды Мишеля Дебре в то время еще не определились. Он даже считал, что государственный чиновник должен быть вне политики. Дебре не симпатизировал правым, которые в лице профашистской лиги «Аксьон франсэз» начали заявлять о себе во весь голос, но не находил ничего привлекательного и в идеях левых. Однако, когда в 1936 г. к власти во Франции пришло правительство Народного фронта во главе с социалистом Леоном Блюмом, Дебре воспринял это с явным одобрением¹.

Свой досуг молодой чиновник любил проводить в кругу друзей. Он охотно посещал вечеринки и светские приемы, ездил в Булонский лес кататься верхом, ходил в кино. Но, пожалуй, его самым большим увлечением становится театр. Дебре не только с удовольствием регулярно бывает на самых различных спектаклях, но и сам играет в самодеятельном кружке. Его любимым драматургом — Эжен Лабиш. Вместе с ним в одном из спектаклей занята Анн-Мари Лемарескье, которая тоже страстно любит театр. Мишель и Анн-Мари полюбили друг друга и поженились в конце 1936 года.

Между тем обстановка в Европе становилась все более тревожной. Гитлеровская Германия открыто готовилась развязать войну, а в правительственных и парламентских кругах Франции этого словно не хотели замечать. Страна думала лишь о собственной безопасности. В марте 1938 г. было подписано печально известное Мюнхенское соглашение, способствовавшее осуществлению агрессивных планов нацистской Германии, а в самом конце того же года появилась франко-германская декларация о ненападении. Дебре не остался к происходившему безучастным. Впоследствии он говорил в одном из своих интервью, как с горечью наблюдал в то время за сменявшимися левыми и правыми кабинетами, проявлявшими бессилие перед надвигавшейся военной угрозой ².

Тот же самый 1938 год стал временем первого настоящего знакомства Дебре с политикой. Тогда известный французский правый государственный деятель Поль Рейно был назначен министром финансов. Директор его кабинета Гастон Палевски предложил молодому аудитору стать своим помощником. Дебре согласился. Он относился к Рейно с большим уважением и на всю жизнь сохранил о нем теплые воспоминания. А пока начинающий государственный чиновник старался постичь все премудрости политической жизни Франции.

Однажды, в самом начале 1939 г., Гастон Палевски показал Дебре письмо, в котором говорилось о недостатках и нуждах французской армии. Его написал некий полковник де Голль, командующий танковым корпусом. Дебре уже слышал об этом человеке, вернее, о его книге «За профессиональную армию», хотя лично с ним никогда не встречался и не читал его произведений.

1 сентября 1939 г. начинается вторая мировая война. 27-летний Дебре сразу оставляет свой пост в кабинете Рейно и в звании лейтенанта кавалерии идет в армию. Какое-то время, в период так называемой «странной войны», он обучает молодых офицеров. Затем, весной 1940 г., когда немецкие войска предприняли наступление на западе и вступили на территорию Франции, Дебре уходит на фронт. Сначала французы пытались оказывать сопротивление. В своих мемуарах Дебре написал, как его полк остановился на ночевку неподалеку от Парижа: «Я и сейчас помню об этом привале в лесу в долине Сены. Прекрасная июньская ночь. Орудия утихли. Я засыпал. Тишина и мягкость буквально пронизывали воздух. А когда я проснулся, та же самая тишина возвестила мне, что идет война. Отблески зари осветили небо, горизонт раскраснелся от первых лучей еще невидимого солнца. Но ни одна птица не запела, ни одно животное не зашевелилось в зарослях лесной чащи: ощущение пустоты, страха природы перед надвигающейся смертью» ³.

Успех французов был очень кратковременным. Немцы стремительно продвигались вперед и уже в июне 1940 г. заняли Париж. В том же месяце маршал Петэн подписал перемирие с Германией. Франция была поделена на две зоны — северную, оккупированную немцами, и южную, где было сформировано профашистское правительство Виши во главе с Петэнном. Одновременно с этим происходит и другое событие. Де Голль, получивший в начале войны чин бригадного генерала, покидает Францию и вылетает в Лондон. Он объявляет о создании им в эмиграции организации «Свободная Франция» и призывает своих соотечественников не складывать оружия и продолжать борьбу против оккупантов за свободу родины. Отныне мятежный генерал становится олицетворением другой Франции, Франции, призывающей к сопротивлению врагу.

Жизнь Мишеля Дебре в начале войны протекает спокойно. После окончания военных действий на территории Франции и роспуска ее армии он был демобилизован. В конце 1940 — начале 1941 г. бывший государственный чиновник находится в Лионе и преподает политические дисциплины. Потом он принимает решение войти в административные структуры, образованные правительством Виши. Дебре становится помощником Эмануэля Моника, назначенного генеральным секретарем французской резиденции в ее колонии Марокко, и уезжает с ним туда весной 1941 года. Моник полагал, что очень важным было бы вовлечение в войну Соединенных Штатов. Он думал, что, вступив в войну, США могли бы постоять и за французские интересы. Дебре под его влиянием также разделял подобные взгляды. Однако достаточно быстро стало ясно, что такие надежды беспочвенны. В конце лета того же года Моник был отозван со своего поста.

Вот теперь для Мишеля Дебре настало ответственное время принятия решений. Как быть дальше? Остаться в Северной Африке? Во что бы то ни стало добраться до Лондона и присоединиться к генералу де Голлю, как это уже сделал его давний знакомый Гастон Палевски? Или же вернуться во Францию и установить контакты с теми, кто предпринимает попытки сопротивления врагу? Дебре утверждал впоследствии, что именно тогда, в Марокко, понял, что за освобождение Франции по настоящему будет бороться только де Голль⁴. Тем не менее он решает ехать не в Англию, а во Францию, чтобы внести свою лепту в сопротивление немцам не в эмиграции, а на оккупированной врагом родной земле. Дебре приезжает в город Виши, получает от правительства назначение на новый административный пост и почти одновременно приступает к подпольной деятельности.

Об организованном движении Сопротивления во Франции можно говорить начиная с 1942 года. Именно в это время на территории всей страны начинают действовать различные подпольные группы. Дебре становится сначала рядовым членом, а затем одним из руководителей организации «Сторонники Сопротивления». Основным видом ее деятельности стало издание нелегальной литературы и сбор разведывательных данных. Позднее участники организации совершали также акты саботажа, диверсий и разрушения вражеских коммуникаций.

Генерал де Голль зорко следил из Лондона за тем, что происходит на родине. Как только он узнал, что движение Сопротивления начало набирать силу, сразу же решил взять его под свой контроль и, если понадобится, опереться на него. Генерал стал засылать во Францию особые «политические миссии», имеющие целью установить систематические контакты между «Свободной Францией» и организациями Сопротивления. Главную миссию де Голль возложил на Жана Мулена. В его задачи входило объединить все группировки Сопротивления и обеспечить их подчинение «Свободной Франции».

Организация «Сторонники Сопротивления», в которой сотрудничал Дебре, связалась с Муленом одной из первых. Ее участники заверили де Голля в преданности ему и его делу. Так, еще в 1942 г. генерал узнал через тайных агентов имена своих первых сторонников на территории Франции. А они, в свою очередь, уже называли себя голлистами. Пройдет много лет. Голлизм превратится в крупнейшее идейно-политическое движение Франции. К нему станут примыкать все новые и новые люди. Однако лишь те, которые присоединились к генералу еще во время войны, всю жизнь будут гордо именовать себя «голлистами первого часа». Дебре — один из них.

В самом конце 1942 г. союзные англо-американские войска высадились во французских колониях Северной Африки. В ответ на это немцы оккупировали так называемую свободную южную зону Франции. Весной 1943 г. Дебре переезжает в Париж и почти сразу же переходит на нелегальное положение, то есть по существу — в подполье. В июне того же года де Голль при одобрении союзников становится председателем Французского комитета национального освобождения, прообраза будущего правительства. А на территории Франции в то же самое время Мулену удалось сплотить все основные организации Сопротивления в единый Националь-

ный Совет Сопротивления. Его представители твердо заявили о своей поддержке действий генерала де Голля. При Совете вскоре был создан Генеральный комитет исследований. В его задачи входила разработка политических, экономических и социальных идей, которые должны были лечь в основу развития французского государства после освобождения страны.

Дебре одним из первых вошел в Генеральный комитет исследований и, помимо уже выполняемых им серьезных организационных обязанностей, приступил к настоящей творческой деятельности. Он работал в комитете бок о бок со своим давним другом Эммануэлем Моником. Теперь они вместе разрабатывали проекты реформ, которые, по их мнению, должны были быть проведены в освобожденной Франции. Центральное место среди них занимала конституционная проблема. Судя по всему, во время войны Дебре много размышлял о политической практике предвоенной Франции. Он явно пришел к выводу, что именно существующий в стране режим привел ее к катастрофе 1940 года. Поэтому Дебре предлагал для своего отечества конституцию, в корне отличавшуюся от предыдущей. По существу он ратовал за установление сильной власти. Дебре считал, что во главе государства должен стоять президент республики, избираемый косвенным голосованием на длительный срок и обладающий широкими полномочиями. Функции же парламента сужались им до минимума. Сразу после освобождения Дебре и Моник опубликовали свои идеи в двух небольших книжках под псевдонимами военного времени. Подпольное имя Дебре было Жакье, Моника — Брюэр⁵.

Во второй половине 1943 г. на Мишеля Дебре была возложена еще одна задача. По поручению самого генерала де Голля, который много слышал о нем, Дебре должен был заниматься подготовкой новых административных кадров. Ему было вменено в обязанности подбирать кандидатуры будущих префектов. А в начале 1944 г. де Голль в Алжире подписал ордонанс о создании во Франции института региональных комиссаров республики. Они должны были в период уже приближавшегося освобождения заменить по всей стране вишистских префектов. Их подбор также проводил Дебре. И сам он стал одним из первых таких комиссаров в городе Анже на западе Франции⁶.

Летом 1944 г. пришел час долгожданного освобождения. Дебре уже находился в Анже и «курировал» все близлежащие регионы. В августе у него состоялась первая встреча с де Голлем. Генерал высадился вместе с союзными войсками на западе Франции и поехал вглубь страны по первым освобожденным областям. 22 августа в городке Лаваль, находившемся в ведении Дебре, он и встретился с этим уже известным комиссаром республики. Дебре увидел, как из машины вышел человек огромного роста, смотревший прямо перед собой. Генерал сразу понял, кто его встречает, протянул ему руку и сказал: «Здравствуйте, месье Жакье», назвав комиссара его подпольным именем. С этого самого дня их судьбы переплелись навсегда. Дебре окончательно выбрал для себя путь служения де Голлю и его делу. Генерал уехал через два дня, а комиссар республики остался выполнять свои нелегкие обязанности по налаживанию мирной жизни.

В январе 1945 г. де Голль, уже несколько месяцев возглавлявший Временное правительство в Париже, снова едет в провинцию. На один день он заезжает к Дебре в Анже. Опять они проводят много часов вместе, ведут разговоры о будущем Франции, о том, что предстоит сделать в ближайшее время. Дебре все время настаивал на том, что прежде всего необходимо восстановить авторитет государства. Генерал внимательно слушал своего молодого собеседника. Они расстались, но ненадолго.

Весной 1945 г. вторая мировая война закончилась. Все испытания были позади. Но волею судьбы она принесла Мишелю Дебре не только страдания, но и счастье. Именно во время войны у него родилось четверо сыновей. Они вырастут и станут настоящими знатоками, каждый в своем деле, и отец будет по праву гордиться ими. А пока, в апреле 1945 г., Дебре по призыву де Голля переезжает со своей большой семьей в Париж. В столице он занимает пост государственного чиновника при Временном

правительстве, возглавляемом генералом. Дебре получает задание разработать административную реформу.

В первые послевоенные месяцы истерзанная и опустошенная Франция переживала трудные времена. Но главным было то, что она все-таки оказалась в лагере победителей. Основная заслуга в этом принадлежала генералу де Голлю. Он стал символом победы в тяжелейшей борьбе. Многие сторонники генерала военного времени сейчас входили в правительство и составляли его ближайшее окружение. К де Голлю присоединялись и новые лица. Многие из них, такие, как Жак Сустель, Андре Мальро, Жак Шабан-Дельмас, Жорж Помпиду, в будущем станут виднейшими деятелями голлистского движения. В их числе был и Мишель Дебре.

Итак, он начал работу при кабинете министров. Теперь Дебре имел возможность регулярно встречаться с де Голлем, докладывать ему о своей деятельности, обсуждать различные вопросы французской внешней и внутренней политики. В первоочередную задачу молодого государственного чиновника входило «перекроить» Францию, то есть создать новую систему деления страны на департаменты.

Еще одним важным делом, предпринятым Дебре в 1945 г., было основание в Париже Национальной школы администрации (ЭНА). Это новое учебное заведение было призвано готовить высшие государственные кадры страны. В него принимались на основе конкурсных экзаменов только лица, уже имеющие высшее образование. Очень быстро школа стала играть важнейшую роль в формировании французского правящего класса. Ее престиж очень велик и в наши дни. Достаточно напомнить, что ЭНА закончили премьер-министры Франции Лоран Фабиус, Мишель Рокар, Эдуар Балладюр, Ален Жюппе, а также два президента республики — Валери Жискар д'Эстен и Жак Ширак.

Франция постепенно привыкала к мирной жизни. Уже было избрано Учредительное собрание, приступившее к разработке новой конституции страны. Дебре, сам еще во время войны предложивший проект основного закона для Франции, пристально следил за развитием событий. С сожалением он вынужден был констатировать, что представители собрания хотели вернуться к довоенной политической системе. Дебре уговаривал де Голля, чтобы его правительство выдвинуло собственный проект конституции⁷. Он понимал, что генерал — сторонник сильной исполнительной власти и что идеи главы правительства о государстве созвучны с его собственными. Однако де Голль пока не считал нужным вмешиваться в дела Учредительного собрания. Мало того, в январе 1946 г. он принял решение об уходе в отставку.

Тем временем собрание закончило разработку текста конституции и вынесло его на всеобщий референдум. Согласно проекту, вся полнота власти в стране фактически закреплялась за однопалатным парламентом. Но на референдуме, прошедшем в апреле 1946 г., французы отвергли предложенный новый основной закон страны. Тогда были вновь проведены выборы в Учредительное собрание. И оно, теперь уже в другом составе, вновь взялось за разработку конституции.

Дебре по-прежнему внимательно наблюдает за происходящими событиями. Он был очень обрадован, когда де Голль в июне 1946 г. наконец, решил предложить Франции собственное видение ее будущего политического устройства. В своей знаменитой речи в нормандском городке Байё он публично заявил, что Франция должна управляться главой исполнительной власти, наделенным самыми широкими полномочиями.

Дебре был доволен. Летом 1946 г. он встречался с де Голлем в его имении Коломбэ-ле-дэ-Эглиз. Теперь Дебре пытался убедить генерала, чтобы он обратился за поддержкой своих конституционных идей к лидерам крупной партии Народно-республиканское движение (МРП). Но де Голль не соглашался. Разговор в Коломбэ шел и о личной судьбе Дебре. Он бесповоротно решил встать на путь политической деятельности, но не знал, как ему поступить после того, как глава Временного правительства покинул этот пост. Де Голль посоветовал Дебре вступить в партию радикалов

и выдвинуть от нее свою кандидатуру на будущих парламентских выборах⁸.

Вторая половина 1946 г. не принесла удачи ни де Голлю, ни его сторонникам, давно именовавшими себя голлистами. Осенью на всеобщем референдуме французы одобрили проект основного закона страны, выдвинутого вторым Учредительным собранием. Согласно ему, законодательным органом Франции являлся двухпалатный парламент. Глава исполнительной власти, президент республики, не наделялся большими полномочиями. А конкретную государственную политику осуществлял премьер-министр, всецело зависящий от нижней палаты парламента — Национального собрания. Так, к огорчению де Голля, была утверждена Конституция 1946 г. и начала свое существование Четвертая республика.

Дебре действительно выдвинулся от партии радикалов на первых же выборах в Национальное собрание, но проиграл их. В следующем 1947 году, удрученный происходящим во Франции, он пишет небольшую книгу «Гибель республиканского государства»⁹. Он также соглашается занять пост генерального секретаря по немецким и австрийским делам, на котором ведет работу по урегулированию отношений и территориальных споров Франции с побежденной Германией. Но главное внимание генерального секретаря сосредоточено совсем на другом событии — создании де Голлем Объединения французского народа (РПФ).

Весной 1947 г. де Голль принял решение вновь начать сражение за власть, которую он так опрометчиво выпустил из рук. Для этого и была создана своеобразная партия РПФ. Она провозгласила своей основной целью борьбу против слабого «режима партий», за отмену Конституции 1946 г. и установление во Франции иного политического режима.

Образование РПФ ознаменовало собой новый этап в развитии голлистского движения. К Объединению сразу примкнули многие сторонники де Голля. Генерал стал председателем РПФ. Генеральным секретарем он назначил своего известного сподвижника, бывшего министра Временного правительства Жака Сустеля. Был также образован комитет руководства РПФ, в который вошло 13 человек.

Объединение развернуло по всей Франции бурную пропагандистскую деятельность. Активисты РПФ проводили многочисленные митинги и манифестации, иногда походившие на настоящие спектакли. Голлисты неизменно подчеркивали, что они хотят добиться своих целей только путем завоевания большинства мест в парламенте. Но очередные выборы в Национальное собрание должны были состояться только в 1951 году. А пока усилиями сторонников генерала в нижней палате парламента была образована так называемая интергруппа. В нее вошли депутаты различных политических партий страны, заявившие о своем положительном отношении к идеям и деятельности генерала де Голля.

Мишель Дебре, естественно, вступает в ряды РПФ. Он давно решил идти дальше только с де Голлем. Однако ему явно не нравятся шумные агитационные методы нового голлистского Объединения. Дебре не входит в комитет руководства РПФ и вообще не стремится выдвинуться в окружении де Голля на первые роли. Правда, в 1948 г. в его политической карьере происходит важное событие. Дебре избирают сенатором от департамента Эндр и Луара. Теперь местом его работы стал выстроенный еще в начале XVII в. Люксембургский дворец. Именно в этом красивом старинном здании традиционно заседает верхняя палата французского парламента.

Через некоторое время начинающий политик выбирает себе нишу и внутри РПФ. При Объединении создали комитет исследований, который был призван заниматься разработкой доктрины голлизма. Дебре сразу изъявляет желание в нем работать. Ему по душе сидеть за письменным столом в тихом кабинете.

Именно в годы Четвертой республики развитие идеологии голлизма получило свое завершение. Она состояла из трех компонентов: идеи сильной государственной власти, идеи «национального величия» Франции

и идеи «ассоциации труда и капитала». Деятельность Дебре в комитете исследований касается главным образом голлистской доктрины о государстве. Он много рассуждает и пишет о французских государственных режимах и о современном положении Франции. Его мысли остаются зафиксированными не только на рукописных страницах. Дебре публикует их в своих статьях в различных периодических изданиях страны, а также за два года выпускает три книги: «Проект пакта союза европейских государств», «Республика и ее власть» и «Республика и ее проблемы»¹⁰.

В течение нескольких лет ритм жизни Дебре остается неизменным. Он заседает в Сенате, неустанно трудится в комитете исследований РПФ, время от времени встречается с де Голлем, словом, вносит свой посильный вклад в дело голлизма. Тем не менее внутри движения он пока не выходит на первый план, а остается в тени своих более именитых друзей по партии, таких, как Сустель, Мальро, Палевски.

Ситуация внутри РПФ стала меняться после парламентских выборов 1951 года. На смену шумным успехам и надеждам пришли неудачи и разочарования. На выборах голлисты не смогли получить большинства мест, на что так рассчитывали. От тех же, кто все-таки от партии РПФ получил мандат депутата, де Голль требовал строгой дисциплины голосования и не позволял идти на компромисс с «системой партий» Четвертой республики. Многие из депутатов были недовольны таким диктатом, поскольку стремились интегрироваться в существующую политическую систему, чтобы получать от нее различные выгоды. В результате после серии конфликтов между лидером и частью членов РПФ де Голль решает распустить свое Объединение. Он удаляется в Коломбэ и постепенно отходит от политики, затаив скрытую обиду на некоторых своих соратников, которые предпочли министерские портфели служению его делу.

Несмотря на роспуск РПФ, голлистское движение не исчезает с политической арены Франции. Ведь в парламенте, как в Национальном собрании, так и в Сенате, существуют голлистские фракции. Они представляют теперь политическое объединение, именуемое Союзом республиканского и социального действия, так как де Голль потребовал, чтобы название РПФ не фигурировало больше в парламентской жизни страны. Позднее, в 1955 г. партия будет переименована в Национальный центр социальных республиканцев.

В 1953 г. де Голль лично попросил Дебре, чтобы он возглавил голлистскую группу в Сенате. Тот сразу согласился. Он всегда был преданным сторонником генерала, а теперь, после распада РПФ, вообще становится одной из самых заметных фигур. Ему не раз предлагали министерские посты и должности. Но для Дебре даже и речи быть не могло о каких-либо «делках с системой». В своих мемуарах он так охарактеризовал Францию в период Четвертой республики: «Французы работают, накапливают, вкладывают. Они хотят смотреть с надеждой в будущее. И вот в такой Франции ведется посредственная, разочаровывающая и даже постыдная политика, совершенно не способная ответить за судьбу Нации. Повсюду, в любой области она подводит нас к страшным испытаниям. И во время этого нашего ослабления Германия поднимается и вызывает к себе уважение, а англо-саксонский мир просто смеется над нами и презирует нас»¹¹.

Теперь, после отхода де Голля от активной политической деятельности, Мишель Дебре просто считает своим долгом всеми силами и средствами отстаивать идеи голлизма. Он выходит из тени и как бы заполняет опустевшее место вдохновителя движения. Дебре время от времени посещает генерала в Коломбэ и советуется с ним, постоянно выступает в печати и, конечно же, в Сенате. Один из его современников оставил нам такую характеристику политика времен Четвертой республики: «Худощавый брюнет с заостренным лицом, говорящий приподнятым слогом, волнующим голосом... Все время в движении, готовый броситься, напасть и поразить. Он напоминал персонаж с картины Гойи»¹².

Вместе с тем многие голлисты отмечали, что Дебре держался всегда достойно и скромно, а выходя на трибуну Люксембургского дворца, сразу

превращался в пламенного оратора. Подобно знаменитому римскому сенатору Катону Старшему, постоянно призывавшему к борьбе против Карфагена и заканчивавшему любую речь словами: «И все-таки я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен», Дебре тоже буквально в каждом своем выступлении в Сенате говорил, что прежде всего нужно устранить слабую «систему партий», прекратить бесконечную смену правительственных кабинетов и установить сильную исполнительную власть.

Долгое время чаяния энергичного сенатора-голлиста оставались лишь мечтами. Режим Четвертой республики казался непоколебимым. И тем не менее во второй половине 1950-х годов ситуация начала меняться. Причиной тому была колониальная война в Алжире, которая стала для «системы партий» неразрешимой проблемой.

Вся полнота власти в Алжире, именуемом «заморскими департаментами» Франции, принадлежала европейцам, главным образом французам. Подавляющее их большинство придерживалось ультраколониалистских взглядов и отстаивало лозунг «французский Алжир». Как только Фронт национального освобождения (ФНО) Алжира поднял в конце 1954 г. восстание против французских властей, Париж сразу встал на путь его военного

подавления. Большая часть жителей метрополии, в том числе и политики, сочувственно относилась к «ультра» и считала, что Франция должна вести войну до победного конца. Подобных взглядов придерживались и многие голлисты. Дебре был одним из них.

Колониальная война явно затягивалась. Французская армия никак не могла добиться решающей победы. Ответственность за это она возлагала на правительство. Среди армейского командования росло убеждение, что политика парижских кабинетов в «алжирском вопросе» нерешительна и непоследовательна. Такого же мнения придерживались и «ультра». Так в Алжире начал формироваться очаг недовольства режимом Четвертой республики.

Такой ситуацией решили воспользоваться сторонники генерала де Голля. В 1957 г. они развернули во Франции кампанию за его возвращение к власти. Мишель Дебре играл в ней, пожалуй, самую активную роль. Он так объяснил причину своей деятельности: «Мое призвание — не размышления о прошлом. Я рожден, чтобы действовать в настоящем. Мне претило участие в так называемой правительственной работе, потому что министерства Четвертой республики были ни чем иным, как театром теней, каждый прожитый день которого наносил один лишь вред. Поэтому я мог лишь убеждать, в рамках демократических норм, до какой степени существующая карикатура республики разрушительна для нашей страны, нашей Нации, нашей Родины»¹³.

Итак, Дебре разворачивает бурную деятельность. В начале 1957 г. он со страниц французской прессы призывает к созданию «правительства общественного спасения» во главе с де Голлем. Осенью он основывает собственный небольшой журнал „*Courrier de la Colère*“ («Курьер гнева»). Его название говорит само за себя. В каждом выпуске журнала сенатор с возмущением осуждает французский политический строй, который привел страну на грань банкротства. Всех французов он призывает обратить свои взоры к генералу де Голлю.

В конце 1957 г. Дебре выпускает небольшую книгу «Князья, которые нами правят»¹⁴. В ней он концентрирует все свои обвинения против «системы партий», слабости исполнительной власти, неспособности и продажности лидеров Четвертой республики. Государственных деятелей, управляющих страной, автор характеризует как кучку «князей, оторвавшихся от народа». В книге автор также подчеркивает, что Франции нужно правительство, стоящее на службе нации и способное поддержать национальные интересы страны на мировой арене. Он стремится доказать, что только приход к власти генерала де Голля и установление им сильной власти выведут Францию из кризиса.

В 1958 г. голлисты распространяют свою деятельность и на Алжир, главный очаг недовольства Четвертой республикой. В мае 1958 г. в алжирской столице вспыхнул антиправительственный мятеж, который развязали «ультра» при поддержке французской армии. Представители де Голля смогли быстро направить его в голлистское русло. В правящих кругах Парижа также стало быстро расти убеждение, что овладеть ситуацией может только знаменитый генерал. 1 июня 1958 г. Национальное собрание большинством голосов утвердило его в качестве премьер-министра. Так состоялось долгожданное возвращение де Голля к власти. Его сторонники ликовали.

Самых преданных голлистов глава кабинета щедро отблагодарил. Они получили в его правительстве ключевые посты. Мишель Дебре сразу был назначен на важнейший пост министра юстиции. В возрасте 46-ти лет он впервые в жизни получает министерский портфель. Дебре, конечно, несказанно рад и сразу берется за дело. В начале лета он уже публикует свою следующую книгу: «Переделать демократию, государство, власть»¹⁵, в которой формулирует ближайшие цели нового правительства. Он их видит в первую очередь в предотвращении кризиса французских институтов. А это, конечно, подразумевало введение в стране нового основного закона. Разработка его проекта и стала главной задачей правительства де Голля.

Составление текста конституции было возложено на группу высокопоставленных чиновников — членов Государственного Совета. Возглавлял его министр юстиции Дебре. Он лично участвовал в разработке всех статей и вместе с де Голлем вносил в них последние коррективы. До конца своих дней Дебре гордился тем, что стоял у истоков основного закона Франции, по которому она прожила несколько десятилетий.

В новой конституции нашли свое логическое завершение главные положения голлистской доктрины о государстве. Республика парламентского типа правления была заменена республикой президентского типа. Отныне центральной фигурой всей французской политики становился глава исполнительной власти — президент республики. Вторым лицом в государстве был назначаемый им премьер-министр. На всеобщем референдуме, проведенном в сентябре 1958 г., французы большинством голосов (79,25% — «за», 20,75 «против») одобрили новый основной закон страны. Он вошел в силу под названием Конституции 1958 года¹⁶.

Сразу после референдума сторонники генерала де Голля объединились в крупную голлистскую партию — Союз за новую республику (ЮНР). На парламентских выборах, прошедших в ноябре, она получила 188 мандатов в Национальное собрание и стала основной опорой устанавливающегося режима в парламенте. Дебре вошел в центральный комитет ЮНР. Но, помимо этого, он продолжал неустанно трудиться на своем министерском посту. Как только была утверждена конституция, министр юстиции взялся за осуществление реформы системы французского правосудия.

В декабре де Голль был избран президентом Франции. Начала свое существование Пятая республика. Еще с осени в голлистских кругах обсуждались кандидатуры претендентов на пост будущего премьера. Сторонники генерала с нетерпением ждали его решения. Пожалуй, ни для кого не стало неожиданностью, когда 9 января 1959 г. президент республики назначил на пост премьер-министра Мишеля Дебре. Теперь он становился вторым после де Голля лицом в государстве. Дебре был счастлив и горд возложенной на него ответственностью.

По новой конституции глава правительства наделялся широкими полномочиями и задавал основные направления деятельности всем министерствам. Он был ответственен перед Национальным собранием за проводимую его кабинетом политику. Однако отправить правительство в отставку, в отличие от времен Четвертой республики, сейчас стало весьма затруднительно. Для этого было необходимо внесение, по крайней мере, одной десятой частью депутатов так называемой резолюции порицания. В таком случае кабинету могло быть отказано в доверии абсолютным большинством голосов. В случае, когда резолюция не набирала требуемого количества голосов, ее авторы лишались права вносить новую в течение данной парламентской сессии. Если же все-таки премьеру отказывали в доверии по его политике, то президент республики имел право распустить Национальное собрание и назначить досрочные парламентские выборы. Таким образом, срок пребывания премьер-министра на занимаемом посту практически зависел лишь от желания президента. Только он мог отправить главу кабинета в отставку и поставить нового премьера.

Назначив Дебре, де Голль прямо сказал ему: «Я не собираюсь вдаваться в детали правительственной деятельности. Я ограничусь тем, что определю основные направления»¹⁷. Добавим к этому, что, по сложившейся в первое время существования Пятой республики традиции, прерогативой президента всегда является внешняя политика. Глава же правительства осуществляет внутреннюю политику страны.

Мишель Дебре пробыл на посту премьер-министра три года и три месяца. Все это время он неустанно трудился на благо отчизны. Глава кабинета контролировал работу каждого министра, следил за выполнением своих указаний, всегда был в курсе даже мельчайших проблем.

Рабочий день премьера начинался рано утром и заканчивался поздно вечером. В 6 утра Дебре был уже на ногах. Пока у него дома все спали, он просматривал утренние газеты. В 7 часов премьер-министр будил сыновей

и вместе с ними завтракал. После этого он успевал еще просмотреть в своем кабинете одно-два государственных досье. Еще одно досье Дебре брал с собой, чтобы пролистать в машине, которая везла его в Матиньонский дворец — резиденцию премьер-министров Франции. Весь день он проводил за большим письменным столом, изучал бумаги и документы, вел личные и телефонные переговоры с министрами, государственными секретарями, политиками. Дома, после ужина, Дебре опять читал досье, писал записки и указания своим коллегам, работал с различными справочными изданиями. С улицы было видно, что позже всего в большой квартире гаснет свет в кабинете премьер-министра ¹⁸.

Главным направлением своей деятельности на посту главы правительства Дебре посвятил третий том мемуаров, озаглавленный «Управлять» ¹⁹. И так, де Голль восстанавливал «национальное величие Франции» на международной арене. А его премьер-министр делал все возможное, чтобы и ситуация внутри страны говорила о том, что Франция — великая держава.

В первую очередь правительство Дебре взялось за улучшение экономического положения страны. Для этого была разработана система мер, обеспечивающая государственное регулирование экономики. Уже в феврале 1959 г. кабинет Дебре принял так называемый план модернизации и оснащения. В нем была поставлена задача развивать преимущественно те отрасли промышленности, которые наиболее успешно способствуют улучшению платежного баланса. Большое внимание уделялось повышению конкурентоспособности французской экономики. Правительство заботилось и о процветании сельского хозяйства. В 1960 г. был принят закон о предоставлении крупным хозяйствам государственных субсидий.

Кабинет Дебре предпринял также ряд мер, направленных на улучшение финансового положения Франции. Они привели к желаемым результатам. Значительно сократился торговый дефицит страны. Полностью исчез дефицит платежного баланса для зоны французского франка. Впервые за многие годы уменьшился дефицит государственного бюджета. В 1959 г. правительство провело утвержденную Национальным собранием налоговую реформу. Она имела своей целью упростить сложную и громоздкую французскую систему налогообложения, в частности объединить прогрессивный и пропорциональный налоги в единый подоходный с каждого плательщика.

Социальная политика кабинета была направлена на повышение жизненного уровня французов. В течение трех лет несколько раз повышалась минимальная заработная плата. Правительство увеличило также заработную плату некоторым категориям рабочих и служащих.

Беспрецедентные шаги кабинет Дебре предпринимает в области оборонной политики. Де Голль считал, что лишь обладание собственным атомным оружием может гарантировать величие французской нации. Поэтому в стране под эгидой премьер-министра начинается работа по созданию «ударной ядерной силы». В феврале 1960 г. во французской Сахаре проходит первое испытание атомной бомбы. В следующем году при правительстве создается Национальный центр ядерных исследований. Тогда же, в 1961 г., впервые экспериментальный взрыв проводят в районе атолла Муруроа, владения Франции в Тихом океане. Мишель Дебре лично находился в это время на острове. Чтобы доказать журналистам безопасность эксперимента, он у всех на глазах зашел в воду и долго плавал.

Несмотря на то, что премьер-министр не занимался внешней политикой, он непременно участвовал в официальных встречах де Голля с руководителями других государств. Так, Дебре познакомился и вел беседы с президентами США Дуайтом Эйзенхауэром и Джоном Кеннеди, премьер-министрами Великобритании Энтони Иденом и Гарольдом Макмилланом, канцлерами ФРГ Конрадом Аденауэром и Людвигом Эрхардом, канцлером Австрии Бруно Крайским, руководителями Советского Союза Н. С. Хрущевым и А. Н. Косыгиным, премьер-министром Италии Аминторе Фанфани и папой римским Пием XII, президентом Греции Константином Караманлисом и многими другими.

Отношения Дебре с де Голлем складывались хорошо. Почти всегда

между ними царило взаимопонимание. Раз в неделю, по средам, в резиденции президента республики — Елисейском дворце — проходило заседание кабинета министров, на котором председательствовал сам де Голль. До его начала президент всегда подолгу беседовал с премьер-министром и обсуждал с ним важнейшие дела. Помимо того, де Голль всегда принимал и выслушивал Дебре, когда тот считал необходимым с ним поговорить. Телефонных разговоров президент не любил, отвечать на какие-то вопросы письменно у него просто не хватало времени.

Дебре относился к де Голлю с глубоким уважением, даже пиететом. В их взглядах по основным направлениям французской политики не возникало разногласий. По всем, кроме одного. Но именно это направление оставалось проблемой номер один на протяжении всего того периода, пока Дебре был премьером. И называлось оно «алжирский вопрос».

После установления Пятой республики колониальная война в Алжире продолжалась. Однако де Голль взял твердый курс на прекращение этим «заморским департаментам» независимости. Политика президента республики была враждебно воспринята алжирскими «ультра» и многими высшими чинами французской армии, сражавшейся в Алжире. В 1960 и 1961 гг. в алжирской столице были развязаны два антиправительственных мятежа. В самой метрополии такж было много сторонников ультраколониалистов. Немалое их число насчитывалось в рядах голлистов, объединившихся в ЮНР и даже работавших в правительстве. Но главное, что сам премьер-министр по своим убеждениям был солидарен с ними. В душе он никак не хотел смириться с тем, что де Голль считал необходимым оставить Алжир. Многие голлисты, сочувствовавшие европейскому населению «заморских департаментов», решили покориться воле президента. Некоторые, такие, как Жак Сустель, наоборот, вступили в открытый конфликт с де Голлем и покинули ряды ЮНР.

Для Дебре «проблема Алжира» превратилась в личную драму. Несколько раз премьер-министр пытался объяснить с де Голлем по этому поводу, даже переубедить его. Президент уходил от подобных разговоров. Не один раз Дебре вручал генералу заявление об отставке. Де Голль ее не принимал. Скрепя сердце, премьер смирился. Но после того как в марте 1962 г. были подписаны Эвианские соглашения, согласно которым Алжиру предоставлялась независимость, президент республики сам решил, что ему пора сменить премьер-министра. С окончанием длительной колониальной войны уходила в историю целая эпоха, а вместе с ней — и люди, символизировавшие ее. Двигаться дальше де Голль посчитал нужным с новым премьером. 14 апреля 1962 г. Мишель Дебре покидает пост главы правительства. На его место назначается Жорж Помпиду.

А бывший премьер-министр из второго лица государства превращается в простого гражданина республики. Конечно, сначала ему было очень нелегко. Но, как заметила однажды жена Дебре, «Мишель быстро восстанавливается». Сам же бывший премьер сказал после отставки: «Слава богу, у меня есть моя семья». Она была большой и дружной. Оказавшись временно не у дел, Дебре вместе с женой покидает на некоторое время Париж и отправляется в свое небольшое имение в городке Монлуи-сюр-Луар в департаменте Эндр и Луара, от которого в годы Четвертой республики он избирался сенатором²⁰.

Наконец-то бывший глава правительства может позволить себе просто отдохнуть и придаться своим любимым занятиям — верховой езде, чтению Рабле, Ронсара, Доде, общению с близкими. Ему приятно вдали от столичной суеты спокойно поговорить с женой об успехах их четырех сыновей, вспомнить прошлое вместе с отцом, знаменитым врачом-педиатром, похвалить картины младшего брата Оливье, который стал известным художником-абстракционистом, да и просто посидеть и помечтать. Дебре всю жизнь хотел повторить путешествие-приключение легендарного Одиссея по Эгейскому морю, но так и не выбрал для этого времени.

1962 год принес бывшему премьеру еще одно испытание. Осенью он выставил свою кандидатуру на парламентских выборах все от того же

департаментов Эндр и Луара, но потерпел неудачу. Однако и это его не сломило. В следующем, 1963 году, Дебре выпускает небольшую книгу «На службе нации»²¹ о собственной деятельности на посту главы правительства. Весной того же года он узнает, что в Национальном собрании из-за болезни депутата с острова Реюньон освободилось его место и объявлены частичные выборы. И вот Дебре загорается идеей опять вступить в борьбу за кресло депутата. Он быстро «снимается с якоря» и отправляется в другую часть света.

Небольшой тропический остров Реюньон расположен в юго-западной части Индийского океана, недалеко от Мадагаскара. Он до сих пор относится к «заморским департаментам» Франции. Дебре пересекает на самолете всю Африку, приземляется на Мадагаскаре, а затем оттуда местной авиалинией добирается до столицы Реюньона город Сен-Дени. Бывший премьер был очарован необычайно красивыми пейзажами острова. Его приняли радушно. Он провел свою избирательную кампанию динамично, с интересом общаясь с местным креольским населением Реюньона. Дебре подолгу выслушивал чаяния и нужды этого необычного на вид народа, образовавшегося в результате смешения французов с малагасийцами, неграми, арабами и индийцами. Исход кампании был удачным. В 51 год первый премьер-министр Пятой республики впервые стал депутатом.

6 мая 1963 г. Дебре пересекает порог Бурбонского дворца, традиционного места заседаний национального собрания Франции. Его несколько не смущает работа рядового депутата. Он с удовольствием общается со своими давними соратниками и, как всегда, неустанно трудится. Дебре занимается в первую очередь проблемами Реюньона, но обращается также и ко многим другим вопросам. В таких заботах он проводит несколько лет. В 1965 г. выходит в свет еще одна его книга: «Молодежь, какая Франция тебе нужна?»²² — о перспективе развития французского государства.

Следующей вехой в политической карьере Дебре становится 1966 год. Дебре решает выставить свою кандидатуру на очередных муниципальных выборах и выбирает небольшой городок Амбуаз в департаменте Эндр и Луара. Бывший глава правительства, конечно, помнит о недавнем неприятном поражении в борьбе за депутатский мандат. Но он не суеверен и смело вступает в предвыборную кампанию. На этот раз Дебре выигрывает и вплоть до 1989 г. будет мэром Амбуаза, уютного красивого городка, стоящего, как и его имение, на берегах Луары.

В конце 1965 г. де Голль был переизбран президентом республики. Сформировать правительство он вновь поручил Помпиду. Вскоре после переизбрания президент пригласил Дебре в Елисейский дворец и объявил, что он хотел бы видеть его в составе нового кабинета. Дебре не возражал, но сразу сказал, что согласится только на одно из ключевых министерств. Помпиду предложил своему предшественнику престижный портфель министра экономики и финансов. Так в 1966 г. Дебре вновь переходит на работу в правительство.

И вот, как и прежде, он присутствует каждую среду на заседаниях кабинета министров в Елисейском дворце. Конечно, ему вспомнились те годы, когда он сам сидел на них по правую руку от де Голля. Сейчас же — рядом с генералом Помпиду. Дебре недолго любил своего преемника и подчеркивал, что у него «никогда не было вкуса к реформам». И тем не менее теперь им приходится работать вместе. В такой ситуации министр экономики и финансов старался просто заниматься своим делом так, как он считал нужным. Он сразу разрабатывает меры по борьбе с инфляцией и по стабилизации франка, делает все возможное, чтобы обеспечить французской экономике новый подъем. Дебре обращается и к социальным проблемам, пытается приостановить рост безработицы. В 1967 г. он пишет небольшую книгу «О голлизме»²³, в которой высказывает свои мысли о том, как должны развиваться идеи голлизма на данном этапе.

Большие потрясения принес Франции май 1968 года. Сначала по стране прокатилась мощная волна студенческих выступлений. Затем началась всеобщая забастовка огромного размаха. Она охватила почти 10 млн человек.

Рабочие, крестьяне, служащие, лица свободных профессий солидаризовались со студентами и выдвинули ряд экономических и даже политических требований. Президента республики и правительство такая ситуация застала врасплох. Помпиду сразу решил пойти на уступки и вступил в переговоры с бастующими. В результате так называемых Греннельских соглашений минимальная заработная плата была повышена на 35%, пособия по безработице — на 15%, семейные пособия — на 5% и заработная плата в среднем — на 10%. После этого обстановка постепенно нормализовалась. Жизнь в стране вошла в обычное русло.

Мишель Дебре принял майские события близко к сердцу. Он глубоко переживал за свою страну и пытался понять причины происходящего. Вывод напрашивался сам собой. Правительство, осуществлявшее внутреннюю политику Франции, несло определенную ответственность за случившееся. Министр экономики и финансов инстинктивно чувствовал и долю собственной вины. Он был готов отстаивать правильность проводимой им политики, стремился принять участие в переговорах с бастующими, но Помпиду его не пригласил. В результате уступок, сделанных главой кабинета, все усилия министра экономики и финансов были сведены на нет. Мало того, в самом конце мая Помпиду решил реформировать правительство. Дебре лишился своего поста. Правда, ему было предложено не менее престижное министерство иностранных дел. А через полтора месяца печальная участь постигла и самого премьер-министра. Де Голль принял решение заменить его и поставить во главе кабинета Мориса Кува де Мюрвиля. Так в середине июля 1968 г. формируется новый состав министров. Дебре остается на своем месте.

Ему было не по душе это назначение. Он всегда предпочитал заниматься внутренней политикой. Однако Дебре не стал возражать и переключился на международные отношения. Свою деятельность на посту министра иностранных дел он охарактеризовал следующим образом: «Отношения с двумя супердержавами нашего времени, Соединенными Штатами и Советским Союзом; сотрудничество с Германией и организация единой Европы, что означало в тот момент расширение Сообщества, включение в него Великобритании; Израиль, Ближний Восток и Средиземноморье; наконец, Черная Африка, а также Дальний Восток, где еще шла война во Вьетнаме. Таковы были главные дела. Ну а в общем меня должен был интересовать весь мир»²⁴.

Менее чем за год Дебре побывал в США, Германии, Италии, Испании, Турции. Он познакомился с президентами Соединенных Штатов Линдоном Джонсоном и Ричардом Никсоном, канцлером ФРГ Вилли Брантом, генералом Франко, папой римским Павлом VI. Его жизнь проходила в бесконечных перелетах, переездах, переговорах, пресс-конференциях и приемах. Перемены в нее принесла весна 1969 года.

В апреле, после того как большинство французов отвергло на всеобщем референдуме выдвинутый президентом республики закон о реформе Сената и новом районировании Франции, он принял решение уйти в отставку. 78-летний де Голль покинул Елисейский дворец и удалился в Коломбэ. В голлистских кругах ни у кого не вызывало сомнения, что преемником генерала должен стать Жорж Помпиду. В июне 1969 г. он и был избран вторым президентом Пятой республики.

Помпиду назначает премьер-министром известного голлиста, давнего соратника генерала, председателя Национального собрания Жака Шабан-Дельмаса. Глава кабинета выдвинул программу «нового общества», которая предполагала проведение ряда реформ. Мишелю Дебре Шабан-Дельмас предложил важный портфель министра обороны в ранге государственного министра. Первым делом Дебре отправляется к де Голлю в Коломбэ, чтобы посоветоваться. Генерал одобрил такое назначение. Тогда Дебре дал согласие премьеру и приступил к работе.

Новый министр обороны гордится тем, что его страна — атомная держава, что она может на равных сотрудничать с СССР, Соединенными Штатами и Китаем. Он, конечно, считает историческим решение де Голля

о выходе Франции из военной организации НАТО в 1966 году. Именно благодаря этому, как полагает Дебре, французское государство и может проводить самостоятельную политику в области обороны.

9 ноября 1970 г. в Коломбэ умер де Голль. Генералу было почти 80 лет. Для всех «голлистов первого часа» весть о его кончине явилась большим потрясением. Де Голль завещал, чтобы его похоронили на сельском кладбище Коломбэ и чтобы в церемонии участвовали только родные. Его жена не позволила приехать попрощаться с ним ни одному из его сторонников. Лишь для Дебре, преданнейшего из преданных, она сделала исключение. Министр обороны прибыл в Коломбэ и смог увидеть на смертном одре облаченного в военную форму «самого знаменитого из французов». Вместе с ним, — как напишет впоследствии Дебре, — уходила целая эпоха истории Франции»²⁵.

После кончины де Голля собственное предназначение министр обороны видит в том, чтобы продолжать его дело — способствовать тому, чтобы идеи первого президента Пятой республики по-прежнему лежали в основе ее внутренней и внешней политики. Дебре выпускает об этом две книги — «Письмо к активистам о преемственности и верности» и «Некая идея Франции»²⁶. Он постоянно говорит о важности сохранения голлистских принципов на заседаниях кабинета министров. Однако время вносит свои коррективы.

В 1972 г. президент Помпиду решает сменить премьер-министра. Вместо Шабан-Дельмаса он назначает более консервативного Пьера Мессмера. Министр обороны сначала остается на своем посту, хотя многое в политике нового кабинета его не устраивает. Он предлагает собственное видение дальнейшего развития Франции. К мнению Дебре не прислушиваются. Тогда в 1973 г. он выходит из состава правительства. Бывший министр обороны возобновляет депутатский мандат от острова Реюньон и переходит на работу в Национальное собрание.

Следующий, 1974 год наносит голлистскому движению роковой удар. 2 апреля скоропостижно скончался Жорж Помпиду. Явного преемника у него не было. На внеочередных президентских выборах голлистская партия выставляет кандидатуру Шабан-Дельмаса. Однако некоторые ее члены, представлявшие в основном молодое поколение и вдохновляемые энергичным и напористым Жаком Шираком, не подчинились решению партийного руководства. Они заявили о своей поддержке другого кандидата — лидера небольшой партии правительственного большинства «Национальный центр независимых республиканцев», много лет занимавшего в правительстве пост министра экономики и финансов, Валери Жискара д'Эстена. В результате именно он в мае 1974 г. был избран третьим президентом Пятой республики, получив во втором туре выборов перевес менее чем в один процент над кандидатом левых Франсуа Миттераном. А Шабан-Дельмас даже не прошел во второй тур.

Голлистская партия вместе с «независимыми республиканцами» удерживала большинство мест в Национальном собрании. Но голлисты имели в нем почти в три раза больше мест, чем сторонники только что избранного президента. Поэтому Жискара д'Эстен решил назначить на пост премьер-министра представителя голлистской партии Жака Ширака, который так поспособствовал его победе на выборах. В голлистских кругах царили мрачные настроения. С одной стороны, старшее поколение, «бароны голлизма», заклеили нового премьера как предателя. С другой, — они же, скрепя сердце, поддерживали его в парламенте. Ведь голлисты потеряли пост президента республики. Теперь им ничего не оставалось, как довольствоваться тем, что представитель их политического движения, пусть и такой отщепенец, каковым в их глазах был Ширак, стал премьер-министром. Дебре, конечно, разделял в ту пору взгляды остальных «баронов голлизма».

Правление Жискара д'Эстена в целом ознаменовало постепенный отход от политических концепций де Голля. Третий президент Пятой республики стремился к сближению с Соединенными Штатами, был либералом по своим экономическим взглядам. Отношения Жискара д'Эстена с Шираком

сразу не заладились. Глава кабинета считал, что президент не дает ему проводить самостоятельную политику и слишком часто вмешивается в дела правительства. В результате, пробыв на посту премьера два года, Ширак летом 1976 г. добровольно уходит в отставку.

Бывший премьер-министр отнюдь не собирался бездействовать. Как раз наоборот. Ширак решил не больше, не меньше, как преобразовать голлистское движение и стать его лидером. В декабре 1976 г. он объявил о создании на базе старой голлистской партии нового Объединения в поддержку республики (ОПР) и был избран его председателем. Естественно, все ключевые посты в ОПР также получили голлисты молодого поколения. Эра правления «баронов голлизма» навсегда ушла в прошлое. Да и политические взгляды молодого лидера движения разительно отличались от взглядов де Голля и его соратников. Ширак и не скрывал этого. Он считает, что голлистская доктрина должна быть пересмотрена согласно духу времени и называет себя неоголлистом.

Мишелю Дебре, естественно, не нравилось все, происходящее в политической жизни страны. Но он продолжает активно действовать на разных поприщах — депутата Национального собрания, мэра городка Амбуаз, почетного докладчика Государственного Совета Франции. Дебре много выступает в прессе, излагая свои суждения по той или иной политической проблеме. В 1979 г. выходит из печати его очередная книга «Французы, выбираем надежду»²⁷. В том же году первый премьер-министр Пятой республики становится депутатом Европейского парламента.

Дебре понимает, что играет уже второстепенную роль в политической жизни Франции. Но это не главное, что его беспокоит. Ему очень горько сознавать, что исторический голлизм уходит в прошлое. И вот он в 1980 г. принимает смелое и неординарное решение — выдвинуть свою кандидатуру на президентских выборах будущего года. Уже было очевидно, что главными претендентами на высший государственный пост станут Валери Жискар д'Эстен и Франсуа Миттеран, а от голлистской партии будет баллотироваться Жак Ширак. Дебре, конечно, выдвигался не для того, чтобы победить. Через девять с половиной лет после президентских выборов 1981 г. в интервью автору настоящей статьи на вопрос, почему он это сделал, бывший премьер-министр Франции ответил: «Я хотел продолжить дело де Голля». Еще позднее он уточнил: «Я хотел спасти хотя бы главное»²⁸.

А пока, за полгода до выборов, Дебре публикует книгу «Открытое письмо к французам о возрождении Франции»²⁹. В ней он, истинный голлист, стоявший вместе с де Голлем у истоков Пятой республики, предлагает согражданам свою программу развития французского государства. К большому сожалению Дебре, очень немногие французы восприняли и поддержали его идеи. На президентских выборах, прошедших в мае 1981 г., он смог собрать всего лишь 1,6% голосов.

Между тем, результаты выборов оказались поистине историческими. Президентом республики был избран социалист Франсуа Миттеран. Он распустил Национальное собрание и назначил новые выборы. На них большинство мест также получили социалисты. Правые, находившиеся у власти во Франции более 20 лет, оказались в оппозиции.

Дебре, в отличие от многих других голлистов, не потерпел поражения на парламентских выборах, прошедших в июне 1981 года. Он вновь был избран от острова Реюньон и удерживал свой депутатский мандат вплоть до 1988 года. Помимо того, бывший премьер-министр де Голля не уступил социалистам Амбуаза. До 1989 г. он будет мэром этого городка.

С уходом в оппозицию у правых появилась единая цель — критика политики социалистов и отвоение власти. Она сплотила голлистов и сторонников Жискар д'Эстена, людей различных поколений. Общеизвестным лидером оппозиции сразу становится Ширак. Дебре теперь полностью его поддерживает. В свои почти 70 лет он, как и прежде, бодр и активен. Бывший премьер-министр выступает не только с трибуны Бурбонского дворца, но и на страницах прессы. Он встречается со своими

единомышленниками и обсуждает с ними, как лучше «поразить врага». Порой ему кажется, что вернулись годы Четвертой республики.

Тем временем главным занятием для Мишеля Дебре становится теперь совсем другое. Он понял, что многое из того, что было сделано им для Франции, превратилось в достойные истории. Поэтому сейчас свою перво-степенную задачу Дебре видит в том, чтобы оставить потомкам рассказ о своей работе на благо нации. Иными словами, он приступает к написанию многотомных мемуаров. Бывший премьер-министр дает им название «Три Республики для одной Франции», чтобы показать, сколь протяженным был его путь в политике. Первый том — «Сражаться» — увидел свет в 1984 г., второй — «Действовать» — в 1988 году. В том же году вышел и третий, основной, том — «Управлять». Это произошло почти одновременно со знаменательным событием в жизни известного политика. Его избирают членом Французской Академии. Так Мишель Дебре становится одним из «сорока бессмертных».

На рубеже 1990-х годов Дебре прекращает официальную политическую деятельность. Он уже не депутат и не мэр Амбуаза. Однако бывший премьер-министр продолжает публиковать статьи во французских периодических изданиях, давать интервью. В них почти всегда речь идет о политическом наследии де Голля. В ноябре 1990 г. Дебре произносит заключительную речь в завершающий день всемирного конгресса «Де Голль и его век», посвященного 100-летию со дня рождения самого выдающегося государственного деятеля Франции XX века.

В январе 1992 г. в кругу многочисленных родных Мишель Дебре отпраздновал свое 80-летие. Семья всегда приносила ему радость. А сейчас четыре сына стали для Дебре настоящей гордостью. Старший, Венсан, был преуспевающим бизнесменом, Франсуа — журналистом. А младшие, близнецы Бернар и Жан-Луи, пошли по стопам отца — сделали политическую карьеру.

Бернар и по сей день совмещает политику с медициной. По специальности он врач и заведует урологическим отделением известного парижского госпиталя Кошен. Однако еще в 1986 г. Бернар был избран депутатом Национального собрания. В 1992 г. он отвоевал мэрию городка Амбуаз, оставленную отцом тремя годами ранее. А в 1994 г. Бернар Дебре получил пост министра кооперации в правительстве Эдуара Балладюра.

Жан-Луи — по образованию юрист. Еще в 1973 г. он опубликовал свою первую книгу — «Конституционные идеи генерала де Голля», а в 1978 г. совместно с отцом выпустил труд — «Голлизм»³⁰, в котором подробно представлена теория и практика голлистских идей. В 1986 г. Жан-Луи, так же как и его брат-близнец Бернар, стал депутатом Национального собрания. Через девять лет, в 1995 г., он был назначен на важный пост министра внутренних дел в кабинете Алена Жюппе. Сегодня Жан-Луи Дебре один из влиятельнейших функционеров голлистской партии ОПР.

В последние годы жизни Мишель Дебре любил жить вдали от Парижа в своем имении Монлуи-сюр-Луар. Он не перестал интересоваться политикой, но теперь все реже выступал в печати. Правда, младшие сыновья держали его в курсе происходящего в голлистских кругах. В 1993 г. бывший премьер-министр выпустил последний, четвертый том мемуаров — «Управлять по-другому». В 1995 г. он был искренне рад, что президентом республики стал Жак Ширак.

Завершив работу над воспоминаниями, Дебре решил издать своеобразное приложение к ним — записи собственных бесед с двумя первыми президентами Пятой республики. «Беседы с де Голлем» были выпущены в 1993 г., «Беседы с Помпиду» — в 1996 году. А вообще он все более ощущал себя простым человеком на склоне лет и с юмором говорил о себе: «Я обычный сварливый старик», а о своей общественно-политической деятельности 1990-х годов: «я все переливаю из пустого в порожнее»³¹.

Когда Дебре жил в Монлуи-сюр-Луар, ему порой было приятнее посидеть с книгой в руках, чем вникать в текущие политические проблемы. Он с удовольствием перечитывал Сен-Симона, Паскаля, Шатобриана, Стен-

даля, а иногда и любимые с юности пьесы Лабиша или детективные романы Джона Ле Карре. Все ближе ему становилась природа. Дебре любил медленно прогуливаться, опираясь на трость, по своему небольшому имению. Там он и умер 2 августа 1996 года.

Президент республики Жак Ширак сразу откликнулся на кончину первого премьер-министра Пятой республики. Обращаясь к соотечественникам, он подчеркнул: «Мишель Дебре всегда был примером для подражания. Сегодня Франция потеряла своего великого служителя. Подле него я понял, что такое величие Франции и каждодневный труд на благо отечества»³².

Примечания

1. DEBRÉ M. Mémoires. Trois Républiques pour une France. Vol. 1. Combattre. P. 1984, P. 27, 74, 78, 91.
2. DEBRÉ M. Interview. — L'Express, 4-10.I.1974.
3. DEBRÉ M. Mémoires. Vol. 1, p. 175.
4. LACOUTURE J., MEHL R. De Gaulle ou l'éternel défi. Entretien avec Michel Debré. R. 1988, p. 75.
5. JACQUIER-BRUÈRE. Demain la paix. P. 1945; idem. Refaire la France. P. 1945.
6. LACOUTURE J., MEHL R. Op. cit., p. 84.
7. DEBRÉ M. Mémoires. Vol. 1, p. 43—45, 340, 402.
8. DEBRÉ M. Mémoires. Vol. 2. Agir. P. 1988, p. 43.
9. DEBRÉ M. La mort d'un Etat républicain. P. 1947.
10. DEBRÉ M. Projet de pacte pour une union d'Etats européens. P. 1950; DEBRÉ M. La République et son pouvoir. P. 1950; DEBRÉ M. La République et ses problèmes. P. 1952.
11. DEBRÉ M. Mémoires. Vol. 2, p. 270.
12. VIANSSON-PONTÉ. Les gaullistes. P. 1963, p. 103.
13. DEBRÉ M. Mémoires. Vol. 2, p. 271.
14. DEBRÉ M. Ces princes que nous gouvernent. P. 1957.
15. DEBRÉ M. Refaire une démocratie, un Etat, un pouvoir. R. 1958.
16. Подробнее о Конституции 1958 г. см.: КРУТОГОЛОВ М. А. Президент французской республики. М. 1980; его же. Парламент Франции. М. 1988.
17. Цит. по: De Gaulle et ses premiers-ministres. 1959—1969. P. 1990, p. 24.
18. См. CONTE A. Les premiers ministres de la Ve République. P. 1986, p. 38.
19. DEBRÉ M. Mémoires. Vol. 3. Gouverner. P. 1988.
20. См. CONTE A. Op. cit., p. 52, 53, 48.
21. DEBRÉ M. Au service de la Nation. P. 1963.
22. DEBRÉ M. Jeunesse, quelle France te faut-il? P. 1965.
23. Беседа автора с Мишелем Дебре в Париже 19 декабря 1990 года; DEBRÉ M. Sur le gaullisme. P. 1967.
24. DEBRÉ M. Mémoires. Vol. 4. Gouverner autrement. P. 1993, p. 249.
25. DEBRÉ M. Mémoires. Vol. 1, p. 60.
26. DEBRÉ M. Lettre à des militants sur la continuité et la Fidélité. P. 1970; DEBRÉ M. Une certaine idée de la France. P. 1972.
27. DEBRÉ M. Français, choisissons l'espoir. P. 1979.
28. Беседа автора с Мишелем Дебре в Париже 19 декабря 1990 г.; Le Figaro, 3-4.VIII.1996.
29. DEBRÉ M. Lettre ouverte aux français sur la reconquête de la France. P. 1980.
30. DEBRÉ J.-L. Les idées constitutionnelles du général de Gaulle. P. 1974; DEBRÉ J.-L. DEBRÉ M. Le gaullisme. P. 1978.
31. DEBRÉ M. Entretiens avec de Gaulle. P. 1993; DEBRÉ M. Entretiens avec Pompidou. P. 1996; Le Figaro, 3-4. VIII.1996.
32. Le Figaro, 3-4.VIII.1996.

Русская армия на сопках Маньчжурии

О. Р. Айрапетов

В русско-японскую войну проявились практически все слабые стороны русской военной силы. К концу 1904 г. поражения на фронте и все более нарастающая критика общественности привели к тому, что война стала непопулярной среди офицеров, наблюдались попытки некоторых из них избежать мобилизации и отправки на Дальний Восток¹. 10 и 13 октября 1904 г. последовали распоряжения Николая II о назначении генерала А. Н. Куропаткина главнокомандующим, Маньчжурская армия разворачивалась в три, с назначением командующими генералов Н. П. Линевича (1-я армия), О. К. Гриппенберга (2-я армия), А. В. Каульбарса (3-я армия). Это были командующие Приамурским, Виленским и Одесским военными округами. Линевич выехал из Хабаровска в армию в конце октября². Остальные задержались — шел процесс формирования армейских штабов. Он также носил импровизационный характер, и результат этого не замедлил сказаться.

15 октября 1904 г. М. В. Алексеев выехал из Петербурга, где он служил в Главном штабе, в Москву. Он был исполнен самых лучших надежд, в письме семье через день после отъезда он писал: «Да будет над Вами благословение и милость Господня и да даст Он нам пережить хорошие минуты свидания тогда, когда наше русское дело получит решение, отвечающее интересам нашей Родины»³. Часть этих надежд вскоре оправдалась. 22 октября был назначен Каульбарс. 30 октября последовал приказ о назначении генерал-квартирмейстера штаба Варшавского военного округа генерал-майора Ф. Ф. Мартсона начальником штаба 3-й армии с производством в генерал-лейтенанты. Тем же приказом Алексеев получил назначение на пост генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии. Пунктом формирования полевых управлений армии была назначена Варшава. Начало частной мобилизации для удовлетворения их потребностей было назначено на 17 ноября⁴. Алексеев был приглашен по личному выбору Каульбарса, следовательно, его поездка на маневры в Одессу перед войной не прошла даром — подающего надежды генштабиста запомнили. 10 ноября 1904 г. временно исполняющий обязанности начальника Главного штаба генерал-лейтенант П. А. Фролов объявил ему благодарность в приказе по Главному штабу: «В лице уезжающего на днях на Дальний Восток генерал-майора Алексеева Главный штаб лишился выдающегося деятеля. Важнейшее, по

Айрапетов Олег Рудольфович — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета.

характеру работ, отделение Главного штаба — оперативное — потеряло в нем опытного, беззаветно преданного труду руководителя; Николаевская Академия Генерального штаба рассталась с даровитым профессором; сослуживцы лишились товарища редких душевных качеств»⁵.

Командующие недавно образованными новыми армиями — 2-й и 3-й, генералы Гриппенберг и Каульбарс отправлялись в Маньчжурию на отдельных поездах, двигавшихся по специальному графику по Транссибу⁶. Штаб 3-й армии мобилизовывался не одновременно, причем в двух разных пунктах — в Варшаве и Одессе. Ввиду полной неопределенности сроков окончания этого процесса (мобилизация была объявлена не 17 ноября, а 7 декабря 1904 г.) и просьбы Куропаткина ускорить выезд командующего, Каульбарс решил составить «первый эшелон штаба». Его формирование началось 1 ноября 1904 г., сразу же после возвращения вновь назначенного командующего из Петербурга в Одессу. Он торопился к войскам и выехал 15 ноября, сопровождаемый одним генералом, четырьмя офицерами Генерального штаба, военным инженером, тремя младшими офицерами, двумя чиновниками, врачом, тремя писарями и 21 нижним чином. Поезд шел на Челябинск, где начинался Транссиб. Алексеев присоединился к этому эшелону в Туле 17 ноября 1904 года. Таким образом, основу штаба Каульбарса составили два генерал-майора, три полковника и подполковник. Этого, по его мнению, было достаточно. Особым доверием командующего армией пользовались его подчиненные из Одесского военного округа — генерал для особых поручений Эйхгольц, полковники Н. А. Бабилов и Д. П. Парский, подполковник Г. И. Кортацци⁷.

Офицеры штаба располагались по двое в купе, генералы, в том числе Алексеев — по одному, в распоряжении командующего был вагон. Времени до пункта назначения было много, но сводный штаб мало занимался подготовкой к исполнению своих прямых обязанностей. Больше всего времени они тратили, некоторые — вынужденно, в вагоне-столовой, выслушивая речи своего командующего. Алексеев писал: «В вагоне жарко, а в столовой душно, особенно при продолжительном сидении. А такое сидение Каульбарс очень любит... бесконечно рассказывает из воспоминаний о своих Туркестанских и Маньчжурских походах и экспедициях. Одеситы говорят, что все это они слышат уже далеко не в первый раз». В штабе не хватало офицеров для занятия штатных должностей, мобилизация полевого управления армии началась приблизительно с двухнедельным опозданием, но никто не торопился с работой: после завтрака, обеда и ужина Каульбарс приглашал к себе и начинались долгие разговоры за чаем, которые он использовал, по словам Алексеева, «для убийства собственного времени». Эта привычка командующего действовала угнетающе: «Ген. Каульбарс любит говорить; тема неиссякаемая — он сам, его служба, его жизнь, его подвиги. Правда, что служба прошла разнообразно, забрасывала его и в горы Тяньшаня, и в Китай, и в Маньчжурию, и в Сербию, но и любовь к разговорам немалая»⁸.

22 ноября 1904 г. поезд командующего прибыл в Омск, где Каульбарс встретился с Н. Н. Сухотиным — военным губернатором и недругом Алексеева по Академии. Между ними произошел весьма показательный разговор. Сухотин якобы поздравил Каульбарса с назначением командиром роты, чем его удивил, а затем объяснил, что в Маньчжурии будет три ротных командира — Каульбарс, Линевиц и Гриппенберг, с батальонного уровня начинается командование Куропаткина. Но офицеры штаба были полны надежд. Генерал-квартирмейстер 3-й армии был уверен в успехе, который ждет их впереди: договариваясь с женой в переписке об условных телеграммах о положении дел на фронте, он предусмотрел такие обозначения для боя, наступления, состояния здоровья. Для отступления условного знака он не предлагал⁹. Настроение было наступательным.

1 декабря 1904 г. поезд Каульбарса прибыл в Харбин, и Алексеев сразу же отправился дальше — в штаб действующей армии. В Харбине его ждали первые неприятные сюрпризы. В русской армии почти не было переводчиков не только с японского, но даже и с китайского, и это несмотря на

войну с Китаем в 1900 году. Прежде всего генерал-квартирмейстеру пришлось искать переводчиков для штаба армии, но почти за все время войны так и не удалось обеспечить не только войска, но и высшие штабы достаточным количеством надежных специалистов. С трудом нашли четырех русских студентов, владевших только разговорным китайским и японским, и двух китайцев, знавших иероглифы. Вид войск на Харбинском вокзале также не поднимал настроение столичного генерала; он с удивлением отмечал: «Разнообразие формы, дошедшее до отрицания формы; кто во что горазд»¹⁰.

2 декабря на вокзале Мукдена Каульбарса встречала рота почетного караула 140-го Зарайского полка, целиком составленная из георгиевских кавалеров. Командующий был доволен — следующие несколько дней он посвятил знакомству с частями и позициями вверенной ему армии. На солдат и офицеров он произвел благоприятное впечатление. В Мукдене штаб начал работать, вернее, пытался это сделать. Обязанности начальника штаба исполнял генерал-квартирмейстер, дежурного генерала — генерал для особых поручений, инспектора инженеров — инженерный штаб-офицер, приехавший в первом эшелоне. Обеспечить нормальную деятельность полевого управления армии они не могли, несмотря на привычку Алексеева брать большую часть работы на себя. По приказу Куропаткина, в штаб 3-й армии были направлены десять офицеров. Тем не менее в течение пяти недель в нем отсутствовали артиллерийская, интендантская и военно-медицинская части¹¹.

Помощник Алексеева вспоминал: «Одним словом, наш слабый эшелон, руководясь почтенным стремлением командующего армией скорее попасть к войскам, очутился в тяжелом положении и, главное, не был бы в состоянии выполнить, как следует, свои обязанности в случае серьезного боя. Случайность — спокойное время — избавила нас от такого положения; но ведь это была чистая случайность, да и тяготела она над нами в течение целого месяца»¹². Дело двигалось медленно. 9 декабря 1904 г. Алексеев отметил: «Весьма немного и очень условно признал это и Каульбарс, выразившийся на днях, что если еще раз придется воевать с Японией, то он не будет торопиться к армии и без штаба окончательно сформированного не поедет». О сложности управления говорит тот факт, что состав 3-й армии к началу января 1905 г. равнялся 72 батальонам, 18 эскадронам и сотням, 3 саперным батальонам. Она имела 294 полевых и 56 осадных орудий, 54 мортиры, 12 пулеметов и находилась в центре позиций, занятых русскими, прикрывая кратчайший и самый удобный путь на Мукден. Город находился всего лишь в 30-40 километрах позади русских позиций. Состав 2-й армии был гораздо больше — 120 батальонов, 92 эскадрона и сотни, 3 саперных батальона, 412 полевых и 4 осадных орудия, 24 мортиры, 20 пулеметов¹³. Никто из новых командующих не управлял еще на поле боя такой массой войск.

Знакомство с вверенными ему войсками Каульбарс начал с посещения передовой: появление начальства в окопах ободряюще действовало на солдат. Самым слабым участком 3-й армии был VI Сибирский корпус, почти сплошь укомплектованный запасными. Для превращения его в реальную силу нужно было время. Желая сразу проявить заботу о солдате, Каульбарс первым же приказом по армии распорядился, чтобы горячую пищу давали три раза в день. Выполнить это распоряжение было невозможно, так как истощились местные запасы скота и крупы, и к 10 декабря для армии пришлось делать закупки мороженого мяса в Сибири. Кроме того, в трехразовой варке не было необходимости — солдатам постоянно обеспечивали чайное довольствие. «Вообще наши начальники малообразованны в своем специальном военном деле, — отмечал уже в январе 1905 г. Алексеев, — и совершенно не подготовлены к управлению боевыми силами. Каульбарсовское «я делаю шестую кампанию» надоело. Движение с двумя сотнями казаков в Туркестане, поход с 10 ротами и двумя сотнями, все везущими на верблюдах с собою, он имеет дерзость называть кампаниею и мечтает предерзостно, что имеет опыт управления армией»¹⁴. Учиться

пришлось на практике. Проблемы обеспечения шанцевым инструментом, забота о десятках тысяч раненых — все это было в новинку для Каульбарса, и он постепенно утратил скептическое отношение к штабной работе.

В начале пути в Маньчжурию он любил повторять, что в штабе вообще много лишних офицеров, которым нечего будет делать. А в это время начальник штаба армии Мартсон ждал в Варшаве окончания мобилизации. Так как начало ее было перенесено на 7 декабря, он выехал из Варшавы только 12 декабря 1904 года. Некоторые офицеры полевого управления армии прибыли только после Мукденского сражения, а последняя составная — жандармский полускадрон — непосредственно перед заключением Портсмутского мира. Примерно так же обстояло дело и со штабом 2-й армии генерала Гриппенберга. Сам он прибыл в Мукден только 2 декабря, сопровождаемый несколькими офицерами Генерального штаба. Его начальник штаба приехал в середине января 1905 г., остальной состав штабных — только после Мукденского сражения¹⁵.

К приезду Алексеева со штабом под Мукден русские войска, и без того не избалованные успехами, ждало еще одно испытание — падение Порт-Артура. «Падение Порт-Артура произвело на нашу армию сильное впечатление, — вспоминал командир VI Сибирского корпуса, — хотя для всех было ясно, что это падение неизбежно»¹⁶. Крепость капитулировала 20 декабря 1905 г., имея еще возможность для сопротивления. 25 декабря 1904 г., накануне Рождества, Алексей с группой офицеров отправился осматривать позиции одного из корпусов. «По приезде домой узнали, — писал он, — как факт, невыразимо тяжелую и грустную весть о падении Порт-Артура. Тяжелые минуты, тяготеющая над всеми нашими делами незадача, усложняющая и без того нелегкое положение... Невесело мне было за этим обедом. Гнела мысль о тяжелой русской године, об утратах, о наших слабостях: об отсутствии могучей воли-таланта...». Каким бы высоким ни было качество русского солдата, но и на него нельзя было рассчитывать бесконечно. «Но и чудный материал, — вспоминал майор Э. Тетгау, — становится негодным, если его систематически портят! Я утверждаю, что отступление нашего корпуса (Тетгау находился в X армейском корпусе, состав которого был разбавлен слабо подготовленными резервистами. — *А. О.*) от Анпина до Мукдена, не содействовало, конечно, поднятию духа войск. Каждый задает себе вопрос, к чему были все жертвы, если все же приходится отступать? Моральные силы войск ослабевали, потому что войска утратили доверие к своим начальникам»¹⁷.

Очередное испытание силы духа армии состоялось под деревушкой Сандепу. То, что произошло там, было прямым следствием работы импровизированных штабов 2-й и 3-й армий, в которую постоянно вмешивался по мелочам Куропаткин. Личный состав трех русских армий вырос количественно с 210 000 человек в ноябре 1904 г. до 300 000 в январе 1905 года. Увеличились и качественные показатели — в армиях находилось 5600 офицеров, приблизительно по 15 на батальон, на вооружении состояло 1186 полевых и 60 осадных орудий, 90 мортир (из них 30 осадных), 44 пулемета¹⁸. Возникла идея перейти в контрнаступление до подхода к войскам маршала Ойямы армии генерала Ноги из-под Порт-Артура. Предлагая это, Гриппенберг высказался против фронтальной атаки укрепленных японских позиций. С его точки зрения, значение имела только японская армия, а не деревня Сандепу, через которую он и предлагал начать глубокий фланговый обход, силами до 7 корпусов.

Куропаткин отказывался выделять для операции резервы, а Каульбарс не хотел поддерживать соседнюю 2-ю армию за счет своей. Больше всего, по свидетельству самого Гриппенберга, он боялся, что вместо смелой операции получится бой за первую линию японских окопов, который завершится их отступлением на вторую линию. Это подтверждается записями в дневнике Линевича, который 31 декабря 1904 г. так описал совещание у Куропаткина, в котором участвовали все командующие армиями с начальниками штабов и начальник штаба главнокомандующего: «Гриппенберг начал было свою речь с того, что в лоб ныне атаковать нельзя, потому

что японцы отобьют атаку, что у японцев, кроме окопов, портов и опорных пунктов, везде проволочные заграждения в несколько рядов, волчьи ямы, фугасы и проч., и что следовало бы сделать дальний обход. Но Куропаткин не дал ему договорить, объяснив, что необходимо начать атаку с фланга, и указал на Сандепу. Каульбарс, то же самое, начал было говорить о невозможности атаки с фланга в лоб; у меня же (то есть у командующего 1-й армией. — *А. О.*) и не спрашивали»¹⁹.

Присутствуя в качестве исполняющего обязанности начальника штаба на подобных совещаниях, Алексеев убедился, что веры в успех у руководителей будущей операции нет. 5 января 1905 г. он писал: «Идеи, положенные в основу предстоящих действий, лично мне не симпатичны и от них нельзя ожидать широкого успеха. Размениваемся на мелкую монету, задаемся целями крошечными, мизерными, будем гордиться взятием деревни». В тот же день Линевиц, посетивший Гриппенберга и Каульбарса, отметил в своем дневнике: «Оба вздыхали о предстоящем тяжелом переходе в наступление; особенно этого побаивается Гриппенберг, не надеясь на удачу»²⁰. Штабы накануне наступления никак не могли начать организованную работу. 10 января 1905 г. приехал начальник штаба 3-й армии Мартсон. С ним приехало 19 офицеров, а вскоре еще трое, основные потребности полевого управления армии в кадрах были удовлетворены только к 1 февраля. Генерал-квартирмейстерская часть получила с 8 января четырех подполковников. Однако штаб не смог сразу начать нормальную работу. Старший адъютант управления генерал-квартирмейстера (помощник начальника оперативного отдела. — *А. О.*) полковник Парский вспоминал: «Прибывшие вновь офицеры Генерального штаба были из другого округа, нежели приехавшие с первым эшелоном; кроме того, еще ранее, для усиления штаба, было командировано несколько офицеров из числа бывших уже в кампании. В результате получился состав офицеров крайне смешанный и почти не знакомый друг с другом; то же было и относительно начальства: нас, ранее прибывших, знал генерал-квартирмейстер, генерал-майор Алексеев, но, назначенные по желанию командующего армией, мы явились совершенно неизвестными людьми для начальника штаба, который хорошо знал только прибывших с ним офицеров; в свою очередь эти последние были неизвестны квартирмейстеру и попали не по его выбору. Разумеется все это было не в пользу необходимой сплоченности офицерского состава: обжившиеся офицеры, к тому же старшие по службе, чувствовали себя аборигенами и были хорошо известны командующему армией; зато вновь прибывшие, составлявшие большинство, являлись сослуживцами начальника штаба и были более сплочены. Вскоре, благодаря личности начальника штаба и генерал-квартирмейстера, обладавших удивительным умением ровно обращаться со всеми и крайне располагавших других к себе, все это уладилось, но вначале, вследствие холодности некоторых товарищей, принятой другою стороной за невнимание, отношения грозили сделаться нежелательными. Впоследствии наш штаб сжился настолько хорошо, что представлял из себя действительно дружную семью товарищей и в этом отношении мог служить образцом для других»²¹.

Отношения между Мартсоном и Алексеевым на самом деле были далеки от этой идеальной картины, но они не демонстрировали их. Во всяком случае с приездом начальника штаба генерал-квартирмейстер смог сосредоточиться исключительно на своей, то есть на оперативной, работе. Однако для того, чтобы эта работа смогла стать эффективной, нужно было время — Алексеев срочно отправил прибывших для ознакомления с войсками и местностью. Его очень беспокоила сложившаяся ситуация: «Неладно лишь то, что вся эта публика съехалась накануне важных дней, в ход которых они должны будут вступить с малым знакомством»²².

Наступление началось всего через два дня после того, как были написаны эти слова. «Ни одно из всех предшествовавших сражений в эту войну, — отмечал Теттау, — не показало с такой ужасающей ясностью полнейшую несостоятельность русского командования, как сражение под Сандепу. Огромная армия в 100 000 человек оказывается бессильной побороть сопро-

тивление нескольких эскадронов и пять дней стоит прикованной к какой-то несчастной деревне только потому, что в командовании этой массой не было достаточной решительности, чтобы поставить себе надлежащую цель и направить все силы для достижения этой цели». Теттау был не совсем прав: русское командование в самый важный, начальный период наступления или отсутствовало, или действовало как в тумане, слабо представляя себе даже район действий. «Управление войсками и техника штабной службы на всей иерархической лестнице штабов,— считал полковник В. Новицкий,— были поставлены неудовлетворительно: все начальники хотели командовать войсками, а не управлять ими, потому что, не привыкшие к управлению и в мирное время, совершенно не умели пользоваться услугами штабов»²³. О взаимодействии войск в этой ситуации говорить и не приходилось. «Хуже то,— писал 14 января Алексеев,— что нет той стройности, строгой последовательности во всех распоряжениях, без чего воевать более чем трудно. 12 января меня послали верст за 20 к Гриппенбергу, который высказал, что до взятия сел. Сандепу атак на деревни, прилегающие к позиции нашей армии, «не будет»²⁴.

12 января 1905 г. началось наступление, на позициях стоял сильный туман, потом резко похолодало, шел снег с сильным ветром; наблюдение было затруднено. I Сибирский корпус начал наступление. Оно развивалось успешно, но медленно. Из 120 батальонов, 92 эскадронов и 436 орудий Гриппенберга в бой было введено 40 батальонов, 14 сотен, 140 орудий, то есть около 30%, на следующий день количество действующих сил возросло до 64 батальонов, 4 сотен, 220 орудий, то есть до 50%. Остальные войска практически полностью бездействовали²⁵. Впрочем, и эти силы значительно превосходили японские, но они вводились в бой частями, без должной координации.

Утром 13 января на станцию Суятун, где находился штабной поезд 3-й армии, для осмотра госпиталя и ближайших двух полков резерва прибыл Куропаткин. Алексеев так описал дальнейший ход событий: «По-видимому, он ничего не знал, ожидая лишь действий у Сандепу. Около 12 час. дня по телефону от начальства всей артиллерии начинают получаться сообщения, что возле нас начинается атаку X корпус, и [оно] просит поддержать его огнем нашей артиллерии. Насколько это сообщение было и важно, и неожиданно, видно уже из того, что, по условию, одновременно с X корпусом должен был атаковать и наш правый фланг, что для производства удара нужно многое было раньше сделать, а главное — сильно обстрелять, и притом в течение продолжительного времени, артиллерийским огнем те пункты, против которых имеют вести войска»²⁶.

На глазах у Алексеева операция с участием двух армий вырождалась в штабе 3-й армии в изолированное наступление 14-й дивизии: «Бросились к главнокомандующему. Тот сначала совершенно спокойно и благодушно ответил, что он посылает приказание Гриппенбергу ничего не предпринимать, кроме атаки на Сандепу. Но уже через 5 минут картина изменилась. С минуты на минуту можно было ожидать атаки X корпуса, изолированной, не поддержанной. Полетели телеграммы, телефонограммы, и притом помимо прямого начальства. Куропаткин развенчал сразу свое звание главнокомандующего и стал всем — если бы можно, до ротного командира включительно. Атаку успели приостановить». X армейский корпус и 15-ю дивизию Куропаткин запретил трогать кому бы то ни было, а взять Сандепу силами одной дивизии, по мнению Гриппенберга, было нельзя²⁷. Однако наступление началось; о том, какой была работа штабов, свидетельствует тот факт, что с окончательной диспозицией по 2-й армии Куропаткин познакомился в штабе 3-й армии, уже после того, как он отменил в ней решительно все через голову командующего армией. «Когда она была получена, почему сразу не попала в руки по адресу — не знаю», — отмечал потрясенный этой картиной Алексеев²⁸. В результате наступление 14-й дивизии началось не поддерживаемое и не руководимое никем. Вдобавок в результате тяжелого боя с 10.00 до 18.00 она, как выяснилось, взяла не Сандепу, а соседнюю деревню. Тем не менее поначалу было объявлено о том, что цель наступления достигнута.

«Поразительно быстро по всей армии разнеслась весть о захвате Сандепу, — вспоминал Теттау. — Но вслед за радостной вестью вскоре наступило горькое разочарование». Настоящее Сандепу находилось к юго-востоку от занятой деревни. Еще одним неприятным сюрпризом было японское укрепление — ханшинный завод, окруженный по местной традиции валом и прочной стеной. Японцы добавили к этому окопы, так и возникло то, что называли «редутом», который абсолютно не был разрушен и благодаря которому Сандепу вклинилось между позициями 2-й и 3-й русских армий²⁹. Маршал Ойяма начал перебрасывать сюда свежие силы — сражение вылилось, как и опасался Гриппенберг, во фронтальное столкновение на укрепленных японцами позициях.

Уже 15 января Куропаткин признал наступление неудавшимся. Алексеев сделал из этого верные выводы: «Но уже и теперь можно сказать, что нам недостает очень многого, кроме ранее высказанного: необходимости давать всякому действовать в пределах его обязанностей, но под ответственность. Мало у нас умения, знания; много в мирное время тратится труда на показную сторону. Конечно, мы одолеем. Но цель эта, как и в 1877 г., будет достигнута усилиями крайними, сбором массы войск. Будут больше, чем тогда, жертвы: иное оружие, иной неприятель». (Через десять лет он, оказавшись в положении куда более ответственном, чем Куропаткин, пошел тем же самым путем мелочной регламентации подчиненных.)

Единственным, кто по-прежнему проявлял решимость и настойчивость в продолжении операции, был, по мнению Алексеева, Гриппенберг. Однако, связанный по рукам и ногам опекой главнокомандующего, он ничего не мог сделать. На позициях установилась тишина. Действовала она тем более гнетуще, что из России в армию начали проникать, поначалу весьма смутные, слухи о событиях в Петербурге. «Мне кажется она тишиною могилы, — пишет Алексеев 16 января, — в которую зарывается русский успех, русские победы. Дай же, дай нам, Россия, человека веры в себя, в силы твоих сынов, человека твердой воли и таланта! Но не пришлет Россия такого человека!! С тяжелым гнетущим чувством прочел в «Маньчжурском вестнике» о творящемся в Петербурге. Здесь льется кровь в борьбе с врагом; непонятна для теперешнего поколения цель войны, но ее поймут и оценят потомки. А там льется кровь как очистительная жертва за наши грехи; льется при этом исключительно русская кровь, к радости наших врагов и сомнительных друзей». Начавшаяся революция порождала у Алексеева мысли, весьма важные для понимая той роли, которую он сыграл через 12 лет. Россия, по его мысли, была кораблем без руля и опытного капитана и разумных «лейтенантов». Пожалуй, с его стороны это было первое критическое замечание в адрес императора и его политики: «Трудно судить по информации телеграмм о том, что происходит в России, но рисуется внутреннее наше положение опасным. Брожение ищет выхода. Этот выход может быть дан мерами предупредительными, но силы накопившиеся могут и не дожидаться этих мер, а прорвать все преграды и вылиться в форму, образцы которой нам дает история. Для мирного выхода опять же нужен человек, нужно, чтобы не упущено было время. Но человека нет, а сколько пропущено времени»³⁰.

После окончания боев под Сандепу Гриппенберг, считавший, что Куропаткин своими распоряжениями не дал ему возможности одержать победу, заболел, или во всяком случае подал рапорт о своей болезни. В своем донесении императору он просил об отставке с занимаемого поста, мотивируя просьбу полной невозможностью управлять армией в условиях, в которых он был лишен инициативы. Отъезд Гриппенберга произвел сильнейшее впечатление на армию: разногласия среди высшего генералитета стали очевидны даже рядовому. Уезжая, генерал надеялся на скорое возвращение, никаких распоряжений относительно своего штаба он не сделал. 18 января временно исполняющим должность командующего 2-й армией был назначен командир VIII армейского корпуса генерал-лейтенант Мылов. Это породило массу проблем. Генерал Ян Гамильтон, отмечал, что японская

система организации обеспечивает успех в действиях против посредственности. «В Западной Европе, как и у русских, — отмечал он в своем дневнике, — положение начальника важнее дарований, и если начальник не завоевал себе уважения и поклонения войск, то они не будут и не могут проявлять всей своей силы. С другой стороны, если бы русский Скобелев мог теперь появиться на театре войны, блестящий, быстрый, смелый, обожаемый своими войсками и обладающий военным инстинктом, — тогда, я думаю, японцы убедились бы, что в Европе есть элемент, с которым им еще не приходилось считаться»³¹. С уходом Гриппенберга решался именно такой вопрос.

В штабе Куропаткина Алексеев узнал, что главнокомандующий предложил императору четыре кандидатуры на выбор: В. А. Сухомлинова, Н. Н. Сухотина, М. И. Батянова, Н. И. Гродекова и А. А. Бильдерлинга. В перспективу назначения Сухомлинова Алексеев не очень верил, так как думал, что выбор Куропаткина будет сделан в пользу такого же как и он, нерешительного деятеля. Но все же реакция на эту новость была характерной: «Хорошо, если первый, сносно при назначении второго; Батянов будет будировать и строить шута, никуда не годное назначение Гродекова»³².

Пост командующего 2-й армией был в конце концов предложен Каульбарсу. 30 января он принял армию и сразу же начал повышать свой авторитет привычными методами во время долгих утренних и вечерних чаепитий. «Зная генерала Каульбарса с 1892 г., когда я был бригадным командиром во вверенной ему 15 кавалерийской дивизии, — вспоминал генерал по поручению при штабе армии П. Н. Баженов, — я всегда замечал в нем склонность к хвастовству; но я никак не предполагал, что эта черта могла бы развиться до такой степени, какой она достигла в то время, когда он сделался командующим армией. За каждым обедом и завтраком он неизбежно рассказывал нам о подвигах не чьего-либо, а непременно своего молодечества и нередко в этом отношении просто зарапортовался, воображая, что слушатели принимают его рассказы за чистую монету и вполне ему верят». На Теттау новый командующий произвел очень хорошее впечатление — наверное, генерал не рассказывал немецкому офицеру о своих приключениях; и тот отметил: «Мне показалось, что он не питает доверия к дальнейшему ходу войны, что он эту армию (то есть 2-ю. — А. О.) не считает способной дать иной оборот военному счастью»³³.

Очевидно, эта неуверенность была причиной решения Каульбарса взять с собой часть штабных работников, прежде всего офицеров из Одесского военного округа. Алексеев получил такое же предложение. Это породило массу проблем и конфликтов, один из которых затянулся на много лет. Начальником штаба армии при Гриппенберге был генерал-лейтенант Н. В. Рузский, теперь ему и его сотрудникам, прибывшим в Маньчжурию из Вильно, предлагали поменяться местами с сотрудниками генерал-квартирмейстерского управления 3-й армии. «Следствием японской дисциплины, — писал Гамильтон, — является, по-видимому, странная способность обезличивания. Я глубоко уверен, что если бы Куроки поменялся с Ноги, каждая из армий была бы в восторге получить себе отличившегося начальника другой»³⁴. В русской армии царили другие нравы. Перемещение в меньшую по численности и по значению армию и на менее значимую должность было бы для Рузского, как признавал Алексеев, «своего рода дисциплинарным наказанием». Следовательно, по возвращении в Россию они могли быть выведены за штат офицеров Генерального штаба.

К чести Алексеева, он не стремился занять должность Рузского, но в этом конфликте, в который он втягивался помимо своей воли, проявилась особенность стиля поведения этого человека. Алексеев не любил конфликтных ситуаций, но одновременно и не брал на себя инициативу их разрешения. Он надеялся, что Каульбарса не утвердит Петербург и проблема разрешится сама собой³⁵.

Каульбарс был официально назначен командующим 2-й армией 28 января 1905 г. и вступил в командование 30 января. До 8 февраля он

знакомился с позициями и частями ³⁶. Его армия вновь готовилась к наступлению на Сандепу, а ее штаб вновь подвергся импровизационной реорганизации.

Что же касается штаба 3-й армии, то он, начав работу в полном составе 10 января, уже через 20 дней подвергся изменениям. Получив от Куропаткина приказание оставить Рузского, Каульбарс собирался взять с собой четырех полковников Генерального штаба и начальника штаба Мартсона. Последний, как выходец из Варшавского округа, лишился, таким образом, ближайших сотрудников. Временно командующим 3-й армии назначался командир XVII армейского корпуса генерал барон А. А. Бильдерлинг. Он тоже был недоволен промедлением со своим назначением. Был недоволен и Рузский. В разговорах с Каульбарсом Алексеев вяло пытался сопротивляться планам этой перестройки штабов. Один из чинов штаба 3-й армии отмечал закономерность этой войны: взводы, роты и батареи ни в чем не уступали на поле боя японским, но чем крупнее было подразделение, тем хуже оно было по сравнению с японским. Сказывалось качество управления. Как генерал-квартирмейстер, Алексеев понимал значимость правильной системы управления войсками: «Ведь не могут вести войну ротные и батальонные командиры; нужна сила направляющая. А у нас она слаба, и в этом важнейшая причина того тяжелого хода дел, который отражается на всем и здесь и в России» ³⁷.

Каульбарс взял с собой двух полковников — Бабикова и Краснокутского и генерал-майора Эйхгольца, то есть наиболее близких ему людей, которых он выбрал для «первого эшелона» штаба еще в Одессе. Первый из них, об уходе которого жалел Алексеев, был старшим адъютантом управления генерал-квартирмейстера, то есть его помощником и первым заместителем. Его сменил полковник Парский. Таким образом, и Гриппенберг, и Каульбарс, и ряд их ближайших сотрудников проработали на своих должностях около двух месяцев, после чего начались перемены. Пришлось привыкать к новым людям и отношениям. Бабиков, судя по всему, был действительно знающим офицером. Оказавшись среди незнакомых ему людей, на новой должности Каульбарс доверял ему больше чем Рузскому, которого хотел сменить. В результате Бабиков, как доверенное лицо командующего, стал действовать в обход начальника штаба и генерал-квартирмейстера армии. Работа штаба в этих условиях была парализована ³⁸. А в это время 2-я армия вела подготовку к повторному штурму Сандепу.

Одно за другим шли совещания. 8 февраля в них принял участие и Алексеев. В этот день Куропаткин отдал приказ о переходе 2-й армии в наступление через четыре дня с целью охватить левый фланг армии Оку. Армия Ноги еще не успела подойти из-под Порт-Артура. Для русских армий оставался слабый шанс добиться перелома ситуации в свою пользу. Но их командование по-прежнему не соответствовало уровню стоявшей перед ним задачи. Например, при смене командования именно Алексеев, а не командующий 3-й армией и не начальник штаба, обещал Каульбарсу помощь в наступлении. Причину этого объясняет Алексеев, по свидетельству которого 4 февраля на совещании у Куропаткина произошла размолвка: «Каульбарс с Мартсоном настолько круто потолковали, что, расставаясь, руки друг другу не протянули, связующей нитью между штабами, пожалуй, буду лишь я» ³⁹.

Повторялась история первого наступления. «Все настаивают на скорейшем наступлении русских армий на японцев, — отмечал в своем дневнике от 5 февраля Линевиц, — но Куропаткин все медлит и медлит». Но медлил не только главнокомандующий. На 10 февраля, воскресенье, Каульбарс назначил армии отдых. Так как начинать наступление в понедельник командующий не хотел, считая это плохой приметой, он перенес начало операции на 12-е, вторник. В какой-то степени суеверные опасения Каульбарса оправдались: 11 февраля Куропаткин отказался выделять из резерва для поддержки какие-либо силы, а в ночь с понедельника на вторник, минуя командующего 2-й армией, вывел из его подчинения I Сибирский корпус. «Колесание и боязнь — вот наши недуги и болезни, — писал в эти дни

Алексеев, — мы не хотим рисковать ничем и бьем и бьем лоб об укрепленные деревни. Мелкие цели, крупные потери, топтание на месте, противник остается хозяином положения, а быть хозяином положения должны были бы и могли бы быть мы. Нет, не нужно было бы увеличивать в нашем командовании того, что служит источником наших невзгод, которым пока не предвидится и конца»⁴⁰. От истощения пришлось отказаться — инициатива окончательно перешла к японцам.

С таким опытом русские армии подошли к финальному сражению этой войны. Импровизированные штабы, отсутствие единой системы действий, конфликты внутри высшего генералитета, постоянные изменения главнокомандующим им же утвержденных планов. По-другому вели себя японцы. По свидетельству генерал-лейтенанта Танаки, бывшего во время войны адъютантом маршала Ойямы, во время битвы под Мукденом в японском штабе не было никакого возбуждения. К началу сражения штабная работа в основном была закончена, и большую часть битвы маршал и начальник его штаба Кодаме играли в крокет, отрываясь на несколько минут для небольших изменений. Так же спокоен был и Куроки во время Ляоянского сражения⁴¹.

Мукденское сражение вначале походило на все крупные сражения этой войны: японцы настойчиво применяли излюбленный прием окружения, пытаясь отсечь русские армии от железной дороги. Маршал Ойяма, поклонник прусской стратегии, бывший во время франко-прусской войны представителем японской армии при германском командовании, попытался использовать идею «Седана», но только в этот раз путем не одностороннего, а двустороннего обхода. Русский главнокомандующий полностью подстраивался под волю противника, диктовавшего ее многочисленными демонстрациями, и постепенно терял контроль над войсками. Так Куропаткин действовал с самого начала двухнедельного сражения. Как только обнаружилось наступление противника против армии Линевича, все приготовления 2-й армии к атаке были отменены и часть ее войск, выполняя приказание главнокомандующего, отмечал Алексеев, «как угорелые овцы шарахнулись... к левому флангу»: «Общее убеждение, что силы там у японцев скромные, что действия их там, хотя, как всегда, и энергичные, имеют характер демонстративный. Но они знают, по-видимому, характер нашего главнокомандующего: усиленными переходами все, что было возможно, направлено туда, в эти горы, где и развернуть такие силы трудно. Словом, там, на перевалах, узких путях, собрана половина всех наших сил»⁴².

Это происходило уже 11—13 февраля. Главнокомандующий фактически вмешался в руководство 2-й армией, еще больше усложняя управление ею. Вмешательство Куропаткина носило мелочный, дезорганизирующий характер. С началом японского наступления русская осадная артиллерия снималась с позиций и отправлялась в тыл. Прок от ее присутствия был невелик — главнокомандующий запретил даже обстреливать работы противника по установке 11-дюймовых орудий, без разрешения его штаба распорядиться тяжелой артиллерией не мог даже командир корпуса, на позициях которого она находилась. Однако это было очевидное указание на подготовку к будущему отступлению. Особенно удручающе действовал этот отвод на солдат, потому что сразу же за ним начался обстрел русских позиций японской тяжелой артиллерией. Русская полевая артиллерия не могла бороться с 11-дюймовками противника. Уже 13-го Алексеев понял: Куропаткин готовится отходить. По настоянию генерал-квартирмейстера Бильдерлинг написал главнокомандующему письмо, оно осталось без ответа⁴³.

Переброска войск с правого фланга на левый ослабила армию Каульбарса, и на нее навалились японцы. Куропаткин уже 15 февраля предупредил командующего 3-й армией, что большая часть его общего резерва израсходована на поддержку 1-й и 2-й армий⁴⁴. Для укрепления угрожаемых участков теперь ему оставалось лишь прибегнуть к излюбленному средству — созданию импровизированных отрядов. Результатом этого была такая путаница в расположении частей, что даже командующие армиями теряли представление о составе войск, им подчиненных.

«Отрядомания» под Мукденом достигла пика: «Бывали случаи командования корпусными командирами такими тактическими единицами, в состав которых не входило ни единого даже батальона вверенных им корпусов... В одном отряде, силою в 51 батальон, имелись войсковые части всех трех армий, из 11 корпусов, 16 дивизий и 43 различных полков»⁴⁵. Это был отряд фон дер Лауница, который должен был прикрывать фланг отступавшей русской армии, имевший в своем составе, кроме этих батальонов, 20³/₄ сотен и эскадронов, и 132 орудия (из пяти артиллерийских бригад). Мало этого, сам отряд Лауница еще делился на четыре отдельных отряда. Для их формирования командование выдергивало из частей отдельные роты, взводы и даже отделения.

Смещение войск достигло уровня хаоса, войска не знали своих командиров, командиры — войска, все вместе — соседей. В этом состоянии они могли лишь обороняться порознь. Постепенно сокращалась и боеспособность тех частей, откуда были взяты раздерганные подразделения. Они сокращались; в 3-й армии вскоре осталось около 40 батальонов, то есть из трех корпусов остался приблизительно один. «Но если бы это был корпус! — писал Алексеев. — Нет, это были клочки трех корпусов, а остальные клочки пошли по батальону во 2-ю армию. Что там была за организация! Это лоскутное одеяло; забвение всех основ, всех правил и законов организации»⁴⁶.

Каульбарс не предпринимал ничего без санкции Куропаткина. 17 февраля было абсолютно непонятно, кто командует 2-й армией. Каульбарс без штаба отправился к деревне Салипу, чтобы организовать контрудар. На посту командующего его временно заменил Лауниц, не знакомый ни с войсками, ни со штабом армии. Кроме того, в управление тем, что еще поддавалось руководству, постоянно вмешивался Куропаткин. Полупарализованное управление не смогло обеспечить действенную связь между частями.

Тем не менее оставались надежды на победу. Армии Линевица и Бильдерлинга твердо держали оборону. В контратаку перешел отряд Топорнина под Санлипу. Он действовал успешно до тех пор, пока в руководство контратакой не вмешалось несколько инстанций. Японское командование осознавало свою слабость в центре и чрезвычайно опасалось того, что русская армия перейдет здесь в наступление. По ночам противника освещал русские позиции прожекторами и оставался начеку, обстреливая даже одиночек⁴⁷.

Вспоминая день 17 февраля через месяц, Алексеев писал: «Думалось лишь о том, что вступаем во вконец разоренную страну и питание будет более или менее случайным. Думалось... да думалось многое, что из нашей 1-й армии, с левого фланга, пойдут полки, с этими полками составятся грозные силы и с ними мы будем опрокидывать все на пути своем и разобьем японцев». Наступления этих полков, однако, так и не последовало. Зато шестью днями позже самую дурную услугу 3-й армии составила забота ее штаба о питании частей во «вконец разоренной стране» — на плацдарме на реке Хуньхе были сконцентрированы многочисленные склады. Их располагали поближе к передовой для того, чтобы облегчить бесперебойное снабжение армии после перехода в наступление. Именно поэтому Алексеев догадывался, что если Куропаткин не решился нанести удар силами 1-й армии, то пора эвакуировать Мукден, чего не было сделано. 19 февраля правому флангу уже пришлось отходить с боями. Объективности ради отметим, что именно в этот день Куропаткин приказал эвакуировать дивизионные обозы, но из-за штабной неразберихи приказ дошел до командиров корпусов с пятидневным опозданием⁴⁸.

Оценивая результаты последнего сражения Маньчжурских армий, А. И. Деникин писал: «Я не закрываю глаза на недочеты нашей тогдашней армии, в особенности на недостаточную подготовку командного состава и войск. Но, переживая в памяти эти страданные дни, я остаюсь в глубоком убеждении, что ни в организации, ни в обучении и воспитании наших войск, ни, тем более, в вооружении и снаряжении их не было таких глубоких

органических изъянов, которыми можно было бы объяснить беспримерную в русской истории мукденскую катастрофу. Никогда еще судьба сражения не зависела от причин не общих, органических, а *частных*»⁴⁹. С этим утверждением можно согласиться, если считать «частным» систему управления войсками, неработоспособность армейских штабов.

В начале сражения в них не было единого взгляда на происходившие события. Если Куропаткин не мог уловить, какой из двух фланговых ударов противника наиболее опасен, то в штабе 3-й армии ожидали решающего удара в центре, на собственных позициях. Взаимное непонимание приводило к взаимоисключающим приказам. Действия армий были плохо скоординированы. В 3-й армии прекрасно работала связь (были приобретены немецкие телефоны, которые хорошо передавали звук на 8—10 км). Соседние армии не имели таких аппаратов. Когда днем 19 февраля на правом фланге русских армий обозначился успех наступающих японцев, в штаб 3-й армии позвонил Куропаткин и попросил послать кого-нибудь туда, то есть во 2-ю армию Каульбарса, для того, чтобы навести порядок. К вечеру японцев остановили, но отбросить их назад не удалось — противник установил на занятых позициях пять пулеметов. Сказывалось и то, что в тылу русских войск уже поджигали склады и землянки⁵⁰. В такой ситуации трудно было ожидать от солдат безусловной готовности идти вперед.

12-часовое отсутствие Алексеева в штабе способствовало расстройству управления войсками армии. 20 февраля командир VI Сибирского корпуса генерал Л. Н. Соболев получил от Алексеева приказ отступить на чрезвычайно невыгодные позиции. Этот отход мог поставить соседний I армейский корпус (1-й армии) в тяжелое положение. Соболев отказался выполнять этот приказ, тем более что его корпус, на который так мало надеялись перед боем, хорошо держался. Генерал-квартирмейстер звонил и настаивал, ссылаясь на решение главнокомандующего, но потом оставил вопрос на усмотрение командира корпуса. Дело в том, что, вернувшись от Каульбарса, Алексеев получил приказание об отходе на невыгодные позиции. Телефоны работали до 2 часов ночи 20 февраля. Заснув после тяжелого дня, генерал-квартирмейстер обнаружил, что к 6.30 утра распоряжения войскам не были отправлены, а офицеры его штаба спят! После этого Соболеву позвонил начальник штаба армии Мартсон и сообщил, что произошла ошибка. VI Сибирский корпус должен был оставаться на месте, где 20—22 февраля он блестяще отразил 12 атак противник. Однако все попытки перейти в контрнаступление были неудачными — не удавалось наладить совместную работу штабов 2-й и 3-й армий, издававших взаимоисключающие приказы. Когда же удары наносили части 3-й армии, они натыкались на японские пулеметы. Подавить их шрапнельным снарядом русская пушка не могла. Начала сказываться утомленность войск. По свидетельству Алексева, во время одной из атак 22 февраля солдаты кричали: «Нас расстреливают пулеметами; где же наши пулеметы; дайте нам пулеметы!»⁵¹.

Ухудшение положения на правом фланге требовало быстрых мер, и главнокомандующий решил сузить фронт 3-й армии, вывести ее из плацдарма на Хунхе, за рекой, рассчитывая таким образом сберечь силы для формирования будущих отрядов. Этот расчет оказался поверхностным, так как «мукденские позиции» были очень слабо укреплены, замерзшая река не представляла серьезного препятствия. Еще хуже было то, что внезапное отступление, предпринятое в ночь на 23 февраля, имело импровизационный характер. Причину суматохи объяснил Алексеев, которому приказ об отходе доставили вечером 22 февраля: «Удручающе действует всегда то, что приказание его [Куропаткина] получается уже тогда, когда нужно его исполнить. Какое-то полное забвение расстоения, времени, сил людей. Чисто сказка»⁵². Эвакуировался и штаб 3-й армии, его переводили к восточным воротам Мукдена.

Армия, уходя, бросала огромные склады с обувью, продовольствием — зерном, сухарями, мороженой рыбой и мясом. Первоначально их запретили поджигать, так как боялись, что дым потянет на позиции за Хунхе и тем облегчит японцам наступление. Часть командиров разрешила

солдатам «попользоваться» этими запасами. Оставление их в неприкосновенности было трудно понять, и это еще более ухудшало моральную обстановку внезапного отхода. Потом склады все же начали поджигать. Оставшемуся наблюдать за отходом Алексееву через каждые 10 минут докладывали о том, что подожена очередная деревня или склад. Противоречивость приказов вела к тому, что в тылу среди отступавших стали проявляться грозные признаки разложения. Заместитель Алексеева вспоминал: «Переход из Сахетуни в Импань был очень печален: в полной темноте горели подоженные огромные склады и деревни; госпитали и разного рода обозы спешно и в беспорядке двигались к Хуньхе, многие еще продолжали укладываться; от грохота колес по мерзлой земле стоял шум, смешивавшийся с нестройными криками и звуками от лопавшихся патронов, в изобилии бросаемых в огонь; кое-где спешно разбирали какие-то интендантские склады, слышалась пьяная ругань... Заметны были признаки полного беспорядка... На переправе у Хуньхепу — давка, беспорядок. Как я узнал потом, в подобной обстановке был тяжело ранен своими же солдатами, грабившими какой-то склад, инспектор госпиталей нашей армии, полковник Тимофеев, хороший, жизнерадостный человек, впоследствии скончавшийся». (Тимофеев был братом жены Куропаткина и умер от ран в июне 1905 года. Пытаясь остановить солдат, он угрожал им револьвером и был застрелен ими ⁵³.)

Прикрывавшие отход части не имели соблазна в виде оставляемых складов и действовали организованно. Последние пять батальонов и строители конно-железной дороги отступили в порядке, перед самым носом у японцев вывозя секции переносного железнодорожного полотна. С ними отошел и Алексеев. Японцы дали русским частям переправиться через реку и только после этого продолжили наступление ⁵⁴.

Отход с плацдарма заставил штаб 3-й армии задуматься о создании резерва, который мог бы пригодиться для прикрытия отступления, на этот раз от Мукдена. Такой резерв был собран на южной окраине города, у выхода на Мандаринскую дорогу. Резерв состоял из 11-го пехотного Псковского и 242-го пехотного Белебеевского полков, одного батальона Прагского полка. Из этих 8—9 батальонов уже 23 февраля два были взяты Куропаткиным во 2-ю армию, остальные несколько раз по его приказу поднимались, но затем возвращались. Главкомандующий постоянно требовал от штаба 3-й армии батальонов для усиления 2-й, а Алексеев хотел использовать часть резерва, чтобы прикрыть позиции по покрытой льдом Хуньхе. В результате к вечеру 23 февраля в резерве 3-й армии осталось менее трех батальонов, так как возвращенные Куропаткиным части резерва еще находились на марше. А через сутки сконцентрированного резерва у армии уже практически не было ⁵⁵. Последствия сказались немедленно.

Ранним утром 25 февраля на Мандаринской дороге Алексеев попытался организовать арьергард, как это удалось сделать с 5 батальонами во время отступления с плацдарма на Хуньхе. «Так как Мандаринская дорога, — вспоминал ген. Баженов, — как впоследствии оказалось, предназначена была для частей и обозов 3-й армии, то и водворение порядка на этой дороге могло быть сделано только начальством этой армии. И действительно, проехав верст 8 от Мукдена, мы встретили на дороге генерал-майора Алексеева... Среди двигавшихся повозок генерал был один, и, как он нам объяснил, он озабочен был составлением арьергарда и расположением его на позиции для того, чтобы пропустить весь двигавшийся обоз и затем прикрывать общее отступление. Старания генерала плохо осуществлялись, так как не только предназначенных в арьергард двух полков... нигде не было видно, но не было видно даже и других каких-либо сплоченных частей, которые можно было бы употребить для составления арьергарда. К тому времени, как мы подъехали к генералу, ему удалось задержать при себе две-три роты одного из полков, предназначенных в арьергард; роты эти генерал поставил шагах в ста в стороне от дороги, чтобы они не были захвачены беспорядочной толпой, двигавшейся по этой дороге». «25 февраля, — писал через 10 дней после этих событий Алексеев, — русская армия

пережила день бедствия и позора, имея право рассчитывать на победу или по крайней мере на спокойный уход к северу от Мукдена, понеся при этом лишь моральный удар... Но наш воевода [Куропаткин] заставил нас пережить горечь поражения, подобного которому давно уже не приходилось испытывать»⁵⁶.

Однако виноват был не только Куропаткин. Трудно найти более показательный пример отсутствия штабного руководства армиями, чем организация, или, вернее, дезорганизация отступления от Мукдена. Именно по этой причине сражение закончилось такой убедительной победой японцев, а не превратилось, как это было после Ляояна, в обычное и довольно неплохо организованное отступление. Вначале все шло по знакомому сценарию. Эвакуировать армейское имущество было невозможно: в районе городского вокзала было собрано свыше 3600 вагонов зерна и сухарей, свыше 1000 кубических саженой угля, огромное количество фуража. С вечера 24 февраля из Мукдена выводился подвижной железнодорожный состав. Эшелоны по 52—55 вагонов уходили «пакетами» — группами по 8—16 поездов, отходивших с интервалами в несколько минут. Около 6 утра 25 февраля отошел последний «пакет». Крыши вагонов были облеплены людьми — начиналась паника. Оставшееся имущество жгли. Для отступления 2-й армии предназначалась дорога вдоль высокой (до 10 метров) насыпи. Однако по ней отступил лишь штаб этой армии со штабным обозом, до войск эта диспозиция не была доведена и они потянулись на привычную Мандаринскую дорогу⁵⁷. Ни Рузский, ни Бабиков не справились со своими обязанностями.

Между тем, дорога эта была предназначена только для войск 3-й армии; их отступление должно была обеспечить 2-я армия, и только после этого ей полагалось вдоль железнодорожной насыпи уйти на север, к Телину. В результате на дороге, проходившей частично по теснинам, с крутыми спусками, скопилось свыше 300 000 человек — 370 батальонов, приблизительно 1000 орудий, десятки тысяч повозок⁵⁸. До того, как масса войск 2-й и 3-й армий, уже основательно расстроенная «отрядными импровизациями», перемешалась там, отступление 3-й армии шло в относительно нормальном порядке.

24 февраля в 18.00 штабс-капитан А. А. Свечин (офицер для поручений при управлении генерал-квартирмейстера) известил по телефону Алексеева, что японцы перешли Хуньхе на участке IV Сибирского корпуса и устремились в тыл армии, за Мукден, к поселку Пухэ. С утра бушевал ураган, несший на русские позиции тучи пыли, под их покровом противник и перешел реку по льду. Главнокомандующий был извещен о прорыве около 19.00. В начале девятого вечера в штабе 3-й армии получили приказ Куропаткина об отходе по Мандаринской дороге. Сразу были собраны все офицеры, которые начали писать под диктовку Алексеева диспозицию для отхода корпусов. Приказ был дублирован по телефону, работа закончилась в 22.00. Приказ гласил: «24 февраля 1905 г. Между 9—10 часами вечера. Восточная Импань. 3-й армии предписано, с наступлением темноты, отойти от предместных укреплений вдоль Мандаринской дороги, не втягиваясь в Мукден. 2-й армии задерживать противника до отхода 3-й армии из предместных укреплений и затем отойти вдоль железной дороги, прикрывая движение 3-й армии от ударов с запада»⁵⁹.

Так как Мукден оставался официально нейтральным городом, русские войска его не занимали и обходили вдоль стен, где дорог и мостов, естественно, не было. К тому же продолжалась буря. Часть корпусов выступила с опозданием в несколько часов — от 23.00 24 февраля до 01.00 25 февраля. Обозы, артиллерия, войска двигались зигзагообразными колоннами, с трудом нащупывая путь. Связь корпусов со штабом армии и соседями была потеряна. Около 04.00 25 февраля штаб армии также начал отступление в тыл. Алексеев выехал на Мандаринскую дорогу и увидел на ней результат слияния обозов, артиллерии и войск 2-й и 3-й армий: «Море повозок вливалось потоками с различных боковых дорог. Беспорядочно, в несколько рядов, все это тянулось к северу и тянулось почти до 10 часов

утра. Только в 11 часов могли тронуться наши ничтожные по силе войска 3-й армии»⁶⁰.

На деле положение ранним утром 25 февраля было гораздо хуже. Создались пробки, в которых колонны больше простаивали, чем двигались. Все перемешалось. Генерал из штаба 2-й армии так описал картину, которую он застал около 06.00: «При выходе из Мукдена на Мандаринскую дорогу мы сразу наткнулись на такой хаос и такой вопиющий беспорядок, который далеко превосходил самые мрачные представления мои о беспорядочном отступлении. Со всех улиц Мукдена и вообще со всех сторон повозки, пушки, команды, или, вернее, толпы людей — спешили на Мандаринскую дорогу, и у самого выхода из города образовалась какая-то беспорядочная масса, которая сама себе не давала возможности двигаться. Тут были и понтоны, которые, неизвестно для какой надобности, держались до последнего времени в Мукдене, и санитарные транспорты, и повозки артиллерийских парков, и патронные двуколки, одним словом, — повозки обоза всех трех разрядов, артиллерийские орудия и толпа будто бы искавших свои части людей; все это не только не было распределено по родам повозок, но не было даже вытянуто в одну, две, три, хотя бы в 10 линий, а составляло доподлинно какую-то громадную кучу, в которой каждый хотел двигаться сам по себе, нередко даже по пути других повозок. На беду, недалеко от выхода из города дорога имела вид врезанного в высокую гору дефиле; тут образовалась пробка, явно свидетельствующая о том, что весь этот беспорядок произошел вследствие крайней нераспорядительности начальства и полного безначалия в обозе»⁶¹.

Так как резерва, чтобы попытаться навести порядок среди отступавших, не было, Алексеев послал часть своих офицеров за дефиле — упорядочить обозы и направить отступавших широким фронтом вдоль дороги, благо промерзший грунт допускал такое движение. За дефиле на расстоянии километра слева и справа от дороги массами текло то, что раньше было армией. Одновременно генерал-квартирмейстер сделал попытки установить связь с VI Сибирским корпусом, потерянным в ходе движения вокруг Мукдена. Когда его головные колонны около 08.00 вышли из предгорья на дорогу, положение еще более осложнилось. Командир корпуса вспоминал: «На обширной площади, шириною в 5—7 верст и длиною в 15—20 верст, несколько всхолмленной, почти лишенной растительности и залитой лучами южного солнца, стояли и двигались войска и обозы трехсоттысячной армии. С трех сторон гремела артиллерийская канонада. Картина была грандиозная... Сразу нельзя было разобрать, что именно происходило. Войска двигались, как это мне показалось, большими массами, почти без промежутков. Обозы тянулись вереницею. Движение было очень медленное, так что в первую минуту, когда перед нами открылось отступление огромной армии, мне показалось, что войска не двигаются, а стоят на месте»⁶². Несколько ручьев, оврагов и река с обрывистыми берегами — все это никак не способствовало быстрому движению беспорядочной массы шириной в несколько километров.

Железнодорожный вокзал и окружавшие его склады также находились за городом, как раз на пути отступавших войск. Второй раз за короткое время люди, измотанные двухнедельными боями в февральские морозы, оказывались перед одним и тем же искушением. Оставляемые запасы разбирались — из-за «пробки» на Мандаринской дороге и медленного движения солдаты перемешавшихся частей вынуждены были простаивать около уничтожаемых запасов продовольствия, обмундирования, спирта. Видя оставление города, многочисленные «вольные» торговцы начали раздавать свои товары, состоявшие прежде всего из спиртных напитков. Появилось большое количество пьяных, часть из них бесцельно бродила между городом и станцией. «Расплывшаяся на широком фронте, — писал Алексеев, — эта сволочь повалила назад уже вполне беспорядочной толпой. Ни уведомления, ни шашки, ни угроза револьвером не могли сдерживать мерзавцев, потянувших в узкое пространство, еще не замкнутое неприятелем». Его близкий сотрудник и друг полковник С. К. Добророльский, тоже участник

этих событий, вспоминал через два года: «Трудно, если не невозможно было бороться со стихийным потоком повозок и лошадей; поздно было принимать меры здесь, на Мандаринской дороге; все неудержимо лезло бессознательно назад, руководимое общим желанием выбраться скорее из района боя, громовые отзвуки которого и справа, и слева действовали угнетающим образом на нестройных и обозных»⁶³. Около 9 часов утра японцы обстреляли дорогу из орудий, началась паника.

В какой-то момент единственной управляемой силой в распоряжении Бильдерлинга, Мартсона, Алексеева являлся штабной конвой. Один из его младших офицеров предложил отправить этих кавалеристов в атаку на японские орудия. Но кризис был преодолен силой нескольких полков, отступавших в порядке, — их и направили на выстрелы. После этого Бильдерлинг и Мартсон отправились дальше, а руководить, или, вернее, пытаться руководить, остался Алексеев. Руководство его сводилось преимущественно к тому, что, находя в отступающей толпе какую-нибудь часть с офицерами и в относительном порядке, генерал-квартирмейстер направлял ее прикрывать отступление. Беспорядок рос лавинообразно, начиналось полное падение духа, обращавшее части в бегство при одном лишь виде разезда противника. Тем не менее управляемые подразделения еще встречались. Это мог быть и батальон с батареей и пулеметом, и даже команда хлебопек — все использовалось для укрепления цепи по сторонам Мандаринской дороги. «Недоумевавшие лица солдат этой команды, — вспоминал находившийся при Алексееве Парский, — хорошо запечатлелись в моей памяти»⁶⁴.

Естественно, что для этого импровизированного заслона, находившегося под обстрелом артиллерии, было важно иметь поддержку собственных батарей. Но управлять огнем в этом беспорядке было сложно; некоторые из батарей самовольно снимались с позиций, отстрелявшись по одной, раз указанной цели. При приближении японской пехоты артиллеристы не хотели рисковать своими орудиями и уводили их на дорогу. К часу дня масса отступавших войск опять оказалась под перекрестным обстрелом японских пушек. И здесь, в котловине у реки Пухэ, армия окончательно разложилась, именно с этого момента применимы слова Алексеева: «25 февраля армия *не хотела сопротивляться*»⁶⁵. В обозе и среди отступавших началась паника, после которой порядок уже новости было невозможно. Офицеры штаба армии собирали бежавших группами по 15—20 человек, но они разбегались при первом же взрыве шимозы. Повозки мчавшихся обозов калечили людей, особенную опасность представляли артиллерийские парки с мощными лошадьми, сметавшими все на своем пути. Находившийся с конницей у западного края «Мукденского горлышка» Деникин имел возможность наблюдать происходившее: «Одни части пробивались с боем, сохраняя порядок, другие, расстроенные, дезориентированные — сновали по полю взад и вперед, натываясь на огонь японцев. Отдельные люди, то собираясь в группы, то вновь разбегаясь, беспомощно искали выхода из мертвой петли. Наши разезды служили для многих маяком... А все поле, насколько видно было глазу, усеяно было мчавшимися в разных направлениях повозками обоза, лазаретными фургонами, лошадьми без всадников, брошенными ящиками и грудями развороченного валявшегося багажа, даже из обоза главнокомандующего... Первый раз за время войны я видел панику»⁶⁶.

Обозные обрубали построения и спасались верхом. О масштабах происходившего можно судить по потерям 2-й и 3-й армий в материальной части. Были потеряны 29 скорострельных орудий, 46 лафетов, 44 передка, 547 зарядных ящиков, 279 патронных двуколки, 753 хозяйственных двуколки, 79 походных кухонь, 489 разных повозок. Теттау говорит о 6000 повозок, потерянных при отступлении от Мукдена. Большая часть этих потерь пришлась на Мандаринскую дорогу. Гибель обоза завершила разложение еще контролируемых войск. Штаб ничего не мог сделать. Солдаты бросали оружие, грабили брошенное имущество, даже повозки штаба 3-й армии. Алексеев лишился в эти минуты своих орденов и части бумаг, находившихся в обозе, он не сомневался, что это было результатом действий мародеров. Территория в несколько квадратных километров была усеяна убитыми,

ранеными и... пьяными. Штаб армии снова собрался у выхода из этой котловины. «Обширное ровное поле было усеяно шедшими и бежавшими враспынную солдатами, — вспоминал Парский, — всюду валялись сломанные повозки с выброшенными из них вещами, некоторые из них горели, видны были бежавшие люди и много лошадиных трупов... Это была картина бегства!»⁶⁷

Японцы не сразу заметили отход русских сил из «мешка» и начали преследование около полудня 25 февраля. Только тогда армия Оку начала движение и заняла Мукден к 4 часам дня; в результате русские арьергарды были отрезаны⁶⁸. Отряд генерала Ганненфельда втянулся в город и вынужден был сдать. Организованное отступление смог организовать только подполковник Генерального штаба Л. Г. Корнилов — начальник штаба 1-й стрелковой бригады. Под его руководством 17 рот из 3 стрелковых полков не только сумели сохранить порядок, но и присоединили к себе стихийно отступавшие команды. Теснимый и обстреливаемый с трех сторон, отряд Корнилова спас несколько пулеметов и знамя 10-го стрелкового полка и к 7 часам вечера соединился с основными силами армии. Корнилов уходил вдоль насыпи железной дороги. Арьергардный бой шел без всякого руководства высшего начальства. Руководства и не могло быть: до вечера связь между штабами армий и штабом главнокомандующего отсутствовала⁶⁹. Русская армия понесла потери. Кроме оставленных 29 скорострельных пушек, были потеряны две полевые мортиры и два поршневых орудия. В плен попали почти 30 тыс. рядовых, один генерал, убитыми и ранеными свыше 60 тыс. человек⁷⁰.

Катастрофа под Мукденом, или, вернее, неудачное сражение под Мукденом, закончившееся катастрофой на Мандаринской дороге, интересна по нескольким причинам. Она имела многоплановые последствия.

Во-первых, возможной она стала в результате работы импровизированных штабов, поэтому генералитет, прошедший это испытание, во время первой мировой войны избегал повторения этих ошибок. В случае создания новых армий Алексеев, например, предпочитал направлять на фронт уже сложившиеся управления армий.

Во-вторых, на Мандаринской дороге судьба свела людей, отношения между которыми имели огромное значение в событиях 1914—1918 годов. Достаточно назвать имена Алексеева, Рузского, Корнилова, Деникина, С. Л. Маркова. Истоки знаменитой вражды между Рузским и Алексеевым, например, нужно искать не во время Галицийской битвы 1914 г., а во время Мукденского сражения. Именно ошибки штаба 2-й армии, возглавляемого Рузским, привели к тому, что произошло на Мандаринской дороге. В то же время известно, что Корнилов весьма критически относился к организационным и даже военным способностям Алексеева — в 1917 и 1918 годах это также имело большое значение, и нельзя не признать, что в глазах младшего поколения генштабистов (Деникина, Маркова) авторитет Корнилова стоял выше, чем у кого-либо; начало его популярности приходится именно на февраль 1905 года.

В-третьих, эти февральские дни породили у участников мукденских боев критическое отношение не только к армейским, но и вообще к государственным порядкам. Любое поражение наводит современников на мысли о преобразованиях. Их масштаб зависит от того, насколько велика, в оценках проигравшей стороны, катастрофа. У Алексеева эти мысли далеко выходили за рамки только военных реформ. Дни 23—27 февраля 1905 г. долгое время оставались самым черным моментом его жизни, его участие и роль в событиях Мукдена позволяют лучше понять поведение начальника штаба верховного главнокомандующего в Феврале 1917 года.

Примечания

1. ПАРСКИЙ Д. Воспоминания и мысли о последней войне (1904—1905 гг.). СПб. 1906, с. 11.
2. Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевица, Л. 1925, с. 57; КУРОПАТКИН А. Н. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина. СПб. 1906, с. 31.

3. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 855, карт. 1, д. 35, л. 1.
4. Отчет о деятельности управления генерал-картирмейстера 3-й Маньчжурской армии за время войны 1904—1905 гг. СПб. 1907, с. 3; ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 1, л. 6об.
5. ПАРСКИЙ Д. Ук. соч., с. 10; ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 2, л. 1.
6. РЕДИГЕР А. История моей жизни. Т. 1. М. 1999, с. 400—401; Русско-японская война. Из дневников, с. 57; КУРОПАТКИН А. Н. Ук. соч., с. 31.
7. Отчет о деятельности, с. 3—5; ПАРСКИЙ Д. Ук. соч., с. 9.
8. ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 32, л. 3—3об., 6об., 14об., 28об.
9. БАЖЕНОВ П. Н. Сандепу — Мукден. Воспоминания очевидца — участника войны. СПб. 1911, с. 10; ПАРСКИЙ Д. Ук. соч., с. 13; ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 32, л. 9об.
10. СОБОЛЕВ Л. Н. Куропаткинская стратегия. СПб. 1910, с. 83; ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 32, л. 36, 36об.
11. МАРТЫНОВ Е. И. Воспоминания о русской-японской войне командира пехотного полка. Плоцк. 1910, с. 387—388; Отчет о деятельности, с. 5.
12. ПАРСКИЙ Д. Ук. соч., с. 10.
13. ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 32, л. 31; КУРОПАТКИН А. Н. Ук. соч., Т. 3. СПб. 1906, с. 237; ПАРСКИЙ Д. Ук. соч., с. 15.
14. МАРТЫНОВ Е. И. Ук. соч., с. 388; ПАРСКИЙ Д. Ук. соч., с. 19—20; ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 33, л. 17.
15. ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 32, л. 18, 53; Отчет о деятельности, с. 6; ПАРСКИЙ Д. Ук. соч., с. 9; СОРОКИН А. И. Русско-японская война 1904—1905 гг. М. 1956, с. 241.
16. СОБОЛЕВ Л. Н. Ук. соч., с. 86.
17. ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 32, л. 50об., 4; ТЕТТАУ Э. Восемнадцать месяцев в Маньчжурии с русскими войсками. Ч. 2. СПб. 1908, с. 14.
18. КУРОПАТКИН А. Н. Ук. соч. Т. 3. СПб. 1906, с. 32, 37.
19. ГРИННЕНБЕРГ О. Изнанка «операции охвата левого фланга расположения армии Оку» в январе 1905 г. СПб. 1909, с. 4, 12; КУРОПАТКИН А. Н. Ук. соч. Т. 3. 1906, с. 33; Русско-японская война. Из дневников, с. 59.
20. ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 32, л. 57; Русско-японская война. Из дневников, с. 63.
21. ПАРСКИЙ Д. Ук. соч., с. 10, 28; Отчет о деятельности, с. 324.
22. ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 33, л. 1, 1об.
23. ТЕТТАУ Э. Куропаткин. Ч. 2. СПб. 1914, с. 282; Русско-японская война в сообщениях в Николаевской Академии Генерального штаба. Ч. 2. СПб. 1907, с. 85.
24. ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 33, л. 2об.
25. Русско-японская война в сообщениях. Ч. 2, с. 68—69.
26. ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 33, л. 3.
27. Там же; ГРИППЕНБЕРГ О. Ук. соч., с. 4.
28. ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 33, л. 3об.
29. ТЕТТАУ Э. Восемнадцать месяцев, с. 245; БАЖЕНОВ П. Н. Ук. соч., с. 58.
30. ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 33, л. 4, 6—6об.
31. СОРОКИН А. И. Ук. соч., с. 250—251; БАЖЕНОВ П. Н. Ук. соч., с. 94, 95, 97—98; ГАМИЛЬТОН Я. Записная книжка штабного офицера во время русско-японской войны. Т. 2, СПб., 1907, с. 28.
32. ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 33, л. 26.
33. БАЖЕНОВ П. Н. Ук. соч., с. 120; ТЕТТАУ Э. Восемнадцать месяцев, с. 264.
34. ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 33, л. 15; ГАМИЛЬТОН Я. Ук. соч., с. 26.
35. ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 33, л. 15, 16, 22об.
36. КАУЛЬБАРС А. В. 2-я армия под Мукденом. Ч. 2. Одесса. 1908, с. 5.
37. ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 33, л. 23—25, 19; ПАРСКИЙ Д. Причины наших неудач в войне с Японией. СПб. 1906, с. 19.
38. Отчет о деятельности, с. 335; БАЖЕНОВ П. Н. Ук. соч., с. 110, 133; ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 33, л. 24.
39. КАУЛЬБАРС А. В. Ук. соч., с. 5—6; ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 33, л. 33.
40. Русско-японская война. Из дневников, с. 73; КАУЛЬБАРС А. В. Ук. соч., с. 7, 11, 17; ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 33, л. 26об.
41. WASHBURN S. Field Notes from the Russian Front. Lnd. Vol. 1 [1915], p. 65; ГАМИЛЬТОН Я. Ук. соч., с. 22, 49.
42. ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 33, л. 39, 44.
43. СОБОЛЕВ Л. Н. Ук. соч., с. 119; ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 33, л. 45, 45об.

44. Отчет о деятельности, с. 29.
45. ТЕТТАУ Э. Восемнадцать месяцев, с. 266.
46. СОБОЛЕВ Л. Н. Ук. соч., с. 150—151; ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 33, л. 50об.
47. ГРУЛЕВ М. В штабах и на полях Дальнего Востока. Ч. 2. СПб. 1909, с. 335.
48. ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 33, л. 17, 17об.; ПАРСКИЙ Д. Ук. соч., с. 50; ЛЕВИЦКИЙ Н. А. Русско-японская война 1904—1905 гг. М. 1938, с. 284.
49. ДЕНИКИН А. И. Путь русского офицера. М. 1990, с. 145.
50. ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 33, л. 44об.; д. 34, л. 18; ПАРСКИЙ Д. Ук. соч., с. 13.
51. СОБОЛЕВ Л. Н. Ук. соч., с. 164, 166, 170; ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 34, л. 19, 12об., 19об.
52. СОБОЛЕВ Л. Н. Ук. соч., с. 170, 186; ПАРСКИЙ Д. Ук. соч., с. 50; ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 34, л. 20об.
53. ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 34, л. 20об.; д. 35, л. 37; ПАРСКИЙ Д. Ук. соч., с. 51.
54. ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 34, л. 21.
55. ПАРСКИЙ Д. Ук. соч., с. 52—54; ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 34, л. 21об.; Отчет о деятельности, с. 38—39.
56. БАЖЕНОВ П. Н. Ук. соч., с. 300—301; ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 33, л. 48.
57. ТЕТТАУ Э. Восемнадцать месяцев, с. 349, 351; БАЖЕНОВ П. Н. Ук. соч., с. 297.
58. ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 33, л. 51об.; СОБОЛЕВ Л. Н. Ук. соч., с. 219.
59. Отчет о деятельности, с. 39, 336; ПАРСКИЙ Д. Ук. соч., с. 54.; СОБОЛЕВ Л. Н. Ук. соч., с. 194, 297; ТЕТТАУ Э. Восемнадцать месяцев, с. 353.
60. СОБОЛЕВ Л. Н. Ук. соч., с. 190, 201, 203, 208; ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 33, л. 52.
61. БАЖЕНОВ П. Н. Ук. соч., с. 299.
62. ПАРСКИЙ Д. Ук. соч., с. 55—56; СОБОЛЕВ Л. Н. Ук. соч., с. 210.
63. Русско-японская война в сообщениях. Ч. 2, с. 231—232; ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 33, л. 52об.
64. ПАРСКИЙ Д. Ук. соч., с. 56—58; ГРУЛЕВ М. Ук. соч., с. 316.
65. Отчет о деятельности, с. 44; СОБОЛЕВ Л. Н. Ук. соч., с. 225; ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 33, л. 53.
66. Русско-японская война в сообщениях, с. 232; ПАРСКИЙ Д. Ук. соч., с. 60; ДЕНИКИН А. И. Ук. соч., с. 145.
67. СОБОЛЕВ Л. Н. Ук. соч., с. 213; ТЕТТАУ Э. От Мукдена до Портсмута. СПб. 1914, с. 1; ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, д. 33, л. 52об.; д. 34, л. 24об.; ПАРСКИЙ Д. Ук. соч., с. 60—61.
68. ЛЕВИЦКИЙ Н. А. Ук. соч., с. 284.
69. КУРОПАТКИН А. Н. Краткий очерк русско-японской войны до Мукденских боев включительно. Б. м. Б. г., с. 78—79; Русско-японская война в сообщениях, с. 235; ПАРСКИЙ Д. Ук. соч., с. 62.
70. Русско-японская война в сообщениях, с. 236—237.

Л. Б. Красин. Письма жене и детям. 1917—1926

Публикуемые письма — источник не только личного происхождения, но и интимного характера, не предназначавшийся для ознакомления с ним третьих лиц. Но для характеристики общественно-политических событий, властно вторгавшихся в быт корреспондентов, письма представляют чрезвычайный интерес. Они помогают воспроизвести в более «панорамном виде» сложную и противоречивую российскую политическую историю первой четверти XX века.

Уроженец сибирского города Кургана, Леонид Борисович Красин (1870—1926) в 1890 г., будучи петербургским студентом-технологом, примкнул к социал-демократическому движению (группа М. И. Бруснева), после образования большевистского течения в 1903 г. стал большевиком, быстро выдвинулся в партийные лидеры, руководил Боевой технической группой при ЦК партии во время революции 1905—1907 гг., а затем также являлся казначеем ЦК. После революции он продолжал оставаться членом неофициального Большевистского центра, в котором уже в 1907 г. возникли серьезные разногласия между Лениным, с одной стороны, Красиным и А. А. Богдановым, с другой. Красин «предпочитал решительность действий. Его радикализм граничил с фанатизмом»¹. После эмиграции Красина в 1908 г. разногласия охватывали все новые и новые вопросы и, по существу, переросли в борьбу за лидерство в партии. Ленину удалось обойти Красина, отстранить его от распоряжения финансами. В феврале 1909 г. он был обвинен в растрате. Произошел разрыв. Красин полностью отошел от революционного движения. Будучи квалифицированным инженером-электриком и хорошим организатором, он поступил на службу в германскую электротехническую компанию «Сименс-Шуккерт», вскоре стал видным ее специалистом, а в 1911 г. был направлен компанией в Россию, где вскоре стал ее генеральным представителем. Красин пошел на службу к большевикам в самом конце 1917 г., а уже в следующем году стал наркомом торговли и промышленности, в 1919 г. наркомом путей сообщения, в 1920 г. наркомом внешней торговли и почти одновременно — полномочным представителем в Великобритании (до 1923 г.). В 1924 г. он был назначен полпредом во Франции, а в следующем году вновь переведен в Великобританию. На XIII и XIV съездах партии (1924 и 1925 гг.) Красин избирался членом ЦК.

Первые из писем относятся к июню 1917 г., и эта переписка почти не прерывалась до начала 1926 г., когда Красин уже страдал от неизлечимой болезни — злокачественной анемии (ее часто называют раком крови). Эта

переписка возникла сразу после того, как, опасаясь развития политических событий в России, отнюдь не исключая краха Временного правительства и демократии в стране в условиях двоевластия и развития политического экстремизма, Красин вывез свою семью в спокойную Скандинавию, куда и сам намеревался бежать в случае необходимости. Письма являются составной частью материалов Красина (в их число входят также рукописи и заметки), переданных вдовой, Любовью Васильевной Красиной (Милонидовой), в архив Международного института социальной истории (Амстердам). В фонде Красина имеются 106 писем, из которых несколько неполных (утрачены страницы). 32 письма полностью либо с оговоренными и неоговоренными сокращениями или же в виде фрагментов и цитат в переводе на английский язык (при переводе допущены неточности и искажения текста) опубликованы в воспоминаниях Красиной о своем супруге². Остальные письма не публиковались. На русском языке все документы публикуются впервые.

Письма воспроизводятся в соответствии с принятыми правилами археологии. Некоторые письма датированы по содержанию. В этих случаях дата или ее часть заключены в квадратные скобки. В некоторых случаях, когда не удалось расшифровать отдельные места красинской рукописи или предпринята попытка расшифровать их по контексту, соответствующие места обозначены отточиями в квадратных скобках или же в квадратные скобки заключен реконструированный текст. Соответствующие пояснения даны в примечаниях.

В примечаниях приводятся сведения о лицах, событиях и других реалиях, упомянутых в письмах. Имея в виду частный характер документов, отсутствие для их автора необходимости растолковывать супруге многие факты, которые ей были безусловно известны или же понятны по смыслу письма, объяснение ряда моментов текста представляло значительную трудность. Не удалось идентифицировать отдельные имена или же найти биографические сведения о других упоминаемых лицах. Это, однако, почти исключительно знакомые или близкие родственники Красиных — люди, в основном непосредственно не связанные со значительными историческими событиями. Не удалось также расшифровать некоторые, незначительные, как нам представляется, семейные аллюзии.

Публикация подготовлена Ю. Г. Фельштинским и Ф. Маркиз, вступительная статья — Фельштинским и Г. И. Чернявским, примечания — Чернявским. Письма публикуются с любезного разрешения администрации Международного института социальной истории (Амстердам), который мы выражаем глубокую благодарность.

Примечания

1. O'CONNOR T. Э. Инженер революции. М. 1993, с. 84 (O'CONNOR T. E. Engineer of Revolution. Lnd. 1992.) Русский перевод изобилует неточностями и ошибками.
2. KRASSIN L. Leonid Krassin. Lnd. [1929].

№ 1.

[13 июня 1917 года]

Милый мой Любан¹ и родные детки!

Как скучно и пусто стало у нас с вашим отъездом. Весь дом и Царское² стали иными. Иногда по инерции торопишься окончить какое-либо дело, чтобы поскорее попасть на вокзал, но потом вспомнишь — торопиться некуда, и зацемит на сердце. Со внешней стороны дела все обстоит

Фельштинский Юрий Георгиевич — доктор исторических наук; Маркиз Флора — искусствовед; Чернявский Георгий Иосифович — доктор исторических наук. Балтимор, США.

благополучно, только Анна, видимо, еще не вошла в роль кухарки и Марусе ³ приходится торчать на кухне. Ну, да это обойдется.

Меня обслуживают по-прежнему, и к утреннему чаю я исправно получаю сибирские пряженники. Володя ⁴ в добром здоровье и духорасположении. В пятницу идет на комиссию. Вчера, наконец, была вечером гроза и дождь, хоть и не очень большой. Воздух на балконе — вне описания: прямо можно было его пить. Я сидел на балконе всю оставшуюся часть вечера, смотрел вниз на скошенные газоны и вспоминал трех красинских девчушек ⁵, еще так недавно валявшихся там на спине. Письмо и лекарство Бражникову переданы, но из-за дождя я вечером к ним не попал, а сегодня (13-го) они переехали в город и завтра рано утром уезжают совсем. Полагаю, он все исполнит, как обещал. Из других новостей, более крупных, могу сообщить, что я все же решил от Луги не отказываться ⁶ и послезавтра, кажется, оформляю это дело у нотариуса. Дровяной лес можно будет, кажется, продать на корню. Насчет Луги сговорюсь с [...] ⁷. Ну, как же вы, милые мои котята, доехали? ⁸ Думаю, что хорошо. По крайней мере, при отъезде разместились вы хорошо. Сейчас ваш поезд идет где-то уже в середине Швеции. Как-то вас встретит граница! Сегодня я видел опять одного приезжего из Швеции, и он уверял меня, что там прекрасно можно устроиться. Самое главное, не есть по ресторанам, а поскорее устроиться собственным хозяйством. Особенно имею в виду тебя, большой Любан, с твоей склонностью заболеть при отравлении недоброкачественной пищей. Надеюсь, вы не забудете мне телеграфировать немедленно при приезде. Это письмо пошлю Вацлаву Вацлавовичу ⁹ и ему буду писать, пока не получу вашего окончательного адреса. Целую и обнимаю всех вас крепко, мои дорогие, любимые — сокровища вы мои.

Сейчас пришло письмо от Нины ¹⁰ от 9 июня. Они там здоровы и особенного у них ничего нет. Жарятся на солнце, купаются в море. Кланяйтесь М-ле Лочмо ¹¹, Ляле и всем знакомым. Еще раз крепко целую. Благословит вас бог. Будьте благополучны.

№ 2.

18 июня 1917 года. Воскресенье

Родной мой Любинышник! Ты можешь совершенно ясно представить себе весь мой сегодняшний день. Измаявшись за неделю изрядно (безденежье, «товарищи» ¹² и прочие очередные напасти!), вчера я залег в 11^{1/2} и сегодня проснулся только в 10, благо по случаю пасмурного утра мухи меня совершенно не беспокоили. К 11-12 выглянуло солнце, и я буквально весь день просидел на своем балконе, занимаясь делами, чтением газет и «Природы» ¹³, а между делом также печатанием фотографий. С 6 ч. пришел М. И. Бруснев ¹⁴, и мы с ним и Борисом ¹⁵ на том же балконе просидели до ужина. Сейчас 11^{1/2}, и перед сном я хочу тебе написать несколько строк. Живется мне хорошо, если бы только не было так скучно без тебя и милых девочек. Все как-то еще не верится, что вас нет. Ждешь инстинктивно, что откроется дверь и войдет озабоченный Любан в поисках за какой-нибудь штучкой или раздается визг во дворе в ознаменование жизнедеятельности милого Любана ¹⁶, или Катабрашный ¹⁷ появится со своим «можно сладкого», или Людмила ¹⁸ с видом потусторонним пройдет, не спуская глаз с книги! Только вот порядок неизменный на моем письменном столе и непоявление на нем разных неожиданных вещей или просто мазни на почтовых или других листах бумаги напоминает об отъезде кое-кого! Я креплюсь и утешаю себя соображениями о неизбежности вашего отъезда и о скором нашем свидании. Думаю, что вам ввиду перемены места, людей и обстановки некогда будет скучать. Тебя, милый мой Любчынышек, очень прошу не огорчаться и не беспокоиться за меня. Как ни утомительна и трудна работа, я никогда не переутомляюсь свыше сил, ибо мне свойственно особое чувство, подсказывающее, когда надо бросить работу и отдыхать. Этим и объясняется моя выносливость и относительно большая работоспособность. В смысле спокойствия мне теперь будет лучше, особенно, когда я буду знать, что вы уже устроились и чувствуете себя хорошо. Через неделю возвращается Гермаша ¹⁹ из своего отпуска, и это

меня значительно разгрузит. Они живут на даче на Казанской дороге и пока что довольны летом: погода хорошая, пища есть.

№ 3.

23 июня [1917 года]

Протаскал письмо в кармане почти целую неделю. Выдалась опять горячая неделя в смысле всяких разговоров, заседаний и пр. пр.

Наконец-то сегодня получил Вашу телеграмму от 4 июля [21 июня]. Хотя я и не беспокоился особенно, но все же было уж очень скучно без всяких-то известий. Теперь я спокоен, тем более что есть депеша от Леонида о переводе вам денег. Сообщите мне, Любаша, получены ли эти деньги на вашем текущем счете.

Завтра я поеду на автомобиле в Изенгоф по поводу сланцев²⁰ и пробуду там дня два, немножко поотдохну.

Крепко-крепко всех вас целую и обнимаю.

Ваш Красин.

№ 4.

29 июня 1917 года

Милый мой, родной Любченышек!

Скоро уже три недели, как вы уехали, а я не имел еще ни одного письма, если не считать открытки из Таммерфорса. Правда, была от вас телеграмма, и приехавший [...] ²¹ привез поклон, но из всего этого я могу лишь заключить, что вы живы и здоровы, каково же твое настроение и как вообще вам там живется и чувствуется, об этом не имею никакого представления. Временами мне бывает очень скучно и тоскливо; с письмами было бы, надо думать, легче. Родной мой, Любченышек, ты был еще такой грустный при расставании. Отношу это, главным образом, к твоему беспокойству за Володю, Нину и Андрея²². Относительно них ты можешь быть пока что вполне покойна. Те двое живут в прекрасных условиях, на солнце и на море и им можно только завидовать. Не знаю, как Виктор²³, но я Соне²⁴ советую и на зиму оставить там Алексея²⁵, спокойнее. Сегодня утром был на зав[одском] совещ[ании], речь о карточках на дрова на зиму, причем нормой считалось отопление домов с таким расчетом, чтобы поддержать температуру 9 градусов. Курица на базаре в Царском сегодня, по словам Маруси, 11 рублей! При таких видах и перспективах кто уж раз не в Питере, пусть благодарит Господа Бога. Володя получил отсрочку до конца сент[ября] и, видимо, опять ожил. Собирается куда-то поехать (был разговор даже об Алтае), но еще ничего определенного об этом не знаю. Вчера тут был проездом в Уфу Дм[итрий] Ник[олаевич]²⁶.

Я-то его не видел, но Володя у него был в городе и провожал его на вокзал. Во всяком случае, мой миланчик, ты за этих ребят не беспокойся, ничего с ними худого не будет, да и возраст их такой, что надо и пора привыкать им к более самостоятельной жизни. Устраивайся вот получше с маленькими ребятами, и если их и себя убережешь от непосредственного созерцания и переживания этого развала и оскудения, то никому от этого хуже не будет: ты достаточно помытарилась на своем веку, чтобы позволить себе если не отдых, то хоть жизнь в более культурной обстановке. Что касается меня, то, во-1-х, с внешней стороны я пока живу по-прежнему. Кормят меня и поят хорошо, Маруся очень обо мне заботится и, кроме того, я на каждом шагу еще ощущаю твою милую ласковую обо мне заботу в виде разных услуг и удобств, появляющихся без моей просьбы, очевидно, в силу оставленных тобою Нюше распоряжений. Утрами меня угощают неукоснительно сибирскими пряженниками. Вечером на столике против 120 [номера] появляется то земляника, то еще что-нибудь в этом роде. Если же начнется уж очень большое утеснение, то все-таки одному все это полбеда, особенно при моей способности сокращаться до самого скромного минимума. Меня очень будет укреплять и в этом случае сознание, что вы находитесь в более благоприятной обстановке. Вообще я сейчас наибольшее удовлетворение нахожу в сознании, что тружусь и работаю на вас и для вас и что, может быть, за эти годы удастся создать более или менее прочный фундамент и обеспечить себе в будущем некоторую возможность отдыха

в кругу семьи. В делах у нас как будто стало поспокойнее, меньше требований и нервности, хотя общее положение, особенно из-за растущих финансовых затруднений, очень тяжелое. Целый ряд предприятий на краю финансового краха, а расчеты на государственную поддержку при современном состоянии финансов более чем проблематичны. Курс, несмотря на победоносное наступление ²⁷, все падает! Пока эта проклятая война не окончится, все наши внутренние дела остаются под знаком вопроса.

На этой неделе у нас забастовка на Финл[яндской] жел[езной] дор[оге]. Дачники многие очутились в затруднительном положении, и я лишний раз порадовался, что мы имели решимость в этом году не связываться с Финляндией ²⁸. Я уже писал тебе, что в прошлую субботу предпринял путешествие в Изенгоф на автомобиле. Изыскания со сланцами оканчиваются, результаты благоприятные, но финансирование этого дела пока что продвигается медленно и не вышло еще из стадии переговоров. Многие на лето поразехались, и вообще деловая публика настроена выжидательно.

Домой возвращаюсь обычно часам к 8-9 и остаток дня провожу на балконе, иногда даже поливаю герани. Они немного отходят, и некоторые кусты даже зацвели. Праздничные дни тоже сижу дома, либо пишу, либо читаю. Сегодня только был с утра в рев[олюционном] совете и возвратился домой к 3 часам (Петров день!). Гермаша еще не вернулся из отпуска. Борис избрал бывшую часть и поступил пом[ощником] комиссара в Софию. Даже раскрыл уже несколько краж и очень увлекается, как и всем на первых порах.

Ну что же, мои милабранчики, когда же я от вас дождусь писем? Неужто же никто из вас до сих пор не собрался отцу-старичишке даже открытки написать? Или это шалости почты и цензуры?

Пишите подробно, как устроились. Людмил должен мне что-нибудь нарисовать из окружающего ее. Катабашный и Любан могут ограничиться письмами. Погода у нас чудесная опять установилась: я пишу сейчас на плетеном столике на балконе при закате солнца. На полях золотистая дымка, мычат коровы, возвращаясь с полей, такой мир разлит над всем пейзажем. Зато в городе форменный ад. Крепко вас всех целую, родные мои! Пишите. Кланяйтесь М-ле Лочмо, Ляле, Воровским и всем знакомым. Ваш Красин.

№ 5.

11 июля 1917 года

Родной мой Любан, не писал тебе давненько, частью из-за событий, частью потому, что, готовясь сам к отъезду, уже терял настроение.

Ну, большевики-таки заварили кашу ²⁹, или, вернее, пожалуй, заварили не столько они, сколько агенты германского штаба и, может быть, кое-кто из черной сотни, «Правда» же и иже с ней дали свою фирму и сами оказались на другой день после выступления в классически глупом положении.

Описывать тебе все это по порядку нет смысла: гораздо полнее прочитаешь изложение событий в газетах. Скажу только, если правдисты хотели осуществить какой-либо «план», вроде захвата власти, смены правительства и т. п., то, конечно, они себе самим обязаны провалом. Большой организационной беспомощности и убожества, отсутствия намека на какую-либо осознанную и поставленную себе цель трудно себе представить. При малейшем руководительстве в первые два дня, когда вся многоголовая «власть» была тоже в состоянии полной растерянности, можно было сделать что угодно, но болтуны остались болтунами, и когда вместо вынесения резолюции или писания громовых статей потребовалось проведение лозунга в жизнь, грозные вожди и руководители всемирного пролетариата оказались попросту в нетях и не сделали даже попытки извлечь из разыгравшихся событий и пролитой уже нелепым и бесцельным образом крови хоть что-либо для осуществления своих тактических программ. Несчастные же «массы», в лице главным образом солдат и некоторого процента хулиганья, совершенно бессмысленно толкались два дня по улицам, стреляя с перепуга друг в друга, шарахаясь в стороны от малейшего слуха или тревоги

и абсолютно не понимая, что все это значит и что к чему: в общем, уличный пейзаж несколько напоминал февральский с поправкой на время года. Раненых было изрядно, так как стрельба шла не только с крыш, и коэффициент полезного действия некоторых ружей и пулеметов был, вероятно, больше по сравнению с протопоповским. Зато не было массовых расстрелов каких-либо определенных групп, хотя по адресу «буржуев» и раздавались грозные возгласы, особенно на окраинах.

Мой автомобиль, конечно, забастовал со вторника утра, но, по счастью, его на этот раз не угоняли, и я ходил пешком только дня три, пока все не вошло в норму. В городе я бывал каждый день, но лишь у себя на Екатерининской, конечно, не пускаясь на Петроградскую сторону, благо телефон работал все время и я имел возможность сноситься с конторой в течение всего дня. Никакой опасности я нигде не подвергался и под перестрелку нигде не попадал, хотя трескотня слышна была в конторе одно время изрядно (с Гороховой).

Совпадение всей этой истории с наступлением немцев на фронте слишком явное, чтобы могло оставаться сомнение, кто настоящий виновник и организатор мятежа. Разумеется, заслуги идейных обоснователей и проповедников этой авантюры от этого нисколько не умаляются, и, вероятно, этот эксперимент не так-то просто и не всем из них сойдет с рук.

Сейчас все эти события в значительной степени уже заслонены нашими поражениями, прорывом на Тарнополь и проч. Это бедствие для меня лично, впрочем, не неожиданно, потому что развал армии обуславливается не только упадком духа, но и рядом объективных причин, разрухой, расстройством транспорта и проч. С другой стороны, и немцы, при всех их победах, вряд ли уже смогут достигнуть в эту кампанию какого-либо решающего результата. Скорее этот их удар через некоторое время скажется усилением нашей армии и, возможно, даже некоторым оздоровлением тыла. Может быть, немного меньше будут болтать и больше работать, а это сейчас главное по отношению ко всем значительным слоям и группам народа. Я, как и раньше, главную беду и опасность вижу в расстройстве транспорта, продовольственных затруднениях и в ужасающем падении производительности всякого почти труда. Всякий, не исключая интеллигентов, инженеров и пр. до министров включительно, делает $\frac{1}{2}$, если не $\frac{1}{3}$ против того, что он мог бы делать, и не из-за лени, а из-за неорганизованности, неумения приспособиться к новым обстоятельствам, из-за этой атмосферы неуверенности, испуга, возбуждения, всеобщей сумятицы! В этом улучшения пока не заметно, и когда оно начнется — Бог знает. Жить становится все труднее, исчезают самые обыденные вещи, вроде молока, масла. Каждый обед — почти чудо, ибо только стечение исключительно благоприятных обстоятельств позволило достать эту курицу, или крупу, или рыбу. Вести хозяйство — чистое мучение, и я каждый день радуюсь за тебя, что ты пока что избавлена от этого наказания. Я уже не говорю о ценах: огурец — 50-70 коп., малина — 2 р[убля] ф[унт], салат — 50 к[опеек] ф[унт] и пр. Затруднения в последнее время настолько возрастают, что Марусю с девочкой, пожалуй, придется выслать во внутренние губернии.

Тогда и мое относительно (и даже вполне) спокойное и благополучное житье должно будет как-то измениться, хотя я ни в каком случае не хотел бы покидать Царского Села. Анна к самостоятельному ведению хозяйства совершенно непригодна, и я не знаю, как тут быть. Нюша³⁰ тоже вряд ли может поварить. Впрочем, обо всем этом поговорим при свидании, квартиру же я на всякий случай оставил на год за собой. Борис по-прежнему в Софийской милиции, но вряд ли он долго тут усидит, хотя и проявил таланты и чуть ли даже не будет избран начальником милиции. Володя сейчас в Финляндии. Он «собирается» ехать не то на Алтай, не то в Кокчетавы³¹ (Зап. Сибирь), но если сборы будут вестись с такой же энергией и дальше, то отъезд, вероятно, совершится уже по первопутку. Он здоров и чувствует себя, по-видимому, неплохо. Но в Крым не поедет, ибо там, по сообщению Андрея и Нины, всегда переполнено и, кроме того, ему нежелательно попасть в курортную обстановку: он стремится в более дикие

и менее культурные места. Сонечка вместе с Ниной ухитрились перенести дизентерию, но, кажется, сравнительно благополучно, если не будет рецидивов. Гермаша из отпуска вернулся черный как арап, очень отдохнул и воспрянул духом, хотя, конечно, как запряжется в работу, то живо загар этот с него слиняет. Видел вчера Фрумкина³², получил посылку (спасибо, миленький мой) и порасспросил о вашем житье-бытье. Ты забыла, очевидно, что Дун[аев] должен был перевести деньги на твой текущий счет в Eutkilds Bank'e. От него у меня есть телеграмма, что деньги тебе переведены. Пожалуйста, справься в банке и телеграфируй мне, получила ли ты эти деньги. Если же нет, то запроси телеграммой Дунаева (2 Rector St[reet], New York, Dunajeff), что это значит!? Пока прощай, родной мой дружок! Я предполагаю выехать около 25 июля ст[арого] стиля, но возможно, что выеду несколько позже, но не позже 1 августа. Крепко тебя обнимаю и целую. Родных моих девочек целую крепко-крепко. Письмо я от вас всех пока что получил одно-единственное от 15 июня, писанное на второй день по приезде. Неужели вы после того не писали, или это все задержки почты? Поклон М-ле Лочмо и всем знакомым. Еще раз крепко всех вас целую, будьте здоровы и благополучны.

Ваш Красин.

№ 6.

16 (29) октября 1917 года

Родной мой, незаменимый, Любченьшек, достопочтеннейший Тулен³³ и драгоценные мои детеныши! Вот уже ровно неделя, как мы расстались³⁴, а кажется, будто давно. В то же время я еще вполне ясно вспоминаю все мелочи нашей стокгольмской жизни и вижу вас всех как наяву такими, какими вы были на вокзале в минуту проводов. Могу сказать, что эти два месяца одни из самых счастливых в моей жизни. Ты вот, Тулен мой, часто меня упрекаешь, что я не ценю тебя, а в действительности я, очевидно, только не умею тебя хвалить и не умею тобою вслух хвастаться («глупый хвастает молодой женой!»), в действительности же, про себя, я доволен, счастлив и горд и тобой и твоим туленачьим выводком, несмотря на все его нухи, мордасы и прочие неприличности («Фу! Папа!»). В эти месяцы как-то особенно ясно выявилось, какую хорошую семью все мы вкупе образуем и какой славный молодецник подрастает под сенью таких вовсе еще [не] дряхлых деревьев, как мы с тобой, родной мой Любанчик! Я только сейчас вижу, как хорошо я с вами отдохнул и сколько сил прибавилось у меня за эти недели. Прежде и больше всего этим я обязан, конечно, тебе, милый мой Любан, твоей ласке, заботе и иногда даже опеке. Буду надеяться, недалеко время, когда можно будет перестроить свою жизнь применительно к только что прожитому времени, и во всяком случае приложу все усилия, чтобы это было скорее. Вас же прошу, мои миленькие, родные, прежде всего беречь здоровье и строжайше друг за другом наблюдать, чтобы ни одного фунтика не потерять из того, что привезено из Норвегии. В особенности относится это к тебе, маманя. Ты можешь растряпать все свои микитки и прочие части в один момент, стоит только простудиться или начать недосыпать, больше чем надо курить и прочее. Между тем, если ты побережешься и подольше продержишься на туленном положении, то организм твой привыкнет к этому и уже так ты и закрепишься до теплого времени, когда можно будет опять поджариться.

Ну, буду вам описывать по порядку. Доехали мы с Брунстремом³⁵ очень хорошо, хотя с Гапаранды до Питера шел дождь не переставая. Накануне в Риихимаках было столкновение поезда, шедшего из Питера, с санитарным, вследствие чего не только опоздала на 8 ч[асов] баронесса³⁶, но и на нашем поезде это отразилось опозданием, так что в Питер мы приехали в 3 ч[аса] ночи. Благодаря телефонограммам баронессы и двум моим депешам (из Гапаранды и Торнео) Николай с машиной оказался на вокзале, и я, отказавшись от предложения Брунстрема ночевать у него, отправился к Гермаше, с которым проговорили всю ночь. Выглядит он неплохо, и вообще все петроградцы гораздо менее забиты, напуганы, изнурены и утомлены, чем мы представляли по газетам,

очевидно, сгущающим краски против действительности. Конечно, время было, есть и еще будет трудным, но ужасного пока еще ничего нет, и в частности у Сименс-Шуккерта³⁷, если бы не безденежье, было даже сравнительно спокойно, и товарищи за мое отсутствие как-то утихомирились. Сейчас прибавится хлопот ввиду намерения частичной эвакуации завода. Третьего дня Гера³⁸ поехал в Москву и, вероятно, проедет и на юг в поисках места, куда можно бы выселить некоторые отделы завода. Меры эти над принять: если война не окончится зимою, к весне возможны попытки взятия Питера и к июню, чего доброго, немцы, может быть, городом и смогут завладеть. Всего мы, конечно, не сможем увезти, но два-три наиболее важных отдела (с точки зрения обороны) можно будет эвакуировать, и переезд не будет совсем бесполезен даже и в случае скорого конца войны, ибо некоторая децентрализация нашего большого дела имеет и свои хорошие стороны.

Набросились на меня, конечно, со всех сторон, но я пока отбиваюсь и вхожу в работу медленно, с прохладцей, чтобы не сразу взять большую нагрузку. В сущности, у Сименс-Шуккерта главное зло — это безденежье, но тут уж ничего не поделаешь.

У Барановского³⁹ на порохов[ом] зав[оде] была забастовка, послужившая причиной вызова меня телеграммой, но к моему приезду забастовка окончилась, и сейчас идет устранение второстепенных трений. Секвестра еще не последовало и даже, вероятно, не последует, так как завод наш в конце концов все-таки будет казною кушлен и, может быть, даже в недалеком будущем. [...] ⁴⁰ дела вообще я ожидал застать в значительно худшем положении, нежели то есть в действительности.

Питер поражает прежде всего, конечно, грязью и затем какой-то отрешенностью, запустением, жалкой выморочностью. Улицы и тротуары залиты жидкой грязью, мостовые полуразрушены, сломанные там и сям решетки, перила, водопроводные тумбы или люки — остаются неисправленными, стекла не мыты, много пустующих заколоченных лавчонок (хлебных, овощных) — все в целом имеет вид города если не оставленного жителями, то во всяком случае населенного пришельцами, настолько мало заинтересованными в каком-либо благоустройстве, что они не считают нужным делать самого элементарного ремонта. Улицы заметно опустели: не то убыло жителя (статистика будто бы говорит противное), не то он сидит дома из-за бесцельности покидать жилье (веселого все равно ничего не увидит) или из-за отсутствия средств передвижения и даже калош. Меньше стало даже солдат, хотя все еще предостаточно, и идиотские физиономии плюющих семечками «революционеров» по-прежнему украшают пейзаж. По погоде настроение у толпы более кислое и злое, чем летом, да и в политике идет какая-то новая анархистско-погромная волна, перед которой, кажется, даже бесшабашные большевики начинают останавливаться в раздумье. Черносотенная (или пока желтосотенная) пропаганда в суворинских газетах поднимает голову, а массы, даже пролетарские, проявляют политически все больше и больше индифферентизма. Пожалуй, если бы Корнилов не поторопился, его выступление могло бы найти почву. Сейчас испуганные обыватели с трепетом ждут выступления большевиков, но преобладающее мнение, что у них ничего не выйдет или выйдет решительный и уже непоправимый провал. Еда пока что есть, хотя мало и цены ужасные. Яйца до 1 р[убля] 50 [копеек] штука! Штаней и обуви нет. Сахару мало, мука белая 2—3 рубля фунт и т. п. Тем не менее все как-то ухитряются жить, и людская толпа на улице, в поездах, в магазинах имеет обычный вид, лишь грязнее и оборваннее, чем прежде, да и это, м[ожет] б[ыть], лишь оптический обман после шведской чистоты и шика.

У нас в Царском Маруси с Тоней⁴¹ я уже не застал. Они «зацепились» в Москве. Боря тоже скоро туда переедет на «Святое Озеро», около болота, где Радченко⁴² устраивает электрическую станцию — в качестве комиссара милиции. Таким образом я останусь, видимо, один. Последние недели Ньюша готовила на всю семью и, видимо, насобачилась в этом деле, так что

прокорм мой будет обеспечен. Поселить сюда Людмилу вряд ли придется, так как она будет жить в переднем дерев[янном] доме, из нижнего этажа к[ото]рого жильцы уехали. Уехали вчера Гессены⁴³: он получил профессуру в Томске, в его квартире будет жить сын хозяина, Максимов, выбранный городским головой Царск[ого] Села. Наша Анна поступила к нему прислугой. Нюша утверждает, что справится со всем хозяйством одна, и пожалуй, что оно и так. Из ребят мне сюда жильцами залучить никого не придется: замани собаку на живодерню! Видел я пока лишь Володю, который вчера был у меня здесь. Вид у него очень хороший, хотя он говорит, что был еще лучше по приезду из Сибири. От Сибири он в восторге. Его освободили еще на 2 месяца, на этот раз даже от воинского [призыва] (без всякой протекции), так что до Шмидтовской комиссии не дошло. Поступил он к Сабурову, чтобы иметь возможность, если отсрочка не будет продлена (но она, вероятно, будет продлена) попасть в какой-то театральный батальон (Надеждин обещал удостовериться, что у Володи уже есть 3 года артист[ической] деятельности — необх[одимое] условие для этого батальона), где можно заниматься чем и как угодно. Живет он где-то у такой хозяйки, которая все достает и кормит его отлично, словом, не тужит. Кажется, не нуждается и в деньгах, судя по тому, что предлагал присланные отцом 50 р[ублей] (сегодня еще 100 получено) оставить в погашение моего долга. В театр[альной] училище ходить не будет: нет будто бы смысла: учить ничему не учат, диплом же сейчас не имеет цены. Зато поступает в школу Петровского⁴⁴, но когда и как, не знаю. Общее впечатление на меня произвел благоприятное, нет той истасканности и Katzenjammer'a⁴⁵, говорит обо всем толком, очень, по его словам, скупает по тебе и детям: «дорого бы дал на них посмотреть».

То-то, говорю, теперь вы все заскучали, а то вас, чертей, бывало в Царское и калачом не заманишь. Сапогами тронут, но еще не надел, ибо я лишь сегодня их получил из Морск[ого] Штаба. Пальто носит мое, но, пожалуй, надо ему заказать в Стокгольме, ибо здесь будто бы немисливо ничего уже заказать. Просил его дать мерку и постараюсь ее тебе прислать.

Нину я еще не видал: ко мне она идет, а у меня нет минуты свободной. Виктор и Володя говорят, что она поселилась в компании 3-4-х учительниц и ведут сообща хозяйство. Будто бы подросла и окрепла: Крым пошел на пользу. Андрей остался на зиму в Крыму и совсем превращается в какого-то плантатора: возмужал, научился работать по виноградному делу, кажется, всерьез: видно, придется мне покупать где-либо на юге землю. Будет заниматься за 6-й класс и весной или осенью сдавать экзамен. Вообще живет, видимо, хорошо, и идея запрятать его в Крым была совсем не глупая. Я эту шпынду все-таки на днях разыщу и тогда напишу тебе обстоятельно свое впечатление. Хуже обстоят дела у Сонечки: Нина опять была больна и с трудом поправляется. Чистая беда с девочкой, жалко ее и мало надежды на выздоровление, если уж и Кисловодск не помогает.

Я сам чувствую себя прекрасно, появилось откуда-то желание работать, чего я не замечал за собою в Стокгольме. Очевидно, отдых взял свое. Если дело с Барановским ликвидируется благополучно, то сразу сильно облегчится моя работа. Кормят меня хорошо, и завтраки у Барановского стали даже лучше, чем прежде (берут обеды из столовой Музык[альной] драмы, где служит один из наших чинов). Автомобиль пока не реквизирован, так что и с этой стороны хорошо. Передай Штолю, что у него есть отсрочка до 1 апреля 1918; т. е. все в порядке.

С переводом 500 кр[он] через Валерьяна, кажется, я напутал: было переведено 500 руб. = 393 кр[оны], а я записал и 393 кр[оны] и вместо рублей 500 кр[он]. Впрочем, я еще наведу дополнительную справку.

Письмо это отправляю с дядей Мишей⁴⁶ и надеюсь с ним же послать и твою шубу, а может быть, и учебники. Хорошо, если это все так выйдет. Пока прощай, мой родной, любимый. Целую тебя крепко и тоже моих хороших дорогих девочек. Будьте вы все там благополучны и довольны, красавушки мои. Не очень скучайте обо мне: мне пока здесь неплохо.

Милый мой, родной Любан!

Очень я стосковался по тебе и девчушкам, родным. Уже почти месяц, как я от вас уехал, и непосредственных известий от вас за все это время не имею. Правда, от разных приезжающих знаю, что вы живете по-прежнему, но хотелось бы и непосредственно от вас получить письма. Я знаю, вы отправили мне письма с Гольденбергом⁴⁷, но этот головоотяп ухитрился потерять весь свой портфель вместе с письмами. Как это вышло, еще неизвестно. На вокзале служитель из посольства вручил ему багажную квитанцию на две вализы⁴⁸, причем в купе ему не дали никакого посольского багажа. Между тем в курьерском его месте значится 4 вализы! Таким образом, выходит, что он 2 вализы не то потерял, не то оставил их у шведов, не то ему их забыли дать в Стокгольме. Мало того, из 2-х мест, бывших в багаже и привезенных им с собой сюда, одно оказалось с печатями копенгагенской миссии, т. е. одно место он перепутал в Торнео и Белоострове с каким-то другим головоотяпом, ехавшим, очевидно, тоже курьерским из Копенгагена!

Ну, как вам понравится! И это полномочный посол российской демократии в Европу! Ваши все письма тоже пропали, и я готов был избить эту фефелу. Министерство иностр[анных] дел сейчас не функционирует, и распутать всю эту историю покамест нет никакой возможности. Надеюсь, что другой посол, с которым я вам отправил шубу и учебники, оказался более европейцем и доставил вам эти вещи в сохранности. Впрочем, на запрос, посланный вам по этому поводу телеграфом, я ответа еще не получил. И вообще я отмечаю, что, вопреки условию, я не имею от вас телеграмм, а ведь вы должны были раз в две недели по крайней мере давать о себе знать. Я за последние дни вам три раза телеграфировал, но, конечно, неизвестно, как теперь действует телеграф: мы здесь несколько дней даже без телефонов сидели, и только с сегодняшнего дня работа телеф[онной] станции понемногу начинает восстанавливаться.

Воображаю, сколько всякой чепухи сообщалось в ваших газетах за эту последнюю неделю! Вкратце дело обстояло так. Временное правит[ельство] и Совет республики⁴⁹ за последние недели проявляли какой-то такой параллель всякой деятельности и воли, что у меня уже возникал вопрос: да не политика ли это и не собирается ли Керенский и К^о дать большевикам, так сказать, зарваться и затем одним ударом с ними покончить. В действительности, покончили с ним б[ольшевик]и нападением на Зимний дворец, в котором в последний момент не было иной защиты, кроме юнкеров и смехотворного женского батальона. Весь остальной гарнизон, подвергавшийся в течение 3-х недель безудержному воздействию б[ольшевик]ов, отказался выступать на защиту Вр[ременного] правительства, и все оно к вечеру 25 октября оказалось в казематах Петропавловки, кроме Керенского, который бежал в Гатчину и с 5000 казаков начал там готовиться к обратному завоеванию Петрограда. Пронунциаменто⁵⁰ б[ольшевик]ов подействовало оглушительно, но не вызвало на первых порах противодействия, а лишь встретило пассивный бойкот чиновничества, интеллигенции и городского самоуправления. Жертв почти не было, матросы и красная гвардия вели себя вполне достойно, только солдаты кое-где в Зимнем дворце, а еще вернее, переодетые солдатами уголовные элементы коснулись слегка кое-каких сундуков с драгоценными вещами. Б[ольшевик]и были, видимо, обескуражены очень единодушным бойкотом всех вся (рассказывали курьезы о визитах новых «министров» в свои министерства, где все их встречали заявлением о непризнании — начиная с тов[арища] мин[истра] и кончая швейцарами и курьерами), бойкот этот угрожает остановить всю вообще жизнь столицы, и всем начала делаться ясной необходимость какого-то выхода, а именно, образования нового министерства, несомненно уже социалистического, ответственного перед Советами.

Более правые элементы, нар[одные] социалисты, меньшевики оборонцы и правые социалисты-[-]р[еволюционер]ы, заявили протест против вхождения в новое правит[ельство] б[ольшевик]ов, а эти, в свою очередь, имея

в своих руках фактически всю власть, конечно, не могли согласиться на самоустранение, хотя и соглашались, во-первых, допустить не менее 40% оборонцев до нар[одных] социалистов включительно, а во-вторых, по-видимому, — пожертвовать Лениным и Троцким, которые со своим курсом на социалистическую революцию, кажется, остаются в единственном числе. Вмешался железнодорожный и другие союзы, а сейчас будто бы также и Ставка, требуя, все, прекращения военных действий и немедленного образования однородного (т. е. социалистического) министерства из всех партий от н[ародных] с[оциалист]ов до большевиков. Известно, с какой тягучестью идут у нас всякого рода переговоры, и неудивительно, что воз и поныне там: все еще не могут сговориться.

Между тем, уже на 4-й день переворота, когда вся сила в городе была уже давно в руках большевиков, правые элементы, так называемый комитет спасения⁵¹, под влиянием раздутых и, как потом оказалось, даже ложных слухов о «победах» Керенского под Гатчиной, в Пулковке и Царском, решились на безумный шаг обратного захвата телеф[онной] станции, крепости, Мих[айловского] манежа и пр., послав для этой цели юнкеров. Предполагалось, кажется, участие и 3-х полков казаков, находящихся в Питере, но они не только не выступили, а даже будто бы выдали план всей авантюры. Результатом этой предпринятой в воскресенье попытки были уличные бои, окончившиеся, конечно, полным разгромом несчастных юнкеров, которых перебили около 200, причем кроме того были убитые и со стороны красногвардейцев, матросов и солдат. Здание Владим[ирского] училища, где юнкера засели с пулеметами, было обстреляно даже из пушек. Не обошлось и без самосудов и расстрелов. Сотни юнкеров арестованы и в качестве заложников посажены в крепости и Кронштадте. Не будь этой воскресной авантюры, весь переворот в городе прошел бы почти бескровно. За городом дошло до форменного сражения, причем бомбардировке и обстрелу подверглось в понед[ельник] (третьего дня) также и Царское Село, и наша Нюша из окон могла наблюдать, как рвутся шрапнели, а Бражников, случайно в эти дни проезжавший Царское, попал в самое пекло и потрясен военными впечатлениями. Что касается меня, то я в предвидении событий еще в субботу решил не ехать в Царское, чтобы там не застрять, и все эти дни провел в городе, вплоть до сегодня, когда восстановилось движение по дороге, и я в 4.35 дня приехал сюда взять ванну и посмотреть, что тут делается. У нас все в порядке и нигде по соседству никакого ущерба никто не потерпел. Город занят советскими войсками и Красной гвардией, которые поддерживают пока что полный порядок. О красногвардейцах (рабочих) вообще хорошо отзываются. Они основательно дерутся и соблюдают полный революционный порядок, так что покамест хулиганам нет ходу. Большевицкое правительство тем не менее в отчаянном положении, ибо бойкотистская тактика всех учреждений создала вокруг него торичеллиеву пустоту, в которой гложут все его декреты и начинания. Б[ольшевик]и готовы уступить власть блоку из 40% б[ольшевик]ов, 40% оборонцев и 20% интернационалистов, на том же сейчас сошлись уже почти все другие партии, но н[ародные] с[оциалист]ы и правые с[оциалисты]-р[еволюционер]ы упорно хотят исключить самих б[ольшевик]ов, и соглашение все не налаживается. Иного же выхода нет, так как кадетская и правая контрреволюция в лице бежавшего Корнилова и донца Каледина слишком слаба, чтобы идти сейчас в бой против Петрограда. Разруха растет, с каждым днем близится призрак голода и, если так пойдет дальше, мы можем докатиться до стихийного взрыва анархии, которая после неслыханных бедствий отдаст страну в руки какого-нибудь крутого взявшего в руки палку капрала. Социалистический блок — сейчас последняя попытка овладеть ходом вещей. Если он не состоится или не сумеет взять руль твердо в руки, то кораблю не миновать порогов, и весь вопрос лишь в том, что уцелеет при неизбежном тогда кораблекрушении. Вот какие дела, милая моя, родная, Любашечка, золото мое ненаглядное!

Я себя чувствую очень бодро, здорово и хорошо! Отдохнул, очевидно, и заправился силами. Питаюсь, благодарю Бога, пока еще очень хорошо, не

очень волнуясь событиями, стараясь смотреть на них философски, и менее всего переутомляюсь, а попросту говоря, ни черта не делаю, так как, в сущности, никакой работы нет из-за всей этой кутерьмы.

Гермаша неделю назад уехал в Москву, а Боря туда же в субботу. В Москве, по слухам, жестокие бои и даже погромы. Я уповаю лишь на то, что обычно слухи и молва преувеличивают все в десятки раз, но, конечно, события такие, что всякое случиться может. Володю я видел прошлую субботу и дал ему 700 руб. на покупку какой-то шинели чуть не на собольем меху, которую он должен был переделать себе в меховое пальто. Попенял его малость за франтовство и вечное стремление лезть выше и выше по лесенке какого-то денди, но моя педагогика от него отскакивает как горох от стены, и вряд ли он что-либо почувствовал, кроме разве неудовольствия по поводу ненужной воркотни. Нину эти дни не видал, но увижу, наверное, до отсылки тебе этого письма.

Большое мне утешение в эти дни дает сознание, что вы все вне этих трудных дней и событий. Хоть и счастье жить всем вместе, но в такие времена и разлуке будешь рад, только бы сознавать вас в безопасности.

Боюсь, в газетах ваших очень много вранья (здесь мосты разводили, а у вас, кажется, сообщалось, что они взорваны и т. п.) и, если мои телеграммы не доходят в нормальное время, то вы, пожалуй, там очень беспокоитесь. Прошу поменьше поддаваться всяким паническим слухам. У меня какая-то уверенность, что лично с нами всеми ничего плохого не случится, и ты, маманя, не унывай, если даже узнаешь, что меня в министры пригласят. Об этом опять поговаривают, и если работа у Сименса и Барановского будет складываться в направлении бесполезного толчения воды в ступе, то я, пожалуй, пойду спасать отечество, с тем чтобы, когда дадут по шее (а это сейчас делается очень быстро), уже не возвращаться к делам, а махнуть прямо к вам совсем. Так и знай и этим и утешайся, если бы до тебя вдруг дошли такие слухи. Если состоится всеобщий левый блок и последует такое приглашение, отказаться будет совершенным дезертирством. Кроме того, в случае введения всеобщей трудовой повинности (а это, вероятно, очень близко) единственный для меня способ освободиться от Сименса и Барановского — это уйти в какое-нибудь общественное служение, от которого переход к чистой отставке уже легче. Во всяком случае, если я приду к решению о вступлении в какую-либо подобную комбинацию, то ты можешь быть уверена, это будет сделано не под влиянием какого-либо увлечения или донкихотства, а по зрелому размышлению, и значит, так будет лучше не только для меня, но и для нас всех. Не всегда это можно ясно доказать (особенно будучи от вас отрезанным, как теперь), но ты уж тут поверь мне и положиись на мою способность правильно учесть ситуацию и найти наиболее удачный из нее выход.

7 ноября.

Прошла неделя, а воз и поныне там! Б[ольшев]ики, разбив Керенского и завладев Москвой, не идут ни на какие соглашения, жарят себе ежедневно декреты, работа же всякая останавливается, транспорт, продовольствие гибнут, армии на фронтах начинают умирать с голода. Все видные б[ольшев]ики (Каменев, Зиновьев, Рыков (Алексей-заика) etc.) уже откололись от Ленина и Троцкого, но эти двое продолжают куролесить, и я очень боюсь, не избежать нам полосы всеобщего и полного паралича всей жизни Питера, анархии и погромов. Соглашения никакого не получается, и виноваты в этом все: каждый упрямо как осел стоит на своей позиции, как б[ольшев]ики, так и тупицы с[оциалисты]-р[еволюционе]ры и талмудисты меньшевики. Вся эта революционная интеллигенция, кажется, безнадежно сгнила в своих эмигрантских спорах и безнадежна в своем сектантстве. А между тем, соглашение теперь — это уже последняя надежда на спасение революции, и если оно не состоится или, состоявшись, не сумеет овладеть положением, т. е. навязать известную дисциплину как буржуазии, так и массам, — неизбежно стихийное бедствие, граничащее с полным развалом страны и гибелью государственного единства.

Письмо это мне пока не удалось отправить, и каковы в будущем будут возможности с вами сноситься — неизвестно. Я прошу тебя, Любанчика,

и детей обо мне не беспокоиться, если даже не будете иметь от меня известий. Если события примут очень головокружительный бег, то я, м[ожет] б[ыть], тоже отсюда уеду, на юг ли к Сонечке, а м[ожет] б[ыть], на восток, например, к Ивану Манухину⁵². Приму все меры, чтобы вас оповещать своевременно, но, м[ожет] б[ыть], не всегда удастся это сделать. Теоретически обсуждая разные возможности, в крайнем случае м[ожет] б[ыть] придется ехать к Валерьяну Мурзакову, а от него к дяде Дунаеву⁵³, чтобы по весне быть у вас или вас к себе туда выписать.

У Нины я был на днях. Живет она на Боль[ьшой] Дворянской в хорошей квартире, снимаемой 8-ю барышнями-учительницами, живущими коммунаой. Одну из ее хозяек видал, производит хорошее впечатление, и вообще вся компания, видимо, очень порядочная, трудовая молодежь, как-то даже не похоже на нынешних слюнявых картежников, эстетов и футуристов. Башмакам и всему присланному очень рада. Выглядит хорошо, розовая, толстая, только вот росту бог не дает! Ученье у них идет через пень-колоду, по случаю революционных событий, и я грешным делом не вижу смысла в ее петроградском сидении. Того же взгляда держится Виктор, и это, кажется, решит судьбу Нинки: либо мы ее сошлем к вам, если Виктору удастся выхлопотать разрешение на выезд, либо пошлем ее на юг, в Крым, к Андрею, а м[ожет] б[ыть], еще и в другое место. Я вообще за разгрузку Петрограда от всех ненужных людей и, думаю, Нине только на пользу будет пребывание на юге. В поездку к вам не очень-то верю, так как шведы теперь абсолютно никого не впускают, и даже деловым людям крайне трудно добиться разрешения. Имейте это в виду на случай, если бы кому-либо пришла фантазия съездить на побывку в Питер: назад уже не удастся вернуться.

До сих пор не имею никаких известий из Москвы, ни от Гермаши, ни от Бориса, не знаю уж, уцелели ли там братьевья-то! Районы Арбата, Пречистенки, Никитской, а также центр — Дума, Метрополь, сильно, говорят, пострадали. Известия о разрушении Кремля и Вас[илия] Блаженного оказались, по счастью, ложными.

Володю за посл[едние] дни не видел, но Нина с ним говорила по телефону — у него все благополучно.

8 ноября.

Ну, слава Богу, получилась сегодня ваша телеграмма от 6/19 ноября. Значит, и вы, по крайней мере, некоторые из моих телеграмм получили. Несколько удивлен я припиской «Володя без денег». Надо сказать, что за месяц с моего приезда Володя через мои только руки получил: 100 руб. от Дм[итрия] Ник[олаевича], от него же еще 50 руб. и от меня на шубу 600+100, а всего 850 рублей. Как будто это мало похоже на сидение без денег! Впрочем, я должен заметить, что мне очень трудно как-либо следить за В[олодей] и заботиться о нем. Держит он себя со мной в высшей степени странно. Адреса, где живет, мне не сказал, хотя я его об этом спросил при первом же свидании. Телефон дал, по-видимому, театральный, и сколько раз я ни пытался его вызвать, ни разу не добился. Ко мне он не звонит и, если не считать как-то приезда вечером в Царское еще до всей этой кутерьмы с б[ольшевика]ми, визитами тоже не балует. В к[онто]ру заходил ко мне утром, когда у меня как раз сидело 2—3 наших инженера или рабочих с завода. Я попросил подождать, но когда минут через 10—15 деловой визит у меня кончился, — его уже след простыл, и швейцар, которого я послал было его догнать (чтобы передать 50 р., полученные из Юрьева), доложил, что «они уехали на извозчике» и догнать было нельзя. Я спрашивал В[олодю] о его денежных делах, и, по его словам, выходило, что с получаемым им жалованьем и деньгами от отца у него дефицит 50 р. в мес[яц], который я обещал ему покрывать, и эти деньги буду ему давать, если он будет за ними являться, разыскивать же его у меня нет времени, да, по правде сказать, и охоты. Возможно, что он жаловался тебе на отсутствие денег до разговора со мной. Как он живет и как думает строить свою жизнь, я не знаю, и моральной поддержки вряд ли ему смогу оказать: слишком разные мы люди, и мои советы вряд ли для него приемлемы и интересны.

Нина более склонна прислушиваться к моим мнениям, и В. В. [Окс] даже утверждает, что единственно я мог бы заставить ее прервать учебу и уехать к вам или на юг. Результатов его хлопот я еще не знаю.

Сегодня послал запрос Lух'у насчет вина. Здесь получить разрешение на вывоз было тоже нелегко, и если я и добьюсь толку, то лишь через Сименса, под предлогом, что С[именсу] нужна валюта для расчета по военным заказам, а иначе как продажей вина валюту достать нельзя. Вин крепче 15 градусов к вывозу не разрешают, и, след[овательно], не удастся вывезти ни мадеры, ни портвейна, а лишь красн[ое] и бел[ое] вино. Пока я нашел хороший рислинг по 2 рубля бутылка, не считая пошлины, провоза и страховки в пути. Пусть-ка Lух или [...] ⁵⁴ узнают, стоит ли рислинг при такой цене вывозить. Правда, 2 рубля это теперь не более 40 эре ⁵⁵, и, пожалуй, даже при этой цене игра еще стоит свеч. Возможно, что я найду и еще каких-либо вин, и тогда цены сообщу по телеграфу. Сегодня я запросил Lух, могут ли они от шведск[ого] правит[ельства] получить разрешение на ввоз 60 000 литров разного вина. Главная трудность будет это[т] самый провоз через Финляндию, где краса и гордость русс[кой] революции может, пожалуй, перелить вино прежде времени в другие желудки.

Последние дни я водворился в Царском ввиду относительного успокоения. Нюша меня кормит преисправно. Спальню я перенес в комнату Людмилы, а из нашей бывшей столовой думаю, по замаске окон, сделать себе кабинет и столовую, спальня же и гостиная, а равно обе комнаты в северной части отапливаться не будут или будут лишь в случае приездов сюда кого-либо. Если, паче чаянья, Каледин или Корнилов пойдут на Питер, то, м[ожет] б[ыть], еще раз придется выехать на несколько дней в город, но такое нашествие сейчас маловероятно, гораздо большую опасность представляет вопрос продовольствия и недостатка угля для железных дорог. Вообще же пока все есть и даже, по совр[еменному] курсу, пожалуй, многое дешевле, чем у вас в Стокгольме (из белья, шерстяных вещей, посуды и т. п.).

Письмо отправляю 10/23 ноября.

Целую всех вас крепко.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Красина (урожденная Миловидова) Любовь Васильевна — участница социал-демократического движения в России в конце XIX века. С 1902 г. фактическая жена Красина. Официально брак был заключен в 1915 году.
2. Царское Село (с 1918 г. Детское Село, с 1937 г. город Пушкин) — резиденция российских императоров под Петроградом. В начале первой мировой войны Красин купил в Царском Селе дом с садом. Здесь в основном проживала его семья.
3. Анна и Маруся — прислуги.
4. Владимир Кудрей — сын Л. В. Красиной от первого брака. В. В. Кудрей оставил воспоминания о Красине: KOUDREY V. Once a Commissar. New Haven. 1937.
5. Дочери Красина.
6. Луга — город под Петроградом на р. Луга. Видимо, в Луге Красин имел недвижимую собственность.
7. Фамилия не поддается прочтению.
8. Учитывая нестабильное положение в России, Красин позаботился о безопасности своей семьи. В июне 1917 г. Л. В. Красина с дочерьми выехала в Швецию, а затем в Норвегию, где сняла виллу в Вуксанкалене, недалеко от Осло. Затем Красин, полагая, что Швеция более удобна и безопасна, в августе 1917 г. перевез семью в Стокгольм.
9. Воровский Вацлав Вацлавович (1871—1923) — социал-демократ с 1894 года. В 1917 г. Воровский представитель акционерного общества «Сименс и Шуккерт» в Стокгольме. После Октябрьского переворота полпред РСФСР в скандинавских странах, с 1921 г. полпред в Италии. Убит в Лозанне (Швейцария) русским эмигрантом.
10. Нина — дочь Л. В. Красиной от второго брака.

11. Мадмуазель Лочмо, гувернантка дочерей Красина.
12. Речь, очевидно, идет о большевиках, стремившихся восстановить связи с Красиным. До Октябрьского переворота он не только отказывался от таких контактов (исключение было сделано для Ленина), но и называл большевиков, в частности Ленина, «маньяками», «опасными мечтателями», «мелкими демагогами» (О'КОННОР Т. Э. Инженер революции, с. 122).
13. «Природа» — ежемесячный естественно-научный популярный журнал, основанный в 1912 г. в Москве товариществом «Человек и вселенная». Выходит по настоящее время.
14. Бруснев Михаил Иванович (1864—1937) — организатор и руководитель социал-демократической группы в Петербурге (1889—1892), инженер. В начале XX в. отошел от политической деятельности. Умер в Ленинграде.
15. Красин Борис Борисович (1864—?) — младший брат Красина.
16. Любовь — младшая дочь Красина.
17. Екатерина — старшая дочь Красина.
18. Людмила — средняя дочь Красина.
19. Красин Герман Борисович (1871—?) — младший брат Красина, инженер.
20. Изенгоф — поселок в Петербургской губернии на р. Плюсса (с 1949 г. — город Сланцы). В районе поселка — залежи горючих сланцев, организацией добычи которых занимался Красин.
21. Фамилия написана неразборчиво.
22. Андрей, сын Л. В. Красиной от второго брака.
23. Окс Виктор Владимирович — адвокат, второй муж Л. В. Красиной, отец ее детей Андрея и Нины. Участник социал-демократического движения в России.
24. Красина (в замужестве Лушникова) Софья Борисовна (1878—?), младшая сестра Красина. Лушникова участвовала в социал-демократическом движении. В 1906 г. вместе с Брусневым руководила большевистским легальным издательством «Дело». Ее муж, М. А. Лушников, был богатым промышленником. Когда Красин стал наркомом внешней торговли, Лушникова работала в его наркомате.
25. Алексей — сын С. Б. Лушниковой.
26. Кудрявский Дмитрий Николаевич — первый муж Л. В. Миловидовой, отец ее сына Владимира (Владимир изменил фамилию на Кудрей).
27. 18 июня 1917 г. русская армия начала наступление на Юго-Западном фронте, окончившееся катастрофическим поражением и прорывом обороны русских войск в районе Тарнополя.
28. В течение нескольких лет Красин с семьей жили в местечке Куоккала на территории Финляндии, имея также квартиру в Петербурге.
29. Имеется в виду июльский кризис 1917 года. Кризис начался с отставки 3(16) июля министров-кадетов, протестовавших против уступок украинской Центральной Раде, сделанных во время визита в Киев А. Ф. Керенского и других министров. Но более важной его причиной был провал наступления на Юго-Западном фронте. Большевистские организации попытались воспользоваться демонстрациями 3—4 (16—17) июля в Петрограде, чтобы захватить власть.
30. Ньюша — домработница Красиных.
31. Кокчетавы (Кокчетав) — город на юге Западно-Сибирской равнины, ныне в пределах Казахстана.
32. Фрумкин (псевдоним Германов) Моисей Ильич (1878—1939) — социал-демократ с 1898 года. После Октябрьского переворота был членом краевого экономического совета Западной Сибири. С 1918 г. член коллегии Наркомата продовольствия. В 1920 г. заместитель председателя Сибирского ревкома, затем уполномоченный Наркомпрода на Северном Кавказе. В 1921—1922 гг. заместитель наркома продовольствия. С апреля 1922 г. заместитель наркома внешней торговли. С 1928 г. заместитель наркома финансов. В 1929 г. направил в Политбюро ЦК ВКП(б) письмо с критикой экономической политики Сталина, особенно в области сельского хозяйства, за что был подвергнут публичному осуждению. Арестован во время «большого террора» и расстрелян без суда.
33. Тулен — ласкательное имя, которым Красин называл жену. Происхождение неясно.
34. В августе 1917 г. Красин побывал в Осло (Норвегия), где находилась его семья, и перевез ее в Стокгольм. В октябре он вновь побывал в Стокгольме. В данном случае имеется в виду этот второй визит.
35. Брунстрем О. О. — член правления акционерного общества П. В. Барановского, директор ряда других военно-промышленных предприятий.
36. Видимо, идет речь о баронессе Ропп, упоминаемой в письме от 21 февраля 1921 года.

37. «Сименс-Шукерт» — германский электротехнический концерн, созданный электроинженером и промышленником Э. Сименсом. В эмиграции Красин работал в Берлине на заводе компании с 1908 г., быстро продвинулся от должности младшего инженера до заместителя главы берлинского отделения в 1911 году. С 1912 г. являлся представителем компании в Москве, затем генеральным представителем компании в России. С конца 1916 г. производилось принудительное преобразование этой компании в новую, с решающим участием в ее капиталах правительства. Красин сохранил должность управляющего.
38. Имеется в виду Г. Б. Красин.
39. П. В. Барановский — владелец электростанции в г. Владимир, порохового и машиностроительного заводов в Петрограде. Во время первой мировой войны Красин по совместительству являлся управляющим порохового завода Барановского.
40. Два слова, видимо, иностранного происхождения, не поддаются прочтению.
41. Тоня — дочь домработницы Красиных.
42. Радченко Иван Иванович (1879—1942) — социал-демократ с 1898 года. В 1918—1931 гг. председатель Главторфа, одновременно в 1921—1922 гг. заместитель наркома внешней торговли, в 1923—1931 гг. член президиума и заместитель председателя Высшего совета народного хозяйства РСФСР.
43. Гессен Иосиф Владимирович (1866—1943) — один из лидеров кадетов, адвокат, профессор права. Депутат II Государственной думы. Вскоре после Октябрьского переворота 1917 г. эмигрировал. С 1921 г. проживал в Берлине. Издавал «Архив русской революции».
44. Школа Петровского (правильно — Петровская школа) — театральная студия Малого театра. Названа была так по первоначальному наименованию коллектива (Петровская театральная труппа). В октябре 1894 г. труппа, которая стала формироваться в 50-е годы XVIII в., переехала в здание рядом с Большим театром и с этого времени театр получил название Малого.
45. Katzenjammer (нем.) — похмелье.
46. Видимо, речь идет о Михайлове М. А. (1878—1939) — участнике социал-демократического движения в России и революции 1905—1907 гг., во время которой сотрудничал с Красиным. Тогда же получил партийный псевдоним «дядя Миша». После 1917 г. был на дипломатической работе, в частности являлся сотрудником советского полпредства во Франции. Арестован во время «большого террора» и расстрелян без суда.
45. Гольденберг Иосиф Петрович (1873—1922) — социал-демократ с 1892 г., большевик с 1903 г.; с 1914 г. меньшевик. Весной 1917 г. был направлен меньшевистской организацией за рубеж, где остался после Октябрьского переворота. В 1920 г. заявил о переходе на позиции большевизма. В 1921 г. возвратился в Россию и стал членом большевистской партии.
46. Вализа (франц.) — чемодан или мешок для перевозки почты. Обычно вализами именовались мешки с дипломатической почтой, которую перевозили дипломатические курьеры.
47. Совет Республики (правильно — Временный демократический совет Российской республики), или Предпарламент, был избран на Всероссийском Демократическом совещании, созванном Всероссийским центральным исполнительным комитетом для решения вопроса о власти 14—22 сентября 1917 года. Предпарламент должен был функционировать до созыва Учредительного собрания. В его состав вошли представители различных политических и общественных организаций и участники Демократического совещания. Председателем был эсер Н. Д. Авксентьев. Предпарламент был разогнан после Октябрьского переворота.
50. Пронуциаменто (исп.) — государственный переворот.
51. Комитет спасения родины и революции был организован эсерами и меньшевиками после Октябрьского переворота. Распространял антибольшевистские листовки, поддерживал саботаж чиновников, пытался организовать вооруженное выступление юнкеров. В конце ноября был преобразован в Комитет защиты Учредительного собрания (в него вошли также представители других партий). Комитет самораспустился после разгона Учредительного собрания.
52. Манухин Иван Иванович (1882—1930) — врач, исследователь методов лечения туберкулеза почек. Личный врач Горького, близкий знакомый Красина.
53. Упомянутый в письме от 11 июля 1917 г. Дунаев жил в Нью-Йорке, то есть Красин не исключал возможность выезда в США.
54. Фамилия написана неразборчиво.
55. Эре — мелкая монета в Швеции и Дании (1/100 кроны).

Некоторые аспекты хода и последствий битвы под Москвой

А. Ф. Васильев

Одной из основных целей фашистской Германии при нападении на СССР являлся захват Москвы. По плану «Барбаросса» это должно было произойти 15 августа 1941 года¹. Однако несмотря на то, что И. В. Сталин подставил Красную Армию под внезапный удар врага, а перед этим на четыре пятых вырубил ее старший и высший командный состав, советские войска своим героическим сопротивлением буквально в первые же недели войны сломали график вражеского захвата советской территории. Особенно сильно нацистская военная машина забуксовала в районе Смоленска.) Контрудары Красной армии заставили руководство фашистской Германии впервые с начала второй мировой войны 30 июля отдать приказ своим войскам о переходе к обороне на главном стратегическом направлении².

Сражение под Смоленском примечательно прежде всего тем, что в ходе его немцы 14 июля впервые познакомились с русскими «Катюшами», которые произвели на них просто ошеломляющее впечатление. Но главное заключалось в том, что в ходе этого сражения войска Резервного фронта, которым командовал Г. К. Жуков, провели первую в Великой Отечественной войне успешную наступательную операцию. В результате был освобожден город Ельня и ликвидирован так называемый Ельнинский выступ, который немецко-фашистское командование собиралось использовать в качестве плацдарма для возобновления наступления на Москву. 11 августа начальник Генерального штаба сухопутных войск нацистской Германии Ф. Гальдер писал: «Общая обстановка показывает все очевиднее и яснее, что колосс Россия... был недооценен нами. Это утверждение распространяется на все хозяйственные и организационные стороны, на средства сообщения и, в особенности, на чисто военные аспекты»³.

(Смоленское сражение, длившееся два месяца, положило начало срыву плана молниеносной войны против СССР. Немецко-фашистскому командованию пришлось разработать специальный план «Тайфун» — разгрома советских войск на центральном направлении) В соответствии с этим планом пехотным соединениям предписывалось развернуть фронтальное наступление на Москву с запада, а танковым и моторизованным — нанести удары в обход советской столицы с севера и юга. Противник планировал блокировать Москву, а ее жителей, как и население Ленинграда, — уморить голодом. Гитлер дал указание, чтобы «ни один русский солдат, ни один

Васильев Александр Филиппович — доктор исторических наук, профессор Московского авиационного технологического института (РГТУ).

житель — будь то мужчина, женщина или ребенок — не мог его покинуть, а всякую попытку выхода подавлять силой». Более того, фюрер распорядился, чтобы после взятия Москвы на ее месте с помощью насыпки специальных дамб было создано искусственное море, которое навсегда скрыло бы ее от глаз «цивилизованного мира»⁴.

Нацеленная на Москву группа армий «Центр» получила весьма крупные подкрепления. В ее составе было сосредоточено почти две трети всех подвижных соединений вермахта и около половины всех немецких войск, действовавших на советско-германском фронте. Это обеспечило противнику на центральном направлении перевес над советскими войсками в людях в 1,4, в артиллерии — в 1,8, а танках — в 1,7 и в самолетах — в 2 раза. А на направлениях действий ударных группировок врага превосходство его сил было еще большим⁵.

Операция «Тайфун» началась 30 сентября. Крайне неудачное расположение советских войск (по принципу линейной обороны), а также запоздалое разрешение Сталина на их отвод привели к тому, что под Вязмой и Брянском в окружение попали 6 советских армий⁶. В этой ситуации главнокомандующий в телефонном разговоре с командующим Западным фронтом И. С. Коневым, как бы оправдываясь, заговорил о себе в третьем лице: «Вся его ошибка в том, что он слишком доверился кавалеристам»⁷. Сталин действительно возлагал слишком большие надежды на военные таланты «кавалеристов» (К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного и др.). И не в 1941, а еще в 1937 г., когда расстрелял М. Н. Тухачевского — главного поборника создания и использования в будущей войне мощных группировок технических родов войск и прежде всего танков. (Сталин ликвидировал многих выдающихся советских военачальников — сторонников новаторских, современных способов ведения боевых действий.)

(Попавшим в окружение под Вязмой и Брянском армиям пришлось в основном полагаться на собственные силы. Упорно сражаясь в окружении, они на три недели сковали крупную группировку противника, задержав ее продвижение в Москве.) Вырваться из окружения удалось немногим; в плен к врагу попало 688,3 тысячи бойцов и командиров; в нашей обороне образовалась огромная брешь, шириной в 500 км, открывавшая врагу чуть ли не беспрепятственный путь к советской столице⁸.)

Спустя много лет Г. К. Жуков вспоминал, что в эти дни он застал Сталина в растерянности. (Москву готовили к сдаче, предварительно взорвав заводы и несколько тысяч различных зданий.) На этот счет было принято специальное постановление за подписью Сталина. 16 октября в Москве не открылись двери метро, продукты во многих магазинах, к удивлению покупателей, не продавались, а раздавались бесплатно. Часть населения, прихватив с собой кое-какие пожитки, пешим порядком двинулась на восток.

Но даже в этих критических для страны условиях Сталин решил отдать под суд военного трибунала командующего Западным фронтом Конева. Жуков сумел отговорить Сталина от этого шага, сославшись при этом на расстрел в самом начале войны генерала Д. Г. Павлова, что абсолютно ничего не изменило в положении наших войск. (Затем с санкции Сталина в октябре 1941 г. без всякого суда расстреляли большую группу генералов. Среди них было 8 Героев Советского Союза, в том числе Я. В. Смушкевич — дважды Герой⁹. А в это время фронт испытывал крайне острую нехватку опытных военачальников.)

20 октября решением Государственного комитета обороны в Москве и прилегающих к ней районах было введено осадное положение. Одновременно было принято решение о слиянии Западного и Резервного фронтов в один, Западный, командующим которого был назначен Жуков. «Вскоре после того, как я вступил в командование Западным фронтом, — вспоминаю он впоследствии, — мне позвонил В. М. Молотов, заместитель председателя Государственного комитета обороны, член Ставки, и пригрозил расстрелом в том случае, если мне не удастся остановить продвижение немецко-фашистских войск к Москве»¹⁰.

Срочно были сформированы и брошены в бой дивизии народного ополчения и курсанты военных училищ. Плохо вооруженные и почти не обученные военному делу ополченцы почти все погибли, но на несколько дней задержали продвижение врага к столице, это позволило Ставке верховного главнокомандования организовать переброску на Западный фронт соединений и частей с других фронтов и из глубины страны. В течение недели сюда прибыли 11 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад, свыше 40 артполков и ряд других частей»¹¹. Чуть позже с Дальнего Востока под Москву прибыли несколько стрелковых и танковых дивизий¹², что стало возможным после поступившего из Токио сообщения советского разведчика Рихарда Зорге о том, что японское правительство решило не вступать в 1941 г. в войну с Советским Союзом.

И все же полученного Западным фронтом солидного пополнения было недостаточно, чтобы создать на пути врага мощную, непробиваемую линию обороны. Поэтому Жукову пришлось разгадывать направления ударов противника и против них сосредоточивать основную массу своих сил, оставляя на других участках фронта легкие заслоны. Данные разведки и собственная интуиция, основанная на глубоком знании законов войны, не подвели командующего фронтом.

Большую помощь регулярным войскам в организации защиты Москвы от немецко-фашистских захватчиков оказывало гражданское население. Его силами было развернуто строительство оборонительных линий на подступах к городу. Сотни тысяч жителей Москвы и Подмосковья, в основном женщины, в осеннюю слякоть и стужу, при частых налетах вражеской авиации, вручную круглоточную рыли противотанковые рвы и окопы, сооружали блиндажи, землянки и пулеметные гнезда, устанавливали противотанковые «ежи» и надолбы. Одновременно на московских предприятиях, основное оборудование которых было эвакуировано в глубокий тыл, налаживалось массовое производство автоматического оружия и ремонт различных видов боевой техники.

В течение октября группа армий «Центр» приблизилась к Москве почти на 250 километров¹³. И тем не менее фашистский план взятия советской столицы в середине октября был сорван. К тому же силы противника были измотаны, а его ударные группировки растянуты по фронту, что резко их ослабило. И все-таки положение Москвы оставалось крайне критическим.

Требовалось укрепить уверенность не только ее защитников, но и всего советского народа в возможности отстоять свою столицу. Этому, в частности, способствовал военный парад на Красной площади 7 ноября, явившийся дерзким и смелым шагом. Психологическое его значение для советского народа невозможно переоценить. Велик был и международный резонанс парада. Получив сообщение о нем, Гитлер пришел в ярость. Он позвонил командующему военно-воздушными силами группы армий «Центр» и приказал немедленно нанести бомбовый удар по Москве. Однако нелетная погода помешала выполнить этот приказ.

В середине ноября начался второй этап наступления врага на Москву. На этот раз ему удалось севернее столицы овладеть городами Калинин и Клин, а также форсировать канал Москва-Волга, а на юге — почти окружить Тулу и подойти к Кашире. В этих условиях Сталин вновь занервничал. Каким-то путем ему поступило сообщение, что наши войска оставили город Дедовск — совсем близко от Москвы. Верховный главнокомандующий приказал Жукову организовать контратаку и отбить у врага этот город. Командующий фронтом попытался возразить, доказывая, что немцы заняли всего лишь деревню Дедово. Однако Сталин ничего не хотел слушать. «Возражать в этой ситуации не имело смысла», — вспоминал впоследствии Жуков¹⁴. Подобные казусы лишь усложняли и без того непростую обстановку на фронте.

Ближе всего враг прорвался к столице на центральном направлении, где сумел овладеть станцией Крюково и поселком Красная Поляна. Немецкому командованию казалось, что еще одно усилие, еще один шаг и желанная цель будет достигнута. Но советские войска и в первую очередь

действовавшие на этом участке фронта части 16-й армии, которой командовал К. К. Рокоссовский, настолько измотали противника, что он уже не располагал силами для последнего шага. Правда, один отряд вражеской мотопехоты добрался до моста через канал Москва-Волга в Химках. Однако направлявшаяся на фронт колонна советских танков разгромила этот отряд. Немцы попытались начать артиллерийский обстрел Кремля, для чего доставили в район Красной Поляны сверхдальнобойные орудия. Но бойцы 16-й армии при мощной поддержке ствольной и реактивной артиллерии отбросили противника, который так и не сумел сделать ни одного выстрела по Москве ¹⁵.

Сорвался и план воздушных ударов гитлеровцев по Москве. В октябре немецкая авиация совершила 31 налет на город; в них в общей сложности участвовало около двух тысяч самолетов. Достичь цели сумели всего 72 машины. В воздушных боях и огнем зенитчиков было сбито 278 немецких бомбардировщиков. Всего же с июля по декабрь войска ПВО Москвы отразила 122 воздушных налета, во время которых в среднем из каждых 100 самолетов противника только 3 сумели прорваться к городу. В результате Москва незначительно пострадала от воздушных налетов противника. Она стала единственной европейской столицей, которая оказалась недостижимой как для наземных войск, так и для военно-воздушных сил фашистской Германии. Существенную помощь Красной армии в защите Москвы оказывали партизаны и заброшенные в тыл врага диверсионные группы. Они совершали смелые налеты на гарнизоны противника, уничтожая его живую силу и технику, наносили весьма чувствительные удары по коммуникациям врага. В середине ноября из-за нехватки локомотивов и разрушения партизанами железных дорог группа армий «Центр» вместо 70 составов, потребных каждые сутки для обеспечения ее материальными средствами, получала лишь 20 с небольшим ¹⁶.

Специфическую роль в борьбе Красной армии с немецко-фашистскими захватчиками сыграл географический фактор, что, конечно, никак не умаляет значения полководческого искусства советских военачальников и героизма бойцов и командиров в обескровливании и подрыве боевой мощи противника. В провале гитлеровского плана захвата Москвы, да и в выигрыше войны в целом, очень существенная роль принадлежит огромным, по европейским меркам, просторам нашей страны. Пройденный оккупантами тысячекilометровый путь от границы до предместий Москвы стал для сотен тысяч немцев дорогой крови и смерти. Географический фактор явился для Красной армии и советского народа существенным ресурсом, способствовавшим развертыванию их сил. (К сожалению, роль географического фактора в обеспечении успехов Красной армии, особенно в первый период войны, обычно выпадает из поля зрения историков. *р. 11*)

Обернулись против немецко-фашистских захватчиков и погодно-климатические условия, которые сами по себе, как известно, абсолютно безразличны к воюющим сторонам и странам. Однако они сурово наказывают, и временами весьма круто, тех, кто игнорирует их. Именно так покарала немецко-фашистские войска первая для них военная зима в России, которая выдалась на редкость суровой. Гитлер и его окружение полагали, что разгром СССР завершится в течение нескольких летних недель, а посему не подумали о подготовке вермахта к действиям в зимних условиях. Впоследствии нацистские генералы объявили русские морозы главным фактором, помешавшим им захватить советскую столицу.

Под Москвой впервые за время второй мировой войны начались для немцев жесточайшие испытания. На полях Подмосковья гитлеровские войска несли огромные потери, что резко снизило боевой дух вермахта. Красноречиво высказался на этот счет один фашистский ефрейтор в своем письме родным из-под Москвы: «Мы шагаем по немецким трупам и оставляем в снежных сугробах своих раненых. Сегодня мы шагаем по трупам тех, кто пал впереди; завтра мы станем трупам, и нас также раздавят орудия и гусеницы» ¹⁷.

В ходе наступления на Москву, немецкое командование, широко размахнувшись, невероятно растянуло собственные силы по фронту; это резко

понижило их боевой потенциал и создало предпосылки для их последующего разгрома.) В конце ноября у советского командования окончательно созрела родившаяся еще в начале месяца идея перехода Красной армии в контрнаступление против группы армий «Центр». Подготовка этого контрнаступления происходила в процессе ожесточенных оборонительных боев на подступах к столице. Несмотря на значительное пополнение фронтов московского направления живой силой и техникой, численное превосходство все еще было на стороне врага. И лишь в количестве боевых самолетов перевес был у советских войск. Но основное преимущество Красной армии, сражавшейся за правое дело, состояло в ее высоком боевом духе. Укреплению веры советских воинов в свои силы содействовало и освобождение Ростова-на-Дону и Тихвина¹⁸.

В условиях, когда не было возможности обеспечить численное превосходство над противником даже на направлениях главных ударов, советское командование постаралось не допустить передислокации войск группы армий «Центр», растянувшихся на огромном фронте. Поэтому было решено начать контрнаступление без какой-либо паузы, сразу же после тяжелых оборонительных боев и еще до полного сосредоточения всех сил, привлекаемых к задуманной операции.

Советское контрнаступление предпринималось в чрезвычайно сложной обстановке как на фронте, так и в стране в целом. В летне-осенних сражениях советские войска понесли чудовищные потери. К декабрю 1941 г. от довоенной Красной армии, которая насчитывала 5,3 млн человек, осталось лишь 7 процентов. За это же время наши войска потеряли свыше 20 тысяч танков и около 18 тысяч боевых самолетов¹⁹. В конце 1941 г. с врагом сражалась фактически вновь созданная в ходе боев армия. А промышленное производство в СССР в этот период было на самом низком уровне за время войны.

В контрнаступлении участвовали силы трех фронтов, которые в конце ноября получили значительные подкрепления. В состав Западного фронта были переданы 3 общевойсковых армии, 9 стрелковых и 2 кавалерийских дивизии, 8 стрелковых и 6 танковых бригад, а также много специальных частей²⁰. Существенно были усилены Калининский фронт и правое крыло Юго-Западного фронта. Военно-воздушные силы этих фронтов пополнились авиационными частями и соединениями Московского военного округа, 6-го истребительного корпуса противовоздушной обороны и дальней бомбардировочной авиации Главного командования. Однако при всем этом контрнаступление началось при общем равенстве сил с противостоявшим противником.

Первыми 5 декабря двинулись на врага войска Калининского фронта, а на следующий день — Западного и Юго-Западного фронтов. Наступательные бои развернулись на 200-километровом фронте. Они сразу же приняли ожесточенный характер. Гитлер потребовал от группы армий «Центр» любой ценой удерживать занимаемые позиции. Немецко-фашистское командование, пополнив войска этой группы людьми и вооружением, всячески стремилось отразить контрнаступление Красной армии. Однако сделать это ему не удалось. Советские войска погнали врага на запад, освобождая родные города и села. Воодушевление наступающих восполняло нехватку боевой техники. К началу января 1942 г. Красная армия отбросила противника на 100—250 км от Москвы. Непосредственная угроза советской столице была снята. Врагу был нанесен крупный урон в живой силе и технике: были разбиты 11 танковых, 4 моторизованных и 23 пехотные дивизии противника²¹.

От первых успехов перешедшей в контрнаступление Красной армии у Сталина закружилась голова. На совещании в Ставке 5 января он поставил задачу начать наступление наших войск на всем советско-германском фронте с тем, чтобы «обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году»²². Против этой идеи выступил Жуков. Он заявил, что подобное наступление при нехватке у советских войск боевой техники и боеприпасов, особенно артснарядов, приведет лишь к большим, ничем не

оправданным потерям. Жуков высказался за то, чтобы усилить фронты западного направления и здесь вести мощное наступление, что, по его мнению, создавало реальную возможность нанести врагу новые поражения и еще дальше отбросить его от Москвы. Жукова поддержал Н. А. Вознесенский, утверждавший, что в данный момент тыл еще не может материально обеспечить одновременное наступление всех фронтов. Однако Сталин остался глух к этим разумным соображениям, тем более, что остальные участники совещания промолчали²³.

В январе началось наступление девяти советских фронтов в полосе, шириной около двух тысяч километров (Красная армия начала наступление при острой нехватке техники, оружия и боеприпасов.) Как вспоминал Жуков, «дело доходило до того, что каждый раз, когда нас вызывали в Ставку, мы буквально выпрашивали у Верховного Главнокомандующего противотанковые ружья, автоматы ППШ, 10-15 орудий ПТО, минимально необходимое количество снарядов и мин. Все, что удавалось таким образом получить, тотчас же грузилось в автомашины и направлялось в наиболее нуждающиеся армии»²⁴. Нередко на одно арторудие на фронте отпускались 1—2 снаряда в сутки. И это в период наступления!²⁵. Естественно, что большинство наступательных попыток советских войск заканчивалось безуспешно. Один из участников тех событий писал: «Вспоминается наступление одной сибирской дивизии на участке обороны нашего полка в феврале 1942 года. Это было не наступление, а истребление измученных длительным маршем солдат и командиров. К 12 часам дня от дивизии осталось около 500 человек. Помню хорошо, как командир дивизии, после того как ему сверху позвонили и сказали, что если он не возьмет Старую Руссу, то будет расстрелян, попрощался со мной (я тогда временно командовал полком) и пошел в бой... И слали солдат в бой без артиллерии, авиации и танков, без тщательной подготовки»²⁶.

На замечания военных по поводу тех или иных неразумных идей Сталина, что их реализация неизбежно приведет к излишним потерям, верховный отвечал: «Нечего хныкать, на то и война»²⁷. Такова была натура Сталина, не жалевшего жизни тысяч и миллионов людей ради достижения задуманных им целей.

В результате попытки общего наступления Красной армии ценой огромных людских потерь в ряде мест все же удалось потеснить противника. Однако уже в феврале германское командование перебросило из Западной Европы свежие силы, что помогло ему стабилизировать положение на фронте. И тем не менее по приказу Сталина то в одном, то в другом месте предпринимались новые попытки наступления советских войск. Воинские части несли бессмысленные потери, а Совинформбюро в очередной сводке создавало видимость успешно продолжающегося наступления Красной Армии. Одной из последних, если не последней, была попытка 7-ой отдельной армии в апреле 1942 г. перейти в наступление на Свирском направлении. Мне — летчику — довелось участвовать в этой операции, которая закончилась полным провалом. Кстати говоря, до сих пор ни в одной из работ по истории Великой Отечественной войны, включая самые крупные, я не встретил об этой операции даже упоминания, хотя в наступление пыталась перейти целая армия.

За время общего наступления советские войска понесли огромные потери. По подсчетам Б. И. Невзорова, Красная армия за первые четыре месяца 1942 г. в совокупности потеряла 1814 тысяч человек²⁸.

(Если бы не безграмотный приказ верховного о всеобщем наступлении, результаты Московской битвы наверняка были бы намного масштабнее. Однако и в совершившемся варианте победа Красной армии под Москвой занимает особое место в истории не только Великой Отечественной, но и всей второй мировой войны.) По этому поводу Маршал Советского Союза А. М. Василевский писал: «Финал великой битвы под советской столицей имел исключительное морально-политическое значение. Ведь Гитлер в своей агрессивной политике до того момента не знал неудач. Он захватывал одну страну за другой, — овладел чуть ли не всей Западной Европой.

Немецкая армия в глазах значительной части человечества была окружена ореолом непобедимости. И вот впервые «непобедимые» немецкие войска были биты, и биты по-настоящему»²⁹. В битве под Москвой немецко-фашистские войска потеряли в общей сложности свыше 500 тысяч человек, 1300 танков, 2500 орудий, свыше 15 тысяч автомашин и много другой техники³⁰. Таких потерь прежде они нигде и никогда не несли.

(В ходе Московской битвы советским войскам впервые с начала войны удалось вырвать у врага стратегическую инициативу. А главное, разгром его под Москвой окончательно похоронил гитлеровский план молниеносной войны. Впоследствии, оценивая значение Московской битвы, немецкий генерал Г. Блюментрит признавал: «Теперь даже в ставке Гитлера вдруг поняли, что война в России по сути дела только начинается»³¹. Германия была поставлена перед необходимостью вести затяжную войну, к которой она не была готова.

Взбешенный поражением своих войска под Москвой, Гитлер сместил с занимаемых постов 35 высокопоставленных генералов, в том числе всех командующих группами армий и главнокомандующего сухопутными войсками фельдмаршала В. Браухича. С этого момента фюрер взял на себя командование сухопутными силами Германии, и таким образом во главе основного рода войска Германии оказался отнюдь не профессионал в военном деле, и к тому же авантюрист по своей натуре.

В нашей исторической литературе о Великой Отечественной войне с давних пор из книги в книгу кочует по существу голословное утверждение, будто разгром немецко-фашистских войска под Москвой заставил Японию и Турцию отказаться от своего первоначального намерения напасть на Советский Союз после захвата немцами советской столицы. И нигде не приводится каких-либо доказательств, что они действительно собирались так поступить. Лишь иногда упоминается, что Япония всячески укрепляла Квантунскую армию, а Турция держала крупные силы у советской границы. Но это отнюдь не доказывает, что эти страны в 1941 г. или в какое-то другое время намеревались напасть на СССР. Для нападения на другие государства прежде всего требовалось соответствующее решение политического руководства страны. Но о подобных решениях пока что ничего неизвестно. И если в отношении Турции гипотетически можно допустить вероятность такого нападения, то применительно к Японии подобное допущение противоречит двум немаловажным обстоятельствам. Осенью 1941 г. она завершила подготовку к войне с Соединенными Штатами Америки и начала ее 7 декабря, напав на Пёрл-Харбор. Просто невероятно, чтобы японское правительство собиралось открыть боевые действия сразу на двух фронтах, да при том против двух великих держав. Подобное утверждение противоречит сообщению Зорге о том, что в 1941 г. Япония не нападает на СССР. Важные сведения по этому поводу приводит американский историк К. Блейэр, который, в частности, пишет: «5 ноября 1941 года японское правительство приняло решение начать военные действия против Соединенных Штатов, Великобритании и Голландии в Тихом океане и на Дальнем Востоке. В последующие дни японцы известили об этом решении Гитлера, ожидая от него письменного обещания поддержки, то есть объявления войны Соединенным Штатам. Гитлер приветствовал решение Японии начать войну, но поставил условием заключения договора начало Японией войны и против Советского Союза. Японцы были против включения этого условия в официальный договор, но они убедили Гитлера, что после того, как их действия в Тихом океане наберут ход, Германия может рассчитывать на их поддержку»³². Таким образом, Япония совсем не обусловливала возможность своего вступления в войну против СССР захватом немцами Москвы.

В дальнейшем, после разгрома врага на подступах к своей столице, Красной армией в ходе борьбы с немецко-фашистскими захватчиками были проведены операции, более масштабные по сравнению с Московской битвой как по количеству задействованных в них живой силы и техники, так и по своим непосредственным результатам, к тому же более оригинальные

с точки зрения военного искусства. Однако это ни в малейшей степени не умаляет выдающегося значения сражений, развернувшихся в Подмосковье в конце 1941 и начале 1942 годов. В ходе этих боев потерпело полных крах намерение немецко-фашистского командования устроить под Москвой «канны XX века».

Примечания

1. Великая Отечественная война 1941—1945. Кн. 1. Суровые испытания. М. 1998, с. 212.
2. Вторая мировая война. Краткая история. М. 1984, с. 134.
3. Великая Отечественная война 1941—1945. Кн. 1, с. 181.
4. Там же, с. 104—105; АЛИСОВА Л. П. Некоторые аспекты героической обороны Москвы. — Вопросы истории, 1975, № 5, с. 37.
5. Вторая мировая война, с. 140—141.
6. Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. 2. М. 1991, с. 401.
7. История России. XX век. М. 1997, с. 446; История Отечества. 1939—1991. М. 1992, с. 37.
8. Великая Отечественная война. 1941—1945. Кн. 1, с. 221, 226.
9. История России. XX век, с. 437.
10. Георгий Жуков. М. 1995, с. 146.
11. ЖУКОВ Г. К. Воспоминания и размышления. М. 1970, с. 343.
12. ВАСИЛЕВСКИЙ А. Н. Дело всей жизни. М. 1974, с. 155—156.
13. Там же, с. 161.
14. ЖУКОВ Г. К. Ук. соч., с. 358—359.
15. РОКОССОВСКИЙ К. К. Солдатский долг. М. 1980, с. 93.
16. История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. М. 1975, с. 101, 108, 128.
17. История Отечества. 1939—1991, с. 40.
18. АЛИСОВА Л. П. Контрнаступление советских войск северо-западнее Москвы. — Вопросы истории, 1978, № 12.
19. История России. XX век, с. 439—440.
20. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история. М. 1984.
21. Вторая мировая война, с. 154.
22. Великая Отечественная война. Кн. 1, с. 285.
23. ЖУКОВ Г. К. Ук. соч., с. 369.
24. Там же, с. 375.
25. Там же, с. 376.
26. История Отечества. 1939—1991, с. 42.
27. История России. XX век, с. 425.
28. Великая Отечественная война. 1941—1945. Кн. 1, с. 316.
29. ВАСИЛЕВСКИЙ А. М. Ук. соч., с. 174.
30. ЖУКОВ Г. К. Ук. соч., с. 377.
31. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история, с. 117.
32. БЛЕЙЭР. К. Подводная война Гитлера 1939—1942. Охотники. Часть II. М. 2001, с. 9.

Позиция США в отношении Югославии в январе—марте 1941 года

А. А. Костин

27 сентября 1940 г. представители Германии, Италии и Японии подписали Тройственный пакт. Мало кто сомневался тогда, что Гитлер устремит свои взоры на Балканы. Страны Юго-Восточной Европы оказались перед необходимостью защиты своей независимости. Пути разрешения этой проблемы были различны: либо уступить Гитлеру, присоединившись к Тройственному пакту, либо обеспечить вооруженный отпор нацистской угрозе, даже ценой собственного суверенитета. Венгрия 20 и Румыния 23 ноября 1940 г., а также Болгария 1 марта 1941 г. выбрали первое¹. Теперь вопрос встал о позиции Югославии. У. Черчилль утверждал: «При таких обстоятельствах решающее значение будут иметь действия Югославии. Никогда еще ни одна страна не имела такого военного шанса. Если югославы нападут на итальянцев с тыла в Албании, трудно представить себе, что произойдет за несколько недель. Ситуация может измениться в корне, и Турция может начать действовать в наших интересах»².

Народ Югославии выступал против каких-либо уступок Гитлеру, которые бы шли дальше заявления о нейтралитете, предоставления Германии военных баз на территории страны, а также согласия на транспортировку военных частей и материалов через территорию Югославии к границе с Грецией. Даже нейтралитет оценивался как плохой компромисс, поскольку ставил Югославию в сложное положение, лишая ее материальной и военной помощи со стороны западных демократий³.

Традиционно историки считают, что перед угрозой фашистской агрессии на позицию югославского правительства значительное влияние оказывали Англия (путем военного сотрудничества) и Советский Союз (дипломатической поддержкой). Позиция США обычно не рассматривалась, поскольку считалось, что они все еще руководствовались принципами изоляционизма⁴. Между тем, в своем послании к Ф. Рузвельту 10 марта 1941 г. Черчилль заметил: «Я вынужден признать, что согласованное влияние ваших послов в Турции, России и более всего в Югославии имеет огромное значение и вероятно сможет реально изменить ситуацию. В связи с этим я должен поблагодарить вас за великолепную работу, совершенную Donovanом во время его длительного турне по Балканам и Ближнему Востоку. Он сделал свое дело во всех отношениях с согревающим душу рвением»⁵.

Костин Алексей Александрович — аспирант кафедры всеобщей истории Вятского государственного педагогического университета.

Полковник Уильям Донован («дикий Билл») был близким другом президента США. В звании генерал-майора он стал первым шефом Управления стратегических служб (УСС), занимавшегося в годы войны тайными операциями и разведывательной работой (прототипа Центрального разведывательного управления). Еще в июле 1940 г. Рузвельт поручил Доновану осуществить специальные дипломатические миссии на Балканах и Ближнем Востоке с целью анализа ситуации в этих странах и содействия их присоединению к сопротивлению нацистской угрозе. В декабре 1940 г. Донован отправился в Юго-Восточную Европу формально в качестве неофициального наблюдателя морского министерства, а на самом деле как личный представитель американского президента. В телеграмме от 20 января 1941 г. Рузвельт проинструктировал своего эмиссара как убедить лидеров стран этого региона в готовности США оказать им помощь в случае их сопротивления странам «оси» ⁶.

23—25 января Донован посетил Югославию, где беседовал с регентом-принцем Павлом, премьером Д. Цветковичем и министром иностранных дел А. Цинцар-Марковичем, а также с различными политическими и военными лидерами. Там же Донован заявил о поддержке патриотических сил, которые отвергнут диктат Берлина, и подчеркнул уверенность президента в невозможности победы Гитлера, уверяя своих собеседников, что США сделают все для уничтожения нацизма и будут активно участвовать в восстановлении мира.

В ходе встречи регент заявил, что видит свою главную задачу в том, чтобы не дать вовлечь Югославию в войну, и при этом дал понять, что нейтралитет не будет достигаться любой ценой. Премьер-министр сказал, что правительство настроено сопротивляться любым германским требованиям, несовместимым с суверенитетом и независимостью Югославии. Глава министерства иностранных дел добавил, что Югославия откажется от любых актов и договоров, которые Гитлер сможет оценить как «антигерманские».

Категорическую позицию в переговорах занял хорватский лидер д-р В. Мачек. Он обратил внимание Донована на сложность ситуации: германские войска уже стоят вдоль всей северной границы, в Европе нет армии, способной противостоять им. По убеждению Мачека, вступление Югославии в войну следует отложить даже ценой самых больших уступок Гитлеру; вклад югославской армии в дело союзников может оказаться результативным только в случае советско-германского конфликта ⁷.

Смысл предложений, сделанных Донованом принцу Павлу и его окружению был очевиден: Югославия получит помощь от США, если выберет борьбу с Германией. При этом будущий шеф УСС ссылался на недавний билль о лендлизе, обсуждавшийся в конгрессе. Еще 29 декабря 1940 г. Рузвельт заявил, что помощь Англии и другим странам, сопротивляющимся фашизму, соответствует интересам безопасности США ⁸. 10 января 1941 г. этот законопроект был представлен на рассмотрение конгресса.

Большую готовность сопротивляться Гитлеру, нежели политические лидеры, проявили военные. Командующий военно-воздушными силами генерал Симович заявил, что гитлеровские требования будут возражать с каждой югославской уступкой и политика таких уступок лишит Югославию способности сопротивляться, а в конце концов приведет к полной капитуляции. Понимая превосходство германской военной мощи, генерал тем не менее верил в способность югославской армии долгое время сдерживать врага в горных районах, что сделает кампанию против Югославии крайне дорогостоящей для агрессора. Не случайно Черчилль назвал штаб-квартиру Симовича «тайным центром оппозиции вялому югославскому правительству и германскому проникновению на Балканы» ⁹. На Симовича глубокое впечатление произвела речь американского президента 6 января 1941 г. о «четырех свободах». В ответ Донован показал генералу послание Рузвельта об американской политике в Югославии. По мнению американского историка Э. Брауна, это послание явилось прямым побуждением к перевороту. Донован обещал Симовичу военную помощь, если тот под-

нимет восстание против регента и вступит в союз с Великобританией. Браун отмечает, что нет доказательств такому утверждению: секретность переговоров и статус Донована не позволяли открыто фиксировать в официальных бумагах предложения, сделанные Симовичу, но все остальное позволяло говорить об этом с большей очевидностью.

Германская пресса, возбужденная визитом Донована, развернула бурную кампанию против Рузвельта и его политики. Истинные намерения США заключались, по-видимому, в том, чтобы спровоцировать Германию на агрессию против Югославии, втянуть гитлеровцев в партизанскую войну на Балканах и тем самым ослабить фашистский рейх.

В Вашингтоне были удовлетворены результатами поездки Донована; и хотя принц Павел и его окружение фактически проигнорировали предложения «дикого Билла», Рузвельт оценил югославскую ситуацию как обнадеживающую. Основаниями для этого стали настроения в штабе Симовича. В своем отчете о встрече с командующим югославскими ВВС 24 января 1941 г. Донован писал: «Симович решительно настроен в пользу сопротивления любому германскому вторжению на югославскую землю: если народ не знает, что случится, когда страна откажется от сопротивления, он может увидеть это на примере Румынии, которая фактически оккупирована для подготовки нападения на Россию. Генерал считает, что Югославия не согласится на перемещение немецких частей через ее территорию, народ этого не позволит. Более того, Симович уверяет, что югославская армия вступит в борьбу с немцами, если Греция или Болгария будут оккупированы Германией, так как такое фашистское продвижение будет признано «непосредственной угрозой» Югославии»¹⁰.

Высокопоставленные официальные лица государственного департамента утвердились в своей оценке ситуации на Балканах, считая, что по меньшей мере одна страна не капитулирует перед Гитлером. Укрепить уверенность Белграда в том, что США поддержат страны, борющиеся с нацизмом, должен был американский посол в Югославии Артур Блисс Лэйн, который должен был проинформировать правительство Югославии о решении президента продолжать поставки Великобритании и способствовать тем самым поражению «оси». Государственный департамент поручил Лэйну сделать соответствующее заявление 9 февраля 1941 г., то есть в день, когда Черчилль выступил с благодарственной речью Америке. Таким образом, югославам демонстрировалась сила англо-саксонского единства и внушалась уверенность в окончательной победе союзников.

Югославы попытались выяснить, насколько истинны заверения американского правительства. Посол Фотич на встрече с советником по политическим делам Джеймсом К. Данном выразил опасение, что помощь США ограничится Великобританией и Грецией и не распространится на Югославию, что обескуражит тех, кто готов сопротивляться Гитлеру и надеется на американскую материальную поддержку. Аналогичную неуверенность можно обнаружить и в сообщениях Лэйна. Государственный департамент поспешил успокоить югославское правительство. 14 февраля, выражая желание президента Рузвельта, госсекретарь К. Хэлл подписал новое заявление, подтверждавшее готовность США «снабжать военными материалами те нации, которые стали жертвами агрессии или которым угрожает агрессия»¹¹. Однако, билль о лендлизе, о котором говорилось в послании, все еще обсуждался в конгрессе и был одобрен лишь сенатским комитетом иностранных дел.

14 же февраля начались переговоры премьер-министра Цветковича и министра иностранных дел Цинцар-Марковича с фюрером и главой германского МИДа Риббентропом в Зальцбурге. О предстоящей встрече Фотич сообщил шефу Европейского отдела государственного департамента Р. Атертону накануне вечером — 13 февраля, попросил без промедления довести эту информацию до сведения президента и госсекретаря. По мнению югославского посла, Рузвельт олицетворял огромный престиж, которым пользовались США у народов Югославии. Поэтому, по словам

Фотича, только президент мог повлиять на регента и правительство так, чтобы они не принимали «ошибочных» решений¹².

18 февраля Лэйн доложил в государственный департамент о беседе с принцем Павлом, вернувшимся из Зальцбурга. 20 февраля Фотич передал помощнику госсекретаря С. Уэллсу послание регента президента вместе с информацией от Цинцар-Марковича о результатах переговоров с фюрером. Новости от Лэйна и Фотича были встречены с удовлетворением. Регент все еще демонстрировал позицию неприятия компромисса, несовместимого с суверенитетом страны. Для подкрепления решимости регента Рузвельт 22 февраля через американского посла в Белграде отправил принцу Павлу второе послание. В нем в более жестких тонах выражалась жизненная заинтересованность США в отказе Югославии от требований Гитлера. В пример ставились судьбы Абиссинии, Китая и Норвегии¹².

В эти дни произошел неприятный инцидент. Еще в начале февраля югославское правительство послало в Нью-Йорк грузовое судно, которое должно было перевезти военные материалы, приобретенные Югославией в США. Оформление лицензий на экспорт этих материалов не встретило никаких затруднений. Однако, когда сухогруз уже стоял под парами в порту Нью-Йорка перед отправлением домой, экспортные лицензии были аннулированы без объяснения, и шкипер получил распоряжение разгрузить судно. На следующий день 26 февраля Фотич сообщил об этом Уэллсу. Тем же вечером помощник госсекретаря ответил, что специальным указом президента действие лицензий восстановлено, и судно будет отправлено без промедления. Когда Фотич выразил благодарность за такое эффективное вмешательство, Уэллес заметил, что американское правительство стремится оказывать помощь странам, борющимся за свою независимость, и своей поддержкой президент желает продемонстрировать свою уверенность в стойкости позиции, занимаемой Югославией. Было ли это случайным недоразумением или заранее спланированной акцией, судить сложно. Во всяком случае Рузвельт сумел еще раз подтвердить серьезность своих намерений.

1 марта, в день присоединения Болгарии к странам «оси», фюрер вновь встретился с регентом. Теперь Гитлер сосредоточился на Югославии. Ситуация накалилась до предела. 3 марта Фотич отправил послание регенту, убеждая последнего не поддаваться требованиям Гитлера: «В беседах с компетентными американскими политиками у меня сложилось ясное впечатление, что восстановление югославской государственности после англо-саксонской победы зависит только от вашего решения».

6 марта венгерская нацистская газета „Magyarország“, несмотря на все предосторожности по сохранению секретности, опубликовала почти полные тексты обоих посланий президента принцу Павлу. Сведения в Будапеште были якобы получены от собственного корреспондента в Вашингтоне. Публикуя данную информацию, нацистская пропаганда преследовала две цели: во-первых, вызвать возмущение югославского народа вмешательством США во внешнюю политику их государства, и, во-вторых, повлиять на предстоящее вотирование сенатом билля о ленд-лизе, пытаясь сорвать его принятие¹⁴. Однако публикация в „Magyarország“ только усилила антигитлеровские настроения в Югославии.

Билль о ленд-лизе был утвержден сенатом 8 марта 1941 года. Рузвельт в тот же день отправил личное послание Черчиллю: «Принятие законопроекта 60 голосами против 31 — весьма удовлетворительный результат. Окончательное голосование в палате представителей и затем подписание мною произойдут во вторник вечером». 11 марта палата представителей одобрила некоторые сделанные в сенате поправки 317 голосами против 71. Рузвельт сразу же подписал этот закон, и, как он позже заметил, «уже через несколько минут после этого боевая техника для армии и флота находилась на пути в Англию и Грецию»¹⁵.

Одновременно с этим Рузвельт потребовал от государственного департамента более активного участия в югославских делах. Встречи посла Фотича с различными представителями госдепа приобрели регулярный

характер. О позиции югославского правительства с послом неоднократно беседовали Уэллес, Атертон и советник по политическим отношениям Данн. Они напряженно следили за каждым шагом Гитлера по запугиванию Югославии и принуждению ее к подписанию Тройственного пакта. Югославы понимали, что политика сопротивления требованиям держав «оси» повлечет за собой большие жертвы и возможно приведет к временной потере независимости. Фотич указывал, что позиция югославского правительства зависит не только от моральной поддержки США, но, в первую очередь, от поступления американской материальной помощи. Югославы должны быть уверены, что США всеми силами будут препятствовать окончательной победе Гитлера, а южнославянские народы получат право жить свободно и независимо после поражения «оси»¹⁶. Во время этих переговоров ни о каком-либо договоре, ни о каких-то взаимных обязательствах, ни о каком-нибудь военном участии США речь не шла. Американцы уговаривали югославов сопротивляться любым требованиям Германии, обещая им взамен материальную помощь.

В ходе переговоров с фюрером, состоялись консультации регента с югославскими политическими лидерами. Было решено не присоединяться к Тройственному пакту, согласиться на договор о нейтралитете. Это демонстрировало, что Югославия склоняется к уступкам Гитлеру. Изменение ситуации послужило причиной нового инцидента, случившегося в середине марта. Вечером 14 марта Фотич был неожиданно вызван Данном. Последний информировал посла, что правительство США очень встревожено указанием югославского правительства Федеральному резервному банку в Нью-Йорке перевести часть золотых депозитов, а именно 22 млн долларов, в банк Бразилии, что означало решимость Югославии присоединиться к державам «оси». Переведенные из США югославские капиталы превращались в «деньги для Гитлера». Данн попросил Фотича передать югославскому правительству убежденность президента в том, что золотые фонды Югославии не могут быть в более безопасном месте, чем в Федеральном резервном банке, а также персональные гарантии Рузвельта, что это золото будет использовано только на нужды Югославии и ее народов.

В тот день президент выступил с речью, в которой вновь выразил уверенность в окончательной победе союзников. По мнению Фотича, эта речь была вызвана поведением югославского правительства и должна была поощрить югославов не делать уступок Гитлеру, о чем югославский посол сообщил Цинцар-Марковичу. В телефонном разговоре с последним он добавил, что любое последующее распоряжение о перемещении золота или кредитов приведет к замораживанию югославских счетов в США. Цинцар-Маркович пообещал упросить министра финансов и управляющего Национальным банком Югославии пересмотреть свое распоряжение и успокоить американского посла, что это дело не имеет политической основы.

18 марта Фотич вновь был приглашен в Государственный департамент. На этот раз беседа состоялась с Уэллесом. Заместитель госсекретаря выразил недовольство президента новым указанием о переводе 50 млн. долларов в Аргентину, что произвело очень неприятное впечатление на Рузвельта, который решил: это окончательный знак, свидетельствующий о том, что Белград уже принял решение подписать Тройственный пакт вопреки заверениям регента в обратном. Американский президент просил передать принцу Павлу, что «сумма золота не имеет в данном деле никакого значения. Вызывает сожаление позиция югославского правительства, которое не придает значения американским интересам. Президент искренне симпатизирует Югославии и желает видеть ее независимой. Но, судя по указанию перевести золото в Аргентину, ваше правительство уже выбрало стезю, которая ведет к полной капитуляции». Далее следовала угроза: если распоряжения Федеральному резервному банку не будут отменены, все югославские счета будут немедленно заморожены¹⁷.

Это было похоже на ультиматум. После такой неллицеприятной беседы Фотичу пришлось звонить министру юстиции, главе Королевского суда Югославии, М. Античу с просьбой довести ситуацию до сведения регента.

В конце концов, югославы вынуждены были уступить. В день окончания вторых переговоров принца Павла с фюрером, 19 марта, распоряжение о переводе 50 млн. долларов в Аргентину было отменено. И тем не менее, отношения между обоими государствами были испорчены.

20 марта регент собрал Королевский совет. В него вошли лидеры сербских, хорватских и словенских политических партий, формировавших правительственную коалицию; два других члена регентского совета — Р. Станкович и И. Перович; а также глава Королевского суда, военный министр и министр иностранных дел. Принц Павел выразил свои симпатии Западу, но добавил, что отказ от требований Гитлера означает самоубийство Югославии. Возвращенный из запаса, где он находился более 10 лет, военный министр — генерал П. Пешич заявил, что югославская армия не соответствует требованиям современной войны, а западные союзники эффективной помощи не оказывают. Отсюда вывод: необходимо присоединиться к «оси». Единственную альтернативную позицию занял Станкович, заявивший, что соглашения с фюрером противоречит лучшим традициям югославского народа, который завоевал уважение всего мира тем, что всегда отстаивал свою свободу с оружием в руках. Даже если не удастся сдерживать врага долгое время, можно, по мнению Станковича, отвести армию на юг, к Греции, где она может соединиться с британскими войсками. Военный министр осудил «символическое сопротивление» — военные действия на равнине, к чему югославская армия не готова. Хорватский лидер вице-премьер Мачек полностью согласился с мнением генерала Пешича. На следующий день решение Королевского совета было ратифицировано Советом министров. Три члена кабинета в знак протеста ушла в отставку. Обновленное на скорую руку правительство одобрило это постановление Королевского совета¹⁸.

Президент Рузвельт, проинформированный о решении Королевского совета, сделал последнюю попытку повлиять на регента. 21 марта посла США Лейна проинструктировали из Вашингтона: он должен был разъяснить регенту и членам королевского правительства военно-стратегические выгоды позиции, занимаемой югославской армией. В послании говорилось о разгроме итальянской армии в Албании и уничтожении англичанами военно-морского флота Италии. Далее американцы уверяли, что югославская гористая местность позволит сдержать германский натиск, а итальянский фланг прикроют совместно британские и греческие войска. Лейн должен был также заверить югославское правительство, что США будут использовать все возможности поставок Белграду по ленд-лизу, все югославские счета в США будут в полном распоряжении югославов столь долго, сколько Белград будет сохранять свободу и независимость. Об этом Уэллес заявил и Фотичу.

Вечером 23 марта регент ответил Лэйну, что у него нет иного выбора и против своей воли он вынужден подписать Тройственный пакт¹⁹. В своих воспоминаниях Фотич попытался оправдать позицию принца Павла: «Альтернативный вариант — войну с Германией — регент считал убийством страны. Любое сопротивление, по его словам, приведет к немедленной оккупации и расчленению Югославии, а режим, который враг установит в стране, принесет нетерпимое страдание ее народам. При этом регент рассуждал как попечитель молодого югославского короля Петра II, который должен был прийти к власти в ближайшем сентябре: такое решение — долг перед страной и забота о короле, согласно обязательствам, которые он принял в 1934 г. после убийства его отца Александра I. Принц уверял, что это тягостное, но неизбежное решение не изменит его симпатий к союзникам, особенно к президенту Рузвельту. Павел просил передать главе Белого дома свое уважение к интересам США в Югославии, и выразил надежду, что президент и американское правительство поймут «югославское положение»²⁰. Государственный департамент оценил итоги этих переговоров, как свидетельство, что отношения между США и Югославией свернуты.

25 марта 1941 г. в 15.30 в Вене принц Павел подписал Тройственный пакт. В этот же день Донован произнес речь, которой была придана самая

широкая огласка. Текст ее был написан американскими специалистами по «психологической войне». 27 марта в 2 часа утра регентская оппозиция, возглавляемая Симовичем, осуществила государственный переворот. Регент был заменен законным наследником Петром, которому до официального вступления на трон (при достижении 19-летнего возраста) оставалось менее полугода. Принц Павел был выслан из страны, Цветкович и Цинцар-Маркович арестованы. В 9.30 утра молодой король назначил новый кабинет. Премьер-министром стал генерал Симович. К власти пришло правительство, готовое сопротивляться немцам. Новая правительственная коалиция, включавшая Югославскую радикальную партию, Хорватскую крестьянскую партию, Словенскую народную партию, Югославскую демократическую партию, Аграрную независимую демократическую партию и Югославскую национальную партию, отказалась признать Тройственный пакт²¹. Уже 28 марта Рузвельт послал поздравления новому королю, а государственный департамент принял меры для распространения действия закона о ленд-лизе на Югославию²².

Миссия Донована не ограничивалась встречами с политическими и военными лидерами. И хотя нет прямых доказательств, но вполне вероятно, что совместно с британскими спецслужбами в этом балканском государстве развернули свою работу и американские. В этот период шло становление единой разведывательной организации США, и «люди дикого Билла» могли освоить принципы и методы работы секретных служб только в тесном сотрудничестве с самой авторитетной из существовавших в то время — английской²³. Об этом свидетельствуют встречи с Донованом министра иностранных дел Англии А. Идена и начальника британского Генерального штаба генерала Дж. Дилла, во время которых глава Форин офис выразил благодарность будущему шефу УСС за помощь англичанам на Балканах²⁴. То же самое подтверждает и Черчилль, который с удовлетворением писал Рузвельту, что Донован и его английский коллега «выполнили величайшую тайную операцию мировой войны»²⁵. Это подтверждает, что американцы сыграли не последнюю роль в югославских событиях, и, во всяком случае, плечом к плечу с англичанами проявились вступлению Югославии в союз со странами «оси».

Браун считает, что именно «дикий Билл», скорее своими действиями, нежели словами, втянул Гитлера в борьбу с Югославией и, таким образом, повлиял на изменение планирования нацистской кампании против России²⁶. По словам У. Стивенсона, совместные усилия английской и американской разведок, «как и было рассчитано, вызвали у Гитлера припадок опасного и безрассудного гнева. Неделю спустя, 6 апреля германские бомбардировщики обрушились на Белград. Война началась без объявления... После 4 дней... операции «возмездия» (по германской терминологии) из-под руин извлекли 24 тысячи трупов, а несчетное количество убитых так и не было найдено. Эти разрушения явились результатом операции спецслужб, в которой непосредственные потери уступили стратегическим выгодам»²⁷.

Не следует забывать и о позиции советской дипломатии. 5 апреля, всего за 4 часа до начала фашистской агрессии, между Югославией и СССР был подписан «Пакт о дружбе и ненападении». Поддерживая сопротивление югославам, советское руководство стремилось сдержать Гитлера. Была пущена в ход версия о принятом в последнюю минуту трудном, но достойном решении дать отпор нацистской Германии²⁸. Хотя бомбардировка Белграда цели своей не достигла, она сыграла свою историческую роль: проявилась общность интересов держав будущей «большой тройки». Рычаги воздействия на югославам у Запада и СССР были различны. Англия и США пытались влиять прямо на политическую элиту Югославии, Советский Союз — косвенно, с помощью общественного мнения, развивая по каналам Коминтерна антигерманские настроения в стране. Но задача, в конечном итоге, стояла одна — борьба с Гитлером.

Надежды западных союзников на изматывание Германии в ходе действий против югославского государства не оправдались. Так называемая «апрельская война» продолжалась всего 11 дней. 17 апреля югославская армия капитулировала.

Германская атака на Югославию задержала нападение Гитлера на Советский Союз. На совещании высшего военного руководства 27 марта фюрер решил перенести начало операции «Барбаросса» на четыре недели позже первоначально намеченной даты в первой половине мая²⁹. К тому же и эти сроки затянулись. По мнению Брауна, именно из-за тех пяти с половиной недель, потраченных на кампанию против Югославии и Греции, Германия проиграла войну; перенос даты нападения на СССР с 14 мая на 22 июня 1941 г. помешал Гитлеру покорить Россию до начала суровой зимы и помог союзникам собрать силы для затяжной войны³⁰. Браун, конечно, преувеличивает, ошибочно ставя в один ряд несравнимые по своей значимости события: битва под Москвой и миссия Donovan.

С капитуляцией королевской армии югославский народ не прекратил сопротивления. В начале лета 1941 г. на оккупированной территории развернулось широкое партизанское движение, представленное боевыми частями под руководством Й. Броз-Тито и четническими отрядами, возглавляемыми полковником королевской армии Д. Михайловичем. Для борьбы с ними оккупантам пришлось держать в Югославии значительные войсковые соединения³¹.

Югославское правительство, пришедшее к власти после переворота 27 марта 1941 г., отказалось ратифицировать присоединение к «оси», подписанное свергнутым кабинетом принца Павла. Югославия вслед за Грецией перешла на сторону западных союзников. Значительную роль при этом сыграли государственный департамент, американские спецслужбы и лично президент Рузвельт.

США стремились привлечь на сторону западных союзников вместе с Югославией и СССР. Все проходящие через югославские каналы сведения о подготовке плана «Барбаросса» передавались в Москву. 30 марта посол Лэйн получил от югославов известие, что Гитлер 4 марта 1941 г. во время встречи в Берхтесгадене сообщил принцу Павлу, что намерен начать в мае военную операцию против Советского Союза. Эта информация подтвердила уже имевшиеся в Вашингтоне данные о готовящемся нападении на СССР. 2 апреля заместитель госсекретаря Уэллес через американского посла в Москве Штейнгардта передал сообщение из Югославии в Кремль³².

Примечания

1. Documents on American Foreign Relations (далее — DAFR). — Vol. III: July 1940 — June 1941. Boston. 1941, p. 324.
2. Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). 1941. Vol. II. Washington. 1959, p. 952.
3. FOTITCH A. C. The War We Lost. Yugoslavia's Tragedy and the Failure of the West. N. Y. 1948, p. 39.
4. РЕШЕТНИКОВА О. Н. Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР. М. 1992; Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы накануне нападения Германии на СССР (сентябрь 1940 — июнь 1941 гг.). — Советское славяноведение, 1991, № 4, с. 3—23; ВОЛКОВ В. К. Советско-югославские отношения в начальный период второй мировой войны в контексте мировых событий (1939—1941 гг.). — Советское славяноведение, 1990, № 6, с. 3—17; НАРОЧНИЦКИЙ А. Л. Советско-югославский договор 5 апреля 1941 г. о дружбе и ненападении (по архивным материалам). — Новая и новейшая история, 1989, № 1, с. 3—19.
5. FRUS. 1941. Vol. II, p. 952; CHURCHILL & ROOSEVELT. The Complete Correspondence. In 3 vols. Vol. I. Alliance Emerging: October 1933 — November 1942. Lnd. 1984, p. 145.
6. BROWN A. C. The Last Hero. Wild Bill Donovan. N. Y. 1982, p. 156—157; Ford, Corey. Donovan of OSS. Boston. 1970, p. 98; CHURCHILL & ROOSEVELT. Vol. I, p. 134.
7. FOTITCH A. C. Op. cit., 41—43; BROWN A. C. Op. cit., p. 156—157; FRUS. 1941. Vol. II, p. 938—939.
8. DAFR. Vol. III, p. 26; FRUS. 1941, Vol. II, p. 937—938.
9. CHURCHILL W. S. The Second World War. The Grand Alliance. Lnd. 1950, p. 140.
10. BROWN A. C. Op. cit., p. 156, 157.

11. FRUS. 1941, Vol. II, p. 940, 941—942, 943, 944; FOTITCH A. C. Op. cit., p. 44—45, 46.
12. FOTITCH A. C. Op. cit., p. 46.
13. FRUS. 1941, Vol. II, p. 945—947; FOTITCH A. C. Op. cit., p. 49—50.
14. FOTITCH A. C. Op. cit., p. 47—48, 53—54, 60.
15. Секретная переписка Рузвельта с Черчиллем в период войны. М. 1995, с. 156.
16. FOTITCH A. C. Op. cit., p. 38—40.
17. FRUS. 1941, Vol. II, p. 954, 956, 959—961; FOTITCH A. C. Op. cit., p. 61—64.
18. FOTITCH A. C. Op. cit., p. 64—67; FRUS. 1941, Vol. II, p. 958—959.
19. FRUS. 1941, Vol. II, p. 961—967; FOTITCH A. C. Op. cit., p. 67—68.
20. FOTITCH A. C. Op. cit., p. 69.
21. War and Peace. Aims of the United Nations. September 1, 1939 — December 31, 1942. Boston. 1943, p. 547.
22. FRUS. 1941. Vol. II, p. 969.
23. ЮНГБЛЮД В. Т. Внешнеполитическая мысль США 1939—1941 годов. Киров. 1998, с. 281—282.
24. The Memoirs of Anthony Eden of Avon. The Reckoning. Boston. 1965, p. 226, 229.
25. STEVENSON W. The Man Called Intrepid: The Secret War. N. Y. 1977, p. 246. Эти слова Черчилля, цитируемые Стивенсоном, опубликованными документами не подтверждаются.
26. BROWN A. C. Op. cit., p. 155.
27. STEVENSON W. Op. cit., p. 244—246.
28. ГОРОДЕЦКИЙ Г. Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М. 1999, с. 180—183.
29. RISTIC D. Yugoslavia's Revolution of 1941. The Pennsylvania State UP. 1966, p. 138—139; MACMILLAN H. [Autobiography. — Vol. II] The Blast of War. 1939—1945. Lnd. 1967, p. 148; HIGGINS T. Soft Underbelly. The Anglo-American Controversy over the Italian Campaign, 1939—1945, N. Y. 1968, p. 19.
30. BROWN A. C. Op. cit., p. 157—158.
31. См.: ROBERTS W. R. Tito, Mihailovic and the Allies. 1941—1945. New Brunswick. 1973; TOMASEVICH J. The Chetniks. War and Revolution in Yugoslavia, 1941—1945. Stanford (California). 1975; WOLFF R. The Balkans in Our Time. Cambridge (Mass). 1956, p. 201—232.
32. ГОРОДЕЦКИЙ Г. Ук. соч., с. 193; FOTITCH A. C. Op. cit., p. 58—59.

Социальная работа в России в конце XIX — начале XX века

В. В. Тевлина

История отечественной социальной работы как профессии, теория и практика государственного, общественного и частного призрения и благотворительности конца XIX — начала XX в., формирование системы подготовки кадров, разработка теоретических, научных и организационных основ образовательной деятельности в области социальной работы в России до сих пор не были предметом детального изучения ¹.

Лишь в 1990-е годы в нашей стране впервые были начаты исследования по теории и технологии социальной работы, о месте, роли и профессиональной деятельности социального работника в обществе, формах, методах и путях работы с различными категориями населения.

Появились также статьи, учебные пособия и учебники по истории социальной работы в России, затрагивающие вопросы благотворительности, меценатства, государственного призрения, деятельности отдельных, ранее не известных благотворителей из числа царственных особ, князей, купцов, предпринимателей в период XIX—XX веков.

Предметом внимания ученых в последние годы становится и процесс подготовки социальных работников, особенности формирования специалиста в системе профессионального обучения и воспитания ². Проблемы подготовки специалистов в области социальной работы для различных сфер также стали находить свое отражение в отечественных изданиях ³.

Авторы большинства исследований основное внимание уделяют истории и современному состоянию самой социальной работы, формированию кадровой политики в последнее десятилетие XX в., лишь в общих чертах касаясь развития системы подготовки социальных работников до 1991 года. Между тем, как социальная работа, так и подготовка кадров специалистов по социальной работе имеют свою историю. Определенная сложность в ее изучении и анализе заключается в том, что до 1991 г. терминов «социальная работа» и «социальный работник» в стране не существовало, хотя уже во второй половине XIX — начале XX в. профессия социального работника, имеющая различные формы, названия и направленная деятельность, была известна в России.

Во второй половине XIX в. в стране появляются члены благотворительных общественных организаций, обществ и попечительств, представители различных профессиональных групп, волонтеры-добровольцы, работ-

Тевлина Виктория Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент Северного государственного медицинского университета, г. Архангельск.

ники социальных учреждений, которые выполняли функции социальных работников. Так, в 1844 г. в Санкт-Петербурге впервые в Европе принцессой Терезой, дочерью великой княгини Елены Павловны, была создана женская Никольская община, начавшая подготовку палатных сестер милосердия. Десять лет спустя, когда возникла необходимость оказания помощи раненым и увечным воинам Крымской войны, была образована Кресто-Воздвиженская община, которая начала готовить сестер милосердия для оказания раненым помощи на полях сражений.

Пример бескорыстной деятельности сестер милосердия в годы Крымской войны побудил к созданию в 1867 г. Российского общества попечения о больных и раненых воинах, которое в 1879 г. было преобразовано в Российское общество Красного Креста. Кроме того, в 1860-е годы в большинстве губерний России активизировался процесс создания сети женских общин христианок-доброхоток, или сестер милосердия, вошедших в состав Российского общества Красного Креста. Как отмечает Ю. Н. Бураков, «к началу I Мировой войны было зарегистрировано более 100 общин, а к середине 1917 года в боевых порядках русской армии работало 30 тыс. сестер милосердия, 20 тыс. из которых вышли из епархиальных общин»⁴.

Деятельность общин не ограничивалась помощью раненым во время военных кампаний. В своих стенах общины открывали специализированные больницы, где четверть мест была всегда предназначена для бедных, содержали чадолюбивые приюты для сирот и детей из малообеспеченных семей, постоянно посещали нуждающихся в ночлежных и рабочих домах.

Отметим, что движение сестер милосердия оказало огромную помощь врачам и фельдшерам в лечении и выхаживании больных в различных ситуациях. Но не менее важным можно считать тот спектр медико-социальных, социально-психологических и даже социально-бытовых услуг, которые оказывали милосердные люди, объединившиеся в сплоченную организацию для того, чтобы помочь тяжело больным детям, инвалидам, престарелым людям. Практически члены общин сестер милосердия являлись истинными социальными работниками, готовыми позаботиться о благополучии отдельно взятого человека, реабилитировать и адаптировать его к окружающей среде.

С женских общин сестер милосердия начинается процесс становления социальной работы как профессиональной деятельности. Ведь все члены организации не просто являлись добровольцами, а проходили курс обучения по специально разработанной программе и только после получения соответствующего аттестата приступали к работе.

Так, в Александровской, Никольской, Покровской, Павловской и иных общинах в 1870—1890-е годы были разработаны пяти- и шестилетний планы обучения сестер, в которых тесно переплетались теория и практические занятия. Выделялось три ступени подготовки, отличающиеся по срокам, задачам и ожидаемым результатам, а также типу обучающихся. К первой относились кандидаты, у которых в течение двух лет непосредственной работы в больнице, приюте или ночлежном доме выявлялась способность работать с больными, определялось наличие качеств, необходимых в деле бескорыстной помощи нуждающимся.

После испытаний и положительного отзыва со стороны сестры-наставницы кандидатку аттестовали в сестры милосердия, в качестве которой она находилась от пяти до шести лет, совмещая теоретический специальный курс обучения с ежедневной практикой. Поскольку главным в деятельности общины была подготовка опытных сестер милосердия с медико-социальными знаниями и навыками ухода за больными и ранеными воинами, программа состояла из 14—16 предметов медицинского профиля, освоение которых давало возможность оказывать доврачебную первую помощь, выполнять функции медсестры в палате и операционной, а также пяти—семи дисциплин социального и религиозного характера, где прививались навыки по оказанию психологической поддержки, развитию повышенного чувства сострадания и самопожертвования, отработывались технологии социально-бытовой помощи.

Сдавших экзамены и хорошо проявивших себя в работе сестер милосердия торжественно посвящали в крестовые сестры, тем самым наделяя их не только старшинством, но и ответственностью за честь и дела общины. Крестовые сестры пользовались уважением не только среди общинниц, но и среди больных и убогих — за их нравственную чистоту, сердечность и высокое профессиональное мастерство.

Постепенно при общинах стали открываться дополнительные учебные заведения медико-социального профиля. Так, при Александровской общине в Москве в 1878 г. появилось четырехклассное женское училище, выпускницы которого зачислялись в разряд кандидаток сестер милосердия. В училище принимались как девочки из приютов, открытых при общине, так и приходящие, родители которых могли заплатить за обучение от 50 до 200 руб. в год в зависимости от статей расходов. Ученицы аттестовывались только по достижении 16-летнего возраста. Основное число учениц становились сестрами милосердия. В 1895 г. община дополнительно организовала школу фельдшерниц и опытных сиделок⁵.

В 1912 г. при Московской общине «Утоли моя печали» была открыта городская школа сестер милосердия, которую возглавил известный врач В. М. Михайлов. Эта школа стала образцовым образовательным заведением, готовящим высоко квалифицированные кадры практически для всех больниц Москвы.

В период формирования основ профессионального обучения и деятельности в области социальной работы государством в лице Министерства внутренних дел была предпринята попытка ввести в штатное расписание каждой уездной больницы Приказа общественного призрения по одной сестре милосердия. В циркуляре МВД по этому поводу говорилось, что «знания сестер милосердия, подготовленных по специальной программе и получивших опыт практической деятельности в лазаретах в ходе русско-турецкой войны, в случае их невостребованности могут быть потеряны для общества, затратившего на их обучение большие усилия».

Однако повсеместного введения в лечебные учреждения на государственном уровне подготовленных специалистов медико-социального профиля не произошло. Причинами отказа губернаторов заменить работавших в больницах сиделок на сестер милосердия, которые могли бы выполнять ту же работу, но более квалифицированно и разносторонне, кроются прежде всего в крайне скудных средствах, которыми располагали местные бюджеты. По мнению губернских властей, содержание сестер милосердия общества Красного Креста обошлось бы местной казне в 3 раза дороже, чем зарплаты сиделки, кухарки и прачки при больнице вместе взятых. Кроме того, губернатор Архангельской губ. ссылаясь, например, на то, что при Архангельской больнице общественного призрения открыта повивальная школа, ученицы которой получают навыки ухода за больными в женских отделениях больницы⁶.

Можно сказать, что шанс, предоставленный для создания государственной медико-психолого-социальной профессиональной системы помощи и поддержки нуждающимся был не только упущен, но и воспринят достаточно негативно не желавшими менять сложившуюся кадровую политику в социальной сфере главами губернских властей.

Между тем, сестринское милосердное движение в стране развивалось и расширялось, становясь, таким образом, истинно общественным и все более профессиональным.

Одним из ведущих направлений деятельности общих сестер милосердия в начале XX в. оставалась социальная помощь и поддержка, оказываемые населению. При этом особое внимание уделялось беднейшим слоям, людям престарелым, больным хроническими заболеваниями, детям, обитателям трущоб. Кроме работы в открывшихся при общинах приютах, бесплатных столовых, богадельнях, больницах, сестры милосердия активно работали в различного рода социальных учреждениях и вне территории общины.

В годы первой мировой войны, несмотря на активное участие общин в оказании помощи раненым, обездоленным, в работе медицинских бригад

на переднем крае фронта, не прекращалась образовательная деятельность общества Красного Креста. Так, по данным отчета Никольской общины, в Москве в 1914—1915 гг. продолжали обучение все пять курсов сестер милосердия. Экзамен выдержали 1042 сестры, из них 90% уже обучались на базе среднего и высшего образования. В другой общине, Александровской, в 1914 г. было подготовлено 400 сестер милосердия для фронта и тыла ⁷.

Деятельность общин сестер милосердия Российского общества Красного Креста напрямую решила задачи социальной поддержки и помощи населению, став своеобразным полигоном для разработки, внедрения и анализа учебно-практических технологий медико-социальной, социально-психологической и педагогической направленности. Сами же члены общественной благотворительной организации не только взяли на себя функции социальных работников, но и стремились учиться и одними из первых профессионально выполнять эту сложную работу.

Подобным образом стали действовать после проведения в России земской реформы 1864 г. земские уполномоченные по призрению слепых, бедных, беспризорных детей, безродных и бездомных людей пожилого возраста, а также земские врачи и учителя.

Отметим, что работа земств и городских дум относилась, главным образом, к сфере социального благоустройства нищих и нетрудоспособных и была провозглашена в этом направлении общественным делом. Это было необходимо и своевременно в условиях стремительного утверждения рыночных отношений со всеми соответствующими последствиями: аграрным перенаселением, распадом традиционного крестьянского уклада, безработицей, ростом числа городов и т. д. Деятельность была направлена не только на смягчение последствий этих явлений, но и на предупреждение их. Реально широкий и многогранный характер это нашло в народном образовании, медицинском обслуживании, санитарной службе, снабжении населения продовольствием.

Безусловно важным вкладом в изменение облика российской деревни стало создание земской системы медицинского обслуживания населения, практически отсутствовавшей в провинции. Эта сфера деятельности поглощала 25% земского бюджета в 1913 г. и включала в себя развитие стационарных центров медицинской помощи — земских участковых врачей (от 3 до 20 на уезд) с амбулаториями, больницами, фельдшерскими и акушерскими курсами. Земские врачи впервые в России начали проводить профилактическую работу: массовые вакцинации, санитарный надзор, борьбу с распространением заразных болезней. За счет этой работы заметно снизилась смертность населения: в 1867 г. умирали 37 человек из тысячи, в 1887 г. — 34, в 1907 — 28, а в 1917 — 27 из тысячи ⁸.

Конечно, и в данной сфере усилия земств не смогли преодолеть огромного отставания России в деле создания современной системы медицинского обслуживания населения. Но сама практика организации земской медицинской службы как общественной и негосударственной имела большое значение для жителей села.

Значительных по тем временам успехов в медицинском обслуживании населения достигли и городские органы самоуправления. Повсеместно велось больничное строительство, совершенствовались старые медицинские учреждения, ширилась сеть амбулаторий и приемных пунктов. Появились первые специализированные санатории и лечебницы для туберкулезных больных, грудных детей.

Несмотря на зримые достижения в этой области медицинскую помощь могли получить только больные с острыми или инфекционными заболеваниями. Хронических больных было в десятки раз больше, чем могли вместить койки в больнице. Земские и городские врачи нашли выход в так называемом «посемейном призрении больных», или патронаже. Можно привести пример такого рода деятельности, имевший место в Москве и Московской губ. и характерной для многих других регионов. «Преображенская больница имеет свой патронаж психически больных, — писал современник. Здесь тихие больные размещаются по семьям с платою от

больницы за содержание. Они находятся под постоянным наблюдением врача и фельдшеров, посещающих их на дому. На 1 января 1913 г. в патронаже находилось 799 душевнобольных и 461 соматических пациентов»⁹.

Для организации и проведения медико-социальной работы функционировала система профессиональной подготовки. С конца XIX в., кроме университетов в Москве и Санкт-Петербурге, которые в небольшом количестве готовили врачей, появляются так называемые школьные фельдшеры, которые прошли курс медицинского обучения в фельдшерских школах по специальной программе, разработанной и утвержденной медицинским советом в 1872 г., дополненной в 1897 г. и 1903 году. Естественно, что 2/3 предметов, преподаваемых в школе, имело медицинскую направленность, и лишь фрагментарно в курсах религиоведения, ухода за больными, психологии давались основы по социальной работе с больными.

Большую часть социальных знаний и умений специалист медицинского профиля получал на практике, поскольку вынужден был брать на себя, помимо медицинских, решение социально-психологических и социально-бытовых вопросов, возникающих у людей. Кроме того, на тот период времени, земские врачи и фельдшеры являлись, как и учителя, наиболее квалифицированными и компетентными людьми в решении социальных вопросов. Как отмечал в своей речи на II Международном конгрессе по вопросам общественного и частного призрения в 1910 г. помощник министра внутренних дел И. И. Петров, «задачи врача становятся все шире, в осуществлении их он сталкивается не с одним аптекарем, а со всей окружающей жизнью, в условиях которой коренится источник большинства наших заболеваний. Врач должен бороться с этими условиями, меняя и облегчая их. Но один в поле не воин. В помощь медицинскому персоналу должен быть создан, и чем скорее, тем лучше, многочисленный контингент сестер милосердия, способных проводить в жизнь основные требования санитарии и обеспечить у постели больного выполнение требований научной медицины»¹⁰. Практически речь шла и о той социальной миссии, которую были призваны выполнять появляющиеся профессионалы.

Для содержания и развития институтов общественного призрения, существовавших в Российской империи (воспитательных домов, приютов, богаделен), земствами и городскими думами расходовался 1% средств. Известно, что нуждающихся в призрении лиц в земских губерниях в 1913 г. было 1,5 млн человек, а расходы на их содержание, обучение, лечение составили 318 млн руб. в год¹¹.

Кроме традиционных типов учреждений, земства развернули инновационные формы индивидуальной помощи адаптационного характера. К ним можно отнести организацию юридических консультаций, появление земских агрономов.

Наблюдалось стремление внедрить на селе открытые формы призрения, используя любую возможность оставить призреваемого в кругу семьи. Особенно творческой в этом направлении была деятельность земских психиатров, которым удалось в начале XX в. создать несколько поселков для семей, имевших душевнобольных родственников. Так, Буратовская колония в Тверской губ. под руководством доктора Литвинова, поселения в Нижнем Новгороде, Москве во главе с земским врачом П. Кащенко показали эффективность такого гуманного подхода, основанного на методах привлечения больных к труду, арт-терапии, социальной защищенности в сочетании с лечением. Земства открывали приюты для слепых, глухонемых, парализованных людей, искали приемных родителей для детей-сирот, организовывали приюты для престарелых.

В городах, подвергнувшихся натиску новых экономических отношений наиболее зримо, власти старались снизить социальное напряжение путем распространения разных форм «трудовой помощи» как среди взрослых, так и среди детей. Это означало создание бюро для поиска работы и бирж труда в начале 1913 г., открытие домов трудолюбия, общественные работы. Началось строительство ночлежных домов и дешевых квартир, на которые, как правило, давали деньги благотворители и благотворительные общества.

Итак, социальную работу и функции работников выполняли в стране к началу XX в. представители наиболее организованных и мощных общественных организаций, таких, как Красный Крест, земские уполномоченные по призрению слепых, бедных, беспризорных детей, безродных и бездомных людей пожилого возраста, земские врачи и учителя. В первоначальный период своей деятельности они работали, опираясь на свой жизненный опыт и имеющиеся знания в медицинской или педагогической области, которые они получали после окончания соответствующих высших, средних учебных заведений или общественных курсов.

В процессе обучения специалисты изучали ряд предметов, дающих представление о медико-социальной работе с населением, социально-психологической и социально-педагогической деятельности, осуществлении социально-бытовой помощи. Информацию, полученную в годы учебы, они активно использовали при организации своей работы, которая, бесспорно, имела комплексную направленность и была немыслима без выполнения социальной миссии.

Однако решение сложных социальных проблем — нищенства, безработицы, беспризорности, инвалидности — требовало от «функционеров» и добровольных помощников-благотворителей как достаточного количества времени для выполнения своих обязанностей, так и наличия определенных знаний и умений.

Между тем, вплоть до 1910 г. вопрос о подготовке профессиональных социальных работников не поднимался на государственном уровне. Хотя многие проблемы в области общественного призрения оставались нерешенными, никто не думал и не говорил о кадровой политике в социальной сфере. Акцент делался, главным образом, на помощь родственников и самопомощь в трудных жизненных ситуациях.

Как поставить дело благотворительности на прочную основу, как обязать родственников и граждан нести ответственность за неоказание социальной помощи без участия профессионалов, — эти и другие вопросы пытались обсудить члены Московского городского благотворительного совета на Всероссийском съезде по вопросам общественного призрения в 1902 году. Однако Министерство внутренних дел запретило проведение съезда, посчитав «крайне нежелательным собирать по совершенно безобидному вопросу представителей всего государства, где могли бы возникнуть политические вопросы, крайне нежелательные для государства»¹². Кроме того, несмотря на активность, разносторонность деятельности благотворительных организаций, это еще раз подтверждало то, что призрение оставалось делом общественности, и не было приоритетной государственной политикой даже в условиях крайне нестабильной социально-экономической ситуации начала 1900-х годов.

Ситуация в организации профессиональной социальной деятельности и обучение социальной работе начинает существенно меняться в 1909—1917 годах.

Так, чтобы скоординировать работу системы социального призрения, «упорядочить и объединить благотворительное движение в стране», которое все активнее разрасталось, а также впервые поставить вопрос о поддержке профессионалов для выполнения социальной работы, в 1909 г. региональные отделения благотворительных обществ, занимавшиеся различными видами помощи, начиная от борьбы с детской смертностью, алкоголизмом и кончая поддержкой деятелей науки, впервые в России объединялись в профессиональное общество — Всероссийский союз учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению. Цель этого союза была выражена его лидером С. К. Гогелем: «Союз направляет свою деятельность на упорядочение и объединение благотворительной деятельности во всей России»¹³.

Через год после образования союза был созван Первый съезд русских деятелей по общественному и частному призрению, который обсудил ряд важнейших проблем. Одна из них — определение типологии нуждающихся, где в качестве критериев выдвигались не нравственно-этические принципы,

а естественно-научные, связанные с вопросами социального здоровья человека. Иными словами, создается представление о необходимости помогать любому клиенту с различными патологиями, исходя из социального положения человека и путей его адресной поддержки.

Кроме того, был поднят вопрос о появлении в 1900-е годы множества благотворительных организаций и обществ, которые действуют непрофессионально и привлекают к социальной работе неподготовленных людей. «Действительно, — как отмечалось современниками, — для расследования нравственного воздействия и опеки над нуждающимся, пока он не встанет на ноги, нужно громадное число деятелей-добровольцев. Но этого мало. Необходимы профессионалы, специально обученные и подготовленные для работы с теми или иными клиентами»¹⁴.

Практически одновременно с Первым съездом русских деятелей по общественному и частному призрению проблемы подготовки кадров обсуждались в Копенгагене во дворце датского парламента, где на V Международный конгресс по вопросам общественного и частного призрения собрались представители 12 государств¹⁵. Наряду с представителями из Германии, Англии, Швеции, Франции, Норвегии и других стран в работе конгресса принимала участие и делегация из России, состоящая из восьми человек и возглавляемая управляющим отделом народного здоровья и общественного призрения в Главном управлении по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел, статским советником Г. Г. Витте. В повестке дня конгресса стояло четыре вопроса: уход за больными в деревнях, призрение иностранцев, роль женщин в деле призрения, призрение вдов и сирот.

В итоговой резолюции конгресса, в частности, отмечалось, что правительства всех стран-участниц должны обратить внимание и оказать всяческое содействие в организации всесторонней заботы и помощи беднейшим, больным, вдовам и сиротам, которые должны осуществляться научно подготовленными хозяевами, особыми посетительницами или попечительницами бедных. Кроме того, было подчеркнуто, что необходимо наладить систему «правильно подготовленных хозяев», предоставив им возможность обучения в особых школах общественного призрения с получением диплома «попечительницы». Обучение должно осуществляться на базе среднего или высшего образования. При этом нужно точно определить необходимые требования, условия исполнения обязанностей, программу спецподготовки. Следует также посредством государственных экзаменов удостовериться в успешном прохождении курса.

Речь на конгрессе шла и о поддержке общественных благотворительных организаций, которые готовят и содержат кадры, заботящиеся об уходе за больными, о гигиене, чистоте в их доме и социальной поддержке людей.

Практически сразу после завершения работы международного и российского форумов реальным воплощением поднятых вопросов стало появление при частном психоневрологическом институте в Санкт-Петербурге научно-исследовательской лаборатории «Общественное призрение», в рамках которой впервые в России началась разработка программ подготовки будущих специалистов в области общественного призрения. Среди дисциплин образовательного цикла предполагалось ввести социологию, политическую экономию, общественную гигиену, психиатрию, педагогику. Можно было также говорить и о планах по определению специализации в области общественного призрения.

Кроме того, в течение 1913—1917 гг. на юридическом факультете Психоневрологического института в учебный план были постепенно введены курсы социологии, общественного призрения, истории социальных учреждений, социальной психологии, месте общественных союзов и др. Интересной представляется попытка организации под крышей института учебно-вспомогательных учреждений для проверки знаний и отработки практических умений студентов, выпускников и самих преподавателей. Среди таких учреждений, необходимость которых стала все более очевидна после начала первой мировой войны, можно назвать вспомогательную школу для отстающих детей, школу для глухонемых детей, приют-ясли для умственно отста-

лых детей родителей, призванных на войну, педологический институт, четыре лазарета для раненых воинов и инвалидов, пришедших с фронта, клинику нервных и душевных болезней¹⁶.

После Первого Съезда русских деятелей по общественному и частному призрению при благотворительных обществах и земских управах начали организовываться различные курсы сроком от нескольких месяцев до одного года, где обучение проходили люди, работающие в данной организации. Особое внимание обращалось на подготовку специалистов для работы с молодежью, правонарушителями и беспризорными. На курсах читались лекции по истории образования, праву, социально-педагогической деятельности, регулированию общественного и народного образования и др. В рамках Петроградских сельскохозяйственных курсов были прочитаны лекции и намечен план обследования всех призреваемых семей по заранее составленным анкетам. Однако, из-за недостатка времени у большинства слушателей, а также из-за «их низкого уровня профессионализма», как отмечалось в отчете, работу выполнить до конца так и не удалось.

Вопрос об актуальности подготовки персонала для социальных учреждений был поднят в конце 1915 г. в докладе Комиссии по разработке вопроса об организации трудовых приютов для детей-сирот увечных и павших воинов в условиях сельской местности.

«Клич о подготовке таких людей — клич всего мира, — говорилось далее. — За границей всякое общественное дело начинается с этого, и наша российская отсталость в значительной доле объясняется тем, что у нас везде любители, у нас полный недостаток подготовленного персонала. Поэтому представляется существенно необходимым, чтобы государством были приняты шаги к подготовке персонала руководителей проектируемых пунктов. Необходимо устройство курсов, которые знакомили бы с теоретическими идеями в области научных дисциплин, связанных с вопросами воспитания, социальной педагогики, знакомили бы с существующими учреждениями и с той практической работой, которая в этом направлении ведется»¹⁷.

Придавая, таким образом, весьма существенное значение вопросу о поддержке специально обученного персонала, комиссия учитывала те обстоятельства, что повсеместное учреждение приютов должно быть осуществлено в короткие сроки, что было вызвано насущной нуждой сирот увечных и павших воинов. Обоснованные идеи комиссии нашли отражение и в постановлении Губернского совещания по вопросам общественного призрения, созданного Московской губернской Земской управой 15—16 января 1916 г., где прозвучало предложение об организации правильной подготовки воспитательного персонала, занимающегося призреванием детей, трудовой помощью увечным воинам путем устройства специальных курсов¹⁸.

Нестабильная социально-экономическая ситуация в конце XIX — начале XX в. и усугубившаяся социальная обстановка с началом первой мировой войны потребовали как от Российской империи, так и от других государств более четкой постановки вопроса о проведении социальной работы на профессиональном уровне, появлении профессии социального работника, организации обучения. Этого требовало общественное призрение и благотворительность, претерпевшие качественные изменения и перешедшие к новым принципам организации и деятельности обществ и учреждений, количество которых активно росло благодаря децентрализации управления и развитию местного самоуправления.

На первый план выдвинулось «открытое призрение», особое внимание стали уделять трудовой помощи, патронажу, профессиональному обучению и переобучению при поиске работы, воспитанию и образованию, медицинскому обслуживанию, снабжению жильем.

Процесс становления профессии в России в начале XX в. носил, скорее, общественно-благотворительный, нежели государственный характер и не смог сформироваться в систему подготовки социальных работников на базе высших или средних учебных заведений, как это уже происходило в Англии, Германии и Швеции.

Тем не менее, можно сказать, что к 1917 г. в России сформировались предпосылки и основы для профессионального обучения и деятельности в области социальной работы с системой институтов социальной помощи и поддержки различных категорий населения, программами профессиональной подготовки, первыми учебными курсами на базе столичных институтов, благотворительных организаций, обществ и отдельных учреждений, а также были сделаны попытки создания научно-исследовательских лабораторий и групп, проводивших анкетирование, опросы граждан по различным социальным вопросам с последующим анализом полученных данных, разрабатывающих методические материалы и стратегические подходы в деле научного исследования социального состояния общества.

Примечания

1. В России социальная работа как профессия существует лишь с 1991 г., когда в Постановлении Госкомтруда СССР от 23 апреля 1991 г. № 92 в квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих была внесена должность и квалификационная характеристика «социального работника» и «специалиста по социальной работе». В качестве специальности социальная работа была открыта приказом Госкомобразования СССР от 7 августа 1991 г. № 376 «Об открытии специальности «социальная работа».
2. БОЧАРОВА В. Г. Педагогика социальной работы. М. 1994; ЛАВРЕНЕНКО И. М. Государственная социальная политика Рос. Федерации: опыт и проблемы трансформации (80-е — I пол. 90-х гг. XX столетия). Автореф. докт. дисс. М. 2000; НИКИТИН В. А. Направления и проблемы совершенствования государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования в области социальной работы. В кн.: Социальная работа: опыт и проблемы подготовки специалистов. М. 1997; ЖУКОВ В. И. Социальное образование в России. Доклад на годичном собрании Академии социального образования 16 июня 1998 г. М. 1998; его же. Высшая школа России: исторические и современные сюжеты. М. 2000; ТЕТЕРСКИЙ С. В. Введение в социальную работу. М. 2000.; КУЛИЧЕНКО Р. М. Социальная работа и подготовка социальных работников в современной России. Тамбов. 1997.
3. МАРТЫНЕНКО А. В. Подготовка по социальной работе в медицинском вузе. М. 1996; ВЯЗЬМИН А. М., БАННИКОВА Р. В. Опыт подготовки специалистов по социальной работе на базе медицинского вуза. VI Международный Соловецкий форум «Социальная работа и социальное управление». Архангельск. 1994; ЩЕПИН О. П. О современных проблемах и развитии здравоохранения в России. — Проблемы социальной гигиены и истории медицины, 1995, № 1; ПАНОВ А. М. Социальная работа как наука: обоснование и структура. В кн.: Проблемы социальной работы в России. Материалы I национальной конференции. М. 1995; ЗИМНЯЯ И. А. Социология личности — наука о социальной работе (к постановке проблемы формирования новой отрасли научного знания). — Социальная работа, 1992, Вып. 5; СОРОЧИНСКАЯ Е. Н. Теория и практика подготовки соц. педагогов детско-юношеских объединений. Автореф. докт. дисс. М. 1996; КЛИМЕНКО И. Ю. Социально-педагогические условия профессионального становления социального работника (на опыте Заполярья). Автореф. канд. дисс. М. 1997; БЕЛИЧЕВА С. А. Основы превентивной психологии. М. 1994.
4. БУРАКОВ Ю. Н. Утоли моя печали. — Наука и религия, 1991, № 10, с. 46—51.
5. Там же, с. 47, 48.
6. Государственный архив Архангельской области, ф. 43, оп. 2, д. 1321, л. 1—5.
7. БЛОХИНА Н. Н. Московские общины сестер милосердия в XIX — начале XX в. — Проблемы социальной гигиены и история медицины, 1997, № 5, с. 52.
8. Исторический опыт социальной работы в России. М. 1994, с. 39.
9. Там же, с. 40.
10. АНДЕРКАС О. К. Международные конгрессы по общественному и частному призрению в Копенгагене и по семейному воспитанию в Брюсселе. СПб. 1911, с. 21, 31.
11. Исторический опыт социальной работы в России, с. 40.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1287, оп. 19, д. 2461, л. 1—2.
13. Речь С. К. Гогеля на открытии союза в кн.: Труды I съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. СПб. 1910, с. 1.
14. Там же, с. 10—11, 601.
15. АНДЕРКАС О. К. Ук. соч., с. 1.
16. РГИА, ф. 733, оп. 226, д. 173, л. 7; ф. 733, оп. 226, д. 166, л. 5.
17. Курсы для подготовки заведующих отделами народного образования при земских управах в 1916—1917 гг. Пгтр. 1917, с. 1; Отчет 14 Земского попечительства за 1 янв. — 1 сент. 1915 г. Пгтр. 1916, с. 2, 49.
18. Деятельность благотворительных организаций в губернии за 1913 и 1914 гг. по данным анкеты. М. 1916, с. 110.

К вопросу о библеизмах в древнерусском летописании

А. М. Ранчин, А. В. Лаушкин

Стремление к изучению древнерусских летописей с точки зрения их соотносительности со Священным Писанием отличает работы многих отечественных медиевистов — историков, антропологов, литературоведов (В. Н. Топорова, Б. А. Успенского, В. М. Живова, В. Я. Петрухина, Н. С. Борисова, А. Н. Ужанкова и др.). Заметное явление в этом ряду — работы И. Н. Данилевского¹, который во многом и сделал данный подход предметом научной рефлексии, очертив трудности, с которыми сталкивается интерпретатор русских средневековых текстов. По его словам, «с одной стороны, понять как следует содержание информации источника можно лишь после уяснения его общего смысла, с другой же стороны, понять цель создания источника, его социальные функции и основную идею можно, только выяснив, о чем, собственно, говорит его автор»². (Описанная трудность составляет проблему, обозначенную в герменевтике выражением-термином «герменевтический круг»³). Главным средством выхода за пределы этого круга Данилевский считает анализ литературных форм, через которые «следует восстановить актуальное для... автора и потенциальных читателей содержание отдельных сообщений, памятника в целом, а уже тогда пытаться вычленив базовую идею, вызвавшую к жизни данное произведение». Исходя из презумпции о религиозном характере всей древнерусской словесности (в том числе и летописания), Данилевский видит одной из задач исследователя обнаружение параллелей с событиями Священного Писания, при этом он отказывается от традиционных критериев текстуального сходства и говорит «о принципиально ином уровне текстологических параллелей, доказательство которых должно быть достаточно строгим, хотя и не основываться на буквальных повторах»⁴.

Презумпция религиозного содержания древнерусской словесности (равно как и мысль, что значимые параллели летописных фрагментов с библейскими сказаниями совершенно необязательно должны иметь вид точных цитат) не вызывает сомнения. Такой взгляд принят в современной науке. Древнерусская словесность была ориентирована на библейские образцы, при этом архетипические мотивы и ситуации из Священного Писания выполняли в древнерусских текстах роль «тематических ключей»⁵. «Библия, можно сказать, служила моделью восприятия мира... соотношение

Ранчин Андрей Михайлович — доктор филологических наук, доцент Московского государственного университета; *Лаушкин Алексей Владимирович* — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета.

с библейскими событиями определяло вообще достоверность, подлинность происходившего»⁶.

Плодотворность этого взгляда засвидетельствована и работами самого И. Н. Данилевского, в которых, в частности, проанализированы параллели в Повести временных лет (ПВЛ): «Владимир Святославич — царь Соломон», «одоление юношей кожемякой печенежина — победа Давида над Голиафом». Очень интересно толкование сказания о хазарской дани: обоюдоострые мечи, которые хазары получают как дань с полян и в которых «старцы козарьстии» видят свидетельство будущей победы полян, интерпретированы Данилевским в свете библейских параллелей как указание на богоизбранность народа. Ценность и справедливость этих и некоторых других истолкований общепризнанна. Однако увлечение данным подходом сослужило исследователю плохую службу, введя в искушение искать библейские прообразы едва ли не для любого летописного сюжета.

«Традиционный» интерпретационный подход, представителем и идеологом которого Данилевский считает Д. С. Лихачева, вызывает у него острую критику. Полемизируя с мыслью Лихачева о «литературном этикете» как эстетической основе устойчивых стилистических формул в древнерусской книжности, Данилевский настаивает на библейском происхождении этого феномена: древнерусские книжники повторяют выражения и речевые обороты, восходящие к Священному Писанию и апокрифам, и эти повторы предназначены для уподобления описываемых событий библейским образцам или событиям эсхатологическим⁷.

В отдельных случаях это объяснение оправданно, но оно не опровергает идеи о «литературном этикете». Прежде всего, далеко не все устойчивые формулы в древнерусских текстах имеют библейское происхождение. Нет библейского источника у ряда «воинских формул». Формула, характеризующая святого в древнерусской агиографии, начиная со «Сказания о Борисе и Глебе»⁸ и «Жития Феодосия Печерского»⁹, — «земной ангел и небесный человек» — восходит к переводному «Житию Саввы Освященного», написанному Кириллом Скифопольским¹⁰, а не к Библии. Причем в древнерусской агиографии эта формула оторвалась от своего исходного контекста и воспринимается не как цитата (значимое вкрапление «чужого» текста), а как нефункциональное заимствование¹¹, «общее место» житийного стиля. Что же касается стилистических формул, восходящих к Библии, то и они (точнее часть из них) могут быть объяснены как пример «литературного этикета». Так, совершенно необязательно «библейская» поэтика в том или ином летописном фрагменте должна уподобить изображенное летописцем событие архетипу из Священного Писания: «библейский» стиль может применяться только как набор устойчивых словесных формул, не отсылающих непосредственно к Писанию.

Нельзя не согласиться с тем, что критерием обнаружения соотнесенности между Священным Писанием и летописью не может быть точность цитирования¹². Но при этом для того, чтобы говорить о сознательном обращении автора к Писанию, в тексте должен быть либо некий указатель библейского кода, метатекстовый элемент, указывающий на соотнесенность с Библией (отсылка, указание на источник), либо соотнесенность с библейским архетипом должна прослеживаться как минимум в двух различных элементах интерпретируемого произведения. Мотивы и ситуации из Священного Писания должны входить в глубинную структуру древнерусского текста, соответствовать его теме и идее. Таким образом, из верного тезиса о проекции событий, запечатленных в летописании, на события Священной истории, еще не следует, что эта связь носит тотальный характер (как это часто получается в истолковании Данилевского). Летописное повествование далеко не всегда строится как развертывание мотивов из Писания. Но даже при наличии такой соотнесенности совершенно не очевидно, что для древнерусского текста значимы отсылки именно к тем фрагментам Библии, которые называет интерпретатор.

Когда критерием соотнесенности является только совпадение отдельных слов или оборотов в летописи и библейских книгах (а такие случаи

у И. Н. Данилевского весьма часты), сопоставительный анализ уязвим особенно: в Писании могут быть найдены и другие соответствия. (Тем более, что древнерусские тексты Данилевский сравнивает с переводом Священного Писания на современный русский язык, что из-за большого числа локальных различий между переводом и церковнославянскими текстами Библии является серьезным изъяном сопоставительного анализа.) Попытки раскрыть одинокие «микроцитаты» из Библии — на уровне одного-двух слов — таят для исследователя летописи и другую опасность. Не всегда учитывается, что эти «микроцитаты» могли уже давно оторваться от библейского контекста и их использование, следовательно, не является сознательной отсылкой к тому или иному месту Священного Писания. Оборотами, почерпнутыми из Библии, полна церковная служба, сочинения христианских авторов, проникают они и в живую речь христиан, превращаясь в поговорки и присловья. Понятно, что восстановить путь попадания такой цитаты в исследуемый текст, а значит, дать корректную трактовку этому текстологическому факту, крайне трудно.

Впрочем, в некоторых случаях именно о «небиблейском» происхождении того или иного библейского выражения в тексте можно говорить с достаточной долей уверенности.

Анализируя известие ПВЛ о Любечском съезде под 6605/1097 г., Данилевский попытался пересмотреть традиционный в литературе взгляд на оборот «отселе имемся въ едино сердце»¹³ как на взаимный призыв князей к единству. По мнению Данилевского, «оборот «единое сердце» не выдуман летописцем, а заимствован им из Библии. «Единое сердце» — Божий дар народам Иудей, которым отдана земля Израилева. Этот дар сделан им, «чтоб исполнить повеление царя и князей, по слову Господню», «чтобы они ходили по заповедям Моим, и соблюдали уставы Мои, и выполняли их; и будут Моим народом, а Я буду их Богом»» (2 Пар. 30:12; Иез. 11:19—20). И далее: «При таком понимании смысла выражений, в которых зафиксированы результаты княжеских переговоров, яснее становятся результаты Любечского «снима» 1097 года. Залогом мирного «устроенья» стало «держание» (правление, соблюдение) каждым князем своей «отчины»... При этом, видимо, подразумевалось, что каждый из них будет «ходить по заповедям» Господним и соблюдать Его «уставы», не нарушая «межи ближнего своего»»¹⁴. Таким образом, предлагаемый Данилевским взгляд на летописное известие серьезно меняет смысл последнего: исчезает идея единства князей, а на ее место приходит почти что буржуазный принцип уважения частной собственности, освящаемый авторитетом Священного Писания. Насколько такой взгляд оправдан?

Прежде всего следует указать на весьма произвольную трактовку библейских текстов. В 30-й главе Второй книги Паралипоменон речь идет о том, как после восстановления богопочитания иудейский царь Езекия вместе со своими князьями решил восстановить и празднование Пасхи, для чего послал «во весь Израиль» ко всем людям «да придут сотворити Пасху Господу Богу Израилеву во Иерусалиме». Однако многие не пожелали сделать этого. И тогда «бысть рука Господня дати имъ сердце едино прийти, еже сотворити по повелению цареву и князей». Таким образом, Бог сам объединил людей для выполнения благочестивого повеления правителей. И если летописец и вправду хотел намекнуть читателю на это чтение Второй книги Паралипоменон — не самой популярной, надо сказать, в христианском обиходе — то смысл этого намек мог быть только один: «сердце едино» — это дарованное Богом единство всех людей Израиля. Не в меньшей степени идея единства народа отличает и процитированный И. Н. Данилевским фрагмент Книги пророка Иезекииля. В нем Господь обещает собрать остаток рассеянных людей дома Израилева, вернуть им их землю. Причем в церковнославянском переводе Бог намеревается даровать своим людям не «единое сердце», а «сердце ино»¹⁵ — полотняное вместо каменного. Есть и еще одно место в Писании, не указанное Данилевским, где используется разбираемый оборот. Обнаруживается он в одной из самых ходовых книг Библии — Деяниях святых Апостолов. Смысл оборота

однозначен и находится в полном противоречии с предложенной Данилевским трактовкой: «Народу же веровавшему бе сердце и душа едина, и ни единъ же что от имени своихъ глаголаше свое быти, но бяху имъ вся общя» (Деян. 4:32).

Впрочем, как ни заманчиво усилить известие о Любечском съезде только что приведенной библейской параллелью, приходится признать, что, скорее всего, источником оборота в летописи была вовсе не Библия. Выражение «едином сердцем» ежедневно звучит в каждом храме, в котором совершается литургия. Причем произносит его священник в одном из самых напряженных и важных мест службы — в конце Евхаристического канона, испрашивая у Бога единения всех присутствующих в молитве перед приобщением Святых Тайн: «И даждь нам едиными усты и едином сердцем славити и воспевати Пречестное и Великолепое Имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков». Этот оборот был «на слуху» у каждого церковного человека и порождал не столько библейские, сколько евхаристические ассоциации.

Еще один пример того же рода — интерпретация известия ПВЛ о братьях Кие, Щеке и Хориве. И. Н. Данилевский видит в имени Хорива аллюзию на Священное Писание, в котором упоминается гора Хорив — отрог Синая. По его мысли, летописец, указывающий, что имя Хорива связано с киевской горой Хоревницей¹⁶, включил в летописный текст аллюзию на Библию: «уже само упоминание имени третьего из легендарных братьев, построивших Киев, вполне может рассматриваться как намек на библейский Синай»¹⁷. Такое заключение предстает весьма необоснованным.

Особая отмеченность Киевских гор в ПВЛ несомненна: их благословил апостол Андрей, они, населенные «кроткими» полянами, противопоставлены низине (лесу), где обитают древляне, не ведающие нравственного закона. Не исключена и соотнесенность Киевских гор со священными горами Палестины, хотя семантика гор, вероятно, имеет и дохристианские истоки¹⁸. Однако библейской параллели к имени Хорива у летописца нет, а имена двух старших братьев (один из которых, Кий — центральный персонаж этого сказания) никак не соотнесены с библейской ономастикой. Вполне возможно, что имя Хорива производно от горы Хоревца, чье название сходно с именем синайской горы Хорив. Топоним «Хоревца» отражает, возможно, присутствие еврейской, иудео-хазарской общины в Киеве, однако для летописца эта связь киевского урочища с палестинской горой осталась незамеченной¹⁹.

Встречается в работах И. Н. Данилевского и такой случай, когда для истолкования древнерусского текста, действительно соотнесенного со Священным Писанием, выбран не тот библейский лейтмотив. По предположению Данилевского (поддержанному А. Л. Юргановым²⁰), в «Повести об убиении Андрея Боголюбского» содержится тайный подтекст. В этой «Повести», как известно, неверно указана отрубленная рука князя: вместо левой, которая пострадала на самом деле²¹, в ней фигурирует правая («десная») ²². На соответствующей же миниатюре Радзивилловской летописи отрубленная рука изображена правильно²³. Отталкиваясь от этого, Данилевский полагает, что, «несомненно, автор «Повести» знал, какую именно руку отрубили убийцы», но сознательно отступил от истины, желая отослать читателя к евангельскому тексту: «если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя» (Мф. 5:30). «Каким же образом правая рука, — продолжает Данилевский, — могла «соблазнять» Андрея? Ответ можно найти в Апокалипсисе. Людям, поклоняющимся Антихристу, «положено будет начертание на правую руку» с именем «зверя» и числом имени его» (Откр. 13:16). Обратив затем внимание еще и на то, что характеристики Андрея в «Повести» и «зверя» в Апокалипсисе схожи (обладание великой властью, наличие смертельных ран, владение мечом), Данилевский делает вывод: «отсечение у Андрея Боголюбского (по «Повести») именно правой руки может вполне рассматриваться как осуждение его, если не как самого Антихриста, то, во всяком случае, как его слуги. На это же указывает и то, что, по словам автора «Повести», Андрей «кровью мученическою омылся

прегрешений своих», то есть мученический конец как бы искупил грехи (и, видимо, немалые!) князя»²⁴.

Если учесть, что пафос «Повести» заключается в доказательстве святости князя-страстотерпца, то предложенная Данилевским трактовка казуса с рукой (сравнение Андрея с известным персонажем Апокалипсиса или же с его подручным) создает ситуацию непримиримого конфликта между буквальным содержанием памятника и якобы заключенной в нем «тайнописью». Насколько такой взгляд оправдан?

Вначале следует отметить, что верное изображение отрубленной руки на миниатюре отнюдь не является достаточным доказательством того, что автор «Повести» точно знал, какую именно руку потерял князь, и, таким образом, нарочито искажал факты. (Тем более, что над памятником, возможно, трудился не один книжник, а несколько²⁵, и неизвестно, под пером которого из них появилось пресловутое указание на «десную» руку.) Автор (авторы?) памятника и миниатюрист не были современниками, причем последний работал в какой-то мере независимо от имевшегося в его распоряжении текста «Повести», на что указывает не только путаница с руками, но и изображение в числе убийц загадочной женщины, о которой «Повесть» ничего не знает. (Тут художник опирался, видимо, на устные рассказы о участии в заговоре против Андрея его жены, отразившиеся в некоторых поздних источниках²⁶.) Таким образом, судить об осведомленности автора «Повести» по осведомленности миниатюриста вряд ли корректно. Следует также учесть, что из данных обследования скелета Андрея Боголюбского вообще не ясно, была ли рука, серьезно поврежденная в нескольких местах, полностью отделена от туловища или нет. Если верно последнее, то «качество запоминаемости» этой детали должно было сильно снизиться. Вопрос о том, знал ли книжник доподлинно, какая рука у князя была изрублена (и в таком случае сознательно искажил истину или попросту ошибся), или же не знал (и вписал подробность о правой руке исходя из некой художественной логики образа), остается открытым.

Неудачной представляется и попытка связать указание на правую руку князя именно с названными местами Писания. В Библии правая рука упоминается неоднократно, и в сумме эти упоминания говорят лишь о том, что она в символическом плане считается важнее левой (что усиливается сквозным библейским образом правой руки Божьей — «десницы», которая выступает как орудие Его могущества). Возложение правой руки знаменует старшинство (Быт. 48:13—22), правая рука ритуально орошается кровью жертвы (Исх. 29:20; Лев. 8:23—24, 14:14, 25), она может быть полна мздоимства (Пс. 25:10), соблазнять (Мф. 5:30), подавать милостыню (Мф. 6:3), за нее Господь поддерживает человека (Пс. 72:23, 120:5; Ис. 41:13, 45:1), ведет Моисея из египетского плена (Ис. 63:12), на ней будет положено «начертание» «зверя» (Откр. 13:16) и др. В церковном обиходе правая рука как бы связывает человека с Богом. Именно ею творится крестное знамение, ею священник преподает благословение, причащает Святых Тайн. В некоторых древнейших русских чинах таинства миропомазания полагается наносить миро (ставить «печать Духа Святаго») лишь на одну руку — правую²⁷. Таким образом, само по себе упоминание об отсечении правой руки еще не ведет к Апокалипсису. Тем более что там речь идет о изображении на ней некоего знака, без которого нельзя будет «ни покупать, ни продавать», а в «Повести» — об ее отчленении. Аналогия тут не напрашивается. Скорее приходит в голову, что в разбираемом образе (отрубленной правой руки) можно увидеть обвинение убийц в вероломном стремлении двояко разоружить князя: и как христианина, которого держит за эту руку сам Господь и который ею творит крест — «орудие нашего спасения», и как воина, который более не может обороняться.

Однако допустим, что неточность с рукой все же не была следствием механической ошибки, а явилась сознательной или (скорее) подсознательной заменой. Как можно объяснить это?

Найти ответ помогает обращение к архетипическим особенностям повествований о князьях-страстотерпцах. Как известно, в таких повествованиях

на первый план выдвинут общий для агиографической литературы мотив хриstopодобия святого. Смерть правителя от рук убийц рассматривается как вольное подражание «страстям» Сына Божьего. У истоков данного взгляда лежит характерное для многих народов Европы (и уходящее своими корнями в языческую и ветхозаветную архаику) представление об особом христианском подвиге — мирском служении Богу благочестивого государя. Это служение достигает своего предельного выражения в ситуации «невинного убийства», когда царь или князь принимает добровольную смерть «за правду Христову». «Невинное убийство» служителя Божия не только омывает его собственные грехи, но и имеет характер искупительной жертвы, повторяющей искупительную жертву Христа (что, по-видимому, в значительной мере и формирует основание для прославления убитого в качестве святого)²⁸.

Все элементы этой схемы присутствуют в «Повести». Своей благочестивой жизнью, стремлением к «правде» Андрей вызывает ненависть Сатаны, который толкает придворных князя на совершение страшного преступления. Как и положено по канону, князь последовательно уподобляется Христу: убийцы замышляют против него, «якоже Июда на Господа», он, как и Сын Божий, есть «агнец непорочный» (ср.: 1 Пет. 1:19), умирая, он произносит те же слова, что и Спаситель: «Господи, в руке Твои предаю Тобе дух мой»²⁹ (ср.: Лк. 23:46) и т. д. Автор «явно верит в святость жертвы»³⁰ и обрабатывает реальные события в соответствии с житийной схемой, причем в одних случаях делает это удачно, а в других — нет. (Как уже неоднократно отмечалось в литературе, житийному идеалу противоречит, к примеру, документальное указание на попытку Андрея сопротивляться убийцам.³¹) В эпизоде с рукой, как можно полагать, схема берет верх, и агиограф помещает самую тяжелую рану Андрея с той же стороны, с которой, согласно иконографическому преданию, имел рану Иисус, уколотый копьем в правую часть груди. Возникает еще одна важная переключка между литературным образом князя и его библейским архетипом. Показательно, что эту переключку остро почувствовал один из позднейших редакторов «Повести», усиливший ее такой новой «подробностью» смерти Андрея: «Петръ же отсече ему руку десную и копиемъ ребра ему прободе»³². Источник этого добавления — Евангелие от Иоанна, где о распятом Христе говорится: «единъ от воиновъ копиемъ ребра Ему прободе» (19:34).

Нет ничего необычного и во фразе «кровью мученическою омывся прегрешений своих», на которую И. Н. Данилевский указывает как на лишнее доказательство особой (с точки зрения автора «Повести») греховности Андрея Боголюбского. Это не более чем агиографический штамп, который можно встретить во многих мученических житиях и в котором содержится еще одна вариация на тему хриstopодобия (кровь мученика омывает его собственные грехи так же, как кровь Христа — грехи всего человечества). Каким бы ни был этот правитель в жизни, в «Повести» он однозначно изображен угодником Божьим, страстотерпцем, положившим душу «за самого Творца».

Один из герменевтических принципов, свойственных И. Н. Данилевскому и проявившийся в том числе и в только что разобранным примере, заключается в выявлении неких таинственных, сокровенных смыслов, якобы присущих древнерусским литературным произведениям и находящихся в конфликте с очевидным, эксплицитным смыслом этих произведений. Действительно, средневековые памятники нельзя читать буквально. Интерес к иносказаниям и наделение текстов символическими смыслами, как известно, присущи средневековой и древнерусской словесности. Однако для утвреждения о семантическом конфликте между явным и потаенным смыслами древнерусских произведений необходимо привести бесспорные случаи таких конфликтов. До сих пор они известны не были. Попытки их обнаружить, предпринятые Данилевским, при внимательном рассмотрении также оказываются неудачными.

К примеру, И. Н. Данилевский утверждает, что летописец, рассказавший об убийстве Святополком Окаянным Бориса (под 6523/1015 г.), на

самом деле якобы в зашифрованной форме сообщает, что Святополк не был убийцей Бориса³³. Эта интерпретация построена на очень непрочных аргументах, представляя собой последовательность сомнительных предположений (при этом она была сразу же принята некоторыми историками как бесспорный факт³⁴). Следуя известиям скандинавской «Саги об Эймунде», Данилевский признает убийцей Бориса не Святополка, а Ярослава. Но и достоверность сообщений этой поздней саги³⁵, и отождествление Бориса с «Бурицлейвом» саги недоказуемы (имя «Бурицлейв» скорее следует считать контаминацией имен польского правителя Болеслава и Бориса). Приписывание эпитету Святополка «окаянный» значения «несчастный» совершенно произвольно (кстати, так же именуется в борисоглебских памятниках и убийца Глеба Горясер, и его подручные, и Глебов повар, исполняющий повеление посланцев Святополка³⁶). Слово «окаянный» в церковнославянском языке, действительно, имело исходное значение «несчастный, жалкий, бедный, достойный сожаления». Но в борисоглебских памятниках у него «актуализируется значение «проклятый, отрешенный от Бога»», и это слово фонетически сближается со словом «Каин»³⁷. Доказывая, что летописец не считал Святополка братоубийцей, Данилевский прибегает к следующим аргументам. Он утверждает, что упоминание Святополка седьмым в перечне сыновей Владимира в ПВЛ под 6488/980 г. соотносит его с седьмым сыном Иакова Даном. Таким образом летописец будто бы указывает на невиновность Святополка в грехе убийства: ведь в «Сказании Епифания Кипрского о 12 драгоценных камнях на ризе первосвященника» говорится о задуманном, но не совершенном Даном грехе братоубийства. Однако совершенно не очевидно, что для летописца было значимо сближение перечня детей Владимира со «Сказанием Епифания Кипрского». Перечни Владимировых сыновей похожи на перечисления сыновей Иакова в Ветхом Завете. К библейскому перечню ближе не перечень сыновей Владимира под 6488/980 г., а второй список его сыновей под 6496/988 г. (здесь их, как и у Иакова, двенадцать, а не десять, как в статье 6488/980 г.). Однако в этом перечне Святополк не седьмой, а четвертый. Наконец, неточно и упоминание о Дане как о седьмом сыне Иакова: в перечне сыновей Иакова в ветхозаветном повествовании Дан девятый, а в рассказе о рождении детей Иакова он назван пятым (Быт. 30:6 и 35:25). Предположение Данилевского о хитроумно зашифрованном сообщении летописца, призванном засвидетельствовать перед Богом невиновность Святополка, не согласуется и с особенностями древнерусского религиозного сознания: такая «зашифрованная», «непрямая» правда могла восприниматься только как двуличие и лицемерие. Но главное, остается недоказанной априорная убежденность интерпретатора в том, что летописец не считал Святополка подлинным убийцей Бориса. Даже если принять истолкование известий «Саги об Эймунде», поддержанное Данилевским³⁸, ничто не может поколебать вероятность того, что летописец был знаком с иной (традиционной) версией событий, называвшей преступником именно Святополка. Именно эту версию (им воспринятую, а не измышленную) летописец и отразил в ПВЛ. Таким образом, едва ли оправданы сомнения в том, что Святополк представлен в ПВЛ злодеем-братоубийцей. Никаких оснований для пересмотра содержания целого цикла ранних произведений о Борисе и Глебе и для обвинения их авторов во лжи не находится.

В качестве еще одного примера, когда буквальный текст летописного фрагмента находится в противоречии с «сокровенным» подтекстом, И. Н. Данилевский рассматривает эпизод, предшествовавший первой битве Святополка Окаянного и Ярослава Мудрого (под 6524/1016 г.)³⁹. Тогда, как сообщает ПВЛ, после трехмесячного «стояния» на Днепре, воевода Святополка (Волчий Хвост) начал «укаряти» новгородцев, пришедших вместе с Ярославом, «глаголя: «Что придосте с хромьцемъ симь, а вы плотници суще? А приставимъ вы хоромове рубити нашихъ»». В ответ оскорбленные новгородцы объявили Ярославу, что намерены, не медля, начать сражение. Ранним утром следующего дня Ярослав двинул свои войска на противника, одолел его и затем в первый раз вокняжился в Киеве⁴⁰.

И. Н. Данилевский предположил, что в нарочитом упоминании летописцем хромоты князя (имевшей место в действительности ⁴¹) заключен некий тайный умысел, разгадать который помогает обращение к 5-й главе Второй книги Царств. В 6—9 стихах этой главы описано завоевание царем Давидом хананейской крепости Сион (стоявшей на месте будущего Иерусалима). Перед решающей битвой хананей (иевуссеи) говорили Давиду, что он не сможет войти в их землю, так как против него восстанут «хромии и слепии». Взяв крепость, Давид приказал избивать хромцов и слепцов, «ненавидящих души Давидовы».

По мнению И. Н. Данилевского, в летописи между событиями 1016 г. и историей покорения Сиона проведена символическая связь (хотя такая трактовка, по его словам, и не является «единственно возможной»). Истолкована эта связь может быть «в качестве признака того, для кого путь в Иерусалим (в нашем случае — Киев), завоеванный Давидом (у нас — Святополком), закрыт». Другими словами, Святополк как бы уподобляется Давиду, а Ярослав — нечестивым хананеям. Если вспомнить, что на словах летописец полностью на стороне Ярослава и осуждает братоубийцу Святополка, то, по реконструкции Данилевского, при переходе с уровня буквального текста на уровень подтекста вновь происходит полная перемена знаков. Оправданно ли такое предположение?

Первое, что бросается в глаза, — несимметричность сопоставляемых ситуаций в предлагаемой трактовке. В библейском повествовании хананеи защищают принадлежащий им город, в летописи же Ярослав, соотнесенный И. Н. Данилевским с ними, напротив, стремится к захвату города. Хананеи заранее бахваются своей грядущей победой («не внидет Давидь семо!»), в летописи же хвастается не Ярослав, а воевода Святополка (обещающий приставить новгородцев к строительным работам — «хоромове рубити наших»). Хананеи терпят поражение и теряют город, Ярослав же побеждает и становится князем в Киеве. Таким образом, если оставить в стороне частный мотив хромоты, все остальное ведет скорее к соотнесению с хананеями Святополка, а Ярослава — с Давидом (тем более что слова последнего несколькими строками выше вложены в уста Ярослава: «суди ми, Господи, по правде, да скончается злоба грешнаго» — ср.: Пс. 7:9—10). Но дело не только в этом.

Даже если принять предположение И. Н. Данилевского, что в упоминании хромоты князя все же заключена некая библейская аллюзия, то не ясно, почему для ее расшифровки был выбран именно названный эпизод Второй книги Царств (или по другой, менее обосновываемой Данилевским версии, — поединок Иакова с Богом (Быт. 32:24—32), в ходе которого патриарх хромает). Хромчество в Библии упоминается многократно и в целом как явление, подвергаемое оценке, имеет амбивалентный характер. С одной стороны, оно, как и другие физические недостатки, выступает в качестве знака Божьего проклятия. Именно в этом значении, очевидно, «хромцами» и «слепцами» и названы хананеи в разобранном выше отрывке. Хананеи — потомки Хама, проклятые его отцом Ноем (Быт. 9:25). Сам Господь говорит Моисею, что никто, имеющий телесный изъян, включая и хромоту, не может приступать к жертвеннику и приносить жертву (Лев. 21:16—24), как не может быть приносимо в жертву и телесно ущербное животное (Втор. 15:21). Однако, с другой стороны, проклятие не вечно. Пророки, обещая грядущее избавление иудеев (в чем христианское богословие видит обетование о спасении всего человечества), уже свидетельствуют о хромцах как о части избранных, которые были наказаны Господом, но от Него же получают исцеление и награду (Иер. 31:8; Мих. 4:6—7; Соф. 3:19; Ис. 35:3—6). Пророчества сбываются в новозаветное время. Хромцы и слепцы, исцеляемые Христом и апостолами (Мф. 11:5; 15:30—31; 21:14; Лк. 7:22; Деян. 3:2—10; 8:7; 14:8—10), оказываются участниками пира в знаменитой притче о «званных» и «избранных», то есть становятся причастниками Царствия Небесного (Лк. 14:12—24). Есть в Священном Писании и иные положительные образы хромцов (Иаков, захромавший во время своего загадочного поединка с Господом, за который он получил Божье благо-

словение и новое имя — Израиль; Мемфивосфей, внук Саула, окруженный трогательной заботой царя Давида (2 Цар. 4:4; 9:3—13)). Как видим, Библия дает самое широкое поле для возможных символических трактовок хромоты.

Впрочем, для того, чтобы ответить на поставленный И. Н. Данилевским вопрос о причинах напоминания о хромоте Ярослава в известии 6524 г., не обязательно обращаться к Библии. Ответ можно отыскать ближе — в самой летописи, причем одновременно и на уровне сюжета, и на уровне художественной образности повествования о борьбе братьев.

Оскорбительная фраза воеводы Святополка о Ярославе-хромце и новгородцах-плотниках нужна летописцу для того, чтобы объяснить причину начала сражения. Причем эта фраза вводится рассказчиком в клишированную сюжетную конструкцию: затишье перед сражением — провоцирующее оскорбление одной из сторон — битва — поражение оскорбителя. Оскорбление противника выступает тут в качестве признака переоценки собственных сил, гордыни, которая затем наказывается. В ПВЛ содержатся другие примеры использования этой конструкции. Точно так развиваются события в легенде о юноше-кожемяке. Кожемяка побеждает в единоборстве «превеликого» печенежина, который перед боем смеялся над ним, поскольку юноша был «средний теломъ» (под 6500/992 г.). Так же происходит зачин боя Ярослава с польским королем Болеславом (под 6526/1018 г.). Воевода Ярослава Блуд обещает проткнуть «тольстое череву» короля, но в разгоревшейся вскоре битве Болеслав берет верх⁴². Едва ли не дословный повтор разбираемого эпизода (в части, касающейся новгородцев) находится в повествовании Лаврентьевской летописи о противоборстве владимирцев и ростовцев под 6683/1175 годом. Ростовцы горделиво называют владимирцев своими «холопами» и «каменьницами» (каменщиками)⁴³, но в конце концов терпят от них поражение — так же, как Святополк Окаянный от «плотников»-новгородцев.

В художественном отношении хромота Ярослава в известии 6524 г. перекликается с совершенной физической немощью Святополка после его конечного разгрома. Архетипическая модель действует здесь в полной мере: пройдя через испытания, герои меняются местами, хромой Ярослав одерживает победу, а у здорового Святополка «раслабеша кости», «и несяхуть и [его. — *Авт.*] на носилехъ»⁴⁴.

Как видим, для предположения о существовании антагонистического подтекста в эпизоде с упоминанием хромоты Ярослава под 6524 г. оснований не находится. Напротив, мотив хромоты Ярослава, возможно, усиливает общую позитивную оценку этого героя и оттеняет «окаянство» Святополка. Семантические слои повествования не сталкиваются, а взаимно дополняют друг друга.

Таким образом, вопреки настойчивому утверждению И. Н. Данилевского о строгой научности его подхода и стремлении дистанцироваться от постмодернистского / постструктуралистского дискурса⁴⁵, его истолкования порой представляют собой радикальную форму деконструкции, навязывающую источнику смысл, которого тот исконно лишен.

К деяниям русских князей-язычников И. Н. Данилевский приводит ветхозаветные параллели. Олег, подчиняющий Киев, подвластный Аскольду и Диру, велит вынести малолетнего Игоря, называя его истинным киевским князем (ПВЛ под 6390/882 г.). Данилевский усматривает в этом воплощение речения из Книги пророка Исаии об обетовании Бога народам: «Вот, одни придут издалека, и вот — одни от севера и моря, а другие из земли Синим... Так говорит Господь Бог: вот, Я подниму руку Мою к народам, и выставлю знамя Мое племенам, — и принесут сыновей твоих на руках и дочерей твоих на плечах» (49:12, 22)⁴⁶. Олег с Игорем и войском действительно приходят в Киев с севера, из Новгорода, и малолетнего князя несут на руках. Но обетование Бога народам едва ли применимо к Олегу и Игорю, язычникам, один из которых был покаран за гордыню, а другой — за алчность. Кроме того, в Книге пророка Исаии упоминается о приходе народов не только от севера, но и от земли Синим, которая в традиции

толкования Библии связывалась с югом ⁴⁷. Между тем с юга никто с Олегом и Игорем не приходит. (С равным, если не с большим, основанием пророчество Исайи можно было бы привязать к Владимиру Святославичу, сначала приходящему в Киев с севера, а затем приносящему из южного, корсунского похода в стольный град христианскую веру.) В русском «синодальном» переводе, на который ссылается Данилевский, говорится о сыновьях, которых понесут на руках, и о дочерях, несомых на плечах. Однако в церковнославянской версии текста сказано, что сыновей принесут «в лоне». По крайней мере так в тексте Острожской Библии и в рукописях XV—XVI вв., восходящих к оригиналу XI в.: «и примуть сыны твоя в лоне» ⁴⁸. Данная деталь имеет особенный смысл: несение детей-мальчиков — это как бы второе рождение, указание на особенное, интимное отношение к детям-сыновьям. Текст ПВЛ лишен такой детали.

Недостаточно аргументировано и утверждение, что водружение Олега щита на вратах Царьграда знаменует принимаемую на себя князем роль защитника великого христианского города. Такой смысл символического деяния Олега устанавливается И. Н. Данилевским при сопоставлении с Книгой пророка Иезекииля, в которой говорится о воинах, защищавших город Тир и вешавших в нем щит и шлем (27:10) ⁴⁹. Однако сама эта параллель представляется натянутой. Во-первых, традиционное толкование отнюдь не противоречит тексту летописного рассказа: деяние Олега все-таки может быть прочитано как ознаменование победы над городом. Сходный более ранний случай — поступок хана Крума, вонзившего копье в константинопольские ворота в знак покорения города (на самом деле протоболгарам не сдавшегося). Во-вторых, Тир в Книге пророка Иезекииля — город, отпавший от Бога и покаранный за «беззаконие». Ничто не говорит о таком восприятии Царьграда книжниками, работавшими над русской летописью в XI — начале XII в. и шире, в русской культуре того времени. И наконец, воины, защищавшие Тир, отнюдь не представлены в Книге пророка Иезекииля как представители богоизбранного народа.

Пример любопытного, но спорного истолкования — интерпретация летописной статьи под 6360/852 г. — первой годовой статьи в ПВЛ, сообщаящей: «наченшию Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля» ⁵⁰. И. Н. Данилевский объясняет отнесение первой летописной даты к царствованию византийского императора Михаила тем, что летописцы отождествили императора с Михаилом из «Откровения Мефодия Патарского» (ОтМП), чье правление является одним из знамений грядущего конца света. Древнерусские книжники, работавшие над ПВЛ, по мнению Данилевского, рассматривали исторические события прошлого и настоящего в перспективе близящегося Страшного суда, и царствование Михаила виделось им как очевидное свидетельство наступающих «последних времен». Доказывая эсхатологическую направленность ПВЛ, исследователь истолковывает слово «временных» как указание на годы, времена, предвещающие конец света. Он цитирует Толковую Палею 1406 г. (ТП), в которой содержится речение Христа: «Несть вамъ разумети временныхъ летъ, яже Отець Своєю властью положи» ⁵¹.

При всем своем изяществе, это истолкование очень проблематично. Одно смелое прочтение обосновывается посредством другого, также не бесспорного: семантика слова «временные» в заглавии ПВЛ неясна и вызывает разногласия среди исследователей» ⁵². Список ТП, на который ссылается И. Н. Данилевский, значительно моложе основных списков ПВЛ и мог испытать ее влияние. Кроме того слово «временные» могло получить к началу XV в. новое значение ⁵³. «Временные лета» в ТП соответствуют «временам и летам» («временам или срокам»), о которых Иисус Христос говорит ученикам в Деяниях святых Апостолов (1:7). Соответственно, эпитет «временные» в тексте Толковой Палеи не обладает обязательным значением «последние», как им не обладает само по себе и выражение «времена и лета». Значение «последние времена» эти выражения и в Деяниях святых Апостолов, и в ТП приобретают, но значение «связанное», контекстуально обусловленное. Недавняя интерпретация Данилевским названия

«Се повести временных лет...»⁵⁴ как «указания на конечную цель повествования («Се — по вести временных лет», т. е. «до знамения конца света»)»⁵⁵ — не более чем языковая игра. Ссылки на ОтМП в ПВЛ встречаются (статья 6604/1096 г.), но явного осмысления описываемых событий как «последних времен» нет. Других, кроме статьи 852 г., данных, которые могли бы свидетельствовать об особенном интересе древнерусских летописцев к Михаилу III, императору Византии, в летописи также нет.

В ОтМП легендарный царь Михаил представлен победителем иноплемеников и устройтелем благословенного царства, он правит сначала в Константинополе, а затем в Иерусалиме, где и умирает. Исторический император Михаил, упоминаемый в летописной статье 852 г., в Иерусалиме, естественно, не царствовал. ОтМП относит правление легендарного царя Михаила именно к «последним временам»: при нем выходят из гор дикие народы, заточенные там Александром Македонским⁵⁶. Между тем, летописец сообщает в ПВЛ о «заклепанных» в горах диких племенах и об их будущем освобождении и нашествиях только под 1096 г., то есть спустя более чем два века после царствования Михаила III. Древнерусский книжник, ссылаясь на ОтМП, ожидает выход этих племен из горных темниц только в неопределенном будущем. В сознании современников исторический Михаил III, отразивший набег русов и «восстановивший» православную веру, действительно ассоциировался с Михаилом из ОтМП⁵⁷. Однако совершенно не очевидно, что такое уподобление было значимым для составителей ПВЛ, работавших в первые десятилетия XII века. 852 год избран летописцами как начальная точка отсчета исторического времени, так как в этот год Русь якобы становится известна миру, «открывает себя», придя в столицу Империи — Константинополь. Дополнительное объяснение, связывающее появление этой даты с эсхатологическими мотивами ОтМП, является хотя теоретически и возможным, но избыточным.

К сожалению, сомнительные и недоказанные интерпретации в работах И. Н. Данилевского не ограничиваются приведенными случаями. И хотя само понимание многих летописных текстов как построенных на библейском коде представляется несомненным, корректная интерпретация этих текстов является чрезвычайно сложной, невозможной без учета семантической многомерности летописного (и шире — литературного, и еще шире — идейного) пространства Древней Руси.

Примечания

1. ДАНИЛЕВСКИЙ И. Н. Библизмы «Повести временных лет». — Герменевтика древнерусской литературы. М. 1992. Вып. 3; его же. Библия и Повесть временных лет (К проблеме интерпретации летописных текстов). — Отечественная история, 1993, № 1; его же. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.). М. 1998; его же. Круг чтения составителей Повести временных лет. — Древнерусская культура в мировом контексте. М. 1999; его же. Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.). М. 2000; и др.
2. ДАНИЛЕВСКИЙ И. Н. Древняя Русь, с. 10—11.
3. ГАДАМЕР Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М. 1988, с. 318.
4. ДАНИЛЕВСКИЙ И. Н. Древняя Русь, с. 15, 12—13.
5. Термин принадлежит Р. Пиккио: PICCHIO R. The Functions of Biblical Thematic Clues in the Literary Code of Slavia Orthodoxa. — Slavica Hierosolymitana. Vol. 1. 1977, p. 1—31.
6. УСПЕНСКИЙ Б. А. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М. 2000, с. 5.
7. ДАНИЛЕВСКИЙ И. Н. Древняя Русь, с. 13—14, 219, 367—368; его же. Русские земли, с. 7—13, 168.
8. REVELLI G. Monumenti letterari su Boris e Gleb. Genova. 1993, p. 397.
9. Успенский сборник XII—XIII вв. М. 1971, с. 88.
10. Великие Минеи Четии. Декабрь. Дни 1—5. М. 1901. Стб. 515.
11. ЛЕВИНТОН Г. А. К проблеме литературной цитации. — Материалы XXVI научной студенческой конференции. Литературоведение. Лингвистика. Тарту. 1971, с. 52.
12. Случаи интертекстуальных связей между древнерусскими текстами и Библией, разбираемые

- Данилевским, строго говоря, могут быть отнесены не к цитатам, а к «аллюзиям без атрибуции» (ФАТЕВВА Н. А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественном дискурсе. — Известия РАН. Серия литературы и языка. 1998, Т. 57, № 5, с. 28—31). Характеристику Данилевским памятников древнерусской словесности как текстов центовой природы (ДАНИЛЕВСКИЙ И. Н. Русские земли, с. 12—13) мы разделить никак не можем (автор книги ссылается на монографию А. А. ГОГЕШВИЛИ «Три источника «Слова о полку Игореве»: Исследование» (М. 1999), содержащую фантастические предположения о вкраплениях в текст «Слова» фрагментов из поэм Гомера и Вергилия и из «Песни о Роланде»).
13. Повесть временных лет (далее — ПВЛ). СПб. 1996, с. 110.
 14. ДАНИЛЕВСКИЙ И. Н. Древняя Русь, с. 178—180.
 15. Библия, сиречь Книги Ветхаго и Новаго Завета по языку словенску [репринт изд. 1581 г.]. М. Л. 1988, л. 129 (второй пагинации).
 16. ПВЛ, с. 9.
 17. ДАНИЛЕВСКИЙ И. Н. Древняя Русь, с. 360.
 18. Ср. водружение идолов Владимиром на горе, обычай захоронения князей-язычников в курганах, обитание Перуна на горе. См. также: ЭЛИАДЕ М. Трактат по истории религий. СПб. 1999, т. 2, с. 264.
 19. ПЕТРУХИН В. Я. Древняя Русь. Народ. Князья. Религия. — Из истории русской культуры. М. 2000. Т. 1, с. 67—68.
 20. ЮРГАНОВ А. Л. Категории русской средневековой культуры. М. 1998, с. 11—13.
 21. РОХЛИН Д. Г., МАЙКОВА-СТРОГАНОВА В. С. Рентгено-антропологическое исследование скелета Андрея Боголюбского. — Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 9—10, с. 158—161.
 22. Библиотека литературы Древней Руси (далее — БЛДР). СПб. 1997. Т. 4, с. 212.
 23. Радзивиловская или Кенигсбергская летопись. СПб. 1902. Т. 1, л. 215.
 24. ДАНИЛЕВСКИЙ И. Н. Древняя Русь, с. 232—233.
 25. КОЛЕСОВ В. В. Повесть о убийстве Андрея Боголюбского. — Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л. 1987. Вып. I, с. 366.
 26. ВОРОНИН Н. Н. Рецензия на книгу А. В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник». — Вестник АН СССР, 1945, № 9, с. 112; см.: Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). СПб. 1863. Т. 15, стб. 250—251; САЛМИНА М. А. Повести о начале Москвы. М. Л. 1964, с. 178—180, 200—208 и др.; ТАТИЩЕВ В. Н. Собрание сочинений. Т. 4. М. 1995, с. 286.
 27. ОДИНЦОВ Н. Ф. Порядок общественного и частного богослужения в древней России до XVI века. СПб. 1881, с. 76—78.
 28. РАНЧИН А. М. Статьи о древнерусской литературе. М. 1999, с. 31—54; ФИЛИППОВСКИЙ Г. Ю. «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского» и русско-чешские литературные связи раннего периода. — *Českoslavenská rusistika*. 1986, № 1, с. 11—17.
 29. БЛДР. Т. 4, с. 212.
 30. ФЕДОТОВ Г. П. Русская религиозность. Т. 1. М. 1988, с. 129.
 31. ЕРЕМИН И. П. Киевская летопись как памятник литературы. — Труды Отдела древней русской литературы (ТОДРЛ). М. Л. 1949, т. 7, с. 95—96; АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ В. П. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI—XV вв.). — ТОДРЛ. М. Л. 1960, т. 16, с. 15—16.
 32. ПСРЛ. СПб. 1862, т. 9, с. 249.
 33. ДАНИЛЕВСКИЙ И. Н. Древняя Русь, с. 336—354.
 34. См.: ЮРГАНОВ А. Л. Ук. соч., с. 9; История России с древнейших времен до 1861 г. М. 1998, с. 39.
 35. О литературных мотивах соответствующей части «Саги об Эймунде», существенно искажающих исторические факты, см.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. М. 1999, с. 515—522.
 36. См.: REVELLI G. Monumenti letterari su Boris e Gleb, p. 338, 635, 655, 660, 663.
 37. УСПЕНСКИЙ Б. А. Борис и Глеб, с. 34—35.
 38. Предпочтение версии скандинавского источника известиям древнерусских письменных памятников встречалось в исследовательской литературе и ранее (см., напр.: ИЛЬИН Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. М. 1957, на эту книгу ссылается Данилевский, неожиданно лишь его утверждение о якобы содержащейся в древнерусских произведениях о Борисе и Глебе «тайнописи» и ее интерпретация).
 39. ДАНИЛЕВСКИЙ И. Н. Библия и Повесть временных лет, с. 86—88.

40. ПВЛ, с. 62—63.
41. См.: РОЖЛИН Д. Г. Итоги анатомического и рентгенологического изучения скелета Ярослава Мудрого. — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М. Л. 1940, т. 7, с. 52—56; ГИНЗБУРГ В. В. Об антропологическом изучении скелетов Ярослава Мудрого, Анны и Ингигерд. — Там же, с. 58—59, 61—63; ср.: ПСРЛ. Т. 15. Стб. 112—113; РЫДЗЕВСКАЯ Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. Материалы и исследования. М. 1978, с. 96.
42. ПВЛ, с. 55, 63.
43. ПСРЛ. М. 1962, т. 1, стб. 374.
44. ПВЛ, с. 63.
45. ДАНИЛЕВСКИЙ И. Н. Русские земли, с. 13.
46. ДАНИЛЕВСКИЙ И. Н. Древняя Русь, с. 362.
47. В Септуагинте и славянской Библии это Персия (Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Стокгольм. 1987. Кн. 2, т. 5, с. 456, прим.). В Острожской Библии вместо «земли Синим» «земля Перска» (Библия, сиречь Книги Ветхаго и Новаго Завета по языку словенску. Л. 97 (второй пагинации)).
48. Библия, сиречь Книги Ветхаго и Новаго Завета. Л. 97 (второй пагинации). Ср. также данные славянских рукописей XII—XVI вв.: ЕВСЕЕВ И. Книга пророка Исайи в древнеславянском переводе. Ч. 1. Славянский перевод Книги пророка Исайи по рукописям XII—XVI вв. СПб. 1897, с. 101 (чтение из рукописи Толковых пророчеств); об оригинале, переписанном Упырем Лихим, см. на с. 53.
49. ДАНИЛЕВСКИЙ И. Н. Древняя Русь, с. 364—366.
50. ПВЛ, с. 12.
51. ДАНИЛЕВСКИЙ И. Н. Замысел и название Повести временных лет. — Отечественная история. 1995, № 5, с. 101—109. ТП цитируется по изд.: Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 году. М. 1892. Л. 350б. (с. 70, стб. 139).
52. Из последних работ на эту тему см.: ГИППИУС А. А. «Повесть временных лет»: О возможном происхождении и значении названия. — Из истории русской культуры. Т. 1, с. 448—460 (выражение «временные лета» рассматривается как трансформация исходного «время и лета»). Эпитет «временные» («книги временныя», «начало временных царств») в Хронике Георгия Амартола (ИСТРИН В. М. Книги временныя и образныя Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. 1. Текст. Пг. 1920, с. 51, 205), известной составителям ПВЛ, не может означать «последние» (см.: ГИППИУС А. А. Ук. соч., с. 449, прим. 2).
53. В XVI в. в заглавии Тверской летописи слово «временные» было заменено на слово «древние» как на синонимичное (ФИЛИН Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей). — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института. Л. 1949. Т. 80, с. 109). Данилевский не принимает это свидетельство, по-видимому, как относящееся к позднему времени. Но и список Толковой Палеи примерно на триста лет моложе ПВЛ.
54. ПВЛ, с. 7.
55. ДАНИЛЕВСКИЙ И. Н. Древняя Русь, с. 354.
56. ИСТРИН В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской письменности. М. 1897, с. 180—183.
57. См., напр., об этом: ПЕТРУХИН В. Я. Ук. соч., с. 96—99 (здесь же литература).

Русское окружение Чокана Валиханова

Я. К. Духин

Короткая жизнь Чокана Чингизовича Валиханова (1835—1865), казахского просветителя, историка и этнографа, пришлось на эпицентр кипящей политическими страстями эпохи. Как типичный ее продукт он обладал всеми качествами людей, стремившихся оценить мир новым взглядом. Чокан Чингизович принадлежал к тому поколению, которое стало много читать, думать и добиваться решения «проклятых» вопросов своего времени, которое стало спорить об идеалах, жить свободно и самостоятельно.

Был ли Валиханов европейцем или его ментальность ограничивалась уровнем «туземного» просвещенного аристократа? Следует заметить, что Валиханов никогда не порывал с национальными корнями, он их ощущал, он ими подпитывал свои физические и духовные ресурсы. И в то же время он не мыслил себя вне европейской, и русской, в том числе, цивилизации. В связи с этим интересно мнение его друга Г. Н. Потанина: «Он (Валиханов. — Я. Д.) показал им (родственникам. — Я. Д.), какого тонкого судью человеческих поступков вырабатывает европейская культура. Чокан был киргизский патриот, но в то же время он был и патриот русский»¹.

Валиханов был вскормлен теми идеями и умственными интересами, которыми жило в ту пору русское общество. Если в психологической области, замечает Потанин, он сохранял «особенности своего племенного типа», то по умственному своему развитию был вполне русским образованным человеком. В Чокане Чингизовиче жило постоянно сознание, что улучшение положения жителей его родной степи зависит от благоденствия России. Порой подобный взгляд водоразделом проходил по его родственным чувствам и связям. Его родные, особенно отец, не могли понять убеждений сына. Сам Валиханов жаловался А. Н. Майкову, что он непонимаем земляками и ощущает себя разъединенным «с ними чем-то неодолимым». На этом рубеже неодолимости произошел резкий выпад отца, заявившего, «что не намерен более воспитывать детей своих по-европейски. Они портятся»².

У нас нет желания противопоставить Валиханова-«европейца» родным национальным корням — мы стараемся выявить, насколько основательно русский мир и его носители формировали и определяли характер и уровень внутренних убеждений казахского просветителя. Следует сразу же оговориться, что носители-то были разные. Валиханову «повезло» на людское окружение. Кто-то подсчитал и поразился огромному кругу людей, имевших с ним близкое или отдаленное общение. И это за сравнительно недолгую жизнь!

Среди хорошо знавших Чокана Чингизовича находились учителя и чиновники,

Духин Яков Кузьмич — кандидат исторических наук. Костанайский государственный университет.

литераторы и ученые, путешественники и сановники, либералы и консерваторы, военные и студенты. С каждым из них весьма своеобразно оформлялись отношения — от дружественных до официально-враждебных.

Несомненно, Валиханов был щедро одаренным природою феноменом. Кстати, история казахского народа знает много имен людей талантливых, способных, но не поднявшихся, однако, до валихановского уровня. Давно стало истиной, что наряду с иными факторами не последнюю роль в судьбе Валиханова сыграла благоприятная аура общения с кругом выдающихся представителей русской культуры.

Валиханов всему хорошему в себе обязан учебе, книгам и, не в последнюю очередь, учителям. Большое влияние на мальчика-степняка оказали воспитатели Омского кадетского корпуса, общение с которыми развило в нем добрые природные задатки и качества. О кадетских учебных заведениях николаевского времени не принято говорить в восторженных тонах. Прочитав Л. М. Жемчужникова: «Сколько лет, сколько детских и юных лет я был в заключении, сомневаюсь, что когда-нибудь окончится для меня эта нравственная и физическая каторга»³. Но в литературе о Валиханове за Омским кадетским корпусом утвердилась слава лучшего учебного заведения Сибири. И это трудно оспорить, поскольку он, по сути, был единственным учебным заведением подобного рода на территории края. Омский корпус дал России плеяду выдающихся общественных, военных деятелей, ученых, публицистов. Но это, скорее всего, не благодаря, а вопреки. Иллюзии здесь не уместны — корпус являл собой типичное заведение николаевской военной структуры с ее жестоким и грубым подавлением личности. Но что отличало его, так это нравственный мир, создаваемый как группой прогрессивных педагогов, так и кадетским составом.

Интересно замечание Н. М. Ядринцева: «Валиханов получил ничтожное воспитание в Сибирском кадетском корпусе, но сильные дарования его успели развиться и при тех скудных средствах, какие могло дать это заведение». Мы можем дополнить Ядринцева кратким уточнением — дарования окунулись, говоря словами Потанина, в «плебейскую среду» корпуса, жизнь в которой, «вероятно, не осталась без влияния на образование демократических мыслей Чокана». Добрым словом несколько поколений выпускников этой военной школы отзывались об инспекторе классов И. Ждан-Пушкине, учителе русского языка и русской словесности Н. Костылецком, ориенталисте И. Березине, необыкновенно добром человеке географе Е. Старкове и, конечно же, о талантливом историке И. Гонсевском. Последний сыграл особую роль в политическом становлении Валиханова. Благодаря такому составу учителей он вышел из корпуса с развитым интересом к общественным делам. Именно они отметили выдающиеся способности казахского юноши и уже тогда смотрели на него «как на будущего исследователя и, может быть, ученого»⁴.

Кадетский корпус — это еще и среда обитания и общения с ровесниками. При его создании воспитанников разделили на две части: роту и эскадрон. В роту определялись дети чиновников и пехотных офицеров, в эскадрон — исключительно дети казаков. Валиханов был помещен в последний. В свое время А. И. Герцен на страницах «Колокола» заметил (имея в виду подобную перестройку в Оренбургском корпусе), что «в одном случае велено учить больше, в другом принимали «всякую всячину» и учили меньше». В разряд этой «всякой всячины» и попал молодой Валиханов со своим близким товарищем Потаниным. Это, впрочем, имело и свои положительные последствия — будущий просветитель в эскадроне сблизился с кадетами-казаками, которые стояли близко по роду своих занятий, по знакомству со степной жизнью к местному казахскому населению, а потому и воспринимали Валиханова без какой-либо предвзятости. Да и для казаков, как писал Потанин, «было полезно, что в их среде живет киргиз; бойкий и остроумный киргизский мальчик приучил казаков к расотерпимости». Валиханов в корпусе много читал, удивляя своих сверстников как «в области нравственных вопросов, так и в области восточной филологии, которая становилась уже его специальностью». Для самого Потанина он был «окном в Европу»⁵.

Учеба и последующая служба Валиханова при генерал-губернаторе совпали по времени с периодом общественного пробуждения сибирских городов, в том числе и Омска. Один из знакомых Чокана Чингизовича С. Я. Капустин отмечал: «Что-либо затхлого, рутинного здесь встретить было нельзя ... сибирское общество было ... очень умное и образованное общество ... я нигде не встречал общества, в котором

бы так много читали книг, как в сибирском ... Все эти особенности сибирской городской жизни, конечно, остались не без последствий для даровитого юноши и питали его наблюдательность. (Среди личностей было немало дурных, порочных)»⁶. И с теми и с другими Валиханов был близок. Но если с домом Капустиных, где собирался цвет омской интеллигенции, с молодыми офицерами, чиновниками, художниками, путешественниками, проезжавшими из сибирской ссылки декабристами у Валиханова устанавливались творческие контакты, то окружение генерал-губернатора, в среде которого ему приходилось вращаться по роду службы, являло собой «золотую молодежь», людей часто пустых, откровенных прожигателей жизни.

Чокану Чингизовичу, несомненно, повезло в том, что он встретил на своем пути таких незаурядных представителей русской культуры, как ссыльные петрашевцы С. Ф. Дуров и Ф. М. Достоевский. С Достоевским у него установились столь доверительные отношения, что в письмах своих к писателю он называл его не иначе, как «голубчик Федя» и был с ним на «ты». Петрашевцы пробудили в душе будущего просветителя многие добрые чувства, они буквально перевернули его представления об окружающем мире, зарядили верой в науку и прогресс человечества. Особенно сильным было воздействие Дурова. Из воспоминаний Потанина мы узнаем, что Валиханов «находился под постоянным его влиянием не менее, вероятно, года». Дуров был резок в своих оценках сибирской администрации, не скрывал их в беседах с молодыми друзьями и, видимо, именно он натолкнул Потанина на мысль, реализованную впоследствии в напумевшей статье «К характеристике Сибири», опубликованной в «Колоколе». Исследователь А. Исаков высказал убедительное предположение о причастности Валиханова к написанию этой статьи⁷.

В Омске произошло знаменательная для Чокана Чингизовича встреча с крупным общественным деятелем и не менее известным ученым-путешественником П. П. Семеновым-Тянь-Шанским. Знакомство с ним имело для Валиханова серьезные последствия. Ученый, заметив блестящие способности молодого офицера и его страстное желание принять участие в путешествии в районы малознакомой Центральной Азии, посоветовал генерал-губернатору Г. Х. Гасфорту командировать своего адъютанта с исследовательскими целями в Кашгар. Позднее Семенов поддержал стремление начинающего свой путь в науку Чокана ехать в Петербург для прослушивания университетского курса по восточному факультету, а затем рекомендовал его кандидатуру в члены Русского географического общества. У Валиханова было несколько встреч с Семеновым в Омске и Петербурге, и всегда они вызывали в нем неподдельное восхищение взглядами и поступками русского ученого. Обращаясь к истокам дружбы этих людей, Потанин вспоминал: «Я застал Чокана с восторженными воспоминаниями о только что проехавшем путешественнике. И еще бы Чокану не обрадоваться этому знакомству»⁸.

Омск был средоточием и другого окружения Валиханова — чиновного мира, представителей сибирской администрации. Здесь был разный народ, и отношение к нему у Чокана Чингизовича было неоднозначным. Во-первых, он не мог не ощущать националистического чванства, исходившего от отдельных представителей колониальных кругов. Горечью и негодованием пронизаны строки его письма к А. Н. Майкову от 6 декабря 1862 г.: «Об отношениях моих к Сибирскому правительству? Вы, вероятно, слышали от Федора Михайловича (Достоевского. — Я. Д.), которому я писал об одном случае, где со мной поступили как с инородцем. А с инородцами в Сибири делают, что хотят, только разве собаками не травят». Валиханов возмущен интригами, которые плели против него чиновники, — Ивашкевич, Безверхов, Кури, Нестеров и др. Он не может удержаться от восклицания: «Дай бог, чтобы старый год пожрал, как Сатурн, своих чад, Дюгамеля и прочих и дал нам новых, не спящих, а трезвых администраторов». Он радуется слуху о замене «киргизского губернатора» (так окрестили ненавистного ему Г. К. Фридрикса) Г. А. Колпаковским. Первоначально доброжелательное отношение Валиханова к полковнику М. Г. Черняеву («Черняев, кажется, человек хороший») сменяется резким разрывом с ним, как только стало известно о поощрениях полковником зверств «русских войск над единоверцами»⁹.

Весьма осторожен Чокан Чингизович в своих отзывах о генерале Гасфорте. Он осознавал его роль как виновника многих упущений и безобразий, чинимых в крае подчиненными ему властями. По свидетельству писательницы М. Х. Свентицкой, «вся администрация Омска жила в богатстве, имела хорошие дома, комфорт, а низы

страдали». И в то же время именно благодаря стараниям Гасфорта в Сибирь было привлечено молодое поколение чиновников с высшим образованием, которые, по словам Семенова, убеждались «вместе с генерал-губернатором в своем бессилии в этой борьбе» с хищническими порядками. Гасфорт в определенной мере благоволил Валиханову и, предоставляя последнему возможность отправиться в Петербург для поступления в университет, отмечал, «что он всегда и везде подавал руку помощи всем талантливым людям, ему встречавшимся». Тем не менее, именно Гасфорт был подвергнут критике в уже упоминаемой нами статье «К характеристике Сибири», после публикации которой царские власти были вынуждены удалить его с поста западно-сибирского генерал-губернатора.

Среди многих русских знакомых Валиханова были люди, искренне заинтересованные в благоденствии казахской степи, в устройстве быта ее обитателей. Благодаря таким деятелям, как председатель областного правления сибирских киргизов К. К. Гутковский, военный губернатор Семипалатинской области Г. А. Колпаковский и претендующий на пост генерал-губернатора Западной Сибири Д. И. Романовский, были возможны многие научные изыскания молодого ученого в казахской степи. И, видимо, вовсе не случайно Валиханов находил с ними общий язык и понимание, выделяя их из среды прочих своих знакомых. Обращаясь к Гутковскому, оказывавшему ему постоянную поддержку в науке и по службе, называя его своим другом и прося поддержки в борьбе с омским чиновным синклитом, Чокан Чингизович пишет: «Мы Вам соорудим за это памятник и напишем: «Благодарные киргизы Карлу Гутковскому, избавителю своему». Он «готов радоваться» за проводившего прогрессивные преобразования в степи генерала Колпаковского в случае, если бы его «сделали ханом нашим». Колпаковский оказался верным другом с Валихановым и много сделал впоследствии для увековечивания его памяти.

Казахский ученый был близок и к русской офицерской среде, в ней он наблюдал искреннее к себе внимание и стремление помочь в осуществлении его научных планов и начинаний. Заслуживает внимания факт поддержки группой офицеров разрыва Валиханова с полковником Черняевым.

Особой полосой в жизни Чокана Чингизовича проходит петербургский период, остановимся на некоторых моментах. Вызванный в Петербург для редактирования карты Азии, Чокан, по свидетельству Ядринцева, «был с большим любопытством принят в ученых обществах как оригинальное явление». Среди его знакомых — уже упоминаемый П. П. Семенов, востоковед В. В. Григорьев, профессор ботаники А. Н. Бекетов, востоковед Х. Фаизханов, ориентолог П. И. Лерх, химик Д. И. Менделеев и др. Общение с этими людьми, совместная работа с некоторыми из них в Русском географическом обществе были полезными как для Валиханова, так и для его соратников по науке. Насколько серьезно складывались научные контакты с учеными, свидетельствует письмо уже больного Чокана Чингизовича к Бекетову, с которым он делится своими творческими планами и просит петербургского друга оказать ему помощь в приобретении приборов для занятий метеорологией¹⁰.

Петербург дал Валиханову не только возможность войти в мир науки, но и весьма расширил круг его приятельских знакомств. К сожалению, не всегда они шли ему на пользу, особенно когда это касалось встреч с праздной военной молодежью, у которой «на первом плане были баклушничество, кутежи и бессмысленная светская жизнь. В таких обстоятельствах, — писал Ядринцев, — он увлекался сам светским лоском и праздною гусарскою жизнью». О том, что подобное времяпрепровождение отразилось дурно на привычках Чокана Чингизовича, говорил и Потанин. И все же не это определяло истинную суть валихановской натуры. Хотя, чего уж тут ханжествовать, он был молодым человеком, а Петербург был полон соблазнов.

Установились у Валиханова и серьезные знакомства со студенческой молодежью. Хотя он и манкировал занятиями в университете (Потанин писал: «На Восточный факультет Чокан не заглядывал. Но на модных тогда лекциях Костомарова и некоторых профессоров он появлялся»), ему безразличным был и студенческий быт, и студенческий общественный настрой. Для своих товарищей сибиряков, бедных студентов, он устраивал особые вечера, где велись разговоры о служении обществу, о будущем сибирского края, о необходимости его изучения.

Открывались перед Валихановым и двери кабинетов представителей высшей власти; с некоторыми из сановников устанавливались даже дружеские отношения. Принимали участие в судьбе казахского ученого военный министр и профессор

Д. А. Милютин, граф В. К. Ливен, директор Азиатского департамента Н. П. Игнатъев, министр иностранных дел А. М. Горчаков, сенатор Н. И. Любимов и др. И хотя сам Валиханов отмечал, что «со всеми этими людьми я близко знаком, с некоторыми завел даже тесную дружбу», обольщаться этими контактами не стоит, они были, скорее всего, данью светским увлечениям и продиктованы служебной необходимостью. И тем не менее, казахский ученый был высоко оценен официальным Петербургом. Известны доброжелательные отзывы о нем, сделанные Милютиным и Игнатъевым; «гениальным молодым человеком» называл Валиханова сенатор и путешественник Е. П. Ковалевский¹¹.

Искреннее и стойкое увлечение Чокана Чингизовича литературой ввело его в круг знакомых Достоевского, политические пристрастия которых не всегда совпадали с личными убеждениями Валиханова. Среди них — поэт и журналист Н. С. Курочкин, который был близок к «Современнику»; к деятелям либерального толка относились поэт Я. П. Полонский, критик, публицист, философ Н. Н. Страхов и с годами подающийся вправо поэт А. Н. Майков; к кругу хулителей революционеров-«нигилистов» принадлежал знакомый Валиханова писатель В. В. Крестовский, автор романа «Пангурово стадо».

В литературе о Валиханове довольно стойко держится мнение о его близости к революционно-демократическому лагерю, высказываются даже суждения о встречах и беседах его с Н. Г. Чернышевским. Видимо, в данном случае желаемое выдается за действительное, подкрепляемое порой слишком вольной аргументацией. Известно, что Валиханов читал и выписывал «Современник», следил за его драматической судьбой, хотя это не мешало ему приветствовать издание почвеннического журнала братьев Достоевских (в письме к Ф. М. Достоевскому: «Как идет юное ... детище и наш добрый приятель «Время»?». Налицо — разброс политических симпатий, правда, позднее Валиханов поднимается до уровня серьезной критики в адрес знаменитого писателя за его ожесточенную борьбу с «Современником»¹².

Что касается встреч Чокана Чингизовича с Чернышевским, то можно считать их, с известной долей сомнения, состоявшимися. А вот утверждение литературоведа М. И. Фетисова о якобы имевших место беседах между ними, вызывает серьезное возражение. Дело в том, что Чернышевский был очень осторожен в знакомствах и неподатлив на откровенность, а потому вряд ли пошел бы на установление близких контактов с малознакомым ему офицером. В этом нас убеждают неопубликованные «Воспоминания о Н. Г. Чернышевском», принадлежащие перу Потанина. Мемуарист пишет: «Не в меру самонадеянный молодой человек, по приезде в Петроград я, не откладывая своего намерения в долгий ящик, решил в первые же дни своего пребывания в столице отправиться в Тулубеев переулок, где тогда жил Чернышевский ... Я мечтал, что с первых же слов моего разговора Чернышевский поймет, что за офицер стоит перед ним. И еще бы, у него такой пронизательный ум, а у меня такое горячее искреннее без задоринки стремление служить истине ... Но вышло не так, как я предполагал. Чернышевский вовсе мной не заинтересовался. Я смутился оттого, что он не задал мне никаких вопросов о моих планах, и ушел от него растерянный»¹³. Давайте поставим Валиханова на место Потанина — результата вряд ли будет иным.

Валиханов, несомненно, принадлежал к числу демократов-просветителей, формировался, как справедливо писал Фетисов, «по образцу и подобию русских писателей, ученых». Он стал полнокровным действующим участником многоликой культурной жизни как России, так и Казахстана. И напоследок приведем многозначительные и в некотором смысле пророческие строки из письма Майкова к больному другу в далекую казахскую степь: «Вы уж как ни вертитесь, принадлежите Европе. Совмещая в себе цвет европейской образованности и науки с ученостью Востока, Вы должны Европу знакомить с Азией ... А звено между Азией и Европой — Россия. Вы должны на нее смотреть как на разумное поприще Вашей умственной деятельности».

Примечания

1. ПОТАНИН Г. Н. В юрте последнего киргизского царевича. — Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч. В 5-ти тт. Т. 5. Алма-Ата. 1985, с. 327.

2. ВАЛИХАНОВ Ч. Ч. Ук. соч., с. 153.
3. ЖЕМЧУЖНИКОВА Л. М. Мои воспоминания из прошлого. Л. 1971, с. 4.
4. ВАЛИХАНОВ Ч. Ч. Ук. соч., с. 276, 351, 355—356.
5. «Колокол». Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Факсимильное издание АН СССР. Вып. 1, лист 16, 1 июня 1858. М. 1960, с. 132; ВАЛИХАНОВ Ч. Ч. Ук. соч., с. 351—352, 354, 356.
6. ВАЛИХАНОВ Ч. Ч. Ук. соч., с. 410—411.
7. ИСКАКОВ А. О влиянии русской демократической культуры на формирование мировоззрения Чокана Валиханова. — Труды института философии и права АН Каз. ССР. Т. 3. Алма-Ата. 1958, с. 21.
8. ВАЛИХАНОВ Ч. Ч. Ук. соч., с. 358.
9. Там же, с. 154, 157, 161, 364.
10. Там же, с. 426, 243, 157, 277.
11. Там же, с. 278, 363, 138.
12. ФЕТИСОВ М. И. Русско-казахские литературные отношения в первой половине XIX века. Алма-Ата. 1959, с. 326—327; ИСКАКОВ А. Ук. соч., с. 26—29.
13. ВАЛИХАНОВ Ч. Ч. Ук. соч. Т. 5, с. 150; ФЕТИСОВ М. И. Ук. соч., с. 326.
14. Центральный государственный архив литературы и искусства, ф. 1, оп. 1, д. 616, л. 4—5; ФЕТИСОВ М. И. Ук. соч., с. 327.

Военнопленные в России в 1917 г. (март — октябрь)

С. А. Солнцева

Отечественная историография проявляла определенный интерес к тем, кто находился в послефевральской России 1917 г. в качестве военнопленных, но сосредоточивала внимание, главным образом, на трех аспектах: иностранных частях в составе русской армии при Временном правительстве, работе большевиков среди пленных противника и участии последних в Октябрьской революции¹. Мы же хотели бы остановиться на вопросах менее освещенных: взаимоотношениях военнопленных и населения и взаимоотношениях военнопленных и российской власти в лице Временного правительства, военных властей, Советов депутатов и профсоюзов (укажем, что даты будут приводиться по старому стилю; термин «русский», вслед за официальной дооктябрьской терминологией, будет обозначать государственную, а не национальную, принадлежность; рассмотрение коснется в основном военнопленных — нижних чинов, занятых в народном хозяйстве страны в отличие от пленных офицеров).

Солнцева Светлана Александровна — соискатель степени кандидата исторических наук, Институт российской истории РАН.

Итак, к 1917 г. на территории России находилось выше 2 млн. военнопленных — почти 500 тыс. венгров, около 450 тыс. австрийцев, примерно 250 тыс. чехов и словаков, более 200 тыс. югославян (термин 1917 г.), 190 тыс. немцев, а также турки, итальянцы, галицийские украинцы, поляки, болгары, представители других национальностей. На 1 января 1917 г. в пределах Московского военного округа насчитывалось 521 тыс. пленных, Казанского — 285 тыс., Омского — 199 тыс. и т. д. Продолжавшиеся в 1917 г. боевые действия увеличивали эти цифры. Так, согласно официальным данным, за первые дни июньского наступления русской армии в плен было взято до 36 тыс. человек. А по воспоминаниям генерала А. И. Деникина, «11-го июля 4-я русская армия генерала Рагозы и румынская — Авереско перешли в наступление между реками Сушицей и Путной против 9-ой австрийской армии. Атака их увенчалась успехом: армии... взяли 2000 пленных»².

Количество военнопленных, занятых в экономике России в 1917 г., составляло около 1,5 млн человек, причем, по отдельным предприятиям, отраслям и регионам относительные цифры были очень высоки. Так, на некоторых заводах Урала пленные составляли от 1/3 до 1/2 всех работавших, а к лету 1917 г. в Донбассе, Уральском, Подмосковном и Западно-Сибирском каменноугольных бассейнах — около 30% рабочих, в металлургической промышленности Юга России — свыше 25%, а в железорудной — около 60%³.

Весь комплекс мер, связанных с нахождением военнопленных на территории империи, определялся специальным Положением, которое было утверждено в 1914 г. и с незначительными дополнениями продолжало юридически действовать и в 1917 году. Основными структурами, ведавшими военнопленными, были специальные отделы штабов фронтов, округов и Главного управления Генерального штаба (ГУГШ). В конце марта 1917 г. к ним добавилось Управление заведывающего содержанием и эвакуацией военнопленных в пределах Кавказского военного округа (официальное название) (видимо, в управление был развернут отдел). В июле при уточнении предметов ведения отделов Управления дежурного генерала Штаба Верховного главнокомандующего в составе организационного отдела было объявлено отделение о военнопленных и трофеях, а инспекторского — отделение переписки по запросам об участии военнопленных⁴.

Расширился круг государственных организаций, занимавшихся пленными. В марте 1917 г. постановлением Временного правительства был учрежден Центральный комитет по делам военнопленных при Главном управлении Российского общества Красного Креста (РОКК) как головная структура для всех государственных и общественных организаций соответствующего профиля. В части, связанной с делами пленных противника, ЦК имел право «самостоятельного и окончательного решения всех вопросов общего характера, касающихся русских военнопленных, находящихся во вражеских странах, и неприятельских военнопленных, водворенных в России (с точки зрения установления взаимности)»⁵.

В мае приказом по военному ведомству был образован Центральный эвакуационный комитет в Москве и эвакуационные совещания в городах, где имелись распределительные эвакупункты, к компетенции которых были отнесены наряду с большими и ранеными русскими солдатами больные и раненные пленные. В июне «в целях более скорого использования труда военнопленных», помимо уже имевшейся Особой междуведомственной комиссии при ГУГШ, были сформированы аналогичные комиссии при штабах округов, куда вошли региональные представители заинтересованных министерств и ведомств⁶. 13 ноября приказом Верховного Главнокомандующего № 964 было утверждено Положение о Продовольственном Совете при Штабе Верховного главнокомандующего, которое предусматривало право уполномоченных министра продовольствия (Временного правительства!) на «принятие мер к усилению заготовки продовольствия и фуража в районе фронта путем исполнения у надлежащих властей военнопленных». Однако, взглянув на дату приказа, нетрудно понять, что эта инициатива не была реализована.

Желание на официальной основе распорядиться распределением пленных на сельскохозяйственные работы изъявили также вновь образованные местные земельные комитеты. Например, проект организации таких комитетов, подготовленный Западно-Сибирским Советом крестьянских депутатов летом 1917 г., предусматривал выборность низших (сельских) комитетов всеми людьми, проживающими в сельском обществе, за исключением иностранных подданных, и компетенцию комитетов

в числе прочего распределять военнопленных по хозяйствам крестьян для помощи в полевых работах. Проект предлагал вменить в обязанность волостным комитетам регистрацию и распределение пленных в распоряжение сельских комитетов ⁷, то есть забрать эти функции у военных и правительственных структур. Подобные требования не являлись тогда единичными и отражали революционный процесс в деревне, в который пассивно вовлеченными оказались и военнопленные.

Следствие массовых мобилизаций в годы войны сельское хозяйство лишилось многих рабочих рук. Деревня не могла самостоятельно провести посевные и уборочные работы в полном объеме в 1917 году. Всю же рабочую силу военнопленных поглощали поместья, что вызывало возмущение крестьян. Солдатки в отчаянии посылали на фронт прошения командирам частей отпустить мужей домой на сельскохозяйственные работы, поскольку, как писала одна из них, «нанять... некого, а военнопленных не дают, и я боюсь, что хлеб наш останется необраным». В конце концов крестьяне начали разбирать пленных из поместий по своим хозяйствам самостоятельно. Местами же земельные комитеты ставили изъятие пленных у помещиков на планомерную основу, например, вводили для последних плату за использование военнопленных, а если они отказывались платить, бесплатно прикрепляли пленных к хозяйствам мобилизованных в армию. Более того. Во многих местах крестьяне в ходе аграрных волнений выдвигали требование об уравнивании зарплаты военнопленных с зарплатой местных батраков, которую, в свою очередь, тоже требовали повысить, а местами и повышали явочным порядком. С целью ввести жизнь деревни в спокойное русло министр земледелия Временного правительства В. М. Чернов 16 июля издал инструкцию, пытавшуюся регулировать земельные отношения, в том числе вопрос использования труда военнопленных, а Верховный главнокомандующий — приказ № 737 (31 июля), требовавший в пределах театра военных действий в том числе возвращения пленных в поместья и запрещения вынуждать помещиков платить им зарплату выше установленной. Но вряд ли можно сомневаться в том, что особого результата эти меры властей в сложившейся обстановке не дали ⁸.

Требования об уравнивании оплаты труда военнопленных с местными трудящимися выдвигались и в промышленности, причем, исходили они как от самих рабочих, так и от их выборных органов. Так, в Енисейской губ. рабочие Знаменского стекольного завода добились равных с собой прав для венгерских, немецких и австрийских пленных; а в Донбассе исполнительный комитет Щербинского рудника 10 июня 1917 г. вынес решение, обязывавшее администрацию оплачивать труд пленных и русских рабочих одинаково, а также уравнивать тех и других в снабжении продовольствием. Внесение некоторых проблем пленных в перечень требований, выдвигавшихся рабочими, возвращало им чувство собственного достоинства и способствовало вовлечению в экономическую и политическую борьбу. В августе 1917 г. даже состоялась крупная (до 10 тыс. участников) забастовка пленных, занятых на выкорчевке леса и строительстве железной дороги на Урале, подавленная властями силой оружия. Отношение к военнопленным трудового населения России отличалось от позиции «интеллигентных» классов, которые продолжали видеть в них врагов и единственным путем улучшения условий их пребывания считали давление на правительства Четвертого Союза родственников этих пленных с целью добиться облегчения положения русских военнопленных в странах неприятеля ⁹.

Значительный вклад в улучшение положения пленных в России внесли Советы депутатов и профсоюзы. В ряде Советов начиная с Петроградского возникли специальные комиссии, ведавшие делами военнопленных, как русских за рубежом, так и неприятельских в России. В апреле 1917 г. на Всероссийском совещании Советов также был поднят вопрос о незащитном положении пленных. В мае Петроградский Совет призвал рабочих собирать деньги для оказания помощи своим и вражеским военнопленным ¹⁰.

На местах началась работа по выравниванию материального положения пленных относительно русских рабочих. Так, конференция 12 Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Луганского района (Украина) предложила «поручить Советам на местах принять меры к улучшению положения военнопленных» (в указанной местности находились пленные австрийцы, чехи и словаки). В крайнем случае, ставилась задача хотя бы предотвратить дальнейшее ухудшение уже существовавшего положения (Полтавский губернский Совет рабочих и солдатских

депутатов). Специальное письмо Московского комитета партии большевиков о бедственном положении военнопленных было включено в повестку дня работы Московского совета профессиональных союзов. После его обсуждения Моссовет профсоюзов принял решение о постановке указанной проблемы перед правлениями отдельных профсоюзов и фабрично-заводскими комитетами на предприятиях Москвы. В июне 1917 г. Томский съезд Союза горнорабочих принял резолюцию «Об отношении к иностранным рабочим и военнопленным», в которой категорически потребовал «обеспечить военнопленных рабочих законом об охране труда, немедленного уравнивания зарплаты с русскими, привлечь их к выполнению налогов наравне с русскими рабочими, привлекать к участию в рабочих организациях, особенно профессиональных союзов»¹¹, то есть фактически обеспечить пленным экономическое русское гражданство.

Советы выступали за пресечение насилий и издевательств над пленными, нередкими со стороны официальных лиц — милиционеров, представителей административных учреждений и предприятий и т. п.; за неприменение к военнопленным телесных наказаний. Наконец, в отдельных местах представители пленных появились в составе местных Советов, как, например, в Житомирском (от чехов и словаков), Черкасском (от австрийцев) и т. д. Иногда военнопленных представляли в Советах местные граждане¹².

Политика же Временного правительства по отношению к военнопленным, в сущности, продолжала дореволюционную. В марте 1917 г. к работам начали привлекать пленных унтер-офицеров, поскольку «еще в минувшем 1916 году Военным Министерством были получены документальные сведения о том, что правительства Австро-Венгрии и Германии, вопреки заключенному с Россией соглашению о непривлечении к принудительным работам военнопленных унтер-офицеров заставляют всеми способами находящихся у них в плену русских унтер-офицеров выполнять разного рода работы», а демарш русской стороны остался без ответа. В марте же на многочисленные запросы пленных о возможности жительства на частных квартирах, свободе передвижения в пунктах расквартирования, свободе собраний, профессиональных и религиозно-просветительных союзов был получен отказ в связи с тем, что русские граждане в плену были лишены аналогичных требованиям прав, и поэтому «дарование каких-либо свобод лицам, взятым с оружием в руках и неосвобожденным от плена, было бы актом явно несправедливым». В июне ЦК по делам военнопленных при Главном управлении РОКК принял решение о клеймении масляной краской одежды пленных нижних чинов (буквы «В. П.» на левом рукаве). Это нововведение тоже объяснялось тем, что в Австро-Венгрии и Германии на одежде русских военнопленных ставили особые знаки краской или прикрепляли специальные нашивки, а переговоры с указанными странами об упразднении «знаков плена» не привели к решению вопроса¹³.

Однако эти акции скорее номинально уравнивали положение иностранных пленных в России и русских пленных в странах неприятеля за исключением первой ввиду их нереализации или затянувшейся реализации, как это было с клеймением одежды.

Реальным же шагом властей по улучшению положения военнопленных можно считать постановление Временного правительства от 17 июня о приеме «в подданство России неприятельских военнопленных, состоящих в рядах Русской армии или добровольческих воинских частях». Условиями, срок действия которых распространялся до окончания текущей войны являлись: подача личного ходатайства желающим, наличие отличной рекомендации от начальника его части, поручительство солидной славянской организации (если он славянин), благоприятный отзыв местных властей в случае, когда это возможно¹⁴.

30 июня 1917 г. военный министр утвердил «Правила, устанавливающие особые льготы для военнопленных чехов, словаков и поляков». Согласно им, указанным категориям пленных разрешался обмен письмами между лагерями и переписка с соответствующими национальными организациями; создание касс взаимопомощи и библиотек, совместное содержание родственников и т. п. Офицерам и лицам интеллигентных профессий предоставлялось право проживания на частных квартирах. Тогда же военнопленные славянского происхождения при условии их лояльности и взятии на поруки получили возможность вступать в брак с русскими гражданками¹⁵.

На основании проекта, подготовленного Ликвидационной комиссией по делам

Царства Польского, Временным правительством был принят закон о прекращении дел в отношении поляков — русских подданных, перешедших на сторону противника, вступивших добровольцами в их Вооруженные Силы (главным образом, в качестве польских легионеров в австро-венгерскую армию), затем взятых русскими войсками в плен и преданных военному суду по обвинению в государственной измене. Военнопленные остались в случае правонарушений «подведомственными» военным судам, хотя те приобрели новое качество — с конца мая 1917 г. назначение военных судей было заменено выборами в войсках военноприсяжных заседателей. В связи с вышесказанным можно лишь частично согласиться с мнением генерала А. И. Деникина о том, что власти «не использовали... пребывание на русской территории огромной массы пленных для того, чтобы дать им правильное представление о России»¹⁶.

Однако исполнение уже принятых правительственных указов либо растягивалось на длительный срок, либо не происходило вообще в силу общеполитической ситуации. Кроме того, вследствие упразднения полиции и начала организации милиции охрана лагерей военнопленных была ослаблена и они получили возможность относительно свободного выхода из мест содержания (во второй половине 1917 г. были случаи организации охраны пленных офицеров силами солдат — военнопленных из тех же лагерей — членов Красной Гвардии и проведения в жизнь права свободного местожительства пленных в местах их расквартирования решениями местных Советов большевистского толка), что привело, с одной стороны, к росту числа побегов, а с другой — позволило военнопленным посещать местные митинги и демонстрации, активными участниками которых они постепенно становились (известны случаи участия пленных еще в событиях Февральской революции). Военнопленные принимали участие в первомайских рабочих манифестациях в Москве, Ивано-Вознесенске, Томске, Ярославле, Ростове-на-Дону, других городах России. 18 июня 1917 г. в связи с переходом русской армии в наступление были отмечены демонстрации пленных чехов и словаков под красными флагами. В лагерях военнопленные создавали выборные комитеты, которые занимались вопросами их быта, трудоустройства и т. п. В некоторых лагерях удалось наладить издание газет на языках военнопленных. Для пленных были открыты двери возникавших рабочих и солдатских клубов, которые по возможности выписывали для них газеты и книги на их языках, устраивали лектории и беседования на политические темы¹⁷.

Еще до Февральской революции некоторые военнопленные тяготели к местным рабочим организациям или создавали свои политические группы, как правило, антивоенного характера и социал-демократической направленности. После революции стремление к политической самоорганизации и самодеятельности пленных усилилось, тем более, что победа Февраля вселила в них надежду на скорое заключение мира и возвращение домой. Прежние кружки и группы численно увеличились, появились новые. В Сибири возник Союз военнопленных, руководимый большевиками, который к осени 1917 г. насчитывал около 25 тыс. членов¹⁸.

Многие пленные вступали в РСДРП(б), причем это происходило как в индивидуальном, так и в коллективном порядке. Например, в Макеевке (Донбасс) социал-демократические организации военнопленных немцев и австрийцев объединились и влились в ряды партии большевиков¹⁹. Таким образом, пленные не только экономически, но и политически сливались с местным населением и хотя бы частично отождествляли свои интересы с интересами окружавшего их социума России.

Мы уже упоминали, что официальные власти и поддерживавшие их общественные круги рекомендовали военнопленным неприятеля добиваться улучшения положения русских военнопленных от своих правительств. Несмотря на утопичность подобных предложений пленные в России прилагали усилия в этом направлении. Так, митинг военнопленных австро-венгерской и германской армий, работавших на Судженской копи Михельсона, в количестве 1400 человек 28 мая 1917 г. вынес резолюцию: «Мы... просим передать нашим правительствам наш могучий протест против бесчеловечного обращения их с нашими русскими товарищами, находящимися в австро-германском и турецком плену. Русские товарищи рабочие, у себя на Родине борющиеся за лучшие условия жизни, категорически требуют и для нас, военнопленных, тех же самых условий. Поэтому и мы энергично требуем от наших правительств, чтобы с нашими русскими товарищами военнопленными и у нас на

родине обращались бы так, как обращаются с нами здесь русские товарищи. Да здравствует Интернационал!». Участники митинга решили отчислить определенный процент своего заработка в пользу русских военнопленных в Австро-Венгрии и Германии и передать собранную сумму последним через Петроградский Совет. В 1917 г. очень популярными были сборы средств населением в пользу «семей павших борцов революции» и т. п. Пленные тоже принимали участие в подобных акциях. Например, команда германских военнопленных, работавшая на одном из заводов Мариуполя, собрала на указанные цели 101 руб. 70 копеек ²⁰.

Включение массы военнопленных в политическую жизнь страны, тем более, что она выражала настроения преимущественно леворадикальной части политического спектра общества, не устраивало правительство России. Поэтому при первой же возможности, а она представилась перед подготовкой наступления 18 июня, а затем после петроградских событий 3—4 июля, была предпринята попытка восстановить прежний статус-кво пленных: усилился лагерный режим, пресекались попытки общения военнопленных с местным населением, наиболее активные участники митингов и демонстраций должны были быть водворены в тюрьмы и штрафные лагеря. Отдельные представители власти на местах предлагали восстановить телесные наказания пленных. Однако неудача корниловского выступления положила конец потугам властей в этом направлении.

Таким образом, постепенно понятие «плен» применительно к находившимся в стране неприятельским военнопленным все более размывалось, пока не исчерпало себя полностью. А тысячи пленных, ставшие экономически и отчасти политически составляющими русского социума, обрели многие права русских граждан де-факто (военнопленные славяне получили их даже де-юре), что позволяет, по нашему мнению, говорить о начавшемся процессе их фактической массовой натурализации в России.

Примечания

1. См., напр.: ЖАРОВ Л. И., УСТИНОВ В. М. Интернациональные части в боях за власть Советов. М. 1960; Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции (далее — Участие трудящихся). Сб. ст. М. — 1967; КЛЕВАНСКИЙ А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России 1914—1921 гг. М. 1965; КУРГАНОВ И. А. Иностранцы участники коммунистической революции в России. В кн.: Записки русской академической группы в США. Т. IV. Б. м. 1970.
2. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М. 1987, с. 196; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 2620, оп. 2, д. 68, л. 337—338; ДВНИКИН А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917 г. Репринтное воспроизведение. М. 1991, с. 422.
3. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия, с. 196; Участие трудящихся, с. 16.
4. Приказы по военному ведомству. Пттр. 1914, с. 1875—1884; Приказ Верховного Главнокомандующего № 62 от 31 марта 1917 г.; РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 3, л. 280—281.
5. Собрание узаконений и распоряжений правительства. Пттр. 1917. Отд. 1, 1-е полуг., с. 602.
6. Приказы по военному ведомству. Пттр. 1917, с. 277, 388.
7. Центральный музей Вооруженных Сил (ЦМВС), ф. 4, оп. II.8.1, ед. хр. 14976, л. 1—2.
8. РГВИА, ф. 2620, оп. 2, д. 19, л. 478; Красный Архив, 1926, т. 1(14), с. 198, 217, 192; т. 2(15), с. 46; Приказ Верховного Главнокомандующего № 715 от 26 июля 1917 г.; Красный Архив, 1926, т. 1(14), с. 221.
9. Участие трудящихся, с. 295, 124, 111, 122.
10. Там же, с. 115—116.
11. Там же, с. 124—125, 115, 296.
12. Там же, с. 127—128.
13. Приказы по военному ведомству. 1917, с. 140; РГВИА, ф. 2620, оп. 2; д. 19, л. 120; Участие трудящихся, с. 110, 113, 115.
14. Приказ Верховного Главнокомандующего № 597 от 10 июля 1917 г.
15. Участие трудящихся, с. 117.

16. Князь Сергей Евгеньевич ТРУБЕЦКОЙ. Минувшее. М. 1991, с. 163—167; РГИВА, ф. 2620, оп. 2, д. 68, л. 282; Деникин А. И. Ук. соч., с. 322.
17. МЮННИХ Ф. Бурный путь. М. 1968, с. 31; Участие трудящихся, с. 305, 112—113, 121, 304, 30, 299—300; Полковник Д. ХОДНЕВ. Февральская революция и запасной батальон лейб-гвардии Финляндского полка. В кн.: 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению М. 1997, с. 271; Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сб. док. М. 1968, с. 7—9, 11, 12.
18. Участие трудящихся, с. 302.
19. Там же, с. 126.
20. Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР, с. 17.

Обстоятельства заключения российско-грузинского трактата 1783 года

3. Сулаберидзе

В конце XVIII в. соперничество между Россией и Турцией в Закавказье усиливалось. Большое значение Турция придавала господству в Западной Грузии и на побережье Черного моря. В этих обстоятельствах в 1781—1782 гг. имеретинский царь Соломон I дважды обращался к России. После второй просьбы, в декабре 1782 г., российское правительство поручило своему послу в Константинополе И. Булгакову обратить внимание на просьбу грузинского царя¹.

Ранее, в 1779 г., имеретинский царь обращался к папе римскому Пию IV с просьбой о помощи в борьбе против Турции. Соломон I получил благословение от папы², после чего имеретинская дипломатия перенесла свое внимание с Европы на Россию. В 1781—1782 гг. российские политические деятели имели свои планы, направленные против Турции, предусматривавшие полное изгнание турок из Европы и восстановление на Балканах древних государств, а также усиление грузинского царства в Закавказье, восстановление государственности в Армении и Азербайджане³.

Все это представлялось возможным благодаря повышению международного авторитета России. В 1774 г., после Кючук-Кайнарджийского мира России достались территории между Днепром и Бугом. С получением Кинбурнской крепости Россия вышла на Черное море. Из Керчи и Еникале Россия получила доступ к Азовскому морю. Турция признала за Россией право плаванья в Черном море. Был отменен Белградский трактат 1739 г., по которому Кабарда признавалась нейтральной зоной и России и Турции запрещалось вмешиваться в дела Северо-

Сулаберидзе Зураб — старший научный сотрудник Сухумского государственного института им. И. Веква.

Западного Кавказа, хотя Кючук-Кайнарджийским миром не решался окончательно кабардинский вопрос. После войны 1768—1774 гг. Турция активно вмешивалась в крымские дела. О том, что турки собирались вторгнуться в Крым, грузинский дипломат в 1778 г. сообщил российскому правительству: «Сверх того, по приказанию имеретинского царя доносил он, князь (Бесарион Габашвили. — З. С.) словесно, что Анатолийский Аджи Али-паша собирает войска до осемнадцати тысяч, с коим пойдет будто против России, а с другой стороны, слух носится, для разорения Имеретии»⁴.

После установления турецкого господства на Тамани и в Крыму и восстановления его в Керчи и Еникале Турция угрожала российским позициям на Северном Кавказе. Эта угроза заставила Россию сблизиться с Австрией и ускорить окончательное решение крымского вопроса. Сближение России с Австрией ввело в заблуждение картли-кахетинского царя Ираклия II, и он с помощью католических миссионеров безуспешно пытался найти поддержку в Европе⁵. Между тем российское правительство сообщило грузинскому царю о возобновлении разработки проекта договора⁶.

24 июля 1783 г. в Георгиевске был заключен русско-грузинский трактат. Он был создан на основе трех документов: 1) прошения царя Ираклия от 30 декабря 1771 г.; 2) обязательства картли-кахетинского двора от 1772 г.; 3) указа Екатерины II Григорию Потемкину (конец 1782 — начало 1783 года). Сам трактат состоял из четырех независимых документов: из 13 основных статей, из 4 независимых, одного дополнительного и из образца клятвы (сахэ). Они являлись независимыми документами и были отдельно подписаны, на каждом была поставлена печать с обеих сторон⁷. Этим актом картли-кахетинский царь Ираклий II отказывался признать себя вассалом Ирана или какого-либо другого государства. Россия обязывалась защищать Картли и Кахетию от внешних врагов и помочь вернуть утраченные территории, которые должны были оставаться во владении грузинских царей.

17 января 1784 г. полковник Томара прибыл в Тифлис и представил царю Ираклию сертифицированный русский текст трактата с царскими знаками и подарками. В тот же день Ираклий подписал договор, а 25 января 1784 г. в присутствии русских послов дал клятву верности России. Таким образом, Георгиевский трактат вступил в силу. В истории русско-грузинских отношений это был первый двусторонний международный договор. Договор был заключен не только с учетом положения Грузии 90-х годов XVIII в., но и учитывая международное положение России. Георгиевский трактат был международным договором между двумя феодальными государствами с разными идеологиями. Но этим трактатом не предусматривалось присоединение территорий Турции и Ирана и не ставилась задача бороться против религии и государственного строя этих стран. Договор также не являлся частью так называемого «Греческого проекта» и не имел целью уничтожить Турцию. Этот договор всего лишь обуздывал амбиции Османской империи и шахского Ирана по отношению к Кавказскому региону. Как отмечал В. Мачарадзе, оказание Картли-Кахетинскому царству покровительства России, заключение Георгиевского трактата были продиктованы серьезным анализом создавшейся общей ситуации в Грузии и отвечали характеру многовековых отношений с Россией⁸.

Что касается Западной Грузии перед заключением трактата 1783 г., то просьба имеретинского царя о покровительстве России не осталась без внимания. В поле зрения императорского двора России в 80-е годы XVIII в. входил не только картли-кахетинский вопрос. В проекте указа, который, по мнению Я. Цинцадзе, граф А. А. Безбородко должен был подготовить не ранее января и февраля 1782 г., Имеретинское царство и сам Соломон I были упомянуты, как и Картли-Кахетинское царство и царь Ираклий II⁹. Так что вопрос о присоединении Имеретинского царства к России в декабре 1782 г. и даже в 1783 г. не был снят с повестки дня.

С апреля 1783 г. картина прояснилась. Восточной Грузией было принято окончательное решение воспользоваться покровительством России и подписать трактат. Но в Западной Грузии с заключением такого же договора решили повременить в предвидении более удобной международной ситуации для российского правительства: «На держанном у Мустафия в 31 день августа большом совете рассуждено было о Крыме, но никакого нового и решительного намерения не принято, — говорилось в реляции Булгакова от 26 сентября 1783 г. — Духовенство настояло, что

присоединение Крыма к России есть нарушение трактатов, коего магометанской закон терпеть не должен. Военные приготовления продолжаются, и войска отправляются на Дунай и на азиатский берег Черного моря. В Сарем и между знатными утверждают, что Порта теперь спокойна со стороны императора (австрийского. — 3. С.), потому что приобретение Крыма ему неприятно и вредно его интересам; что французы обещали ей помогать всеми от них зависящими способами, и обявят войну императору (австрийскому. — 3. С.), ежели он восстанет против Порты; что духовенство склонно к войне, но султан и министерство желают оной избежать, ежели то будет возможно, чтобы грузинцы, подкрепленные российскими войсками, не учинили нападение на здешние области»¹⁰. В такой обстановке момент для оформления трактата с Имеретией был неподходящим.

Внимание России к Имеретии активизировалось весной и летом 1783 года. В беседе с П. С. Потемкиным Хаджи Али-паша высказал предположение, что с помощью имеретинского царя Соломона Россия может найти общий язык с Сулейман-пашой и таким путем укрепиться на Алыске: «Через грузинского Соломона [он] легко может склонить Сулейман Пашу, что к Алыске склонившись обязать его письмом и оное письмо постарается через Крым ко мне доставить»¹¹.

В августе 1783 г. в Стамбул прибыло посольство грузинских царей, которое сообщило блистательной Порте о том, что российские войска находятся в Грузии. «Что посольство грузинских князей Соломона и Ираклия, которое состоит из семидесяти человек... посольство нарочно отправлено было от упомянутых князей к Сулейману с уведомлением, что российские войска находятся в Грузии в великом множестве»¹².

Россия учитывала, что промедление с подписанием трактата может вызвать недовольство имеретинского царя. Но стремление России присоединить Имеретию все-таки сталкивалась с определенными трудностями. Принятие Имеретией покровительства России означало конец турецкого владычества в этом регионе. В сентябре 1783 г. Потемкин получил следующее донесение: «Приехавший из Анатолии в Казме грек Аджи Углан извещает: 1) что оставшемуся в Анатолии Ходжа Али-паше велено взять войско 80 000 следовать в Грузию, и производит протчае они военные действия точно де сей паша намерение имеет по прибытии в Грузию порученное ему войско обратить вообще за грузинцами против турок. 2) отправляется из Царя-града войско в Варну, в Измаил чтоб военные действия начать против Цесарии и России. 3) с Цесарскими границ хлеб и протчае в продажу туркам прочисалою нинеее оное воспрещено». В реляции Булгакова, датированной 1 сентября 1783 г., говорится: «Духовенство склонно к войне, но Султан и Министерство желает оной избежать, ежели то будет возможно, что грузинцы подкрепленные российскими войсками, не учиним нападение на здешние области»¹³.

В такой политической ситуации осени 1783 г. надо было решить вопрос о принятии Имеретии под покровительство России. Зимой 1783—1784 гг. российское правительство воспользовалось турецкими событиями и поручило своим послам в Константинополе (путем дипломатических переговоров) пересмотреть Кючук-Кайнарджийский мир и конвенцию Аинал-Каваки.

28 декабря 1783 г. в Константинополе Булгаков и визирь Гасан-паша подписали договор, на основе которого был отменен Кючук-Кайнарджийский трактат 1774 г., в частности 3-й пункт, и 2—4 пункты Аинал-Кавакской конвенции 1779 года. Граница между Россией и Турцией была установлена по Кубани. Россия также была согласна с тем, что Сухумская крепость оставалась под владычеством татарских племен, которые жили на левом побережье Кубани и у Черного моря¹⁴.

Таким образом, Россия смогла избавиться от войны с Турцией из-за Крыма, а из-за Имеретии, как видно, не хотела иметь новые осложнения, хотя не снимала с повестки дня вопрос о принятии Имеретии под свое покровительство и внимательно следила за происходящими там событиями.

6 сентября 1784 г. российское правительство специально послало к имеретинскому царю Штедера¹⁵, чрезвычайное поручение получил работавший в Грузии полковник С. Бурнашев.

В марте 1784 г. утверждением соглашения между Россией и Турцией закончилась дипломатическая борьба за заключение договора между Россией и Имеретией. 31 марта 1784 г. датировано письмо П. С. Потемкина, который писал имеретинскому царю Соломону, что не следует слишком поносить турок, чтобы не вызвать их

раздражение: такое отношение не соответствовало русско-турецкому договору. Имеретинскому царю Соломону не довелось ответить на это письмо ¹⁶: он скончался 24 апреля 1784 года. После этого политическая обстановка в Западной Грузии снова обострилась.

Примечания

1. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1902, с. 11—14, 24, 29, 30.
2. ТАМАРАШВИЛИ М. История католичества среди грузин. Тбилиси. 1902, с. 395—397 (на груз. яз.).
3. ЦИНЦАДЗЕ Я. Покровительственный трактат 1783 года. Тбилиси. 1960, с. 90 (на груз. яз.).
4. Архив внешней политики Российской империи, ф. Сношения России с Персией, 1776—1784 гг., л. 266—266об.
5. ТАБАГУА И. Грузия на международной арене в XVIII веке. Тбилиси. 1980, с. 64—74 (на груз. яз.).
6. МАЧАРАДЗЕ В. Георгиевский трактат. Тбилиси. 1983, с. 13 (на груз. яз.).
7. Там же, с. 20.
8. Там же, с. 18.
9. ЦИНЦАДЗЕ Я. Ук. соч., с. 112; МАЧАРАДЗЕ В. Бесики на дипломатической арене. Тбилиси. 1968, с. 62.
10. Российский государственный военно-исторический архив, ф. 52, оп. 1/194, д. 296, ч. 1, л. 44.
11. Там же, л. 45.
12. Там же, л. 91об.
13. ПЕТРОВ П. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II (1787—1791 гг.). СПб. 1880, с. 32; МАЧАРАДЗЕ В. Георгиевский трактат, с. 70—71.
14. МАЧАРАДЗЕ В. Георгиевский трактат, с. 80.
15. Штедер — российский врач, проводивший также дипломатическую работу в Грузии в 90-е годы XVIII века (см. ДУБРОВИН Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 4. СПб. 1886, с. 4).
16. МАЧАРАДЗЕ В. Георгиевский трактат, с. 92.

D. HEINZIG. *Die Sowjetunion und das kommunistische China 1945—1950. Der beschwerliche Weg zum Bündnis*. Baden-Baden. Nomos Verl. 1998. 710 S.

Д. ХАЙНЦИГ. *Советский Союз и коммунистический Китай в 1945—1950 гг. Трудный путь к союзу*

Книга заместителя директора Института восточно-европейских и международных исследований (Кёльн) Дитера Хайнцига помогает ответить на вопросы: что лежит в основе возникновения тоталитарных режимов в других частях света, и прежде всего в Китае; в чем их специфика, какова динамика становления и угасания. И не только обозначенный в названии книги временной отрезок, но за весь период становления и развития отношений между СССР и коммунистическим повстанческим движением в 30-е годы и кончая кратким анализом взаимоотношений теперь уже России с Китаем.

В какой-то степени книга — это назидательное напоминание о том, как одна великая держава, претендовавшая на лидерство в мировом коммунистическом движении и на одну из определяющих позиций среди промышленно развитых стран мира, брала на себя роль опекуна и наставника коммунистических повстанческих отрядов, действовавших в огромной, раздираемой противоречиями и региональной междоусобицей стране. Одно время руководство СССР колебалось, кому отдать предпочтение — Гоминьдану во главе с Чан Кайши или Коммунистической партии, у руля которой в 1945 г. стал Мао Цзедун. Затем оно поддержало коммунистов и стало оказывать активную помощь в переустройстве этой страны после провозглашения 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики. Потом началась полоса охлаждения отношений, взаимной критики и даже кровавых столкновений. В начале 90-х годов с крахом СССР, появлением России и еще 14 самостоятельных государств, начался период демократических и экономических преобразований, в ходе которых Рос-

сия все больше погружалась в состояние экономической и социальной нестабильности, в то время как политические круги Китая, пережив потрясения «культурной революции», взяли курс на модернизацию страны, успешно проводят технологическую революцию. Неся на себе груз нерешенных политических проблем, о чем напоминает «эхо Тяньаньмыня», Китай входит в число ведущих стран мира, удивляя своих соседей — ближних и дальних — динамизмом и упорством в своих действиях.

Достоинство книги — равноудаленность от каждой из исследуемых стран, что является залогом ее объективности. При этом у автора то преимущество, что в отличие от других западных аналитиков, задавшихся целью изучать взаимоотношения этих двух стран во многом по формальным признакам, деятельности тех или иных других институтов в этих странах — партийных, государственных, хозяйственных, у Хайнцига была возможность познать тоталитарные порядки, их двойственную природу на своем собственном опыте — на примере ГДР, где прошли его юные и студенческие годы. Впоследствии он как сотрудник Института исследования восточно-европейских и международных проблем неоднократно посещал Китай.

Хорошее знание пропагандистской подоплеки тоталитарных режимов дало возможность Хайнцигу прийти к одному из главных выводов — хотя и СССР и Китай обосновывали свою деятельность чисто идеологически (в одном случае марксизмом-ленинизмом, в другом «китаизацией марксизма» с опорой на «учение Мао»), за всем этим стояли стремления реализовать чисто национальные интересы, понимаемые руководителями этих

стран в одном случае, как продолжение старой имперской политики, в другом — как отстаивание национальных интересов с уклоном в сторону удовлетворения нарастающих великодержавных амбиций. «С самого начала, — пишет Хайнциг, — Сталин проводил по отношению к китайской компартии советскую политику интересов, идеологически прикрытую деятельностью Коминтерна. В той степени, в которой Мао Цзедун становился вождем партии, он все сильнее противопоставлял Москве политику интересов, прежде всего нацеленную на взятие коммунистами власти в Китае» (с. 80).

Казалось, существование Коминтерна с его штаб-квартирой в Москве и политической, нацеленной на мировой революционный процесс, должны были мешать Сталину проводить свою стратегию «имперского социализма». Но Сталин сумел и Коминтерн превратить в свое послушное орудие, а когда возникла необходимость, то прикрыл его в 1943 г., ссылаясь на новую ситуацию в мире.

Но какие интересы имели в виду Сталин и Мао Цзедун? В чем они совпадали, а в чем принципиально расходились? Шла ли речь о реализации двух общественных проектов со ссылкой на одну и ту же классовую теорию марксизма и приспособленных к специфическим условиям каждой из этих двух стран? О чисто геополитическом соперничестве этих стран, претендовавших на статус великих держав? Или о столкновении двух личностей, каждая из которых претендовала на первенство в «мировом коммунистическом движении»? Доводы, размышления автора, ссылки на многочисленные источники дают основание для вывода, что имело место тесное переплетение всех трех вышеобозначенных тенденций.

Не приходится сомневаться, что после 1949 г. в различных слоях китайского общества наблюдалось искреннее желание перенять опыт «первой страны социализма» и применить его у себя на практике. Точно так же и в советском обществе довольно распространенным было убеждение, что «русские и китайцы братья навек». Хайнциг констатирует: «Китайская общественная, экономическая и правовая системы в пятидесятые годы преобразовались в значительной степени по советскому образцу» (с. 638). Он приводит такие данные: с 1950 по 1959 гг. в Китай было послано 10000 советских специалистов. В СССР приехало 20000 китайцев для обучения в разных областях деятельности. Со стороны СССР была оказана помощь в строительстве 300 объектов. В этот

период Китай получил от СССР кредит в размере 2 миллиарда долларов (там же). Я хорошо помню атмосферу тех лет. В общезнании нашего института проживали и китайцы, которые усердно учились, до поздней ночи корпели над трудами классиков марксизма. В обществе, на разных уровнях развивались контакты, которые позже были прерваны в результате действий послесталинских кремлевских политиков.

Хайнциг показывает, какими сложными были отношения между Сталиным и Мао Цзедун. Это проявилось в ходе первого и последнего визита «великого кормчего» в Москву. Мао прибыл 16 декабря 1949 г., а покинул страну 17 февраля 1950 года. «К тому времени Сталин — ему оставалось 4 года до смерти — был и без того болезненно подозрителен... Таким же был и Мао, в то время ему было 56 лет и он был на 14 лет моложе. У обоих была необычайная жажда власти, оба были хитрыми и беззастенчивыми» (с. 433).

Сталин принял Мао по приезду, а затем его отправили на одну из кремлевских дач, даже не потрудившись сказать, когда состоится следующая встреча. (Хайнциг называет этот период «томлением на даче».) Эти дни приходились на время подготовки к 70-летию со дня рождения Сталина, которое отмечалось с грандиозной помпой. На торжественном собрании в Большом театре Сталин посадил Мао рядом с собой. Ему же было предоставлено слово для приветствия как первому зарубежному гостю. Вообще, при неприятии друг друга, чисто внешне оба вождя не портили той благостной атмосферы, которая была изображена на известной картине Налбандяна. Как отмечает Хайнциг: «Мао играл самостоятельную роль вождя и теоретика в партии, но он многократно характеризовал себя как «ученика Сталина» (с. 258).

В свою очередь своеобразные знаки внимания оказывал Мао Цзедун Сталину. Так, когда Мао отправился в декабре 1949 г. в Москву, его советник И. Ковалев, который сотрудничал с китайским лидером много лет и завоевал его доверие, отправил личное секретное послание Сталину, в котором обращал внимание на недостатки предстоящего собеседника из Пекина. Во время одной из московских встреч Сталин передал Мао эту самую «телегу», тем самым как бы показывая, что у него «от друзей секретов нет».

XX съезд, разоблачивший культ личности Сталина, был со смешанным чувством воспринят в китайском руководстве. Ведь в Китае был собственный культ с весьма

сходными последствиями. Как реагировал на это сам Мао? Хайнциг приводит его высказывание сразу же после XX съезда. «Мао сообщил советским товарищам, что в принципе курс Сталина был правильным, заслуги Сталина куда большие, чем ошибки. Следует также осудить и форму критики в его адрес. Сталин был на 70 процентов хорошим и на тридцать плохим» (с. 639). Но автор воспроизводит еще одно суждение Мао о Сталине. высказанное в беседе с А. Н. Косыгиным. Это суждение он вынес в качестве эпиграфа к своему исследованию: «Я сам напишу книгу о преступлениях Сталина. Но она окажется столь страшной, что я не позволю публиковать ее раньше чем через 10000 лет».

Так или иначе, Сталин и Мао подписали договор 14 февраля 1950 г., который, казалось, открывал новую страницу во взаимоотношениях двух стран. А через десять лет Хрущев дает указание советским специалистам в двухмесячный срок покинуть Китай. Так началась полоса конфронтации, сопровождаемая грубой перебранкой. Хайнциг приводит факты, когда Хрущев обзывал Мао Цзедуна «старой калошей», а китайцы в свою очередь называли горячего поборника кукурузной культуры «лысым дураком». Накопленный потенциал доверия и симпатий разбазарили с двух сторон в считанные месяцы.

Кто был виноват? С точки зрения Хайнцига, «за такой ход развития событий несут ответственность обе стороны, хотя китайская сторона вела себя более агрессивно и более жестко». Во время возникновения конфликта речь шла, в конце концов, о процессе освобождения Китая с его региональной структурой и великодержавными амбициями от преобладания СССР. «Этот процесс, пишет автор, следует рассматривать скорее под националистическим (нежели идеологическим) углом зрения, связанным с политическими интересами. Фактически разорвав союз с Советским Союзом, Китай добился внешнеполитической независимости, которой не обладал последние 120 лет» (с. 634—644).

В 1964 г. СССР посетил с большой делегацией Чжоу Эньлай, стремившийся после отправки Хрущева на пенсию попытаться нормализовать отношения между двумя странами. Автор книги приводит слова маршала Р. Я. Малиновского, который на приеме в честь китайских гостей, подвыпив, сказал: «Мы своего дурака скинули. Теперь вы на очереди» (с. 646).

Такая постановка вопроса была для китайцев абсолютно неприемлемой. Мао претендовал на роль великого стратега. После

«большого скачка» и неудачи с «народными коммунарами» Китай в 1967 г. погрузился в хаос «культурной революции». При этом активно разыгрывалась антисоветская идеологическая карта. Хайнциг пишет в этой связи: «Венцом критики стал тезис, согласно которому КПСС предала социализм и Советский Союз перестал быть социалистическим государством. Упрек, который был снят только после визита в КНР Горбачева» (с. 645).

Последний посетил Пекин в мае 1989 года. Еще два года оставалось до распада Советского Союза. Китай уже более десяти лет осуществлял курс реформ, заявленный Ден Сяопином еще в 1978 году. Под лозунгами «перестройки» и «гласности» руководство КПСС возвестило о курсе реформ и приступило к его реализации. Как известно, результаты этих реформаторских усилий различны, и на это обращает внимание Хайнциг: «В Пекине на основе успехов китайцев и поражения российской экономики царит чувство превосходства» (с. 653). Еще одно наблюдение автора: «При создании союза в 50-е годы важную роль играл тот факт, что обе стороны объявляли себя приверженцами марксизма-ленинизма, что в 90-е годы исчезло бесследно» (там же). Но это означает, что отношения между двумя странами в этот период стали выстраиваться на совершенно иных основаниях. Отпала необходимость маскировать отстаивание национальных интересов идеологическими лозунгами.

Для России, если судить по заявлениям ее ведущих политиков — это сохранение статуса великой державы в многополюсном мире, для Китая — закрепление статуса великой державы в режиме ускоренной технологической модернизации. Совпадают ли эти интересы и позволяют ли они этим двум странам жить в атмосфере дружбы и взаимопонимания? В ходе визита в Индию в декабре 1998 г. Е. М. Примаков заявил о возможной целесообразности выстраивания стратегического треугольника Москва-Дели-Пекин. Предложение вызвало у компетентных аналитиков, осведомленных о сложном характере взаимоотношений между Китаем и Индией, с одной стороны, Индией и Пакистаном — с другой, о заинтересованности этих стран, и в первую очередь Китая, в развитии отношений с США, прежде всего в области обновления технологии, мягко говоря, недоумение. Аналитики не упускают из вида и интенсивную продажу российского оружия Китаю. На это обратил внимание и Хайнциг: «Самое spectacularное (примечательное) заключается в том факте, что Россия стала важнейшим поставщиком оружия Китаю» (с. 652). Не может не возникать вопрос — зачем

Китаю так много оружия, причем главным образом наступательного? против кого китайские политики намереваются обращать самое современное оружие, в какой степени идея пространственного распространения влияния Китая владеет их умами?

Вызывает уважение, что преодолев огромное число трудностей, китайцы в условиях независимой страны улучшают свое благосостояние, развивают культуру, науку, внося свой вклад в развитие мировой цивилизации. Но от кого они собираются защищаться? Проблема Китая — это проблема мягкого приведения в соответствие откры-

той экономики и открытой политики, как это имеет место в цивилизованных и наиболее успешно действующих странах мира.

Одно из главных достоинств книги Хайнца — дотошность в самом хорошем смысле этого слова. Собирая буквально по крупицам различные факты, по-новому, высвечивающие отношения между Китаем и Советским Союзом, он обстоятельно проверяет, перепроверяет их, сопоставляя с другими фактами и суждениями. По существу — это научно-экспертное исследование.

Б. С. ОРЛОВ

Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. Вып. VII. 1901 год. СПб. Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ. 2000. 608 с.

Продолжается реализация международного научно-исследовательского проекта по созданию комплекса вторичных источников по истории рабочего и революционно-демократического движения в России в 1895—1917 годах. Издание получило признание среди специалистов. Методика всестороннего, последовательного изучения революционных событий рубежа XIX—XX веков¹ открыла возможность для применения статистических методов анализа рабочего движения, что позволяет реконструировать максимально объективную картину социального протеста в дореволюционной России.

В 80-е годы XX в. зародилось новое направление в историографии: изучение взаимосвязи внутренней структуры рабочего движения с факторами социально-экономического и политического развития страны и экономическим положением рабочих на основе применения методов статистического анализа динамических рядов². Хроника содержит необходимые для этого показатели. Над осуществлением проекта работает большая группа ученых, сотрудников исследовательских центров, архивов, музеев и библиотек, преподавателей вузов России, Украины, Беларуси, Литвы, Латвии, Эстонии, Молдовы, Грузии, Азербайджана. Только в составлении седьмого выпуска «Хроники» использованы материалы 152 фондов 66 архивов (с. 46) России, стран СНГ и Балтии. Ответственным редактором издания является Ю. И. Кирьянов, а ответственным редактором, составителем и автором предисловия VII выпуска — И. М. Пушкарева. Работа выполняется при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и фонда ЮНЕСКО, ее изда-

ние финансируется фондом Дж. Фельтринелли (Милан), Библиотекой современной документации (Париж), Международным институтом социальной истории (Амстердам). Содействие изданию оказывает также Федерация профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Как и предыдущие выпуски, сборник включает разделы посвященные, во-первых, массовым рабочим выступлениям — стачкам, волнениям, демонстрациям, митингам, собраниям и сходкам; во-вторых, рабочим политическим и партийным организациям, функционировавшим в 1901 г.; в-третьих, изданным в течение года листовкам. В приложениях систематизированы данные о количестве стачек и стачечников в 1901 г., сопоставлены подсчеты фабричной инспекции и материалы «Хроники», указана территориальная локализация выступлений. Приведены также подсчеты количества и участников нестачечных выступлений рабочих, включая волнения, предъявление прошений и жалоб. В приложении содержится перечень архивных фондов, периодических изданий, опубликованных источников и литературы, использованных при составлении «Хроники». Выпуск снабжен указателями имен, географических названий и предприятий. Впервые приведен перечень региональных «Хроник» (с. 605), а также работ, в которых используются информационные возможности данного издания.

В первом разделе выпуска дано описание 771 стачки. В 609 из них бастовало 135436 человек. После некоторого снижения стачечной активности в 1900 г. рабочее движение вновь вышло на уровень 1897—1899

годов. Значительно возросло число нестачечных выступлений. Указаны причины активизации рабочего движения: продолжавшийся экономический кризис, 40-летие отмены крепостного права, введение в действие «Временных правил» от 29 июля 1899 г., шестой параграф которых давал право отдавать студентов в солдаты за участие в «беспорядках» и антиправительственную агитацию (с. 5). В феврале — марте 1901 г. в Харькове, Москве, Петербурге прошла серия совместных демонстраций с участием студентов и рабочих, в результате которых действие «Временных правил» было приостановлено.

«Хроника» за 1901 г. отразила новые тенденции в рабочем движении. Стачечное движение достигло максимального размаха, охватив 60 губерний и областей России (с. 516). Распределение стачек и числа бастующих по стране стало более равномерным. По-прежнему ведущее место в движении занимали рабочие Санкт-Петербурга. В то же время существенно снизилась доля бастующих в Центральном промышленном районе, сохранялась высокая активность рабочих Украины и Области Войска Донского. Отмечается широкое участие в движении рабочих Дальнего Востока, Сибири, Закавказья, Урала, Поволжья и других регионов. Зафиксированы 4 стачки в Казахстане. Впервые бастовали промышленные рабочие на о-ве Сахалин (с. 6, 13—14).

Отраслевой анализ свидетельствует о вовлечении новых предприятий и производств в движение. При снижении доли текстильщиков доля металлистов превысила показатели по всем предшествующим годам (29,4% бастующих). 14% стачечников приходится на рабочих железнодорожных мастерских. Широко были вовлечены в движение рабочие горнозаводской и горнодобывающей, а также пищевой промышленности, строительные рабочие. Традиционно активное участие мелких промышленных предприятий (с. 17—19).

В 1901 г. меняется структура рабочих требований. В 1895—1899 гг. свыше половины их была связана с недовольством зарплатой. В 1900 г. доля этих требований составила 38%. Примечательно, что это совпало по времени с экономическим кризисом. Существенно сократились и требования, связанные с нормированием рабочего времени (22%). Заметно усилились требования к условиям труда и быта, качеству сырья, состоянию вентиляции и освещения помещений, обеспечению жильем в казармах и врачебной помощи (25,4%). Как и раньше, часть требований была спровоцирована конфликтами с администрацией или грубым обращением с рабочими. Но теперь бастующие не только ищут защиты у фабричных инспек-

торов, но и отстаивают права выборных представителей от рабочих на участие в решении конфликтных ситуаций, а также в определении условий найма и размера заработной платы.

Материалы «Хроники» показывают, что, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, связанные с экономическим кризисом и преобладание выступлений экономического характера, структура требований значительно усложнилась; появились такие, которые свидетельствовали о стремлении рабочих к самоорганизации и непосредственному участию в регулировании производственного процесса и его оптимизации.

О росте организованности рабочих выступлений свидетельствует также увеличение числа коллективных стачек (до 86). Впервые они охватили 30 губерний страны (1899 г. — 22, 1900 г. — 20 губерний). Наиболее значительными из них стали забастовки рабочих столицы (текстильщики Выборгской стороны — 1—5 мая, 4-х предприятий за Невской заставой 7—22 мая, вызванная увольнением 26 рабочих Обуховского сталелитейного завода — с. 8, 115—118). Первомайские коллективные стачки в Витебской и Эстляндской губерниях, в Киеве, Полтаве и Туле проходили при активном участии партийных организаторов. Всего их участие отмечено в 46 выступлениях рабочих, а распространение листовок и революционной литературы — в более чем 50 (с. 22). Рост организованности рабочих выступлений заметно отличает движение 1901 г. от предшествующих лет.

Количество политических организаций в 1901 г. по сравнению с предшествующим годом выросло на 78%, достигнув 292 организаций и групп. Они зафиксированы в 52 губерниях и областях России (1900 г. — 40 губерний). Подавляющее большинство из них действовало в городах (с. 30). Наибольшим влиянием пользовались организации социал-демократического толка, в которых шел процесс радикализации взглядов. Значительным влиянием пользовались эсеры.

Картина общественной и политической жизни дореволюционной России была бы неполной без характеристики деятельности зубатовского «Общества вспомоществования рабочих механического производства» в Москве. Его устав был утвержден 29 сентября 1901 г.; к концу года на позиции «Общества» перешла «Пермская группа освобождения рабочего класса». Организации зубатовского толка возникли в Киеве и Одессе (с. 37, 270—272, 280—281, 323). К сожалению, существование зубатовской организации в Киеве лишь упомянуто в предисловии, но

ее деятельность не представлена в соответствующем разделе «Хроники».

В разделе, посвященном листовкам, дано описание 408 листовок, обнаруженных в фондах архивов, в коллекциях библиотек и музеев, упомянуты издания, фигурирующие в источниках, но до сих пор не обнаруженные. Всего в VII выпуске учтено почти в 2,5 раза больше листовок, чем в VI выпуске за 1900 год.

В листовках увеличилось число обращений «ко всем» рабочим — по месту проживания, их профессии или национальной принадлежности. Новаторством стало обращение «к обществу» в целом, а также к студентам и интеллигенции — с призывами к совместной борьбе. Восемь наименований листовок, изданных в Петербурге, Москве, Харькове и Костроме, были посвящены 40-летней годовщине отмены крепостного права в России (с. 338—342, 349). В Киеве, Москве, Петербурге, Иваново-Вознесенске была издана серия листовок по поводу «Временных правил» и студенческих волнений (с. 336—337, 346, 350—351). В 24 городах одиннадцати регионов страны издавались первомайские прокламации 54-х наименований (с. 46). Более 300 листовок были изданы социал-демократическими организациями (с. 52). Составителями сборника особо отмечен факт увеличения числа листовок, содержащих лозунг «Долой самодержавие!» (с. 601).

Материалы VII выпуска позволяют выявить новые тенденции в общественно-политической ситуации в России: широкий тер-

риториальный и отраслевой охват рабочих стачечными выступлениями и волнениями, требования отражают радикализацию движения, деятельность политических организаций, тенденции рабочих к самоорганизации реализуются в значительном увеличении их численности, вовлекаются в общественное движение консервативные и прежде пассивные слои рабочих, в том числе и зубатовские организации. Дальнейшее развитие этих тенденций можно установить лишь путем продолжения издания хроники «Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917».

А. В. НОВИКОВ

Примечания

1. См.: Организационные и методические принципы подготовки хроник рабочего и социал-демократического движения в России (1895 — февраль 1917 г.). М. 1990.
2. См.: КИРЬЯНОВ Ю. И., БОРОДНИК Л. Н. Влияние различных факторов социального, экономического и политического характера на рабочее движение в России в конце XIX — начале XX вв. — Россия и США на рубеже XIX—XX столетий (математические методы в исторических исследованиях). 1992, с. 40—78; БОРОДНИК Л. И. Квантитативные исследования стачечного движения и факторов его развития в дореволюционной России. — Россия на рубеже XIX—XX веков. Материалы научных чтений памяти профессора В. И. Бовыкина. М. 1999, с. 93—111.

Персональная история. М. «Мануфактура». 1999. 336 с.

Очерки, из которых состоит сборник психологических биографий «Персональная история» (его составитель и ответственный редактор Д. М. Володихин), относятся к набирающей силу в современной историографии микроистории. В предисловии отмечается, в частности, методологическая близость общей платформы авторов сборника к отечественной микроисторической школе Ю. Л. Бесмертного; «Персональная история имеет с микроисторией одну важную аналогию, важную точку соприкосновения, а именно схожий масштаб исследований; в обоих случаях это микроанализ, анализ одного-единственного события, индивидуальной судьбы». Указаны и различия: «Персональная история ни в малой мере не решает социальных или социоисторических проблем, она занята экзистенциальными про-

блемами» (с. 8). Добавим: определенное сходство в выборе масштаба исследований и стиля изложения прослеживается также с недавно изданной монографией С. А. Экштута «На службе российскому Левиафану. Историософские опыты» (М. 1998). Пытаясь точно указать собственную «нишу» в современном методологическом многообразии, авторы сообщают также об использовании ими некоторых методик психоистории.

Но в качестве основного историко-филологического фундамента ими избрана экзистенциалистская философия. Для исторической науки этот выбор нетрадиционен: со времен работы Ж.-П. Сартра «Проблемы метода» (написанной совершенно в ином ключе) фактически не было попыток придать классическому экзистенциализму статус методологической платформы для ка-

ких-либо направлений и течений в исторической и социологической науке. Своеобразный методологический эксперимент, предпринятый авторами сборника, можно считать уникальным в отечественной исторической науке.

В то же время необходимо отметить, что использование авторами столь широкой философской базы, как экзистенциалистская, в качестве методологии и высшей критерииологии неизбежно должно было привести к определенному размыванию самого понятия исторического исследования. Так и произошло. Два из шести очерков сборника вряд ли можно отнести к сфере исторической науки. Психологические изыскания С. Янышева о французском сюрреалисте А. Арто, скорее, относятся к литературоведению или просто к изящной словесности. Работа Н. Зубкова о поэте К. Н. Батюшкове в значительной мере использует текстологический анализ, и в целом может быть отнесена к сфере литературоведения.

Для профессиональных историков могут представлять интерес четыре очерка. Это работы О. Елисеевой «Екатерина II. Зрячее счастье», А. Монахова «Императорские шахматы или горе побежденным» (об одном эпизоде из жизни Александра I), Д. Володихина «Густинное место» в судьбе Константина Леонтьева», а также П. Лавровой «Джон Сандерсон — странствующий меланхолик».

Наибольшим по объему — является очерк Монахова. В нем анализируется поведение Александра I в связи с так называемым делом Пржибышевского, ложно, как утверждает автор, представленного в качестве главного виновника Аустерлицкого поражения. Очерк слабо соответствует общей направленности всего сборника: в нем слишком мало психологических, экзистенциальных изысканий. Автором проведен основательный анализ источников, дана обоснованная реконструкция спорных моментов сражения при Аустерлице, показана борьба придворных партий в первое десятилетие царствования Александра I. Но лишь на последних страницах Монахов обращается к психологическому портрету императора. Он фактически отказался от произвольных психологических построений в пользу анализа действий, аргументируя это необходимостью, оценивая деятельность любого значительного политика, опираться на факты, а не на идеи или проекты. Император Александр I обрисован в очерке прежде всего как политик. Монахов пришел к важному выводу, который достоин занять видное место в историографии эпохи. «Инфицирование» определенными идеями эпохи Просвещения (в частности, идеей «просвещенной монархии»)

произвело разрушительные нравственные последствия в характере и психологической сущности Александра I: «Дозированная безжалостность (интрига, двоедушие, холодная расчетливость в использовании как сильных, так и малых мира сего) оказывалась окрашенной в цвета конечного блага» (с. 206). Серьезным недостатком очерка Монахова является ничтожное число ссылок на использованные источники.

Очерк Елисеевой посвящен в основном формированию характера будущей российской императрицы Екатерины II в детстве и в молодые годы, то есть задолго до вступления на престол. Значительный интерес представляет также отдельная глава, посвященная браку императрицы и Г. А. Потемкина после первого их разрыва в 1774 году. Вот характерная цитата: «Что же это была за семья, где мужа и жену объединяла не любовь, а дружба? Не ложе, а кабинет? Ответить на поставленный вопрос невозможно, если не обратиться к тем изменениям, которые внесла в семейную мораль эпоха просвещения... Супружеская... пара, по мысли французских «моралистов» нового времени, должна была стать союзом сугубо дружеским. Подобный стиль поведения уже настолько привился среди европейского дворянства, что супружеская любовь и верность считались почти неприличными и смешными». Потемкин же и его венценосная супруга, по словам Елисеевой, принадлежали своей эпохе и «не могли отказаться от той культурной среды, в которой воспитывались и учились думать» (с. 61—62).

Место стержневой проблемы в очерке Д. Володихина занял экзистенциальный выбор. Известный российский писатель и философ К. Н. Леонтьев в 1871 г. совершил этот выбор между двумя различными психологическими стратегиями. Одна из них диктовалась самой атмосферой эпохи: это способ жизни романтического героя. Другая коренится в традиционных идеалах православного монашества. Автор считает, что в судьбе Леонтьева произошел «перелом»: будучи русским консулом в Турции и находясь в сельской местности вдалеке от квалифицированных врачей, он пережил приступ смертельно опасной болезни, а затем наступило «чудесное исцеление». Автору удается показать ту огромную силу, с которой может повлиять на судьбу и психологию индивида одно-единственное экстраординарное событие, даже если полученный в результате опыт идет вразрез со всеми прежними его ментальными установками. Володихин аргументировано отстаивает точку зрения, в соответствии с которой между 1871 и 1887 г.

происходила постепенная трансформация личности Леонтьева в сторону все более глубокого погружения в православие. В последние годы жизни (1887—1891 гг.) он воспринимает монашество в качестве естественной для себя формы существования. Володихин показывает, как ослабевает в новых психологических условиях последнего периода жизни сила литературного таланта: «Леонтьев теряет желание и способность писать» (с. 254). Отметим, что несколько парадоксальная манера повествования в этом очерке опирается на систематический и основательный анализ источников.

Очерк Лавровой об английском путешественнике XVII в. Джоне Сандерсоне — комментированная биография, в которой психологические моменты едва акцентированы. Для историка елизаветинской Англии будут

полезны не отдельные эпизоды из жизни этого человека, а общий портрет практического дельца той эпохи. «Итак, скромность и достоинство, ученость и благочестие, деловитость и решимость — вот качества, составляющие идеальный образ нашего героя» (с. 300). Лаврова продемонстрировала свою осведомленность в историографии и источниках по английской истории.

Очерки в разной степени соответствуют общей концепции сборника. В большей степени удовлетворяют ей работы Елисеевой и Володихина, в меньшей — Зубкова, Лавровой, Монахова и Янышева. Но в целом эта книга — многообещающая заявка на особое течение в современной отечественной исторической науке.

В. П. СУСТАВОВ

Г. А. ЛЕОНТЬЕВА, П. А. ШОРИН, В. Б. КОБРИН. *Вспомогательные исторические дисциплины*. М. Гуманит, изд. центр ВЛАДОС. 2000. 368 с.;

Г. А. ЛЕОНТЬЕВА. *Палеография, хронология, археография, геральдика*. М. ВЛАДОС. 2000. 200 с.

Более тридцати лет тому назад в учебную программу исторических факультетов вузов было включено преподавание вспомогательных исторических дисциплин. Определен и их перечень. Однако отнюдь не во всех вузах студенты получают равноценные знания по перечисленным в программе дисциплинам. Как правило, причиной этого является отсутствие специалистов по вспомогательным историческим дисциплинам (их также называют специальными или источниковедческими), каждая из которых имеет свой предмет и методику исследования.

В свете вышесказанного исключительно важное значение приобретают рецензируемые издания: учебник по вспомогательным историческим дисциплинам и учебное пособие по четырем из них (строго говоря, археография вышла за рамки вспомогательной дисциплины, превратившись в последние десятилетия в отрасль исторического знания, подобно археологии, архивистике и др.).

Рецензент имел возможность последовательно ознакомиться с предыдущими выпусками учебного пособия, написанного теми же авторами («Вспомогательные исторические дисциплины». 1984; «Ключи к тайнам Клио». 1994), опубликовать отклики. Нынешний вариант отличается значительной фундаментальностью. Существенно добавление фактического материала, в некоторых главах появились новые разделы, палеография

сосуществует с археографией, геральдика с вексиллологией.

Во введении к учебнику рассматривается вопрос о соотношении источниковедения и вспомогательных дисциплин, определяется значимость последних при аналитической работе с письменными источниками. В соответствии с современным пониманием роли и задач вспомогательных исторических дисциплин в научном исследовании подчеркивается их вполне самостоятельное значение в изучении ряда проблем истории. Читатель получает возможность познакомиться с этапами развития данных дисциплин. В специальном разделе введения рассказывается о практическом использовании знаний по этим дисциплинам.

В рецензиях на предшествующие выпуски учебника отмечалась несоразмерность отдельных глав как по объему, так и по проработанности представленного в них материала. Настоящее издание в значительной мере устраняет этот недостаток. Материал каждой из дисциплин изложен по единой схеме, включающей определение предмета изучения, целей, задач, историографии, характеристики источниковой базы, при которой рационально сочетается теоретический и фактический материалы. Содержание всех разделов объединено общей идеей историзма, комплексным подходом к использованию вспомогательных исторических дисциплин в работе историка, их взаимозависимостью.

Палеография — одна из старейших и сложных вспомогательных исторических дисциплин. Для любого историка, особенно начинающего, она представляет наибольшую значимость прежде всего потому, что помогает в изучении такого важного источника как рукописи. Г. А. Леонтьева максимально доходчиво излагает теорию палеографии, определяет ее критерии как научной дисциплины. Четко выделены предмет, задачи, методика изучения рукописных памятников, обращено внимание на постановку новых проблем в палеографии в связи со стремлением ученых разных стран теоретически обосновать закономерности эволюции письма в зависимости от историко-культурного развития общества. Но теоретические знания не могут заменить практику чтения рукописных текстов. Поэтому в учебнике, а особенно в рецензируемом практическом пособии, материал по данной дисциплине изложен так, чтобы студенты могли научиться чтению тестов, написанных уставом, полууставом, скорописью. В практическом пособии по палеографии, составленном Леонтьевой, представлены шестьдесят пять образцов (фрагментов) русских текстов XI—XVIII вв., отобранных в соответствии с материалом, излагаемым в соответствующей главе учебника.

Известный нумизмат П. А. Шорин значительно расширил иллюстративный материал. К сожалению, его глава не дополнена сведениями о современных нумизматических разработках, которые получили отражение в трудах всероссийских нумизматических конференций, сборниках Отдела нумизматики Государственного исторического музея, в монографиях известных нумизматов. Работы их (А. С. Мельникова, В. В. Узденников, В. М. Потин, П. Г. Гайдуков и др.) отсутствуют и в списке литературы.

Существенно переработана в новом издании учебника глава, посвященная геральдике. Авторы отказались от многих штампов, освещающих проблемы геральдики в духе традиций, сложившихся еще в XIX веке. В учебнике, например, отсутствует постулат о заимствовании двуглавого орла — основной фигуры российского государственного герба — из Византии. Во многих научных зарубежных и отечественных публикациях давно уже ставится вопрос о невозможности перенять в Византии то, чего она сама не имела. Заслугой авторов является уважительное отношение к современным разработкам в этой области, введение в текст материалов, почерпнутых из книг и статей академических исследователей. Правда, не совсем понята позиция авторов в определе-

нии «основной задачи» геральдики как средства атрибуции предметов, несущих герб. Правильно было отмечено во втором издании («Ключи к тайнам Клио»): это не единственная задача геральдики, главной целью которой является изучение гербов, их возникновения, использования и развития как правового института и памятника культуры. К подобному пониманию геральдики пришли многие специалисты у нас в стране и за рубежом. Такое понимание геральдики исключает из дефиниции герба термин «наследственный знак», что присуще родовой геральдике.

Геральдика и генеалогия в настоящее время являются дисциплинами исключительно востребованными обществом. Однако акцент в учебнике сделан на теорию конструкции дворянских гербов (за основу взяты пособия начала XX века), а между тем современное геральдическое искусство, о чем свидетельствуют труды, в частности немецких профессионалов-геральдистов, использует некоторые иные подходы. Особенно заметны новации в гербах городов, учебных заведений и различных сообществ.

Искусственным является включение вексиллологии (почему-то настойчиво называемой вексиллографией) в рамки геральдики. Она действительно не имеет еще всех параметров научной дисциплины, однако у нее особый, отличный от геральдики, предмет исследования, собственные дефиниции, хотя знамена и флаги, если они являются гербонесителями, используются в геральдическом исследовании.

Обращает на себя внимание глава «Генеалогия и системы социального этикета». Около двадцати лет тому назад она была написана, к сожалению, ныне уже покойным В. Б. Кобриным, многие работы которого были связаны с генеалогическими исследованиями. Как и предшествующая ей глава «Историческая ономастика», она практически остается в неизменном виде в течение длительного времени. Между тем за этот период получили развитие и общие проблемы генеалогии и различные направления генеалогического исследования, особенно купеческая генеалогия, обусловленная изучением предпринимательства в России. Раздел «Системы социального этикета» в значительной степени потерял свою значимость в связи с формированием таких специальных дисциплин, как униформистика, фалеристика. В настоящее время выпускается ряд изданий, посвященных униформе, прежде всего высокопрофессиональный журнал «Цейхгауз», увидело свет множество справочных, научно-популярных и научных работ по ор-

денам и медалям, создана новая российская наградная система. О должностях, титулах и званиях царской России рассказывает монографический труд, опубликованный в 1999 году¹. Новый материал не нашел отражение в тексте, написанном двадцать лет тому назад.

Исходя из современных представлений, могли бы быть выверены некоторые сведения в главах, посвященных хронологии и метрологии. Например, в учебнике говорится, что смена мартовского стиля сентябрьским произошла на Руси в конце XV века. В настоящее время учеными принимается другая дата — первая половина XV века.

Рецензируемый учебник является своеобразным путеводителем для любого начинающего историка. Термин «путеводитель» (лат. «вадемекум») использовали чешские ученые, профессора Кафедры вспомогательных исторических дисциплин Карлова университета в Праге, в заголовке аналогичного учебника, третье издание которого увидело свет в 1997 году². Эти два учебника удивительно похожи: освещением во введении целей и задач вспомогательных исторических дисциплин, подбором последних, схемой подачи материала в главах, внешними параметрами — три автора (преподавателя кафедры), 3-е издание, почти идентичность объема, одинаковые обложки, одинаковый (черно-белый) иллюстративный материал. Отличие заключается в наличии у чехов первой (условной) части, в которую вошли дисциплины, возникшие и существующие без «общественного заказа»: палеография, хронология, историческая метрология и генеалогия. Во вторую часть включены геральдика, сфрагистика, нумизматика, а также (вместо ономастики) дипломатика и кодикология, признанным специалистом в изучении которых является редактор «Vademecum», заведующий кафедрой вспомогательных исторических дисциплин профессор Иван Главачек. Вместо списка литературы, о неполноте которого в российском учебнике уже упоминалось, чешским студентам предлага-

ется «библиографическое приложение» в конце каждой главы. Краткие аннотации помогают им ориентироваться в богатейшей литературе по каждой дисциплине, выделить монографическое или справочное издание. В перечне работ присутствуют не только труды отечественных специалистов, но отмечены основополагающие исследования ученых других стран. Подобный подход к библиографии вместо традиционного списка литературы, который акцентирует внимание на устаревших или малозначимых в научном плане работах, внесенных в него, ограничивая познавательные рефлексии слушателей курса, заслуживает внимания.

Учебник по вспомогательным историческим дисциплинам удачно дополняется практическим пособием Леонтьевой, используемым на семинарских занятиях и практикумах. Оно написано в соответствии с современными требованиями и программой, утвержденной Министерством образования РФ. Леонтьева использует в пособии не просто интересные по содержанию и разнообразным по времени источники (подлинники, подделки, списки). Подбор осуществляется ею таким образом, чтобы студент осваивал не только палеографию, но и другие дисциплины.

Учебник и практическое пособие, могут послужить образцом для аналогичной учебной литературы и взятые за основу в преподавании вышеназванных дисциплин помогут ликвидировать разноречие в их трактовке и подаче материала студентам. Отметим и достаточно высокое полиграфическое оформление обеих книг.

Н. А. СОБОЛЕВА

Примечания

1. ШЕПЕЛЕВ Л. Е. *Чиновный мир России. XVIII — начало XX в.* СПб. 1999.
2. HLAVÁČEK I. KAŠPAR J., NOVÝ R. *Vademecum pomocných věd historických.* Vyd. třetí. Lipník nad Bečvou. 1997, str. 293.

О. И. ГОРЕЛОВ. *Цугцванг Михаила Томского. Штрихи к портрету.* М. РОССПЭН. 2000. 288 с.

Книга кандидата исторических наук, доцента кафедры истории Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации О. И. Горелова о видном

деятеле российского рабочего и профессионального движения Михаиле Томском, в своем первоначальном виде написана была еще в 1991 г. в жанре политической био-

графии. В прошлые годы эти биографии писались с сильным художественно-литературным уклоном, что в большей или меньшей мере снижало научный уровень жизнеописания видных исторических фигур. Кроме того, в соответствии с прежней историографической традицией биографии представляли собой портрет того или иного деятеля непременно на фоне эпохи, которая, как и важнейшие события того времени были для авторов биографий чем-то второстепенным и статичным. Это приводило к тому, что и люди, о которых шла речь, выглядели как всего лишь застывшие схемы, которые могут быть помещены в почти любой исторический контекст. Сегодня подход к политической биографии у историков меняется. Показываются нити, связывающие человека с открывающей его действительностью. Политическая биография оказывается составной частью общего культурного дискурса той или иной исторической эпохи. Последняя представляется уже не безжизненным фоном, а почвой, питающей и своими элементами формирующей личность, также влияющую на историческую среду.

Именно к такому типу научных биографий и принадлежит книга Горелова. Автор продолжает раскрытие темы, заявленной им в ряде работ последнего времени¹. Томский и в самом деле почти уникальная личность. Через судьбу Томского может быть прослежена вся начальная история отечественного профсоюзного движения. В молодости он работал в одной из петербургских литографий (с. 6). В книге показано, что становление Томского как личности происходит еще в годы первой русской революции, когда он осознанно включился в политическую борьбу. После революции он оказывается в ссылке — в уездном Киренске Иркутской губернии. Анализ событий в Киренске принадлежит к наиболее интересным страницам книги.

В годы революции и гражданской войны он отстаивал свою позицию по рабочему вопросу, которая часто не совпадала ни со взглядами тех, кто ратовал за полное подчинение рабочих партии и государству, ни тех, кто настаивал на необходимости абсолютной независимости профсоюзного движения. Горелов правильно определил главное противоречие в положении профсоюзов в первые годы большевистского режима, над снятием которого в свое время немало потрудились Томский. Противоречие это напрямую было связано с тем двусмысленным положением, в котором после революции оказался весь рабочий класс: с одной стороны, пропаганда, что именно рабочие — по-

бедители в революции, а с другой, зажим их политических прав, ухудшение материально-положения.

Часть практиков профдвижения, прежде всего меньшевики, выступали за то, чтобы профсоюзы не занимались экономикой и не вмешивались в хозяйственную деятельность предприятий. Именно вовлечение профсоюзов в несвойственную им деятельность явилось, по мнению меньшевиков, причиной их неспособности защитить интересы рабочих². Томский же полагал, что в условиях разрухи, профсоюзы не могут отказаться от решения хозяйственных задач, снабжения рабочих продовольствием, поддержания жизнедеятельности предприятий. И эта позиция пользовалась среди рабочих большей поддержкой. В то же время Томский видел, что профсоюзы — самые массовые рабочие организации — были в своих правах ограничены. С одной стороны, они должны были строиться по принципу добровольности, с другой, особенно в условиях гражданской войны добровольность подменялась обязательным членством в профсоюзах. Томский последовательно отстаивал необходимость демократизации профсоюзов. Такова была его позиция и в ходе дискуссии о профсоюзах, и в ходе подготовке IV съезда профсоюзов — первого в условиях НЭПа. В первом случае нашла поддержку именно позиция Томского, Я. Э. Рудзутака и других профсоюзных практиков. Но всего несколько месяцев спустя Томский будет обвинен в искривлении партийной линии в профсоюзах, а по сути дела в переходе на позицию меньшевиков, с которой он боролся все предшествующие годы, то есть на позицию «независимости» профдвижения. Трудно в этой связи не согласиться с автором, что причины такой оценки деятельности Томского лежали в плоскости политической борьбы и не отвечали потребностям развития профсоюзного движения в стране (с. 89). Не исключено, что поражение линии Томского дало Ю. Мартову дополнительный козырь в борьбе за «свободу рабочих организаций» в нэповской России³.

Книга о Томском начинала создаваться и в основном была завершена в годы перестройки когда интерес к НЭПу и его урокам был чрезвычайно высок. 1920-м годам в монографии уделялось особое внимание. Возможно ныне, когда интерес к нэповской проблематике несколько ослабел, это исследование вновь оживит дискуссию по проблемам альтернативности и преемственности в отечественной истории. Представляется весьма интересной проблема социально-трудовых конфликтов, протестного движения

рабочих в годы НЭПа. Не менее актуальна, но, к сожалению, менее востребована другая проблема, поднятая Гореловым на материалах биографии Томского, а именно проблема недостаточной силы профсоюзного движения в нашей стране. В той борьбе, которая велась в большевистской партии в 20-е годы, Томский занимал умеренную, прагматическую позицию. Но ни его личного авторитета, ни авторитета возглавляемого им профсоюзного движения не хватило, чтобы отстоять этот прагматизм в политике советского государства. Вместе с тем, личное поражение Томского стало прелюдией, а точнее — эпизодом в общем наступлении на права рабочих организаций, на права профсоюзов, — политики, которую в литературе часто называют «разгромом профсоюзов».

В монографии предпринята попытка анализа изменений, начавшихся в нашей стране в 1930-е годы и наиболее принципиальных вопросов: поглотила ли «сталинская модернизация» любые намеки на рабочее самоуправление или какие-то формы рабочей самоорганизации все же сохранились?

В заключении Горелов пишет о том, как переосмысливалось им содержание книги. Когда в 1991 г. автором было выбрано название «Цугцванг Михаила Томского», это понятие⁴ им было отнесено только к поступку Томского. Сегодня же — это трагедия всего романтического поколения революционеров, чьи надежды, мечты, устремления приходили во все большее противоречие с реальностью.

Исследование о Томском, одном из ярчайших профсоюзных лидеров первых десятилетий XX в. может сыграть важную роль в разработке проблем истории рабочих России.

Д. О. ЧУРАКОВ

Примечания

1. См. напр.: Начало разгрома профдвижения. Дневники Б. Г. Козелева. 1927—1930 гг. — Исторический архив, 1996, № 5—6; 1997, № 1; История профсоюзов России. Этапы, события, люди. М. 1999; «Рабочая масса не чувствует в фабзавкоме свою организацию». Справка Информотдела ЦК РКП(б) И. В. Сталину. 1925 г. — Исторический архив, 2000, № 3; Социально-трудовые конфликты в период НЭПа. Некоторые проблемы изучения. — Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт. М. 2001 и др.
2. Меньшевики в большевистской России. 1918—1924. — Меньшевики в 1918 году. М. 1999, с. 476; Воткинская жизнь. 15.IX.1918; Позицию меньшевиков разделяли и эсеры, см. напр.: ЧЕРНОВ В. М. Конструктивный социализм. М. 1997, с. 326 и др.
3. ЦАКУНОВ С. В. В лабиринте доктрины. М. 1994, с. 83—84; УРИЛОВ И. Х. Ю. О. Мартов. М. 1997, с. 395; МАРТОВ Ю. О. Избранное. М. 2000, с. 479—483.
4. Цугцванг — шахматный термин, означающий необходимость игроку делать ход даже в той ситуации, когда все возможные варианты хода проигрышны.

B. PIETROW-ENNKER. *Russlands «Neue Menschen». Die Entwicklung der Frauenbewegung von der Anfängen bis zur Oktoberrevolution.* Firankfurt, N.Y. Campus Verlag. 1999. 498 S.

Б. ПИЕТРОВ-ЭННКЕР. «Новые люди» России: развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции

Тема развития феминизма становится все более популярной в современных исторических штудиях. Однако действительно серьезных и крупных исследований, посвященных «женскому вопросу», не так уж много. Немецкий историк Бьянка Пиетров-Эннкер по сути впервые предприняла попытку комплексно проанализировать такое сложное явление, как российское феминистское движение второй половины XIX — начала XX века.

Примерно с 60-х годов XX столетия начала складываться дошедшая и до наших дней

определенная традиция восприятия русских «эмансипе» и движения за эмансипацию женщин в России в целом: это была скорее мозаика лиц и образов (реальных и литературных), нежели целостная картина. Софья Ковалевская, Надежда Сулова, Вера Фигнер и другие не менее яркие личности выступали в качестве репрезентанток движения наряду с литературными персонажами (Еленой Инсаровой, Верой Павловной и др.). Примеры одиночек выглядели убедительными, но они же провоцировали вполне закономерный вопрос: смогло ли это явление вооб-

ще выйти за рамки индивидуального протеста, то есть насколько правомерно говорить именно о движении — применительно к русскому феминизму начального периода? Другая крайность предшествующей историографической традиции заключалась в попытках выделить и всячески подчеркнуть в женском движении его революционную составляющую, а подчас и свести все движение к различным формам политического протеста.

Пиетров-Эннker предлагает совершенно иной подход к изучению проблем женской эмансипации в России, рассматривая ее как сложное и многоуровневое явление, смыслом которого становится формирование и развитие новой социальной идентичности (через образование, овладение профессией, публичную деятельность и т. д.). Женская эмансипация, по мнению автора, становится необходимой составляющей процесса модернизации и предпосылкой так и незавершенного процесса становления институтов гражданского общества в России.

Эмансипация для русской женщины означала не просто шаг из семьи в сферу публичной деятельности. Такой поворот требовал перемены традиционных ролей (жены и матери), пересмотра прежних установок и стереотипов мышления. Он был, несомненно, результатом личного выбора, с одной стороны, и следствием изменившихся общественных условий, с другой. Поэтому для понимания сути и особенностей женского движения в России важны как самооценка и рефлексия его непосредственных участниц, так и социально-политический фон, на котором происходило его развитие.

Синтез макро- и микроистории — одна из серьезных методологических проблем, которую пытается решать современная историческая наука. Рецензируемая монография — и в этом ее особенность — предлагает уже не умозрительную, а вполне работающую модель подобного синтеза. В центре исследования — 12 биографий женщин, которые представляли различные течения в российском феминистском движении, в их числе М. В. Трубникова, Е. Н. Водозова, Н. П. Суслова, В. Н. Фигнер, Е. И. Корнади, М. К. Цебрикова, А. М. Калмыкова, К. Д. Алчевская, С. В. Ковалевская, В. А. Кошварова-Руднева, А. Н. Корвин-Круковская, Е. К. Брешко-Брешковская. Эти персонажи отбирались по значимости конкретной личности для развития движения, а также по наличию достаточного количества источников, принадлежащих перу главных фигуранток. Последнее условие не менее важно, чем первое, поскольку в основу методики исследования положен принцип «плотного

описания» («dichte Beschreibung») — один из характерных методических приемов немецкой исторической школы.

Пиетров-Эннker выделяет четыре условных группы персонажей (по три фигурантки в каждой), которые представляют различные пути самореализации женщины через эмансипацию. В центре — личность, жизненный путь которой рассматривается как основной пример для репрезентации качеств данной группы. Обстоятельства жизни и личные впечатления двух других героинь играют вспомогательную роль, позволяя подчеркнуть вариативность конкретных женских судеб в рамках одной группы.

К первой группе, символической фигурой которой выступает Трубникова, относятся предшественницы феминистского движения, которые примкнули к нему, будучи взрослыми женщинами, обладающими устойчивыми убеждениями. Кроме того женщины, принадлежащие к этой группе, как правило, не имели профессионального образования, хотя и заявили о себе на литературном поприще. Вторую группу (ее представляет Водозова) образуют женщины, получившие специальное образование и занятые преимущественно педагогической деятельностью. Женщины с академическим образованием, известные своими научными достижениями, вошли в третью группу (главная фигурантка — Суслова). И, наконец, четвертая группа представляет радикальное крыло женского движения, связанное с политической, в том числе революционной деятельностью (Фигнер и др.)

Однако рецензируемая книга — это вовсе не коллективная биография русских «эмансипе». Биографические примеры выступают здесь как материал для анализа. Структуру монографии определили несколько больших проблем развития женского движения в России: вопрос о «новом человеке» как тема общественного дискурса, проблемы женской социализации и ролеобразования в исторической ретроспективе, поворот в сознании и поиски новой идентичности в женской среде, формирование феминизма как движения (от личных практик к общественному явлению) и другие.

Раздел о социализации женщин — будущих участниц движения за эмансипацию — один из самых удачных. В отличие от большинства исследований по этой проблеме, которые сосредотачиваются главным образом на деятельности своих персонажей, Пиетров-Эннker обращается к истокам этой деятельности, анализирует причины кризиса идентичности, который для многих будущих «эмансипе» стал отправной точкой ментального поворота.

Автор монографии исследует семейный и общественно-политический контекст, в котором происходило формирование личности ее героини, начиная с раннего детства. На основе сравнения биографий фигуранток автор приходит к любопытным выводам. По ее наблюдениям, в детские годы большинство из них в качестве примера для подражания выделяли прежде всего отцов, тогда как сближение с матерями происходит несколько позднее. Мужчины, имеющие даже в дворянских семьях, гораздо большую свободу действий и мыслей нежели женщины, выступали по отношению к своим дочерям как трансляторы иной системы жизненных ценностей (хотя сами отцы далеко не всегда отдавали себе в этом отчет и публично придерживались скорее традиционной схемы распределения ролей в семье). Не проходили мимо ушей дочерей и довольно свободные разговоры на общественные темы, которые велись в кругу семьи. Большое значение для формирования сознания девочек имела также общая либеральная обстановка в доме, новые подходы к проблеме образования дочерей, которые тем самым получали больше возможностей для самовыражения.

При этом важно отметить, что изменение отношения к образованию девочек в семье совпало с новыми реформаторскими тенденциями в государственной системе народного образования (развитие сети начального и среднего женского образования). В более общем плане сам настрой общества эпохи Великих реформ был одной из главных предпосылок появления в России «новых женщин». По замечанию Пиетров-Эннкер,

женщины, всем предшествующим опытом своей жизни (семьей, кругом знакомых, литературой и т. п.) подготовленные к повороту, совершенно по-особому восприняли дух перемен, который принесла эпоха реформ: они осознали, что тот дух свободы, который с трудом прокладывал себе дорогу, касается их тоже.

В монографии представлены различные способы репрезентации «женского вопроса» — от кулуарных разговоров до публичных выступлений, а также развитие форм коммуникаций, которые способствовали формированию женского движения: создание кружков, обществ, женских журналов и т. д. Особая глава посвящена профессиональной деятельности «новых женщин», которая также рассматривается в контексте феминистского движения. Автор доводит свое исследование до 1917 г., когда впервые было реализовано одно из главных требований женского движения — равные избирательные права.

Что же осталось за рамками исследования? Первые российские феминистки в публицистике и личных документах стремились описать прежде всего свою публичную деятельность, обходя стороной сферу частной жизни. Таким образом, для историка остается открытым вопрос, как поворот в сознании и поиски новой идентичности среди русских «эмансипе» отразился на их личной жизни, отношении к семье, любви, мужчине и детям. По мнению Пиетров-Эннкер, эта тема, без анализа которой восприятие феминистского движения будет неполным, еще ждет своего исследователя.

Е. Ю. ЗУБКОВА

Возвращаясь к напечатанному

О статье Т. М. Исламова «Югославия: от объединения к разъединению»

В «Вопросах истории» (2001, № 5) вышла обстоятельная и интересная статья Т. М. Исламова «Югославия: от объединения к разъединению», являющаяся по своей сути рецензией на коллективную монографию «На путях к Югославии: за и против» (М., 1997). В целом рецензент положительно отзывается о книге, развивает некоторые ее положения, делает ряд глубоких замечаний. Вызывает сомнение желание рецензента чересчур прямолинейно связывать тематику книги (заканчивающуюся 1918 г.) с современностью, хотя некоторые его замечания очень любопытны. Так, он считает одной из причин распада Югославии в 90-е годы XX в. соединение в ней двух различных цивилизационных начал: «балканско-православного с сильным элементом османского государственного устройства и политической культуры, с одной стороны, и латинско-среднеевропейского, с другой» (с. 149). Мысль весьма плодотворная, которая требует всестороннего исследования, и не только на балканском материале.

Но ряд замечаний Исламова вызывает недоумение. Так, противопоставляя взгляды сербского просветителя Д. Обрадовича позициям сербского культурного деятеля Э. Янковича, рецензент утверждает, что Обрадович является представителем тех национальных сербских кругов, которые подчеркивали прежде всего славянскую сущность сербов, а не их особую национальность. Это утверждение рецензент обосновывает тем, что Обрадович называл сербов «славяно-сербской нацией». Но ведь в рецензируемой книге прямо говорится, что Об-

радович «утверждал, что «славяно-сербская» нация является особым славянским народом». В качестве доказательства этого приводится его попытка реформирования славяно-сербского языка, принятого во второй половине XVIII в., в сербских литературных кругах, приблизив его к разговорной сербской речи¹.

Эту точку зрения поддерживает и И. И. Лещиловская. «Досифей Обрадович, — пишет оно, — был первым деятелем сербской культуры, который теоретически обосновал необходимость и важность отказа в сербской литературе от церковнославянского и русского языков и создания единого литературного языка на народно-разговорной основе»². Упрек Чуркиной (автору главы о южнославянском просвещении) в том, что она «излагает диаметрально противоположную точку зрения того же Обрадовича (что религия не влияет на национальность. — И. Ч.), зная о том, что наукой она не подтверждается» (с. 149), несостоятелен. Во-первых, автор излагает не свою личную точку зрения, а точку зрения Обрадовича, которой между прочим придерживались многие южнославянские деятели первой половины XIX в.: например, хорватские иллиры во главе с Л. Гаем, а также их словенские и сербские сторонники, в том числе и великий сербский поэт Петр Негош. А, во-вторых, эта точка зрения Обрадовича не нашла своего подтверждения у южных славян, но при формировании многих других наций она оказалась справедливой. Так, среди словачков есть протестанты, католики и униаты, вместе с тем они считают себя единым на-

родом; среди немцев имеются протестанты и католики; среди армян — грегорианцы и католики и т. д. Поэтому нельзя утверждать, что точка зрения Обрадовича не подтверждена наукой.

Этнодифференцирующую роль религии в формировании южнославянских наций коллектив авторов рецензируемой книги исследовал в другом своем труде «Роль религии в формировании южнославянских наций», вышедшем в свет в 1999 году. В нем сделана попытка дать ответ на вопрос, почему так произошло.

Вызывает удивление утверждение рецензента, что «у хорватов в отличие от сербов никогда не прерывалась преемственность государственности» (с. 151). Во всяком случае хорватские политики, которые активно боролись за создание хорватской государственности на протяжении XIX—XX вв., придерживались иных взглядов. И с ними можно вполне согласиться, ибо те права, которые имело хорватское дворянство, не выходили за рамки автономий, которыми обладали многие провинции Габсбургской монархии. Хорватия даже находилась в худшем положении, чем многие из них, например, чешские земли короны св. Вацлава, потому что Хорватия была в двойном подчинении — от властей Пешта и от правительства Вены. Поэтому говорить о непрерывности хорватской государственности, начиная с раннефеодальной независимой Хорватии IX—XI вв. и до современного государства Хорватии неправомерно. Правда, такая точка зрения сейчас очень популярна в хорватской историографии, но это диктуется не новыми научными открытиями, а ее современным политическим положением. Кстати, сам Исламов достаточно четко отдает себе отчет в мере «хорватской государственности». Полемизируя с А. В. Карасевым, он подчеркивает, что нельзя говорить об усилении зависимости Хорватии от Вены и Будапешта «как будто речь идет о каком-нибудь суверенном государстве, а не о стране, входившей с 1102 г. в состав королевства Венгрии, части Австро-Венгерской монархии» (с. 156). Здесь Исламов указывает на полную зависимость хорватских земель от Пешта и Вены, где уж в таком случае говорить о непрерывности государственной традиции. Да и фраза, которую критикует Исламов, не принадлежит Карасеву — последний просто пересказывает программу А. Орешковича.

Исламов ставит вопрос о национализме, очень актуальный и острый в современном мире. Но, на наш взгляд, надо различать разные его виды. Нельзя на одну доску ставить национализм епископа И. Йовановича,

написавшего утопический проект обширного государства на Балканах, который был отслан в Петербург и о котором стало известно общественности только во второй половине XX в., и национализм венгерских революционеров, которые во имя идеи единой венгерской нации в королевстве св. Стефана посылали войска в сербские, румынские и прочие земли, и развязали там кровавую войну. Кстати, часто фантастические планы, типа проекта Йовановича, придумывались и отсылались в Петербург не для их осуществления, а для того, чтобы получить вспомоществование от русского царя, материальное или дипломатическое. Они таким образом и воспринимались российским правительством.

Если вернуться к вопросу о национализме, то как можно воспринять высказывание Исламова о том, что «император вовсе не стремился онемечить своих венгерских подданных и в их числе славян»? (с. 150). Не сыграло ли в данном случае роль убеждение венгерских политиков, что все, кто проживает на территории королевства св. Стефана, являются венграми?

Что касается революции 1848/49 гг., то здесь рецензент практически не выходит за рамки тех оценок, которые были даны различными политическими течениями и народам классиками марксизма 150 лет тому назад. Можно вполне принять мнение Исламова, что основной водораздел пролегал в 1848 г. между «феодально-абсолютистским режимом и новым обществом, на знамени которого были написаны всем понятные слова: «свобода, равенство, братство» (с. 154). За эти великие понятия выступали не только венгерские и немецкие революционеры, но и сербские, хорватские, румынские и другие политики. Но уже весной венгры и подвластные им народы вкладывали в эти понятия разный смысл. Венгерские политики хотели безусловно дать эти блага венграм, а другим народам — только то, что не шло в разрез с их пониманием своих национально-государственных интересов. Политики сербов, хорватов и других народов требовали для себя равенства и в национальном отношении. Поэтому, если говорить о разделении в 1848 г. народов на «прогрессивные» и «реакционные», то правильнее было бы их делить на народы первостепенные, достойные пользоваться в полной мере «свободой», равенством и братством», и второстепенные, которые могут пользоваться ими только в ограниченном варианте.

Исламов в целом прав, характеризуя хорватских лидеров Д. Гая и Й. Елачича. Несомненно, в финансовом отношении Гай не отличался щепетильностью. Он брал деньги

не только у Меттерниха, но и у русского правительства, у сербского князя Милоша Обреновича. Не вызывает спора и характеристика Елачича, как верного слуги австрийского императора, однако из усмирителей Венского восстания (октябрь 1848 г.) и венгерской революции. Правда, следовало бы добавить, что он довольно упорно защищал национальные права как хорватов, так и сербов.

Вопрос о союзе хорватов и сербов с Габсбургами, требует разъяснения. Что касается хорватов, то вплоть до начала сентября 1848 г., то есть в течение полугода со времени начала революции, они находились в конфронтации с венским двором, не по собственной воле, а по воле этого самого двора. И это доказывают факты. 25 марта Елачич был избран хорватским баном на собрании национальных деятелей в Загребе, что было подтверждено императором. Но когда в апреле Елачич отказался поехать в Пешт для принесения присяги венгерскому правительству и даже издал указ, запрещавший хорватам до созыва сабора подчиняться венгерским властям и платить им налоги, Вена решительно поддержала венгров. 11 мая император аннулировал все распоряжения Елачича, а комиссаром Хорватии, Славонии и Военной Границы назначил генерала Храбовского. 10 июня, после окончания хорватского сабора, принявшего решения, нежелательные для венгров, император по настоянию последних опубликовал манифест о смещении Елачича с поста бана и лишении его военных чинов. Только 4 сентября император отменил все эти указы, и тогда начал складываться союз хорватских ведущих политиков с двором. А ведь до этого существовал союз между двором и Пештом, союз, направленный на подавление национальных устремлений южных славян!

У сербов отношения с венграми с самого начала были напряженными. В конце марта 1848 г. сербская делегация во главе с либералом Дж. Стратимировичем приехала на переговоры с венгерскими лидерами. Она выставила весьма скромные требования. Признавая «первенство и господство венгерского языка во всех общегосударственных делах», сербы просили венгерское правительство признать существование сербской нации в Венгерском королевстве, право свободно употреблять сербский язык в школе, местных учреждениях, церкви. Ни о какой территориальной автономии вопрос не ставился. Но и эти скромные требования были решительно отвергнуты Кошутом, который заявил, что спор венгров и сербов рассудит оружие³. После этого вполне понятно реше-

ние, принятое сербами на Майской скупщине в Сремских Карловцах, провозгласить создание своего административного образования Воеводины. Но и на этот раз сербы оставили двери открытыми для венгерских оппозиционеров: Воеводина должна была находиться в составе Венгерского королевства. Вот как оценивает этот факт Исламов: «Правительство самопровозглашенной автономии во главе с лейтенантом императорской кавалерии Дж. Стратимировичем устраивало регулярные набеги на деревни и села несербского населения Баната — мадьяр, швабов, румын, других национальностей» (с. 153—154). Что касается «самопровозглашения», то в 1848 г. многие народы занимались «самопровозглашением»: словенцы провозгласили Объединенную Словению, хорваты — Триединое королевство и т. д. Но ведь это революция! А когда и где революция происходила в рамках исторической юриспруденции? После Октябрьской революции появились «самопровозглашенные» Эстония, Латвия, Литва, а в начале 90-х гг. XX в. «самопровозглашенные» Словения, Македония и др. И утверждение австрийского историка Х. Румплера, что «притязания сербов на собственную территорию в историко-политическом и в государственно-правовом смысле не подтверждаются ничем» (с. 153) не являются доказательством того, что сербы не имели право на автономную территорию. Здесь мы оставляем в стороне размеры Воеводины, определенные, между прочим, австрийским правительством, а не самими сербами. Исторические обстоятельства меняются, меняется карта Европы, и держаться за реалии, существовавшие многие сотни лет назад, непродуктивно.

Что касается набегов сербов на прочие народы, то надо вспомнить, что первыми вторглись на сербские территории 10 июня 1848 г. венгры. Война, развязанная ими, была чрезвычайно жестокой, о чем сохранились многочисленные исторические свидетельства. И не стоит представлять сербскую Воеводину в виде некоего разбойничьего гнезда, которое должно было быть ликвидировано в силу своей агрессивности. Эксцессы случались с обеих сторон.

Непонятно, почему к началу лета 1848 г. национальные движения славян и румын в Австрии «в основном утратили черты, присущие движениям за осуществление буржуазных преобразований». Рецензент объясняет это тем, что «на первый план вышли чисто национальные, мнимые либо ложно понятые «национальные интересы» (с. 155). Во-первых, вопросы о гражданских свободах не были сняты ни сербами, ни хорватами, на что

указывают решения сербской Майской скупщины и хорватского сабора в июне. Во-вторых, что значит «мнимые либо ложно понятые «национальные интересы?» Почему сербы, хорваты, румыны ложно понимали свои национальные интересы, а венгры — правильно? В современной историографии утвердилось мнение, что одной из главных причин поражения венгерской революции являлась неправильная политика венгерских властей по отношению к подчиненным народам. Зачем же возвращаться к прежним оценкам? Исламов отмечает, что «ни австро-немецкая буржуазия, ни венгерский господствующий класс не были готовы пойти достаточно далеко навстречу специфическим, справедливым и нисколько не подвергавшим угрозе их гегемонию или целостность государства требованиям национальностей. Точно также последние, отвернувшись от обеих революций, и вручив свои судьбы лояльным трону и габсбургской династии, национальным вождям, в большинстве своем стали орудием подавления революции в Венгрии и Австрии» (там же). Таким образом здесь рецензент называет одну очень важную причину перехода югославянских народов в лагерь монархистов — это венгерский и австрийский национализм, апологеты которого не захотели пойти на уступки другим национальностям империи во имя «правильно понятых своих национальных интересов». Поэтому, очевидно, надо говорить не только о «негативном» сербском и хорватском национализме, но и о наличии такого у венгров. Это позволит дать более объективную картину всех событий периода 1848—1849 гг. в Габсбургской империи.

У каждого исследователя, долгое время изучающего историю той или иной страны, имеются свои симпатии и антипатии, свои стереотипы, и они в той или иной мере оказывают влияние и на его изложение рассматриваемого материала. Достичь полной объективности трудно и потому, что в центре внимания исследователя один объект (в данном случае история югославянских народов), а прочие объекты (соседние государства и народы) по чисто методологическим причинам исследуются не так полно. Поэтому важным является то, что по мнению рецензента авторам удалось во многом приблизиться к объективному изложению этих сложных сюжетов балканской истории. Рецензенту также присущи свои симпатии и пристрастия. Его критика безусловно ценна в этом плане (хотя и в свою очередь не всегда объективна), так как помогает и авторам рецензируемой книги взглянуть на свой предмет с другой стороны.

Еще один важный аспект, поднятый Исламовым — это недостаточная еще изученность в нашей историографии экономического, политического и культурного влияния Габсбургской империи на Сербское княжество (турецких сербов). Влияние это было очень значительным и многогранным, и опосредованным (через сербов империи, особенно важным оно было в конце XVIII — начале XIX вв.), и непосредственным. В югославской и сербской историографии есть немало работ, рассматривающих данную проблему. Рецензент справедливо ставит вопрос о значительных экономических связях империи с Сербией. Однако здесь хотелось бы отметить, что еще основоположник сербской национальной программы И. Гарашанин понимал, что Австрия всегда будет непримиримым противником сербских национальных устремлений в плане освобождения и объединения всех сербов. Что касается России, то в конце XIX — начале XX в. российско-сербские экономические связи были очень слабыми, и трудно было их укреплять и расширять, ибо Россия в этот исторический период все еще оставалась преимущественно аграрной страной, да и конкуренция других европейских стран (прежде всего той же Австро-Венгрии) на сербском рынке была значительной. Но Австро-Венгрия всегда выступала против усиления и расширения Сербского княжества, против сербской национальной идеи. И именно на этой почве Сербия и сблизилась с Россией.

Еще одна очень интересная проблема, поднятая рецензентом, — проблема взаимоотношений России и Сербии в XIX — начале XX вв. Исламов задает вопрос: до какого предела должна простирается поддержка Россией сербских интересов? Этот вопрос не совсем корректен. Точнее будет сказать, что и российская дипломатия, и сербские политические деятели стремились использовать друг друга для достижения собственных интересов. В том же цитируемом Исламовым «Начертании» 1844 г. Гарашанин ставит задачу поиска союзников в осуществлении сербской «сокровенной идеи» среди великих держав. Сербский государственный деятель прекрасно понимал, что без сильных союзников Османскую империю не победить. Он стремился найти таких союзников, чтобы обеспечить себе поле для политического маневрирования. Но в итоге на протяжении XIX века только Россия последовательно поддерживала Сербию. При этом имеется в виду основной вектор балканской политики России. Естественно, что были времена более тесного сотрудничества с Сербией, были периоды совпадения интересов Сербии и Рос-

сии, были периоды охлаждения отношений, но никогда внешняя политика России не делалась под диктовку сербской политики и сербских внешнеполитических задач, а иногда и противоречила им.

В Сан-Стефано, например, Россия отстаивала по преимуществу болгарские интересы, вернее, не столько болгарские, сколько свои собственные, как Империи. При этом Н. П. Игнатъев, рисуя карту Сан-Стефанской Болгарии, полностью игнорировал интересы недавнего союзника России по борьбе с Турцией — Сербии. Известно, что он предполагал передать болгарам даже сербский город Ниш, освобожденный сербскими войсками. Реакция князя М. Обреновича была вполне адекватной — он был готов защищать его, не останавливаясь ни перед чем. В конце концов Ниш был «спасен» для сербов на Берлинском конгрессе (не без помощи Вены). Мало того, В. А. Черкасский, к примеру, полагал необходимым включить в состав Болгарии даже Приштину (Старая Сербия, современные Косово и Метохия), где болгар не было. Такой ярко проявленный Петербургом крен в сторону Софии надолго оттолкнул от него Белград. С другой стороны, политика России привела в середине 80-х годов и к разрыву ее отношений с Болгарией. Таким образом, Россия почти одновременно потеряла всех своих союзников на Балканах, и, кроме того, вольно или невольно вбила клин в отношения сербов и болгар, своими руками создав для последних национальный идеал — мираж «Великой Болгарии». Максимализм в политике (без учета интересов других) никогда не приводит к добру. Говоря о роковом Сараевском убийстве летом 1914 г., надо иметь в виду, что не Сербия и защита Россией сербских интересов втянули Россию в первую мировую войну. Годом раньше, во время второй Балканской войны 1913 г., Австро-Венгрия тоже была готова расправиться с Сербией, но тогда Германия дала отбой. Этого не случилось в 1914 году.

Несколько слов о взаимоотношениях Сербии с Габсбургской монархией. Поворот Сербии к Австро-Венгрии после 1880 г. носил сначала все-таки более геополитический характер, хотя затем он приобрел значение и социокультурного крена. Оппозиция ему внутри страны привела к резкому усилению политической борьбы вплоть до вооруженного противостояния народа и правящей элиты.

Некоторые замечания Исламова вызваны не совсем точным пониманием того, что хотел сказать Шемакин, который, говоря о «вытеснении» Дунайской монархии из Центральной Европы, имел в виду измене-

ние качества политики Вены. До войны 1866 г. она играла активную роль в собственно европейских делах, в частности, конкурируя с Пруссией за гегемонию в «германском вопросе». После военного поражения и создания Германской империи значение Австро-Венгрии как самостоятельного фактора глобальной европейской политики уменьшается. Таковым (чем дальше, тем больше) становится Берлин. Для нее же, как великой державы, основным «полем деятельности» объективно становятся Балканы. Именно здесь, пользуясь поддержкой Германии, она проводит собственную стратегию. Пограничные регионы слабеющей Турции и новые балканские государства превращаются в объект этой стратегии (Босния-Герцеговина, Новипазарский санджак, Сербия и далее на юг). Формы ее были различные — геополитические (раздел региона на сферы влияния); политические (оккупация, введение гарнизонов); дипломатические (поддержка лояльных государств, при низведении их до уровня полупротектората); экономические (хозяйственное проникновение и железнодорожное строительство); культурные (создание полигонов для «европеизации» балканских народов). Иными словами, бывшие тылы и «линии обороны» становятся главным фронтом.

Что касается «де-факто потерянной» сербам Боснии и Герцеговины, речь идет, конечно, не о потере политической. Имеется в виду, что объединение этих турецких провинций с Сербией на протяжении большей части XIX в. являлось ядром сербской национальной программы. После 1878 г., когда в провинции вошли австро-венгерские войска, надежды Белграда на ее быструю реализацию угасли. И в результате Сербия корректирует свою программу, переводя ее вектор на юг, в сторону Старой Сербии и Македонии.

Исламов поднимает и такой важный вопрос, как вопрос о «правильно понятых национальных интересах» и ставит эту проблему в контекст изучения причин распада двух Югославянских государств в XX веке (хотя эта задача не входила в круг проблем, рассматриваемых в монографии). Рецензент справедливо отмечает, что «энтузиазм» у народов Югославии в 1918 г. был разным. Для хорватов и словенцев это был политический компромисс, позволивший им выйти из лагеря побежденных в войне и избавиться от реальной угрозы оккупации Италией большей части их территорий. В этом плане для национальных интересов хорватов и словенцев образование Королевства сербов, хорватов и словенцев было безусловно мень-

шим злом, чем вхождение в состав Италии. Так что для того исторического момента можно говорить о компромиссе. Другое дело, что сербская буржуазия навязала унитарную, а не федеративную (как это предлагали хорваты и словенцы) концепцию нового государства во главе с сербской династией Карагеоргиевичей. Позже эти обстоятельства привели к новому обострению национальных проблем уже в Королевской Югославии. Осуществлению национальных программ в виде создания в годы первой мировой войны национальных независимых государств у хорватов, словенцев, мусульман — после ее окончания помешали Италия и Антанта.

Национальный вопрос не может быть решен раз и навсегда (кроме варианта полного уничтожения или изгнания определенной нации или народа). Межнациональные противоречия разной интенсивности сохраняются и имеют место в разных исторических обстоятельствах и они будут существовать, пока существуют сами нации. На определенном историческом этапе и Королевская Югославия была одним из решений этой проблемы в югославянском регионе — ведь хорваты, словенцы и мусульмане не только пострадали от этого (в плане отсутствия федеративного устройства), но и избежали итальянской оккупации и всех прочих тягот, неизбежных для проигравшей стороны, которые бы имели для них худшие последствия, чем вхождение в Югославию.

Социалистическая Югославия тоже была решением национального вопроса на другом историческом этапе — после тяжелой, кровопролитной второй мировой войны, которая обострила на Балканах и без того

сложные межнациональные проблемы. КПЮ удалось создать достаточно стабильный государственный организм и преодолеть в определенной степени последствия межнациональных конфликтов и насилия в среде югославянских народов и их соседей в ходе второй мировой войны.

Однако в конце XX в. распалась и социалистическая Югославия, построенная на федеративных принципах, в результате системного кризиса и распада мировой социалистической системы. На месте СФРЮ возник ряд новых независимых государств. Какие новые проблемы возникнут на поле межнациональных отношений в этом регионе в наступившем веке — окончательное «разъединение по национальным квартирам» или интеграция в той или иной форме — пока что это открытый вопрос...

*Карасев А. В.,
кандидат исторических наук,
Чуркина И. В. и Шемакин А. Л.,
доктора исторических наук
(все — Институт
славяноведения РАН)*

Примечания

1. На путях к Югославии: за и против. М. 1997, с. 14, 15.
2. Лециловская И. И. Сербская культура XVIII в. М. 1994, с. 169.
3. Гра а за историју српског покрета у Војводини 1848—1849. март — јун. 1848. Београд. 1952, с. 45—47; Тот Э. Кошут и национальный вопрос. Будапешт. 1954, с. 7, 8; На путях к Югославии..., с. 39.

Изображение казни декабристов в «Воспоминаниях петербургского старожила»

«Воспоминания петербургского старожила» впервые появились в 1886 г. в пятом номере «Вестника народной воли», издаваемого в Женеве. «Воспоминания» состояли из двух частей: рассказа очевидца о петербургских событиях 14 декабря 1825 г., и их ближайших последствиях и описания казни декабристов. Данная работа посвящена второй части — рассказу о самой казни (в исторической литературе: «Рассказ помощника квартального надзирателя о казни декабристов», или просто: «Рассказ помощника квартального надзирателя»).

В «Рассказе помощника квартального надзирателя» от лица очевидца, полицейского унтер-офицера Шипова, подробно изображались все этапы казни пятерых членов тайного общества декабристов начиная от казематов, где они содержались после оглашения приговора (сентенции), и кончая гибелью на виселице и описанием места их захоронения.

«Рассказ» впоследствии неоднократно перепечатывался¹ и скоро стал широко известен среди дореволюционных, а затем и советских историков. Однако некоторые иссле-

дователи (например, П. Н. Столпянский, Н. Я. Эйдельман) высказывали сомнения в том, что «Рассказ помощника квартального надзирателя» принадлежит конкретному историческому лицу, и полагали, что он может являться версией, сочиненной позднее.

В связи с этим автор настоящей работы счел необходимым внимательнее изучить историю появления «Рассказа» в привязке ко времени напечатания других сообщений о казни декабристов и произвести тщательный текстологический анализ и текстологические сличения. В процессе этого был обнаружен ряд характерных моментов.

История «Рассказа помощника квартального надзирателя» прослеживается нечетко, что вполне допускает возможность вольного сочинительства. Фамилия рассказчика — вымышленная. В «Рассказе» сообщается ряд сведений, которые обнаруживают полную несостоятельность рассказчика как очевидца. Рассказчик утверждает, что в ночь с 12 на 13 июля 1826 г. пятеро смертников содержались в Алексеевском равелине, в то время, как достоверно известно, что они находились в Кронверкской куртине.

Опираясь на какие-то свои сведения, автор «Рассказа» утверждает, что пятерых перед казнью не заковывали в кандалы — вместо этого они были крепко связаны (даже спеленаты) кожаными ремнями. Сведения эти абсолютно расходятся с данными всех известных источников. Этот момент особенно принципиален, ибо «Рассказ» ведется от имени непосредственного участника событий. Аберрация памяти тут невозможна. Остаются два варианта: либо переписчики искажали до неузнаваемости первоначальный текст, что маловероятно, так как данное утверждение проходит через весь «Рассказ», либо рассказчик не был очевидцем.

В «Рассказе» незадолго до казни пятерых декабристов вместе с другими осужденными строят в шеренгу для повторного зачитания сентенции. На самом деле этого не было. Рассказчик говорит о «чудной» погоде в часы казни, тогда как декабристы и современники, присутствовавшие на казни, в своих мемуарах описывают утро серым и облачным, с морозящим дождем ².

В изображении казни помощником квартального надзирателя Шиповым нет ни одной детали (из числа достоверных и признанных историками), которая до появления данного рассказа не встречалась бы в воспоминаниях других лиц ³; нет и таких деталей, которые были бы сообщены в рассказе впервые и потом, в последующие годы, в новых обнародованных свидетельствах о казни, подтвердились бы.

В «Рассказе помощника квартального надзирателя» почти полностью, местами со схожей фразеологией, воспроизведены те детали казни, которые содержались в публикации неизвестного корреспондента в VI книге «Полярной звезды на 1861 год».

Современное декабристоведение не располагает другой такой парой источников, содержащих столько идентичных и одинаково описанных фактов по казни 13 июля 1826 года. 14 специфических подробностей автор «Рассказа» заимствует в трактовке неизвестного корреспондента «Полярной звезды», с тремя утверждениями последнего он не соглашается и явно полемизирует (учитываются лишь те подробности, которые могли быть заимствованы автором «Рассказа помощника квартального надзирателя» только из сообщения неизвестного корреспондента, а также те, в описании которых имеет место очевидная схожесть фразеологии).

Первое заимствование. В рассказе неизвестного корреспондента «Полярной звезды»: «В 12 часов ночи генерал-губернатор, шеф жандармов со своими штабами и прочие власти, прибыли в Петропавловскую крепость» ⁴.

В «Рассказе помощника квартального надзирателя»: «В полночь это, начали съезжаться в крепость начальствующие лица: Павел Васильевич Кутузов, — тогда он был генерал-губернатор, — жандармский шеф, полицмейстеры, много приехало» ⁵. Налицо полная смысловая идентичность отрывков. Второй отрывок отличается от первого лишь краткой справкой о генерал-губернаторе. О съезде в крепость начальствующих лиц, в полночь с 12 на 13 июля 1826 г., сообщается только в этих двух источниках; других прямых упоминаний нет.

Второе заимствование: сообщение о том, что строительством виселицы руководил полицмейстер Посников; характеристика Посникова ⁶. В других источниках эти сведения не встречаются.

Третье заимствование: сообщение о том, что вместе с Посниковым строительством виселицы занимался архитектор с немецкой фамилией (Герней).

Четвертое заимствование: сведения о том, что виселицу сначала построили в городской тюрьме, потом разобрали и ночью, тайком, перевезли в крепость.

Пятое заимствование: из крепости на кронверк, к виселице, конвой сопровождает полицмейстер Чихачев ⁷. В других источниках упоминаний о Чихачеве, сопровождающем конвой при пяти обреченных, нет.

Шестое заимствование: в ожидании, когда все будет готово к казни, пятерых смертников

сажают на траву недалеко от виселицы⁸. Иных печатных упоминаний о том, что пятеро сидели некоторое время на траве в ожидании своей участи, в 1886 г. (когда впервые появился «Рассказ помощника квартального надзирателя») известно не было⁹.

Седьмое заимствование касается обряда гражданской казни, который происходил незадолго до казни пятерых, в сотне-другой метров от виселицы, на эспланаде крепости.

В рассказе неизвестного корреспондента: «В окончание всего опять поодиночке преступники были отведены в казематы в крепость, откуда они были посылаемы из Петербурга по ночам в продолжение месяца или около того, по два и по три за один раз, так, чтобы они в дороге не виделись».

В «Рассказе помощника квартального надзирателя»: «Того, над кем уже исполнен был приговор, сейчас же вводили в крепость и сажали в каземат; оттуда уже отправляли в ссылку. В ссылку, братец ты мой, возили их тоже по ночам, этак знаешь, перед утром, когда на улице нет народа».

Отрывки сходны и информацией, и фразеологией. Особо следует отметить следующий специфический момент. Вслед за неизвестным корреспондентом «Полярной звезды» автор «Рассказа помощника квартального надзирателя» повторяет ошибку — ошельмованных (то есть тех, над кем совершили обряд гражданской казни) вводили с эспланады не поодиночке, как утверждают авторы, а по отделениям, которые были скомплектованы в зависимости от служебной принадлежности (отдельно, побригадно, гвардейские офицеры, отдельно армейские офицеры, отставные и статские).

Восьмое заимствование. В рассказе неизвестного корреспондента: «они стали все на колени, глядя на небо крестились». В «Рассказе помощника квартального надзирателя»: «они на коленях молча помолились Богу, смотря на небо». Совершенно очевидное смысловое и фразеологическое совпадение.

Девятое заимствование — порядок, в котором пятеро стали под перекладной: Пестель, Рылеев, Муравьев, Бестужев-Рюмин, Каховский.

Десятое заимствование — о поведении Каховского в последние минуты перед казнью. В рассказе неизвестного корреспондента: «который (имеется в виду Каховский — Е. П.) упал на грудь священника, плакал и унижал его так сильно, что с трудом его отняли». В «Рассказе помощника квартального надзирателя»: «Каховский, правда, немножко того, сробел. Вцепился этак в багетку, что его едва оторвали»¹⁰.

Одиннадцатое заимствование — это уточ-

нение о том, что «веревки были одинаковые и крепкие, их перед этим пробовали». Данная короткая информация является компиляцией начального абзаца рассказа неизвестного корреспондента.

Двенадцатое заимствование касается момента, когда трое из пяти сорвались при первом повешении и исполнители готовили повторную казнь. В рассказе неизвестного корреспондента: «Когда доска была опять поднята, то веревка Пестеля так была длинна, что он носками доставал до помосту, что должно было продлить его мучение и заметно было некоторое время, что он еще жив». В «Рассказе помощника квартального надзирателя»: «Подняли опять помост и вновь накинули петли. В это время, когда помост был поднят, Пестель и Каховский опять достали до него ногами. Пестель был еще в это время жив и, кажется, начал немного отдыхать».

Тринадцатое и четырнадцатое заимствования. В рассказе неизвестного корреспондента: «В таком положении (то есть в петле — Е. П.) они оставались полчас, доктор бывший тут объявил, что преступники умерли. Тогда веревки обрезали и отнесли их тут же на одну телегу и полицмейстер Дершау отвез их в сарай Кронверка». В «Рассказе помощника квартального надзирателя»: «Прошло этак с полчас; доктор говорит, что они давно померли. Велели их снимать. Сняли, братец мой, у всех вылезли предлинные языки и лица были синия такая, почти черныя. Их сложили на телегу и сдали полицмейстеру, полковнику Дершау, он был назначен хоронить их. На день тела поставили в сарай на Кронверке же»¹¹.

Если убрать «живописные» подробности, которыми изобилует «Рассказ помощника квартального надзирателя», то отрывки окажутся очень схожими фразеологически и совершенно идентичными информационно. Полная смысловая идентичность отрывков выражается в следующих совпадениях: декабристы оставались на виселице полчаса; упоминание о присутствии доктора, именно тут и именно в данной связи; тела сложили на телегу; отвезли в сарай на Кронверке, пятое совпадение в двух этих отрывках — это то, что заведовал всем этим полицмейстер по фамилии Дершау; последнее нигде в других источниках не упоминается.

Всякий раз, когда в ходе текстологического анализа обнаруживается подобная идентичность, возникает мысль: а не имеют ли оба этих рассказа источником одно и то же лицо? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Отождествление рассказчиков невозможно по причине наличия в данных

описаниях казни нескольких расхождений принципиального характера (о кандалах, об именах сорвавшихся и др.).

В трех местах герой «Рассказа помощника квартального надзирателя» не соглашается с публикацией «Полярной звезды» и явно полемизирует.

О первой полемике уже говорилось — она о том, были ли пятеро смертников закованы в железа или были связаны ремнями.

Вторая полемика происходит вокруг того, потерялось ли бревно-перекладина или просто вышла какая-то строительная неполадка, ставшая причиной промедления в постройке виселицы.

Третья — по поводу имен сорвавшихся; герой «Рассказа помощника квартального надзирателя» категорически не соглашается с именами сорвавшихся, указанными в рассказе неизвестного корреспондента «Полярной звезды», и называет свои¹².

Замечены также отдельные фразеологические и фактографические сходства «Рассказа помощника квартального надзирателя» с другими описаниями казни декабристов (например, с списанием казни в воспоминаниях Е. П. Оболенского, с рассказом о казни Н. Шницлера и др.).

Вышеозначенное позволяет заключить, что так называемые «Воспоминания петербургского старожилы» в части, касающейся казни декабристов (то есть «Рассказ помощника квартального надзирателя о казни декабристов»), есть ничто иное, как версия, сочиненная главным образом на основании ранее опубликованных материалов, и потому «Рассказ» ни в коей мере не может быть использован исследователями темы в качестве самостоятельного источника. Справедливости ради следует оговориться, что «Рассказ» имеет все же некоторую историческую ценность, так как человек, сочинивший его, являлся поздним современником декабристов; он имел возможность общаться с людьми, которые не понаслышке знали о событиях 1825—1826 гг.; он мог встречаться с «последними» декабристами (в 1880-х годах еще живы были А. Л. Беляев, Д. И. Завалишин, М. И. Муравьев-Апостол, А. Е. Розен, П. Н. Свистунов, В. С. Толстой, др.); ему могли быть известны многочисленные слухи и мнения о крупнейшем процессе первой половины XIX в. (Процесс декабристов); и т. п. — в этом плане «Рассказ помощника квартального надзирателя» может быть ин-

тереснее как ранний опыт обобщения разнообразных сведений казни декабристов.

*Е. Д. Потапов,
кандидат юридических наук,
г. Харьков, Украина*

Примечания

1. Выходил отдельным изданием в 1903 г. в Берлине; печатался в журналах: «Исторический вестник», (1904, № 1); «Всемирный вестник», (1907, № 1) и др.
2. «Исторический вестник» (ИВ), 1904, № 1, с. 81, 82-83.
3. К 1886 г., то есть ко времени первого напечатания «Рассказа помощника квартального надзирателя», в русских исторических и заграничных изданиях были опубликованы многие декабристские записки и воспоминания, в которых с той или иной степенью подробности изображались события 12 и 13 июля 1826 г., а также воспоминания современников, затрагивающие те же события. Назовем здесь наиболее известные из них. В кн. VI «Полярной звезды на 1861 год» были опубликованы рассказ неизвестного корреспондента «Казнь 14 июля 1825 года (со слов присутствовавшего по службе при казни) и «Воспоминания о Кронверкской куртине» декабриста Н. Р. Цебрикова. В 1861 г. в IV томе «Русского заграничного сборника» (Лондон) были опубликованы записки Е. П. Оболенского. В 1863 г. в выпусках 2 и 3 герценовского сборника «Записки декабристов» были опубликованы записки С. П. Трубецкого; в 1874 и 1875 г. они вышли в Лейпциге отдельными изданиями. В 1870 г. в Лейпциге отдельным изданием вышли «Записки декабриста» А. Е. Розена. В 1881 г. № 4 «Русской старины» были опубликованы рассказы очевидцев казни В. Беркофа, И. Шницлера, Н. Путяты.
4. «Полярная звезда на 1861 год» (ПЗ), с. 73.
5. ИВ, с. 80.
6. ПЗ, с. 72, 75; ИВ, с. 80.
7. ПЗ, с. 72, 73; ИВ, с. 80—83.
8. ПЗ, с. 73; ИВ, с. 83, 84.
9. Следующее упоминание об этом моменте будет обнаружено только в 20-х годах нашего века, в бумагах М. Я. Чаадаева, в описании казни декабристов, которое известно ныне под названием «Рассказ самовидца».
10. ПЗ, с. 73, 74; ИВ, с. 84.
11. ИВ, с. 85, 86; ПЗ, с. 72, 75.
12. ИВ, с. 82, 85; ПЗ, с. 72, 74.